
Н. Л. ЯНЧЕВСКИЙ.

ГРАЖДАНСКАЯ БОРЬБА НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

I

СЕВКАВКНИГА

РОСТОВ НА ДОНУ 1927

СЕВЕРО-КАВКАЗСКАЯ КРАЕВАЯ ЮБИЛЕЙНАЯ КОМИССИЯ
ПО ПРОВЕДЕНИЮ ПРАЗДНОВАНИЯ 10-й ГОДОВЩИНЫ
ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ И С.-К. КРАЙИСПАРТ.

Н. А. ЯНЧЕВСКИЙ

ГРАЖДАНСКАЯ БОРЬБА НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

ТОМ I

„СЕВКАВКНИГА“

РОСТОВ н-Д. 1927

Изд. № 480.

КОЛОНИЗАЦИЯ СЕВЕРО-КАВКАЗСКОГО КРАЯ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА.

Северо-Кавказский Край сложился в результате колониальной политики царизма. Если вначале, как указывает Покровский „Кавказская война в тесном смысле—непосредственно вытекала из персидских походов: ее значение было чисто стратегическое, менее всего колониационное“ („Дипломатия и войны царской России“, стр. 179), то впоследствии в течение XIX века, в особенности с падением крепостного права, волна русских переселенцев захлестнула Северный Кавказ, и граница сплошных русских поселений продвинулась к Кавказскому хребту.

В состав Северо-Кавказского Края вошли с некоторыми, порой весьма существенными изменениями границ, бывшая область Войска Донского, Кубанская и Терские области, а также губернии: Ставропольская и Черноморская. Территория и население этих областей и губерний в границах 1914 г. выражаются в следующих цифрах:

Губернии и области	Территория в тыс. верст	Население в тыс. чел.
Область Войска Донского	144,6	3876,0
Кубанская область	83,8	2984,5
Терская область	64,6	1261,2
Ставропольская губ.	47,7	1329,0
Черноморская „	5,9	152,7
	345,6	9603,4

Значительную часть населения Северного Кавказа составляло казачество.

Прежде чем превратиться в орудие колониальной политики царизма, казачество пережило свою казачью историю, не лишённую ярких страниц борьбы с самодержавием.

Заселение великоруссами юга нынешней Орловской губернии началось во второй половине XVI-го века, когда возникла часть городов Орловской губернии, тогда как южнее Орловской губернии города стали отстраиваться позднее. К этому времени относится и основание Воронежа. Смутное время останавливает дальнейшую колониза-

цию южной окраины, но в 1636-1656 г.г. при построении оборонительных линий, на ряду с Самарской и Закамской, проводится третья линия—Белгородская: Ахтырка, Белгород, Короча, Острогжск, Коротоян, Воронеж, Усмань, Козлов.

Однако, „вольная“ казачья колонизация отодвигала эти границы далее к югу.

Впервые казачество упоминается в половине XIV века в грамотах митрополита Филарета и Алексея на Червленный Яр (степь между Доном, Воронежем, Хопром и Великою Вороною). Стоянки казаков на границах Рязанского княжества превратились впоследствии в городки. На Украине казаки существовали уже в 1471 г.

Самое раннее упоминание о донских казаках дошло до нас от 1502 г. в наказе Иоанна III великой княгине рязанской Агриппине.

В древних документах донские казаки часто упоминаются в дальнейшем в жалобах татарских ханов и турок на грабежи.

Но Иван Грозный, скрывая свои подлинные отношения с донскими казаками, писал: „Те разбойники живут на Дону без нашего ведома, а от нас бегают“. Между тем эти „разбойники“, хотя и не особенно верно, все же служили московскому государству: они участвовали в покорении Астраханского царства и в борьбе с крымскими татарами.

Начало официальных дипломатических сношений Москвы с донскими казаками относятся к 1570 г.; с этого времени и считается история донского казачества. К концу XVI века казаки расселились на Дону, при чем к этому времени границей нижнего поселения являлся городок Раздоры (при слиянии Донца и Дона). Позднее в 1652 г. по Дону и Донцу потянулись украинцы, осевшие ниже великороссов, в так называемых Черкасских юртах (Старо-Черкасская станица).

С XVI по XVIII век донское войско расширяет пределы своих поселений путем вольной колонизации.

На Дон бежала „вольница“ от барского кнута и царских батогов, очень беспокоя правительство.

О причинах этого бегства на Дон говорит сказание об Азовском сидении: „...отбегохом мы от того государства Московского и из иных его государевых разных городов от неволи и налога, от работы и из холопства вечного и от неволи великия, от его государевых князей и бояр, и дворян, и детей боярских московских и всяких городов приказных людей...“ (Краткое историч. и стат. описание Войска Донского Изд. Дон. Стат. К-та Новочеркасск. 1887 г. стр. 16. Цит. по сб. „Столетие Военного Министерства. Главное Управление Каз. Войск. 1902 г., стр. 8).

Здесь не было воевод и приказных, а донцы придерживались того правила, что „с Дона выдачи нет“. На верховьях Хопра, Медведицы в пустынных местах, раскольники строили свои городки, не подчиняясь порой и войсковому начальству.

Религиозные гонения усилили поток колонистов с Дона на юг. Известно, что в 1687 г. партия раскольников, во главе с атаманом Косюком, ушла с Медведицы и Бузлука на Куму и Сулак, построила городок на Прорве и занялась грабежами в Прикаспийском Крае. После неудачного Булавинского восстания в 1708 году с Дона на Кубань бежала, во главе с Игнатом Некрасовым, партия раскольников, отдавшись под покровительство крымского хана Каплан Гирея, и основала городки: Блудиновский, Голубинский и Чирянский. В 1778 г. некрасовцы (или „игнат-казаки“), вместе с крымским ханом, вели войну против русских, но, не желая подчиниться русскому правитель-

ству, ушли в Турцию и впоследствии служили турецкому султану, добровольно выставляя до 3000 казаков.

По словам официального историка Терского казачества Попко, первыми поселенцами на Тереке явились рязанские казаки, населявшие придонскую волость Червленный Яр. Во второй четверти XVI века они бежали от притеснений на Дон, отсюда на Волгу, и затем спустились до устья Терека.

Первоначально казаки пользовались поддержкой князей Малой Кабарды, земли которых они прикрывали.

В целях защиты от внешнего и „внутреннего“ врага—Крымской орды и кумыков, а также своих крестьян, кабардинские князья прибегали к защите московских царей. Первое посольство кабардинцев в Москву было отправлено в 1552 г. Торговому капиталу улыбались перспективы продвижения на восток, при слиянии Терека с Сунжей был построен городок „Терка“, перенесенный впоследствии к устью Терека. (В 30 годах XVIII века эта крепость была перенесена на новое место, получив название Кизляра).

По данным Главного Управления казачьих войск, город Терки был основан в 1577 г., с какого времени и считается начало Терского войска (Терский и Кизляр-Гребенской полки).

Терек служил важным пунктом для сношений с „азиатками“. В 1604 г. посылал на Терек свои войска Борис Годунов, в 1722-23 г.г. Петр I.

Даже в ту далекую эпоху казачество не представляло из себя однородного целого. Между романтическим представлением о казачестве, как о вольнице и действительным положением вещей, существует громадная разница. В правительственных актах 1541 года казаки именуется мещанами, и уже тогда в исторических документах встречаются термины: „казак-дворянин“, „шляхетный“.

От казачьей „вольницы“ существовал незаметный переход до окраинного землевладельца и вместе с тем служилого человека.

В этот период донское казачество пользовалось полунезависимостью. Во главе войска стоял Войсковой Круг, собиравшийся в Черкасах 1 января и 1 мая и войсковое гражданское правительство, состоявшее из войскового атамана, как председателя, двух постоянных судей и четырех погодных.

В XVIII веке границы русской колонизации достигли рек Кубани и Терека, но за эти реки русское население не продвигалось. XVIII век заканчивает, с одной стороны, первый период колонизации Северного Кавказа, с другой—кончат с полунезависимостью казачества.

Эту борьбу с казачеством начал Петр I и закончила Екатерина II.

В 1682 году донским казакам было запрещено принимать беглых, в 1683 году на границе Воронежской губернии была устроена застава и по приказу царя, воеводы ловили беглецов, „особенно боярских холопей“. Пойманных вешали и били кнутом, а подговорщиков ссылали навеки в каторжные работы. (Известия общества любителей изучения Кубанской области, вып. 2-й 1900 г., стр. 4.)

В 1703 году Петр I наложил на донских казаков свою тяжелую руку, послав на Дон людей привести в известность городки и запретив казакам занимать пустопорожные земли.

При покушении на казачьи земли царская власть встретила упорное сопротивление казачества. В актах, собранных Лишиным, мы находим историю борьбы казачества с братией Успенско-Донецкого

монастыря, переведенного дедом Петра II из Азова и получившего во владение Донецкий юрт, которым владели казаки станицы Казанской. Казаки неоднократно „порубали“ межи, били плетью монахов, и когда в 1728 году для размежевания был призван из Воронежа капитан Бирев с командой, то казаки, во главе со старшиной и атаманом, „собрався многолюдством, с ружьем и копыя и с дубьем и приехав к нему на ту межу, по той меже межевать не дали и учинились не послушны, и его и солдат остановили и объявили, что они ему того юрта к показанному монастырю отмежевать не дадут, и что по том указ учинить“. (Акты относ. к истории Войска Донского, собранные генерал-майором А. А. Лишиным. Новочеркасск. 1894 г., стр. 22—24.)

Чинилось также стеснение беспощлинной торговли казачества. С постройкой крепости св. Анны (нынешний Ростов) и появлением таможенных откупщиков и застав, казачеству были закрыты пути торговли с Турцией. Стеснена была и рыбная ловля на Дону, в мертвом Донце, в гирлах и Азовском море, о чем свидетельствуют указы Анны от 1732 года. (Акты Лишина, том I, часть II, стр. 175 и 189). Стеснена была также и добыча и продажа соли из Эльтонского озера, откуда раньше соль бралась казаками. Свободная продажа соли в „донских жилищах“ была передана воронежскому купцу Федору Постовалову. Наконец, и лес был отобран в казну.

Этот период ознаменовался различными по своему характеру и размаху казачьими восстаниями.

XVII век отмечен бунтом Стеньки Разина, направленным против торгового капитала.

Постройка турками Азова перекинула казацкие походы с Дона на Волгу и Каспийское море, где казачество встретилось с торговым капиталом. Сущность разиновщины, по словам историка М. Покровского, заключается в том, что тут „столкнулись между собою два этапа коммерческого развития“, „разбойничья торговля“ первобытного типа с колониальным предприятием XVII века. Разин не поднял крестьянства, хозяйство которого в ту эпоху переживало полосу улучшения, а пополнял отряды „в первую голову из населения непосредственно эксплуатировавшегося торговым капиталом (бурлаки, грузчики, нижние слои посадского населения и т. п.)“. (Покровский, Русская ист. с древ. врем. т., III, стр. 132—3).

К тому времени на Дону скопилась „голытьба“, которая или бедствовала или была в кабале у „домовитого“ казачества. Эти предшественники „иногородного“ населения подвергались преследованиям со стороны „домовитого“ казачества, их „воровской“ Иловленский городок был даже сожжен казачеством. В 1667 году во главе беспокойной „голытьбы“ становится войсковой старшина Степан Разин. Он ушел на Волгу, достигал Яика, грабил купцов на Каспии. В 1670 году он снова появился в Черкасске. Казачество раскололось. „Домовитое“ казачество было настроено против Разина. 14 апреля 1671 г. Степан Разин вместе с братом Фролкой был пленен в Кагальницком городке и отправлен в Москву, где после пыток, был казнен, а черкасские казаки присягнули на верность царю Алексею. Это движение ограничилось окраиной тогдашней Руси.

В начале XVIII века запрещение донским казакам занимать пустопорожные земли, захват 3000 беглых из России крепостных, поселившихся после 1695 года и, наконец, отнятие в казну соляных источников в юрте Бахмутского города, из-за которых донцы спорили с изюмцами, вызвало известное восстание сотника Кондрата Булавина (1707—1708 г.г.)

Начавшееся довольно успешно восстание (Булавин разбил высланные против него войска под предводительством кн. Долгорукова) было жестоко разгромлено. 7.000 казаков погибло в этой борьбе, а сам Булавин застрелился в Черкасске. Во время булавинского бунта, многие городки по Дону, Медведице, Хопру и Бузлуку были разрушены. После этого круг два раза избирал атамана, а с 1721 года атаманы стали назначаться. Самодержавие наложило на казачество свою тяжелую руку и выборного атамана сменил постоянный „наказный“ атаман. Управление казачеством было передано Военной Коллегии.

Уже к XVII веку стал складываться международный хлебный рынок, и Россия была вовлечена в международный обмен. Уже в это время возникали грандиозные проекты превращения России в житницу Европы. Именно интересами торгового капитала были вызваны походы Петра.

Казачество разлагалось. К середине XVIII-го века казачья Украина превратилась, по словам Покровского, „в такую же дворянскую страну, какой было Московское госуларство XVIII века“.

Но донское казачество избегало участи украинского.

В 1774 году по Кучук-Кайнарджийскому трактату кубанские татары и Крым были признаны независимыми, в 1778 году была построена укрепленная Кавказская линия Азов—Моздок, на которые были переселены остатки волгского казачьего войска, а в 1783 году Крым и северная часть Кубанской области были формально присоединены к России. Трактатом с Турцией от 28 декабря 1783 г. границей русских владений была признана Кубань. К 1792 году относится дальнейшее продвижение на Кавказ—от Преградного стана до Усть-Лабинской была построена линия укреплений, известная под названием „Старая линия“, заселенная, главным образом, донскими казаками. Эти принудительные переселения сопровождались открытыми возмущениями казаков, недовольных отрывом от насиженных мест и тяжелыми условиями новой жизни. Кстати сказать, правительство переселяло на пограничную линию наиболее беспокойные элементы. К 1794 году относится также заселение северо-западной части Кубани, занятой ранее некрасовцами, ушедшими в Турцию. Сюда были переселены казаки Запорожской сечи и Украины, получившие название Черномории. Ногайцы, кочевавшие здесь ранее, были разбиты Потемкиным и Суворовым, аулы их сожжены, а сами ногайцы переселены на Куму и берега Каспийского моря. Переселение „Черномории“ продолжалось с 1792 по 1794 год, когда был основан в урочище „Карасунский Кут“ — город Екатеринодар, ныне Краснодар.

Современные границы русских поселений на Северном Кавказе установились в итоге кавказской войны, продолжавшейся по 1859 год для Восточного Кавказа и по 1864 г.—для Западного, хотя военные действия продолжались и позднее.

Эта война носила характер обычных колониальных войн, т. е. истребления туземного населения, которое сгонялось с обработанных плодородных земель и загонялось в дикие горы, или наоборот—сгонялось с прежних мест в долины, а порой, как это сделали черкесы, часть кабардинцев и чеченцев, уходила в Турцию. Из 400.000 черкесов в Турцию ушло $\frac{3}{4}$ —300.000 человек, точно также в Турцию ушло 22.000 чеченцев. В XIX веке происходит дальнейшее продвижение русских на юг. Между Кубанью и Лабой заселяется с 1841 г., так называемая, „Новая Линия“ (за 20 лет основано 32 станицы). С 1861

по 1865 г. заселяется Закубанский Край, в то же время русские казацкие поселения на Тереке вклиниваются между горскими народами.

В качестве иллюстрации приведем выдержку из послужного списка ген. лейтенанта П. Д. Бабыча, который участвовал в 1830 году в сражениях: „20, 21 и 22 октября в Абинском ущельи... при неоднократном отражении неприятеля, упорствовавшего защищать свои жилища от истребления во время занятия войсками нашими аулов: Таж, Хаджи, Тимин и Кохабли... 25 в перестрелке в Хабльском ущельи и при разорении двух аулов Шеретлукче и Харим...“ („Куб. сб.“ 1914 г., стр. 668).

Таким образом, горцы истреблялись за то, что „упорствовали“ защищать свои жилища от истребления!

Терская область образована лишь в 60-х годах прошлого столетия, при чем до 70-х годов происходила почти исключительно военная колонизация. Так возникли Пятигорск, Кизляр и казацкие поселения по Сунже. До 90-х годов прошлого столетия русская переселенческая волна направлялась, главным образом, в города Грозный и Владикавказ. И на Тереке, соотношение между туземным и пришлым населением неизбежно росло в пользу последнего: в 1899 году пришлое население составляло 37⁰/₀, а в 1920 году—44⁰/₀ общего количества населения.

Отнимая у горцев лучшие земли, правительство насильственно водворяло сюда казаков, совершенно неприспособленных к новым условиям жизни, бросавших точно также насиженные места. Эти переселения в свою очередь сопровождались открытыми возмущениями. Один из знатоков Кавказа, Абрамов в журнале „Дело“ за 1889 год писал (цит. по брошюре „Земельный вопрос в ГССР“): „Непосредственным результатом завоевания Кавказа русскими явилось его запустение. Богатейший край запустел. Казачество оказалось совершенно непригодным для внесения культуры. Огромные пространства земли, занятые прежде горцами, не вызывают даже ни в ком желание приобретения, так как они кажутся совершенно непригодными для культуры. А, между тем, эти пространства были прежде заняты многочисленным населением и прекрасно культивированы“. В длительной войне, „священной“ со стороны горцев, выдвинувших своего героя—Шамиля и противопоставивших регулярному войску героизм отчаянья, и захватнической со стороны русских, в частности казачеству, вклинившегося своими станицами в искони горские земли,— первые были жертвой, а вторые—орудием царской политики. И до последнего времени, вплоть до революции, земельный и национальный вопросы между станицей и аулом решали на Северном Кавказе кинжал, винтовка и подкуп царским правительством правящих групп покоренных народов. Но об этом речь будет ниже.

Ликвидация крепостного права дала толчок к дальнейшему переселению. С 60-х годов на Дону, на ряду с ранее переселившимися крестьянами, причисленными к так называемому, „коренному“ населению, идет новая волна поселенцев—„иногородных“. С 1861 по 1880 г.г. рост населения в Донской области представляется в следующем виде: (см. таблицу на следующей стр.).

Как видно из этих цифр, темп роста иногородного населения оставил позади темп роста казацкого населения и крестьянства, за счет его увеличивалось население городов. Например, Ростов, который в 1860 году насчитывал 17574 человека жителей, в 1886 году насчитывал до 80000 человек.

Сословные группы	Население	Население
	в 1861 г.	в 1880 г.
Казачье сословие, дворянство и духовенство	618497	815030
Местные крестьяне	303767	398018
Иногородные	9630	154438

На Кубани после ликвидации крепостного права точно также усиливается переселенческая волна, при чем уничтожаются препятствия, стоявшие раньше перед переселением. 29 апреля 1868 г. был издан закон, разрешающий лицам неказачьего сословия приобретать недвижимость без согласия станичного общества. И здесь темп роста иногородного населения так же, как и на Дону, обгоняет казачество. К концу XIX века в областях Кубанской и Терской насчитывалось жителей войскового населения 2754885 человек, невойскового—2863647 человек. (Столетие военного министерства, Главное управление казачьих войск, 1802—1902 г., СПб, 1902 г., стр. 719).

Рядом с казачьими областями возникают губернии Ставропольская и Черноморская, которая, впрочем, окончательно была отделена от Кубанской области лишь в 1896 году. Экономический и бытовой уклад этих губерний существенно отличается от казачьих областей и, как мы увидим далее, более подходит к Европейской России.

Заселение бывшей Ставропольской губернии (часть б. Кавказской), протекало первоначально путем военной колонизации. В крепости Кизляр, Моздок и Ставрополь, воздвигнутые после Петра, были переселены казаки с Хопра и Волги. Затем, к середине XVIII века сюда переселяются на „жалованные“ земли крепостные, а в 80-х годах того же столетия по вызову правительства добровольно переселилось более 23000 душ обоего пола.

В Ставропольской губернии точно так же, как и на Черноморском побережьи, военная колонизация потерпела крах и правительство обратило в гражданское состояние 13 станиц бывшего Кавказского Линейного Войска. Ставрополье заселялось исключительно крестьянами. Особенно усиливается колонизация Ставропольской губернии в 70—80-х годах прошлого века, т. е. со времени падения крепостного права. Так, с 1870 по 1892 год население Ставропольской губернии увеличилось на 261112 душ. В противоположность Черноморской губернии и, где население увеличивалось, главным образом, за счет роста городов, в Ставропольской губернии мы наблюдаем обратную картину: процент городского населения здесь не возрастал, а сокращался.

Черноморская губерния присоединена к России лишь в 60-х годах. На покинутые, черкесами, ушедшими в Турцию, места сюда в 1864 году был переселен с Кубани Шапсугский береговой батальон, в количестве 629 семей,—4157 душ. Заселение происходило довольно слабо, при чем военная колонизация потерпела крах. В середине 80-х годов на 8000 кв. верст территории Черноморского побережья насчитывалось лишь 10170 человек. Однако, с проведением железной дороги (1888 год), население, главным образом городское, быстро

растет и к 1914 году достигает 152,7 человек (по данным 1914 года население Черноморского побережья исчисляется в 152,7 тыс человек, из которых 74,2 тыс. человек жило в городах, а 48,5 тыс. в сельских местностях, по переписи 1920 г., из 159987 человек в городе жило 89289 человек). Закон 31 марта 1897 года облегчил переселение на Черноморское побережье, но в силу целого ряда неблагоприятных условий, в частности, отсутствию путей сообщения, заселение происходило туго до самого последнего времени: в южной сельскохозяйственной части побережья приходится лишь 8 человек на квадратную версту, тогда как в северной—городской—56,8.

Об интенсивной колонизации Северо-Кавказского Края, говорят следующие цифры: в то время, как население Московского района возросло с 1858 года до начала войны в 1,5 раза, Малороссии в 2,2, Сибири в 2,4 раза,—население Северо-Кавказского Края возросло в 3,5 раза, при чем население Кубани и Ставропольской губернии возросло даже в 4-5 раза. За 20 лет—с 1888 года по 1908 год население Кубани возросло почти вдвое—на 87%.

Из общего количества 9.603.4 тыс. человек населения в городах, по данным Ц. С. К-та, жило в 1914 году 1.053.5 т. человек, в сельских местностях—8.549.9 т. чел. Таким образом, городское население составляло лишь 10,9%, что свидетельствует о слабо развитой городской жизни.

За период с 1897 г. выросли многие города Северо-Кавказского Края, о чем дают представление следующие цифры (насел. в тысяч. человек).

Города	1897 г.	1912-1913 г.
Ростов (порт)	119,5	189,8 (1910 г.)
Екатеринодар	41,6	98,4
Пятигорск	18,4	31,8
Владикавказ	43,7	76,2
Грозный	15,6	29,8

Плотность населения Северо-Кавказского Края в довоенное время была ниже, чем в Европейской России, о чем дают представления следующие цифры:

Жителей на 1 кв. версту:

	Всех	Сел. население
По 51 г. Евр. России	31,0	23,4
Центр.-Землед.	69,1	63,1
Новороссийские	45,6	37,4
Промышленные	50,0	38,6
Донская	27,7	24,8
Предкавказье	29,3	26,4
Черноморская губерния	27,5	13,2

Всюду, за исключением Черноморской губернии, преобладающим занятием населения являлось сельское хозяйство, при чем по количеству занятых в сельском хозяйстве жителей, на первом месте стояла Ставропольская губерния, за которой следует Терская область.

По данным переписи 1897 года по роду занятий население Края распределялось следующим образом:

На 1.000 человек жителей было занято:

	Служба всех ви- дов и во- оружен- щины	Рантье и пенсioen- еры	Сел.-хоз- рыб., охо- та	Промыш- ленность и торговля
Донская область	63	16	751	135
Кубанская „	64	10	790	115
Черноморская губ.	203	24	406	251
Ставропольская „	31	10	857	80
Терская область	69	16	812	78
Дагестанская область	86	18	719	72

Северо-Кавказский Край являлся, прежде всего, сельско-хозяйственным районом, своего рода хлебной фабрикой, поставившей хлеб не только в Россию, но и за границу. Промышленность Края до войны стояла значительно ниже, чем в остальной России. В то время, как в России на каждые 100 человек населения 1,4 были заняты в фабрично-заводской промышленности (в Московской губернии даже 11,2), на Северном Кавказе на 100 человек приходилось лишь 0,4 человека. Точно также и доход от промышленности на каждого жителя Края был ниже, чем во всей России: в то время, как в России приходилось 30 рублей, на Северном Кавказе—20 руб.

На Северном Кавказе мы встречаемся со всеми системами сельского хозяйства: зерновой, скотоводственной и технической с уклоном, однако, в сторону зернового хозяйства. На Дону земледелие было запрещено до Петра 1-го. Еще в 1690 году хоперский Войсковой Круг, запрещая пахать, писал в грамоте: „А если станут пахать—того бить до смерти и грабить“. В дальнейшем, однако, это ограничение отпадает, но лишь с проведением первой железной дороги, соединившей Ростов с Москвой через Харьков, которая была отстроена в 1869 году, Дон вовлекается в товарное хозяйство. В 1878 году Ростов был соединен с Владикавказом, а в 1888 году проведена ветка на Новороссийск. В 1898 году отстроена железнодорожная ветка Кавказская—Ставрополь и в 1899 году Тихорецкая была соединена с Царицыном. Годами усиленного железнодорожного строительства являлись 1912-1916. В XX веке Северный Кавказ превратился в хлебную фабрику, давая 640 миллионов пудов валового сбора зерновых продуктов.

Превращение Северного Кавказа в житницу России дело сравнительно недавнего прошлого. В Донской области еще в 1818 году было посеяно 145.000 четвертей, в 1861—65 г., в среднем на год приходилось 618 четвертей, в 1898—1902 г.—3.694 тыс. десятины, в 1913—14 г.—5.062 тыс. десятины. В Ставропольской губернии, где в 1882 г. было засеяно лишь 375.000 десятин, в 1898—1902 г. в среднем на год 1.170 тыс. десятин, в 1913—14 г.—2.455 тыс. десятин. Точно также и в Кубанской области, где еще в 1886 году засевалось 1.063 тыс. десятин, в 1898—1902 г. в среднем на год 2.131 тыс. десятины, а в 1914 г. 3.195 тыс. десятин. В Терской области в среднем на год приходилось посевной площади: в 1877—1891 г.—213.000 десятин, в 1898—1902 г.—475.000 десятин, в 1913—1914 г.—991.000 десятин. В общем

по всему Краю площадь посевов неуклонно расширялась, при чем в Ставропольской губернии это расширение шло за счет выгонов и сенокоса, а на Тереке точно также отчасти за счет сенокосных угодий.

Перед войной полеводство Края занимало огромное место в сельском хозяйстве России. Об этом дает представление следующая таблица:

Посев в тысячах десятин в среднем за пятилетие:

Название хлебов	1911 г.		1915 г.		
	Все государство	Европ. Россия	Северный Кавказ		
			Абсол. цифры	Ко всей России	К Европ. России
Рожь, озимь и яровая	26641	23844	1016	3,8	4,3
Пшеница озимая и яровая	29779	18532	6470	21,7	34,9
Ячмень	11734	8757	2825	24,1	32,3
Кукуруза	1828	1875	323	17,7	27,5
Овес	17349	13843	689	4,0	5,0
Всех хлебов	99755	76489	12113	12,1	15,8

(„Экономическая география Юго-Восточной России“, Ростов н-Д. 1924 год, стр. 167).

Полевые культуры Северного Кавказа существенно отличались от культур в Европейской России: в Предкавказье преобладали озимая и яровая пшеница, ячмень, просо и кукуруза, а в Донской области— яровая пшеница и озимая рожь.

	Озимая рожь	Озимая пшеница	Яровая пшеница	Овес	Ячмень	Просо	Кукуруза
По 50 г. Евр. России	31,4	4,2	19,5	18,7	10,5	3,5	1,4
По Предкавказью	4,1	37,9	18,3	7,3	19,2	6,4	4,5

Приспособившись к требованиям внешнего и внутреннего рынка, полеводство Северного Кавказа приобрело уклон в сторону производства ценных экспортных культур—пшеницы и ячменя, но война, повлекшая за собой прекращение экспорта—извратила соотношение культур.

Отличительной чертой Черноморской губернии является развитие ценных культур—виноградарства, садоводства и табаководства.

Полеводство Края носило экстенсивный характер: запашка росла вширь, население сокращало сроки отдыха земли, а также уменьшало сенокосные угодья.

В отношении механизации больше всего была обеспечена сельскохозяйственными машинами Донская область, где на 100 десятин посева приходилось 20 орудий вспашки и 7 уборочных машин, затем идут Кубано-Черноморская и Ставропольская губернии— первая— 9 орудий вспашки и 3 уборочных машины, а вторая 8 орудий вспашки и 4 уборочных машины. На последнем месте стояла Терская область,

где на 100 десятин посева приходилось 3 орудия вспашки и 1 уборочная машина. Кубанская область, по сравнению с Донской, шире применяла в сельском хозяйстве наемный труд.

Развитию зернового хозяйства Края содействовало проведение железных дорог. До этого времени, т. е. до 70-х годов прошлого столетия главным занятием жителей являлось скотоводство. В дальнейшем скотоводство заняло второстепенное место, преобладая лишь в трех районах Края (горы, степи), где оно являлось единственно возможным занятием населения. Однако, обеспеченность Края скотом к 1914 году по данным ветеринарного управления, была значительно выше по сравнению с Европейской Россией.

На 100 жителей приходилось:

	Лошадей	Крупн. рог. скота	Овец	Коз	Свиней
По 51 губ. Европ. России	16,5	23,6	30,2	0,6	10,1
По черноземной полосе	18,2	23,0	35,4	0,9	10,1
По нечерноземной полосе	13,8	24,8	22,0	0,2	10,1
По Ставропольской губ.	35,9	58,8	146,0	2,6	17,3
По Кубанской области	30,5	44,2	59,5	2,2	19,6
По Терской области	24,6	75,0	156,3	19,9	9,4

Промышленное развитие Северо-Кавказского Края относится к последней четверти XIX века, но более бурно промышленность начинает расти с начала XX века. Промышленное развитие здесь не сопровождалось пролетаризацией населения,—рабочие руки притекали в лице „иногородных“.

Ликвидация крепостного права, постройка железных дорог, вовлечение С. К. Края, имеющего удобные порты, в водоворот мирового хозяйства—все это создавало условия для быстрого развития промышленности. В 1860 году в Донской области насчитывалось лишь 9630 человек иногородного населения, а в 1880 году количество иногородных возросло до 154,438 человек. Растут и города: с 1860 по 1886 г.г. население Ростова возросло с 17.574 человека до 80.000 чел., с 1897 г. по 1920 г. городское население возросло вдвое: с 641,1 т. чел. до 1.225,2 тыс. человек. За этот период времени возросли многие города Края.

Направление обрабатывающей промышленности Края определялось развитием сельского хозяйства. В 1873 году в Терской, Кубанской областях, Ставропольской губернии и Черноморском округе существовало значительное количество маслобойных и мукомольных заведений: в Ставропольской губернии 2.100 предприятий с 7138 рабочими, в Кубанской области 402 предприятия с 6.504 рабочими, Терская область 170 предприятий, с 1175 рабочими, в том числе 2 паровых мельницы, в Черноморском округе—23 предприятий с 171 рабочими. В 1897 году на 1000 человек было занято в промышленности: в Донской области—

195 человек, в Кубанской—115 человек, в Черноморской губернии—254 чел., в Ставропольской губернии—80 чел., в Терской области—78 чел. Таким образом, первое место занимала Черноморская губерния, а второе Донская область. В 1908 году в С.-К. Крае было 452 предприятия с 34.424 рабочими, в 1910 году 533 предприятия с 39.304 рабочими, в 1912 году—541 предприятие с 40.694 рабочими. Из этого количества на горной и горнозаводской промышленности было занято: 9.480 человек (кроме Грозного), а табачной 4.397 чел., в кожевенной, 2.155 чел., в мукомольно-крупяной—4.429 чел., в цементной—2.168 ч., в масляной—1190 чел., землед. машин и др.—1509 чел., писчебум. полиграфической — 1807 человек. мыловаренной — 1075 человек, колбасной—1,091 чел., в строительной промышленности—1.051 человек, в кирпично-черепичной—1.009 чел.

Главная масса предприятий и рабочих была сосредоточена в Донской области—215 предприятий и 24.634 рабочих, затем идет Кубанская область—124 предприятия и 5.213 рабочих, Терская область—72 предприятия и 1.956 рабочих, Черноморская губерния—13 предприятий и 1.663 рабочих и Ставропольская губерния—28 предприятий и 864 рабочих.

Благодаря близости Донецкого бассейна, а также металлургических и сталелитейных заводов, Ростов занял выдающееся место в промышленности Края. Здесь сосредоточены крупные мельницы, крупнейшая в России табачная фабрика (б. Асмолова), бумажное производство, цементное производство, с.-х. машиностроение и т. д. В Ростовском районе было занято 71% всех рабочих. На Кубани преобладала мелкая кустарная промышленность: маслобойное, мукомольное и котельное производство, здесь было занято 15% всех рабочих. В Терской области винокуренное и пр., а также добыча цинка и свинца. В Черноморской губернии—цементное производство (первый завод выпущен в 1883 г.). Слабее всего была развита промышленность в Ставропольской губернии, занимавшейся переработкой сырья для местных потребностей.

XX столетие характеризуется бурным ростом добываемой промышленности. В той части Донбасса, которая раньше входила в Донскую область, добывалась $\frac{1}{3}$ всей добычи Донбасса. С 1900 по 1915 годы добыча угля и антрацита возросла с 217,9 миллионов пудов до 629,3 мил. пуд., а число рабочих с 26,5 тыс. чел. до 106,1 тыс. человек.

Добыча нефти в Грозненских промыслах началась в широких размерах в 1893 г. (с 1883 по 1892 г. добыто лишь 3.279.000 пудов), когда добыто 6.6 милл. пудов, в 1903 г.—32,7 милл. пуд., в 1907 г.—107,8 милл. пудов.

На Кубани попытки добычи нефти относятся к 60-м годам XIX века, но лишь в 1909 г. началась разработка кубанской нефти (Майкопский, Крымский, Калужский, Ильинский и Черкесско-Суворовский районы), при чем в 1913 г. здесь добыто 3,939 тыс. пудов.

В 1912 г. перед войной Кубань по добыче нефти занимала третье место в России:

Бак.-район (стар.) . . .	419300000
Грозненский	65429000
Майкопский	9156902

Первая попытка разработки Садонского месторождения серебро-свинцового блеска на Тереке относится к 1839 году, в 1850 году возник завод и поселок Алагир. Сначала завод принадлежал казне, но в 1895 году перешел в частные руки. В 1800 году здесь добыто 28 п.

серебра и 4000 свинца, в 1894 г. 30 п. 32 ф. 1 зол. серебра и 12380 свинца, в 1900 г.—101.400 п. цинка, 48056 свинца и 155 п. серебра, в 1913 г.—179940 п. цинка, 83711 п. свинца и 197 п. серебра.

Лишь в XX веке выросла металлургическая промышленность Края. В 1900 г. выплавлено 10,2 мил. пудов чугуна, в 1913 г.—26,9 мил. пудов, в 1900 г. произведено железа и стали 6,6 мил. пудов, в 1913 г. 21,8 мил. пудов.

В экономическом развитии Северо-Кавказского Края исключительно важную роль сыграли иностранные капиталы. Бурный рост промышленности непосредственно связан с притоком на Северный Кавказ иностранных капиталов. В руках иностранных обществ было сосредоточено 80% добычи каменного угля Донбасса, а смешанных—12,5%, при чем из 25 акционерных обществ 19 находилось в Париже. Что касается нефти, то в разработке ее участвовали, главным образом, капиталы: бельгийский, французский и английский. В Грозном из 157 крупных фирм англичанам принадлежало 4. Ротшильцу—3, Т-во „Ахвердов и К-о“ было основано на бельгийские капиталы. Из наиболее крупных предприятий металлургической промышленности „Русско-Донецкое Общество каменноугольной промышленности“ (Макеевка), „Таганрогское металлургическое общество“ (основано в 1896 г.) были подчинены французскому капиталу, в руках иностранного капитала находился и Сулинский завод, одним из главных акционеров которого был Азовско-Донской Банк.

В Кубанской нефти был заинтересован английский капитал, к которому перешли в 1912 г. так-же серебро-свинцовые разработки „Эльбурус“.

Значительную роль играл иностранный капитал в городском хозяйстве: в Ростове трамвай и электрическая станция принадлежали бельгийскому капиталу, водопровод и газовый завод—французскому, в Екатеринодаре трамвай принадлежал бельгийской компании. Владикавказская железная дорога являлась одним из огромных частных предприятий и в России, с основным капиталом в 302000000 рублей (в 1911 г. чистый доход ВЛК ж. д. выразился в 26060000 рублей, из которых акционеры получили 3927000 рублей дивиденда). Крупнейший на Северном Кавказе Азовско-Донской Банк по существу являлся филиалом парижских банков: из 60 милл. основного капитала французы участвовали в размере 42 милл. руб.

Не малое значение иностранный капитал имел и в экспорте Края. Так, в 1904 г. из общего количества ввезенных из Ростовского порта товаров в количестве 89017 т. пудов иностранными экспортерами вывезено 76,5%—68.285 т. пудов.

Также значительна была роль иностранного морского транспорта в внешней торговле: в 1913 г. из 493 судов дальнего плавания, посетивших Новороссийский порт, английских было 198, итальянских 74, германских 38, французских 30, греческих 28, а русских лишь 87.

Таким образом, крупная промышленность, городские предприятия, ж. д. транспорт, морской транспорт и экспорт Края находились, в значительной степени, в руках иностранного капитала по преимуществу: английского, французского и бельгийского.

О влиянии войны на хозяйство свидетельствуют данные о Донской области за 1913 и 1916 г. (по отчетам атамана):

Сельское хозяйство.

	1913 г.	1916 г.
Посева в четв.	3.167.100	2.130.192
Сбор хлеба в четв.	32.553.256	9.8302.72
Средний урожай	10,28	4,62

На 1 душу населения приходилось хлеба в четвертях:

года	посеяно	собрано	средний урожай сам
1913	0,9	9,6	10,28
1914	1,0	6,6	6,65
1916	0,7	3,8	5,45

Таким образом, в 1916 году мы видим значительное сокращение посевов, падение урожайности и, как следствие этого, уменьшились сборы хлебов.

Сокращение мертвого инвентаря представляется в следующих цифрах:

	1913 г.	1916 г.
Усов. с.-х. орудия	1.150.796	1.110.207

Сократилось также скотоводство:

	1913 г.	1915 г.	1916 г.
Лошади	1.020.084	970.464	932.717
Рог. скот	2.296.618	2.410.698	2.210.740
Овцы, козы	2.077.251	2.186.404	2.101.432
На 100 душ населения	175,3	174,6	163,2

Падение сельского хозяйства сопутствовало повышению цен на хлеб:

	Ср. цены:	
	1913 г.	1916 г.
Пшеница	1 р. 17 к.	1 р. 75 к.
Ячмень	71 к.	1 р. 05 к.
Рожь	71 к.	1 р. 20 к.

То же явление упадка мы наблюдаем и в промышленности. Сократилось число заводов и сумма производства:

	1913	1916
Число заводов:	9.232	6.936
Сумма производства	72.450.340	70.292.417

Упала и производительность труда, что видно из данных по углепромышленности Донецкого бассейна:

	1913	1916
Добыча угля и антрацита	615.450.340	720.979.258
Число рабочих	80.003	132.498

Как видно из этих цифр, значительно упала средняя выработка на одного рабочего.

Война порвала связь Края с иностранным рынком. С июля 1914 г. с началом военных действий и с закрытием Дарданелл экспорт прекратился. Поэтому на Северном Кавказе, главным образом, на Кубани несмотря на сокращение посевной площади, скопились значительные излишки хлеба. Даже в 1919 году из одного урожая этого года Кубань имела для вывоза 26,4 милл. пуд. пшеницы и 22,9 милл. пудов ячменя.

КАЗАЧЕСТВО И АГРАРНЫЙ ВОПРОС.

После революции 1905 года В. И. Ленин писал: „Рассуждая с чисто экономической точки зрения, мы безусловно должны признать максимум остатка феодализма в русском землевладении и помещицьем и крестьянском надельном“. (Цит. по кн. „Крестьянство и аграрный вопрос“, „Буревестник“ 1924 г., стр. 165-6).

Этот „максимум остатков феодализма“ в своей наиболее грубой форме сохранился до революции на казачьих окраинах быв. Российской империи.

Донское, Кубанское и Терское войско вместе взятые, численностью превышали все остальное казачество. По данным „Статистического обзора современного положения казачьих войск“ (Изд. „Вестника казачьих войск“, 1903 г.), войскового населения обоего пола на 1 января 1901 г. насчитывалось всего в России 3.144.747 душ, из которых на Сев. Кавказ падало.

	об. пола	м. пола
Донское войско	1.125.839	565.017
Кубанское „	875.218	434.964
Терское „	183.378	92.063
Итого по Сев. Кавказу	2.184.435	1.092.044

Списочный состав за 1900 г. выражался в следующих цифрах:

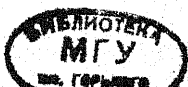
	Генер. шт. и обер-офицер.	Нижних чинов.
Терское	343	27.513
Донское	1.849	158.332
Кубанское	1.076	119.959

Казачьи войска составляли в мирное время 7,1% всей армии, а казачье население составляло 2,4 населения России.

Земли казачьих войск занимали пространство в 58.188.168 дес., из которых 64,2% находились в Европейской России. Донское войско занимало 22% всей территории, кубанское—11,1%, а терское 3,5. В общем казачество Сев. Кавказа занимало 36,6% всей казачьей территории.

Что же из себя представляет казачество?

Относительно казачества М. Покровский (Русская история, том II, стр. 164-5) пишет: „В основе западно-русского казачества, как и восточного, лежала обязательная военная служба всего пограничного населения, нельзя даже сказать „служба“, потому что с этим словом связывается представление о некоторых принуждениях сверху, а здесь, на окраине степи, откуда ежедневно появлялись татары, человеку, естественно, нужно было быть военным: безоружным человек здесь жить не мог. Нужно было или совершенно отказаться от таких мест, или итти сюда не только с сохой, косой и топором, но и с ружьем.

Ружье так же было необходимо здешнему поселенцу 17 и 18 века, как южно-африканскому колонисту 18 века, при чем и там и тут роль этого орудия (производства) отнюдь не была пассивная, как часто изображается. Грабежи татарских стад, „лушение“ чебанов соседних турецких городов входили в круг промыслов южно-русской степи точно так же, как грабеж туземцев в круг промыслов южно-африканских колонистов“.

В условиях экономики Московской Руси до 16 века, когда центральная Россия стала превращать „бобровые гоны“, „бортные угодия“ и „рыбные езы“ в „пашенные села“, основным промыслом населения, как мы знаем, являлось звероловство, бортничество, рыболовство, эксплуатация „бобровых гонов“. В центральном Поволжье в 14-15 веке встречаются целые села бобровников, бортников, рыболовов. В течение 16-17 века в центральной России происходит расчистка леса под пашню; земледelec сменяет зверолова и рыболова и уже в середине 17-го века земледелие распространяется почти на всю Курскую и Воронежскую губернии. Но на окраинах все еще преобладает старый уклад хозяйства, и еще в 1690 году Войсковой Круг на Дону рассылает по Хопру и Медведице грамоту с запрещением пахать землю и сеять хлеб, с угрозой, „если станут пахать, того бить до смерти и грабить“. К концу того же 17-го века сложилось дворянское землевладение.

В то время как в центральной России складывалось крепостническое хозяйство, хозяйственное развитие окраин шло иным путем. „В 1622 году Донец состоит из семи „юртов“, которые эксплуатируют белгородские служилые „люди“. На своих „юртах“ казачество земледелием не занималось. Так как в жалованье запорожским казакам входили мука и крупа. В 1755 году кошевой просил у императрицы Елизаветы прибавить хлебного жалованья и мотивировал просьбу тем, что „войско запорожское низовое и с давних лет и ныне хлеба не пашет, да и в степных местах весьма малый род бывает“. Посылалось хлебное жалованье и донскому казачеству. На Дону средства к жизни добывались промышленной эксплуатацией „юртов“, поделенных тут раз навсегда станицами; каждый в угодье своей станицы имел право „всякие промыслы чинить“, „запор запирать“ (на реках для рыбной ловли) „зверя бить“, „рыбу ловить“ и т. д.“

По словам М. Покровского: „Что было на Дону, то было и на Днепре: и тут и там экономической основой было промысловое хозяйство: охота, рыболовство и в очень большой степени, бортничество“ („Русская история с древн. врем.“, т. II, 1923 г., стр. 163).

В строе Московского Государства казачество приравнивалось иногда к „боярским детям“, к военно-служилому сословию, составлявшему древнюю русскую конницу. „В двух деревнях Оскольского уезда тоже жили казаки. Но они мало чем отличались от детей боярских. По крайней мере, в одной челобитной они писали, что „как были в Осколе дозорщики и писцы и ту землю писали за нами, и в сошное письмо в уезде писали с Осколяны детьми боярскими вряд“ и что они „четвертые деньги в Ямской приказ и Стрелецкие кормы и все всякие государства подати платили с Осколяны детьми боярскими вряд ежегодно и вряд же с ними служили всякую службу“ (Покровский, Русская история с древн. врем., т. II, стр. 160). В этом превращении казачества нет ничего удивительного.

Раздача казенных земель под условием службы „в поместьях“ получила особенно широкое распространение с Ивана III, прибавившего к „детям боярским“ отряды из присоединенных городов.

Между представлением о казачестве, как о „вольнице“ и действительным положением вещей, когда казачество, приравнивалось к „дегям боярским“—дистанция огромного размера. Между тем от казачьей „вольницы“ существовал незаметный переход до окраинного земле-владельца и, вместе с тем, служилого человека.

Не должно нас смущать и то, что казачество являлось „коллективным помещиком“: для XVI века коллективная земельная собственность более обычна, нежели личная. „До чего непривычна была Московской Руси XVI века идея личной земельной собственности, показывает нам любопытный факт: когда великий князь раздавал земли в поместья за службу, то хотя сама служба была личной, ему не пришло в голову раздавать землю тоже отдельным лицам“ (М. Покровский, Русская история, т. I, стр. 42).

Правительство проделало с казачьими „юртами“ ту же операцию, что и с боярскими вотчинами, т. е. превратило их в „поместья“, связав право на землевладение с государственной службой.

Петр I круго принялся за ликвидацию казачьих „вольностей“.

Казачество восстало против царя, как ранее российские феодалы—бояре восстали против Ивана Грозного. Екатерина II окончательно ликвидировала „казачьи вольности“. Раздавая направо и налево земли своим фаворитам, насаждая крупное помещичье землевладение, Екатерина на низовьях Кубани, у Тамани пожаловала земли, „за верную службу“ войску черноморскому.

Казак в прошлом не земледелец, а в отличие „тяглового“ крестьянства—земледелец, несущий службу с земли. И когда от центра распространялась на казачьи области распашка, то в казачьих областях поле было распахано не землевладельческой казачьей, а земледельческой крестьянской рукой. В далеком прошлом „за ними живут бобыли и пахут землю“. Переходя от грабежа, как промысла (грабеж, как мы знаем, входил в круг промыслов феодалов средневековья) к земледелию, казачество попрежнему оставалось служилым сословием, классом мелких землевладельцев, несущих обязательную военную службу, обрабатывающих землю руками „бобылей“.

„Под Белгородом было село Старково, населенное беломестными атаманами и казаками. У каждого из первых было по 30 четвертей пашни в поле, т. е. по 45 десятин пахотной земли всего и по 150 копен сена; у каждого из вторых—по 20 четвертей пашни (130 десятин) и по 100 копен. Кроме казаков, в том же селе, жило 34 человека бобылей, работавших на этой самой казацкой земле.

То же самое было и под Воронежем. Писцовая книга говорит: „...На Воронеже (реке), на атаманских и на казачьих придаточных землях—деревни, в тех деревнях дворы атаманские и казацкие поставлены на проезд, а за ними живут бобыли, пахут их земли“. (М. Покровский, Русская история с древ. врем., т. II).

В дальнейшем, при переселении на Кубань войска черноморского и здесь мы наблюдаем то же самое. В своей статье „Первоначальное заселение черноморскими казаками Кубанской земли („Известия общества любителей изучения Кубанской области“, 1899 г. вып. I, стр. 53 и далее.) П. П. Короленко указывает на „крайний недостаток в рабочих руках на Кубанской земле. Способные члены казачьей семьи. требовались на пограничную службу, а в домах у многих казаков оставались жены, дети да немощные старцы“. Когда в 1794 г. в июле месяце, кошевой атаман отдал приказ переселиться казакам от Донской стороны на берега реки Кубани, то некоторые казаки, успевшие обзавестись посевами, не хотели их бросать. Но

Чепега (атаман) не отменил своего приказа, а только предоставил некоторую выгоду переселенцам тем, что 20 августа командировал старшину Ивана Шрама по всем речкам войсковой земли, от устьев их до вершин, для объявления поселившимся там старшинам и казакам, чтобы сами хозяева с семействами непременно к зиме шли для жительства к берегам реки Кубани, в заведенных же ими хуторах оставляли своих работников“.

Дешевой рабочей силой являлись беглые и крепостные. Первые спасались сюда от преследователей, а вторых казачество нанимало у помещиков. „Черноморские хуторяне,—пишет историк кубанского казачьего войска Ф. Щербина,—имели обыкновение ездить в ближайшие губернии южной России и здесь нанимали у помещиков крепостных крестьян для работ на 3, на 5 лет“.

И, наконец, казачью землю распахивает, так называемое, „иногородное“ население, которое потекло сюда из России после падения крепостного права. К 1860 г. за казачеством были закреплены земли Донской, Кубанской и Терской областей. Еще в 1864 году „Кубанские Войсковые Ведомости“ печатают статьи о причинах, препятствующих развитию земледелия на Кубани, превратившейся потом в житницу не только России, но и поставщика лучших сортов пшеницы на мировой рынок. С падением крепостного права крестьянство смежных с казачьими областями губерний потянулось сюда и, оседаая здесь на закрепленных за казачеством землях, послужило для казачьего землевладения дешевой рабочей силой, частью превратилось в арендаторов, частью осело в качестве, так называемых, „коренных жителей“, приобретая земли в собственность. Экономическое развитие казачьих областей исследователи связывают с притоком иногородного населения. Так, Шершенко в статье „Правовое и экономическое положение иногородных (Сборник сведений о Сев. Кавказе, т. I, стр. 22) приводит следующие данные об увеличении сбора хлеба и механизации Кубани, в связи с притоком иногородного населения:

Годы	Число иногородных (в тысячах)	Собрано хлеба в четвер. (в тыс.)	Усовершенствованное земледелие орудия
1890	777,8	6978,7	74327
1900	1085,5	11371,1	263264
1904	1242,7	15273,4	454774

Как мы видели казачьи землевладения в прошлом имеют те же корни, что и помещичьи. Однако, в то время, как дворянство давно отделило службу от землевладения и спустило „чумазому сословию“ свои земли, а украинское казачество было сметено историей, казачество Сев. Кавказа во всей неприкосновенностью сохранилось до революции, продолжая нести „службу с земли“.

Уже к середине XVIII века казацкая Украина, по словам Покровского, превратилась в „дворянскую страну“. Войсковое начальство ликвидировало казачьи „вольности“. „А кто, де, казак или мужик, упадет хоть в малую вину, читаем в одном документе того времени, и их де полковник животы все, и лошади, и животину, емлет на себя“.

Закрепощению украинского казачества способствовало его обезземление. В своей „Истории“ Покровский приводит чрезвычайно интересный документ—купчую начала XVIII-го века:

„Мы нижепоименованные, чиним ведомо сим нашим писанием, что хотя покойные отцы наши, а по них и мы, козацко, а не посполито служачи, воинскую повинность до сих времен отбывали, однако же теперь, до крайнего убожества и скудости пришедши и не будучи в силах впредь, службы козацкой отбывать, продали мы его милости Игнатию Галагану, полковнику Прилуцкому, дворовую землю нашу, на которой хаты наши построены, где мы продолжая жить, обязываемся служить пану полковнику посполито, а не козацко и всякие повинности отбывать, и на будущее время неповинны уж будем ссылаться на наш козацкий чин, чего ради и сие наше писание до рук его милости пана полковника прилуцкого выдаем“. (М. Покровский. Русская история с древн. врем., том II, стр. 216—217).

С некоторым запозданием тот-же процесс совершился и на Дону. Но именно это запоздание спасло казачество Дона от участи украинского казачества.

Исторически нет ничего удивительного в превращении вольного казачества в крепостное крестьянство. Донское казачество, правда, удержало свои—далеко, впрочем, не все земли, но удержало их ценой превращения „поместья“ в... крестьянскую общину, с надельной паевой землей. „Служба с земли“ из привилегии превратилась в натуральную повинность крестьянина, но этого превращения казачество не заметило.

В качестве военной силы казачество стало утрачивать значение еще в то время, когда на смену ему пришло регулярное войско: „стрельцы“, „драгуны“, „рейтары“ и, наконец, „солдатская пехота“. Кавказская война, известное „замирение Кавказа“ велась не только при помощи казачества, но и регулярными войсками. Значение казачества усилилось лишь тогда, когда из внешнего врага горцы превратились во внутреннего, когда казачество было приставлено к горцам в качестве полицейского. На самодержавие надвигался внутренний враг и с другой стороны—со стороны пролетариата, которого, впрочем, за серьезного врага до 90-х годов прошлого столетия не считали. После „замирения“ внешних врагов, казачество продолжало служить „с земли“ русскому самодержавию в борьбе с врагом „внутренним“, над которыми оно, несомненно, одержало больше побед, чем над внешним. На ту же роль слепой и тупой силы, на которую могло бы опереться самодержавие, казачество обрелось и в дальнейшем. Об этом говорил один из вождей казачьих федералистов Харламов 27 июня—10 июля 1919 г. на заседании Южно-Русской конференции.

„Казачество было,—сказал он,—низведено на роль стражников, полицейских, на роль служебной силы, в казачьих областях искусственно задерживалось просвещение, самоуправление и культурный рост, дабы здесь распоряжаться по своему произволу. Я напомним наше совещание в начале 1914 г. Бывший начальник гл. Штаба генерал Л. докладывал о том проекте, который был разработан в недрах военного министерства, чтобы произвести сортировку среди казачества. Он любезно по моему адресу сказал несколько комплиментов, что приятно, дескать, видеть таких, но нам не то нужно. Если, говорил он, кто из вас желает быть истым казаком, подлинным чистокровным казаком, вот тебе земля в достаточной мере, но никакого участия в строительстве жизни не нужно. Если тот адвокат, тот инженер, тот государственный деятель, то какой он казак. Чистокровный казак не

то, здесь каждой паре нужно произвести такое то количество, такого то качества казачат, а не инженеров". (Мат. Северо-Кавказского Краевого Архива).

Вот что грозило казачеству в будущем.

От рождения до конца своей жизни казак вращался в сфере специфических казачьих интересов. Преданность царю и отечеству вбивалась в казака со школьной скамьи, точно также как и военная муштра. В течение всей своей жизни казак не выходит из круга военных обязанностей. При поселении войска запорожского на Кубань на печата одного из окружных правлений был изображен казак, „водрузивший ратище в землю, и приложив к нему, вместо присошек, ружье, держа левой рукой ратище и ружье, а другою приклад, врага стреляющий“.

Такой порядок сохранился вплоть до революции.

Служильный состав войска разделялся на три разряда: подготовительный, строевой и запасный. Сначала казаки зачислялись в подготовительный разряд, обучаясь в лагерных сборах. С 21 года казаки причислялись в строевой разряд, разделявшийся на 3 очереди. Казаки первой очереди состояли на действительной службе до увольнения на льготу, льготные казаки второй и третьей очереди жили по домам. 33-х лет казаки причислялись на 5 лет в запасный разряд, и 38-ми лет увольнялись со службы и зачислялись в ополчение.

В „Статистическом обзоре современного положения казачьих войск“ (изд. „Вестника казачьих войск“, 1903 г.) мы читаем:

„С конца XVIII столетия начинается новейший период жизни казачества. Организация казачества, как военной силы, не была уничтожена государством, и казачья община до настоящего времени служит надежным оплотом окраин России, но уже при условии полного подчинения государственной власти и на постоянной службе государству. Последнее пользуется вооруженным населением казачьих областей для расширения своего влияния на южных и восточных окраинах для задач русской колонизации“.

Самодержавие подпирало казачье землевладение, казачество, в свою очередь, подпирало самодержавие в его борьбе с „внутренним врагом“ и в его колониальной политике.

По официальной статистике земли казачества делились на три категории: земли войскового запаса, офицерские и чиновничьи (частновладельческие) и станичные. На Северном Кавказе эти земли распределялись следующим образом:

В о й с к о	В станичных наделах	Офицер. и чиновничьи		Войско-вой запас		
		‰‰	‰‰	‰‰	‰‰	
Донское	9304653	72,6	1264425	9,9	2251703	17,5
Кубанское	5269289	74,5	505501	7,1	1025061	18,4
Терское	1738310	86,6	118339	5,9	149574	7,5

Но эта статистика не только не дает представления о постановке аграрного вопроса, но запутывает его.

В. И. Ленин об аграрном вопросе в Европейской России писал: „Суть дела состоит в том, что на одном полюсе русского землевладения мы имеем 10^{1/2} миллионов дворов (около 50 милл. населения) с

75 миллион. десятин земли, а на другом полюсе тридцать тысяч семей (тысяч около полутора ста населения) с 70 милл. десятин земли (Ленин. Том IX, стр. 610).

На Сев. Кавказе аграрный вопрос стоял иначе. О законности и необходимости изменения постановки аграрного вопроса применительно к конкретной обстановке в свое время В. И. Ленин написал: „Вспомните „Капитал“ Маркса, Вы найдете там указание на чрезвычайное разнообразие форм землевладения—феодалное, клановое, общинное (добавим: примитивно захватное), государственное и проч.,—которое застает капитал при своем появлении на историческую сцену. Капитал подчиняет себе и преобразует по своему все эти различные *формы* землевладения, но именно для того, чтобы понять, оценить, статистически выразить этот процесс, необходимо уметь видоизменять постановку вопроса и приемы исследования применительно к различиям вопроса, и приемы исследования применительно к различиям формы процесса. Капитализм подчиняет себе и общинно-наделное землевладение в России, и захватное или регулируемое свободной и даровой раздачей земли в землевладении в демократическом или крепостническом государстве Сибири, или „дальнего запада“—Америки, и рабовладельческое землевладение американского юга, и полуфеодалное землевладение „истинно русских губерний“. (Ленин, том IX, стр. 222),

Для понимания особенностей землевладения в казачьих областях необходимо прежде всего покончить с фикцией, которая мешает пониманию действительного положения вещей. Эта фикция—войско. „Войско, „войсковые земли“, „доходы войска“, не опасаясь искажения истины, мы можем заменить словами „казна“, „казенные земли“, „доходы казны“. Ведь и наказный атаман по гражданской части пользовался лишь правами губернатора, а по военной—командира дивизии.

В области землевладения юридическое положение далеко не соответствовало фактическому. Войсковая собственность только на бумаге была собственностью войска, на деле-же она всецело находилась в распоряжении центральной государственной власти. Об этом писали сами казаки. Л. Тьмутараканский в статье: „Об экономическом социальном значении поземельного владения кубанских казаков“ („Кубанский сборник“, том XVI) не скрывает того, что хотя Кубанское казачье войско и является собственником земли, но „право и этого собственника довольно таки урезано, именно в праве внешнего распоряжения. Войско не может, прежде всего, ни продать, ни подарить, ни другим каким-либо образом отчудить от себя и передать свои земли в собственность другому. Мало этого... войско не может даже использовать свои земли по своему усмотрению: войско не может арендовать землю так, как оно бы захотело, а арендовывает так, как разрешено высшим начальством“. (Стр. 202).

В положении „О земельном устройстве станиц и войсковых запасных землях“ от 1869 года мы читаем (статья 20): „Войсковые запасные земли состоят в непосредственном заведывании у местных войсковых управлений. Они назначаются на дополнение станичных наделов до узаконенной пропорции и на разные войсковые надобности, определенные особыми положениями (как то под дороги, под войсковые леса, для сборов и учений воинских команд, для образования оброчных статей и т. п.). Означенные земли могут получать и другое назначение или по представлениям главного местного начальства с утверждения высшего правительства, или же по указаниям самого правительства. („Кубанская справочная книжка“ 1891 г., стр. 275).

Такой же фикцией являлись и войсковые доходы, которые достигали значительных размеров.

Войсковые капиталы составляли в 1901 году:

	С у м м а
Донское войско	16926386—48
Кубанское „	4931112—96
Терское „	3038874—80

Главнейшим доходом являлся доход с земель, который составлял %:

В донском войске	42,7
В кубанском войске	22,1
В терском „	66,6

Войсковые капиталы состояли в ведении военного министерства. Всякий расход из войскового капитала разрешался военным советом и—читаем мы в „Статистическом обзоре казачьих войск“, изданном „Вестником Казачьих Войск“.—„общее положение о том, что войсковые капиталы есть собственность казачьих войск надо считать лишь теоретическим“ (стр. 43). Огромные войсковые доходы шли на нужды военного и гражданского управления и лишь ничтожная часть этих доходов шла действительно на нужды казачества. Так в Области Войска Донского в 1913 г. на учебную часть затрачено лишь 16,7% всех войсковых расходов, а на медицинскую, ветеринарную часть—6,2%.

Разрушив фикцию или, выражаясь более мягко,—„теоретическое“ понятие „войска“ и „войсковых земель“, мы сможем распутать сложный узел аграрных отношений, завязанный в казачьих областях Сев. Кавказа и запутанный официальной статистикой. По официальным данным и по принятой в казачьих областях классификации земли в Области Войска Донского и в Кубанской области распределялись следующим образом (Данные об Области Войска Донского взяты из отчета наказного атамана за 1913 г., а по Кубанской области за 1912 г. из „Кубанского сборника“ на 1914 г.). (См. табл. на след. стр.).

Воздержимся пока от каких бы то ни было выводов и перейдем к характеристике каждой группы.

Мы уже в известной мере покончили с фикцией войска, теперь остается продолжить эту работу и покончить с фикцией, объединяющей в понятии „казачество“ экономически разнородные элементы.

История свидетельствует о том, что по своему экономическому положению казачество далеко не являлось однородным. Неравенство между верхами и низами существовало в прошлом и еще более углубилось к моменту революции. Под Белгородом, в селе Старково, как видно из приведенной выше выписки, атаманы имели по 45 десятин пахотной земли, а казаки по 30. При переселении остатком войска запорожского на Кубань, по словам П. П. Короленко, при общинном пользовании землей и угодыями „старшинам и казакам дозволялось устраивать в степях при речках одиночные хутора, устраивать мельницы и заводы, разводить сады и рощи и на все те имения для спокойного владения выдавались от Войскового Правления, именовавшегося до 1 января 1794 г. Кошевым Управлением, открытые листы“ („Известия Общества любителей изучения Кубанской области“, вып. 1-й 1899 г., стр. 58). В „отменное воздаяние старшинам, яко вождям, наставникам и попечителям общих сего войска благ“, было дозволено специальным актом под названием: „Порядок общественной пользы“, поселить при хуторах „вольножелающих людей“. Отсюда—антагонизм

	Обл. Войск. Донского		Кубанская область	
	Колич. дес.	Населен. об. пола	Колич. дес.	Населен. об. пола
I. Казачьей:				
1. В станичн. наделах	9647014	1435865	5956663	1252777
2. Земли охотн. переселен.	—	—	77056	—
Итого	9647014	—	6033719	—
II. Частновл. и пр.				
1. Наделы офиц. и чиновн.	476626	25294	425454	8592
2. Частновлад.	2322126	—	520757	—
3. Донск. частн. коннозавод.	777017	—	—	—
4. Монастыр., церковн. и пр.	6853	—	6288	—
Итого	3572621	—	952499	—
III. Войсковая и казенная.				
1. Войсков. запас.	1776267	—	325961	—
2. Казенная	—	—	509485	—
Итого	1776267	—	835446	—
IV. Городская	46734	—	36204	—
V. Крестьянск. (в том числе горцев Кубани)	565069	905657	762711	115499 русских и 132513 горцев
Всего	15017706	—	8620589	—

между хуторами и куренями, войсковым чиновничеством и рядовым казачеством, имеющий корни в далеком прошлом.

В казачьих областях Северного Кавказа частная земельная собственность произошла путем расхищения земли войсковым начальством сначала захватным путем, затем „на законном основании“ и, наконец, путем раздачи завоеванных земель на Кубани и на Тереке высокопоставленными хищниками.

Остановимся на истории помещичьего землевладения в Донской области.

Еще в середине XVIII века западная часть Донской области не была заселена. В нынешних Ростовском и Таганрогском округах засе-

ление происходило путем покупки крепостных крестьян и обращения переселенцев в крепостное состояние. Донские чиновники покупали крепостных у великорусских помещиков, на Дону торжищем рабов служила Урюпинская ярмарка.

В конце XVIII века на Дону растет крепостная колонизация. В „Статистическом описании земли войска Донского“ (1891 г.), мы читаем: „Многочисленные толпы малороссийских казаков и крестьян, прельщенных украшенными слухами о привольной и выгодной жизни на Дону, оставив свои жилища, приходили в пределы войска, как и прежде, с намерением поступить в казаки, но донские чиновники, под разными предлогами, самопроизвольно поселивши их на обществственных войсковых землях, записали за собой и назвали их крестьянами“. (Цит. по Экономич. географии Юго-Восток России“ изд. Ювплана, стр. 122).

Несмотря на попытки правительства воспрепятствовать стихийному движению на Дон как великорусского крестьянства, так и „малороссийских черкасов“, состоявших по преимуществу из украинского казачества, бежавшего от гнета польских и русских помещиков, на Дону в 1763-4 году по 3-й ревизии, считалось „черкасов“ 20.422 души, которые по повелению Екатерины, были обложены подушным окладом.

В 1796 г. крепостных числилось 55.000 душ мужского пола, а в 1817 г. (по 7 ревизии)—78.991 крепостных, а в 1834 г. (по 8 ревизии)—112.560 (К. В. Марков „Крестьяне на Дону“. Сб. Обл. Войска Донского Стат. К-та вып. XIII—1915 г.).

Указом от 12 декабря 1796 года Павел I закабалил донское крестьянство, повелев, чтобы „каждый из поселян остался в том месте и звании, кем он по нынешней ревизии (5-й) записан будет“. Вскоре после этого в 1798 году указом Павла I (от 12 сент.) донские чиновники были приравнены к дворянскому сословию.

Из крестьян, числившихся в станицах, которых к 1795 году насчитывалось 3.804 души, превращенных в войсковые, были образованы по Кавказскому тракту станицы: Махинская, Ольгинская, Кагальницкая, Мечетинская и Егорлыкская.

Несмотря на то, что вся земля считалась войсковою, донские чиновники захватывали свободные земли, заселяли их крепостными. В 1802 году войсковая канцелярия постановила, чтобы „каждый помещик был бы в свободе имене свое, на войсковой земле, состоящее с правом на людей, продавать или закладывать только между собою, а не в постороннее ведомство“. (Рапорт атамана М. И. Платова в сенат 11 мая 1802 г. Акты по ист. Войска Донск. собр. Лишینیм, т. III, стр.—223. Цит. по брош. Савельева). При освобождении крестьян от крепостной зависимости донское дворянство, получив в свое время по 8-й ревизии из войсковой земли по 15 и 20 десятин на ревизскую душу, выделило крестьянам наделы от 2¹/₂ до 3³/₄ и при том по непомерно высокой цене—31 и 39 рублей, оставив за собой леса и водопой. Всего осело на наделах 120.193 души крестьян, без наделов осталось 23.489 человек. 4/5 земли осталось за помещиками. По положению об обеспечении генералов, штаб и обер-офицеров Войска Донского от 1870 года за ними было закреплено в потомственную собственность 1.187.741 десятина.

Принцип войсковой собственности на землю в казачьих областях был нарушен в интересах казачьих верхов—чиновничества и офицеров, которым было предоставлено право получать земли в частное потомственное владение. На Дону в 1842 г. обер-офицеры получили по 200

дес., штаб-офицеры—400 дес., генералы—1500 д., но до 1870 года вопрос об обеспечении генералов, штаб и обер-офицеров и классовых чиновников Донского, Кубанского и Терского войска еще не был вырешен, „Монаршею милостью“ в 1870 году Донское, Кубанское и Терское офицерство получили земли в потомственную собственность. По закону 21 апреля 1839 г. офицеры и чиновники были освобождены от обязанностей военной службы и получили право выхода из казачьего сословия. „Этим основным законом, имеющим для казачьих офицеров и чиновников то же значение, какое некогда имела жалованная грамота дворянству“, офицеры и чиновники окончательно раскрепощались от феодальных уз.

История помещичьего землевладения на Северном Кавказе,—это история расхищения земель сначала Войска Донского, а затем земель, отнятых у „покоренных“ горцев, то-есть земель на которых были выжжены аулы, ограблены и перебиты жители, земель, откуда население массами бежало в Турцию. В своем месте мы осветим колониальную политику царизма (см. гл. „Национальн. вопрос“). Здесь же мы остановимся лишь на расхищении земель.

Земли Донского частного коннозаводства хотя и причислялись к войсковому запасу, но фактически они были изъяты из войскового запаса и расхищены помещиками-коннозаводчиками. По данным, приведенным в „Сборнике 1-го Донского окружного земства“ за 1876 г. (часть 2-я. Раскладки. Изд. 1877 г.) донским коннозаводчикам было отведено 752.994 дес. земли. Это громадное количество земли было распределено между 143 лицами, по преимуществу не казаками, а аристократией: генерал майор Кутейников получил 14.400 дес., князь Меньшиков 16.800 дес., графы Платовы 7.200, генерал-майор Митрофанов 14.400 дес., полковник Чернотубов 14.400, генерал-майор Кульгачев 14.400 дес. и т. д. В 1913 г. под землями донского частного коннозаводства находилось 777.017 д. В 1914 г. был принят закон о ликвидации Задонского частного коннозаводства, но донские помещики оттянули самоликвидацию и удержали за собой земли вплоть до революции. (Обзор деятельности Войскового Земельного Совета войска Донского за 1910-15 г.г., стр. 9).

В Кубанской области, в 1867 году были пожалованы в вечное потомственное владение 60 лицам 129.957 дес. земли, с нефтеносными площадями. Из них командующему войсками Кубанской области, графу Евдокимову, которого даже современники называли вором, пожалованы 4.809 дес. на реке Кудако. Были пожалованы также земли графу Сумарокову-Эльстон, генералу Кеслеру и генералу Бабычу. Кроме того, Новосильцеву были сданы казной нефтеносные площади на Кубани, которые лишь в 1883 году перешли к французскому акционерному об-ву „Новый русский стандарт“.

Появление частной земельной собственности на территории Терского казачьего войска относится также к 1870 году, когда по положению от 23-го апреля было предоставлено для надела офицеров, чиновников Терского казачьего войска 120.027 десятин, с правом выбора надела по всем территориям войска. „В их руках,—читаем мы в „Очерке движения частной поземельной собственности на территории Терского казачьего войска“ Евгения Максимова,—естественно оказались самые лучшие из всей войсковой территории куски, нередко состоявшие из богатых лесных угодий“.

Но судьба дворянского землевладения на Северном Кавказе не отличалась от судьбы российского дворянства: оно продавало и закладывало свои земли.

Процесс разрушения казачьего дворянского землевладения в Терской области рисует Евг. Максимов в упомянутой статье („Терский сборник“, выпуск 1-й, 1890 г.).

Первоначально офицерству было выделено 562 участка, всего 103.716 десятин.

Что же произошло через 20 лет?

„При первом же взгляде на список офицерских участков за 1880 год (в июле месяце) получается впечатление больничного скорбного листка с отметкою „умер“. Каждая страница этого длинного списка испещрена словами „продан“ и изредка—„перешел по наследству“. При более внимательном чтении того же списка выясняется, что громадное большинство покупателей принадлежит к сословию крестьян, мещан и купцов, т. е., что все проданные офицерские участки перешли в чужие руки и, таким образом, для территории Терского казачьего войска они безвозвратно потеряны“ (из цитированной выше статьи Максимова). К „чужакому сословию“ за это время от казачьего дворянства перешло из 562 участков—219 участков, а всего 38.140 десятин, т. е. 38,9 всей закрепленной в частную собственность земли.

Покупателями этих участков были преимущественно так называемые „тавричане“, т. е. выходцы из Таврической губернии—овцеводы. Какое же изменение произошло в связи с переходом земли из рук дворянства в руки капиталистических землевладельцев? А вот какое: 219 участков размером в среднем каждый 174,2 десятины сосредоточились в руках 102 владельцев, и средний размер одного участка возрос до 373,9 десятины. По данным Максимова, на пространстве офицерских участков:

	Было в 1870 году	Стало в 1890 году	+	—
Мелких участков	86	26	—	60
Средних участков	116	53	—	63
Крупных: {	От 400-500 дес.	16	12	4
	Более 500 дес.	1	11	16

Таким образом, при переходе земли из рук казачьего дворянства в руки тавричан произошло укрупнение хозяйства. „Из данных Терского областного правления видно,—пишет Максимов,—что почти половина проданной земли, оказывается в руках только 4-х владельцев, у которых сосредоточено 99 участков“. И автор цитированной нами статьи делает совершенно правильный вывод: „На казачью поземельную частную собственность идет новый владелец, крупный и сильный, который стремится захватить в свои руки возможно большее пространство“.

Казачье дворянство и новоиспеченные помещики завоеванных областей Северного Кавказа продавали и закладывали свои земли. По данным Собривского („Задолженность частного землевладения на Северном Кавказе“ „Сборник сведен. о Сев. Кавказе“, том I, 1906 г.), в 1903 году было заложено:

	Общ. площ.	Колич. част.	Заложен.	Проц.
	лес.	собств.	лес.	
Ставропольской губ.	6268271	до 400000	192630	48,2
Терской обл.	6690715	„ 700000	309404	44,2
Кубанской обл.	8565177	„ 941000	327251	34,8
Черноморск. губ.	672435	„ 105000	5418	5,2
По всему Сев. Кавк. . .	22216598	2146000	834703	38,9

Задолженность частного землевладения на Северном Кавказе была значительно выше, чем задолженность по всей России, составлявшей 17% частновладельческих земель

Обезземеленье дворянства сопровождалось не только появлением „таврчан“, то-есть капиталистического землевладения, но и численным сокращением дворянства. Количество дворян уменьшается, количество крестьян увеличивается. В Кубанской области, по данным Шершенко („О положении иногородн. Куб. обл.“), число дворян уменьшилось с 1901 года по 1904 год с 14.102 до 11.014, а число крестьян за это время увеличилось с 378.540 душ обоего пола до 709.427 душ.

Крупное дворянское землевладение, во всяком случае, не может быть названо преобладающим в частном землевладении казачьих областей Северного Кавказа, да и вообще на Северном Кавказе. Награбленную землю помещики с такой же легкостью сбывали с рук, как и получали. Мы не имеем данных о распределении владений по сословиям, по всему Северному Кавказу, поэтому воспользуемся достаточно проверенными данными Кубано-Черноморского Областного Статистического Бюро за 1817 год, помещенными в труде „Население хозяйства Кубано-Черноморской Области“. (Стр. 236).

Размер владений	Количество владений	Всего земли в десятинах
До 20 десятин	3883	34853
От 20—500 десятин	4605	403145
От 500 и выше	138	183487
Итого . . .	8626	621486

Перейдем теперь к той массе казачества, которая была прикреплена к станичным юртам. Прежде всего, какую эволюцию пережило казачество в XIX веке?

Во-первых, в течение XIX века были уничтожены остатки „вольностей“ Донского казачества и Черноморского войска, во-вторых, казачество было разбавлено оказаченными крестьянами и т. д. и подверг-

лось переселениям. В 60-х годах граф Евдокимов сделал даже попытку переселить в Закубанье Черноморское войско, занимавшее на Кубани лучшие земли, но, наткнувшись на сопротивление казачьих помещиков богатой Черномории, был вынужден воздержаться от грабежа. Государство экспроприировало территорию войска Донского и создало на завоеванных территориях Северного Кавказа Кубанское и Терское казачьи войска, часть которых составляли, еще ранее поселившиеся на Тереке терско-гребенские и волгские казаки и остатки войска Запорожского—„Черномория“—переселенные на низовья Кубани Екатериной. Из казачьей массы было выделено казачье дворянство, а масса казачества была прикреплена к земле, отбывая своеобразную натуральную повинность путем несения военной службы со своим конем и оружием.

Казачья община ничем существенным не отличалась от крестьянской общины, казачье землевладение ничем существенным не отличалось от крестьянского землевладения, разве лишь связью надела, „пая“ с отбыванием казачьей натуральной повинности, как-бы эту общину не идеализировали казачьи историки. Единственным воспоминанием о бывших феодальных привилегиях казачества являлась посаженная плата, о которой речь будет ниже. В отношении отбывания повинностей казачество, как и крестьянство, было связано круговой порукой. По ст. 183 „Положения об общественном управлении станиц казачьих войск“ (1891 года) „Станичное общество отвечает за исправный выход на службу каждого из своих членов, за исправное отбывание земских и станичных повинностей, а также за пополнение недоимок, лежащих на обществе“. Общество имело право отбирать от казаков земельные пай, накладывать руку на доходы неисправных казаков и т. п. Как раньше, по выражению Маркса, Борис Годунов превратил „русских крестьян в придаток земельных участков“ („Капитал“, т. I, стр. 116,) так царизм, ограбив казачество, превратил его в придаток земельного пая.

Что же представляла из себя казачья община? Казачество не пользовалось никаким самоуправлением, оно находилось под опекой высшего начальства. Ст. 155 „Положения об общественном управлении станиц казачьих войск“ возлагает надзор и ближайшее заведывание станичным и хуторским управлением на атамана отдела, а высший—на областные войсковые хозяйственные управления и на войсковых наказных атаманов. По ст. 160 войсковым наказным атаманам предоставляется право назначения станичных и хуторских атаманов и приостановления действия сборов в случае необходимости. В общем опека начальства не оставляла никакого простора для станичного самоуправления, объем прав которого был не шире „самоуправления“ крестьянской волости, опекаемой со всех сторон.

Слишком часто упоминается о сословных привилегиях казачества, между тем казачество сословными привилегиями не пользовалось. При выходе из казачьего сословия,—что наблюдалось очень редко, так как выход из сословия был затруднен целым рядом препятствий,—казак не получал никаких преимуществ. Дело вовсе не в том, что казачество пользовалось привилегиями, а в том, что неказачье население в казачьих областях, кроме некоторых городов, лишалось тех прав, которыми оно пользовалось по законам Российской империи. Это относится также и к буржуазии, на чем мы дальше остановимся подробнее.

Суть дела сводится к тому, что в наделах станичных обществ нахо-

дилось почти две трети земли. По ст. 7 „Положения о поземельном устройстве станиц и войсковых запасных земель“ („Куб. Справочн. книжка“, изд. 1891 г.) „Земли, отведенные станицам, состоят в общественном владении общества каждой станицы. Никакие части земли и никакие угодья, в черте станичного юрта заключающиеся, не могут выходить из владений станичного общества в чью либо личную собственность“. Дальше мы подробнее остановимся на следствиях, вытекавших из этого положения, здесь отметим лишь, что на две трети территории Донской и Кубанской областей распространялась власть станичных обществ, имевших прав не больше крестьянских волостей.

На долю рядового казачества приходилась лишь юртовая земля, из которой нарезались казачьи „паи“. Однако, здесь необходимо сделать оговорку. В передел поступала далеко не вся юртовая земля: в 1917 году в Кубанской области было разверстано на пай 2.753.810 десятин и не разверстано 2.418 544 десятины. Таким образом, почти половина станичных земель в Кубанской области не поступила в передел, а находилась или под неудобными землями, или под перелогом, под поселениями, в запасе, под оброчными статьями, под выгоном и т. д. („Нас. и хоз. Куб. Чер. области“, стр. 275 и 280).

По закону 21 апреля 1869 года „О поземельном устройстве казачьих войск“, „В виду лежащей на казачьем населении обязанности снаряжения на свой счет к войсковой службе, должно быть отводимо попрежнему не менее 30 десятин на каждую душу“. При этом земля была разбита на разряды и пай уменьшался в зависимости от качества земли до 16 десятин. (Столетие Военного М-ва. Главное Управление Казачьих Войск СПб. 1901 г. стр. 532).

Но с течением времени размер пая, как мы увидим дальше, постепенно уменьшался. Земли казаков войск Донского и Черноморского были закреплены за ними в собственность, а прочим были предоставлены Николаем I в пользование. Свой земельный пай казак получал с 17-ти лет.

По данным, приведенным в „Статистическом обзоре современного положения казачьих войск“ (1903 г.), фактический надел в начале XX века равнялся:

Войско	Всей земли	Удобной	Леса
Донское	16,5	13,8	0,3
Кубанское	12,5	7,7	1,3
Терское	18,8	15,3	1,1

Как видно из этого, рядовое казачество, получив в свое время от 16 до 30 десятин на душу, имело надельной земли значительно меньше. Размеры пая колебались не только по отделам, но и по отдельным станицам. Так в 1917 г. в Краснодарском отделе размер пая, включая пашню, покос и лес, колебался от 2,25 (станция Абинская), до 13,9 десятин (станция Ново-Корсунская). („Население и хозяйство Кубано-Черноморской области“, Статистический сборник за 1922-23 г. издание „Буревестник“ 1924 г., стр. 258-9).

В северных округах Донской области (по данным „Доклада Отд. Землеустр. и Земледел. Б. Войск. Кругу в феврале 1919 г.“ Новочеркасск 1919 г., стр. 11.) пай уменьшился до 7,69 десятин и даже 4,65 десятин на мужскую душу.

На Кубани граница между зажиточными и бедными станицами совпадала с границей между горами и низменностью, а на Дону— между северными и южными округами.

В сущности говоря это различие между районами означает ту границу, которую провел капитал между районами, вовлеченными в мировую хлебную торговлю, перешедшими от натурального хозяйства к денежному, и районами Нагорной полосы, затем малоземельными и неудобными в почвенном и климатическом отношении, а также удаленными от рынков сбыта.

Как менялось казачье хозяйство в этих двух районах?

Типичным примером вовлечения казачьего хозяйства в мировой хлебный оборот является ст. Кавказская, Кубанской области, из района которой уже по 1890 год в среднем вывозилось по железной дороге 3967176 пудов хлеба (А. С. Собринский, „Екатеринодарский хлебный рынок“. 1899 год, стр. 8). До 1870 года в ст. Кавказской господствовал захватный порядок землепользования. В 1870 году казачий юрт был размежеван, при чем на 1295 душ мужского пола пришлось по 21¹/₂ на душу, а всего, включая церковную, под дорогами и т. д., 29517 десятин. Дальнейшую историю ст. Кавказской мы излагаем со слов старожилы станицы, войскового старшины А. В. Ламонова, описание которого тем ценно, что он, не понимая происходящего процесса, рассматривает его с точки зрения консервативного казака, переживающего эволюцию от натурального хозяйства к денежному.

В районе ст. Кавказской прошла железная дорога. „Благодаря этим условиям,— пишет Ламонов,— из внутренних губерний России поплыл народ на Кавказ на заработки, да и оставался здесь на жительство. Прибавилась семья, убавилась земля в паях. Если прежде семья заседала хлеба 5 десятин, стала засеивать 8, 10 и больше десятин, благодаря завязавшемуся родству с „иногородными“ и кумовству с ними. Первые два-три года посеиы показали станичникам, что много земли распаивается иногородными под крылышком того или иного казака, что такой порядок истощит землю, что надо упорядочить способ равномерного пользования землей. Пришли к тому, что весь юрт в 1886 г. разделяли на пай, по равной части пай на 10 лет, а о том, что многие имеют виноградные сады, огороды в количестве от 490 кв. саж. до 2—3 дес. или гумна и фруктовые сады до 1 дес. а также новые усадебные места, самовольно занятые тоже до 1 дес., на все это не было обращено внимания, а потому такие казаки-хозяева пользовались не в зачет. Следовательно, равномерное пользование землей было только на словах, а не на деле. Разделом земли на пай жители полагали достигнуть лучших условий по обработке земли, но получили противоположные результаты. Одна из главных причин нарушения закона со стороны общества в допущении самовольных разделов даже слабых семейств, повлекшее к тому, что слабые семьи не в силах были обработать свои пай и отдавали их в аренду. Цена арендная самая высокая— 2 р. за десятину в год. Арендаторы не стеснялись сплошной распашкой земли, довели ее до полного истощения, а вследствие этого арендная плата упала до 76 коп. за десятину в год. Результатом такого хозяйничания оказались недороды хлеба, вызвавшие помощь на счет общественного хлебного магазина и что бросалось в глаза, так это то, что в помощи нуждались семьи одиночки, „отскочившие от отцов“. Само собою разумеется, что одиночки, нуждаясь в деньгах на обстройку, отдавали свой пай, оставляя для себя столько земли, лишь бы от посева собрать зерна на год, выходило, что не год—то недород.

Убедилось общество, что такой порядок землепользования дальше идти не может без ущерба для него. Перешло на более практический способ и вот уже несколько лет подряд пользуется довольством. Арендная цена на десятину земли в 20—25 руб. Почти половина неудобной земли приносит пользу, занятая под сады и огороды, обработка потребовала усиленного труда, но да, ведь, без труда ничего не делается.

„В 1912 г. произведен раздел земли на пай, на два года, по числу 1740 паевых душ. В течение 42 лет (1870—1912) получился прирост мужского пола на 456 душ, вследствие этого паевой надел определялся около 15 $\frac{1}{2}$ дес. удобной земли, следовательно, в течение 45 лет пай уменьшился на 6 десятин“.

Далее у того Ламонова мы читаем. „С проведением Владикавказской жел. дороги материальное положение населения постепенно стало улучшаться, сбыт производства облегчился, миновала надобность ходить в „дорогу“ (так называлось чумачество в г. Ростов). Железная дорога отвозит и привозит, что нужно. Появились молотилки хлеба с конным приводом, потом и паровые. Появились косилки, сначала на подвал скосить,—понадобились вязальщики,—а потом явились косилки—сноповязалки. Полевая работа идет так успешно, что уборка и молотьба оканчиваются в течение одного месяца. Ко дню покровы пр. богородицы в амбарах хозяев остается зерна годовая пропорция, и лишь некоторые хозяева оставляют большой запас.

Избыток денег от продажи, произведенной за расходом на необходимые потребности по хозяйству, не бережется про черный день, а расходуетя на дорогие наряды дочерей и сыновей до брачного времени,—молодежь щеголяет в шелковых или атласных бешметах, а девицы в таких же юбках и кофточках, на ногах лакированные сапоги и модные ботинки, шелковые персидские шали. Все это объясняется ежегодными хорошими урожаями хлеба. Кроме хлебопашества население станицы занимается садоводством и виноградарством. Сбыт винограда и овощей дает большое подспорье в хозяйстве казака. Дома и дворовые постройки почти три четверти населения станицы покрыты черепицей. Все говорит о довольстве.

Лет 40—30 тому назад благодаря тому, что поддерживалось скотоводство, съестные продукты были значительно дешевле. Булка белого хлеба домашнего печения покупалась за 10—12 коп., фунт говяжьего мяса 5—6 коп., а бараньего—5—8 коп. иногда и дешевле. Молоко продавалось кувшинами, а не кувшинчиками в 2 стакана, 5—6 коп. Рыба: сазан, карась и другие 3—4 коп. фунт. Теперь эти продукты повысились в цене в три раза. Пристрастие к деньгам усилилось настолько, что ради них семьи оставляются без молока. („Кубанский сборник“ 1914 г., том XIX „Историч. очерк о заселении ст. Кавказской, Кубанского казачьего войска“).

Казачий летописец в общем верно передает эволюцию казачьих хозяйств хлебородных районов казачьих областей. Переход от натурального хозяйства к денежному, механизация, т. е. капитализация хозяйства, изменение системы хозяйства, сопровождающееся сокращением скотоводства и увеличением посевной площади, рост казачьей буржуазии пока еще в рамках общинного землевладения, применяющей усовершенствованные земледельческие орудия, нанимающей рабочие руки и заинтересованной в высоких ценах на хлеб, высоких арендных ценах и дешевой рабочей силе. Обратная сторона этого процесса будет описана нами ниже, а теперь мы перейдем к другой

группе казачьих хозяйств, обреченных на малоземелье, с преобладанием элементов натурального хозяйства.

Типичными в этом отношении являются станицы Нагорной части Кубанской области. Л. В. Македонов в своей книге „В горах Кубанского Края“ рисует яркую картину того безвыходного положения, на которое обречено казачество 29-ти станиц Нагорной части.

Размер пая в этих станицах колебался от 2—5,5 десятин, а в станице Абдзехской падал даже до 0,75 десятины. В 29-ти станицах казаки арендовали 11286,5 десятых десятин на сумму 52019 рублей. В станицах Майкопского района к аренде земли прибегали 32,7% хозяйств, Екатеринодарского—36,1, Лабинского—36,3, Баталпашинского—27,0% Темрюкского—33,8%. Казачество „проматывало“ наделенные в свое время в Нагорном отделе потомственные участки (размером до 10 десятин), из 86 участков лишь 14 удержалось у хозяев. В 1906 г. по постановлению Войсковой Рады Нагорные станицы получили удобные земли в Черномории, но эти земли слишком далеко отстояли от Нагорных станиц и превратились в арендный фонд. В этих же станицах насчитывалось значительное количество хозяйств без сельско-хозяйственного инвентаря от 11,7% (в станицах Баталпашинского района) до 19% (в станицах Майкопского района). Большой тяжестью на хозяйство ложилось снаряжение казака, на что расходовалось, по данным Македонова, около 300 рублей, а на пешего—около 120 рублей. Обычно хозяйства не справлялись и пользовались пособиями от общества, которые взыскивались принудительным путем, посредством продажи имущества, скота и т. д. По словам Македонова, после двух—трех снаряжений семья разорялась, тем более, что служба каждого казака обходилась хозяйству до 500 рублей чистыми деньгами. Особенно тяжело на хозяйстве отражалась браковка коней.

Экономика „рассказывала“ казачество, никакие „привилегии“ тут не помогали. В обследованных Македоновым Нагорных станицах насчитывалось семей не живущих на месте приписки от 7,6 % (в ст. Баталпашинского района) до 14,0% (в станицах Екатеринодарского района). В ст. Дагестанской % отсутствующих доходил до 21. Огромный процент семей отпускал членов в батраки: в ст. Баталпашинского района батраком выделял 21,2% хозяйств, в ст. Екатеринодарского района—40,7%. В ст. Черноморской батраков выделяло 56,1% семей.

В меньшей степени происходило здесь окулачивание казачества. К найму постоянных рабочих прибегало хозяев-казаков от 1,0% в ст. Лабинского района, до 16,5% в ст. Екатеринодарского района.

Значительным подспорьем населения являлся лесной промысел, который давал в станицах Майкопского отдела 41,2% всех денежных доходов, а в станицах Екатеринодарского района,—46,4%. Здесь давало доход также батрачество и поденщина, составлявшие 14,5% бюджета.

Сравнивая соотношения натуральных и денежных доходов в бюджете станиц Нагорной полосы, А. Македонов приходит к заключению, что по соотношению натуральных и денежных доходов хозяйство Нагорной полосы приближается к типу хозяйств киргизов-скотоводов.

	Доходы натуральн.	В проц. денежн.
У крестьян	54,80	45,20
„ киргизов	63,36	36,64
„ жителей Нагорн. станиц	62,80	37,20

(„Хозяйственное положение района станиц Баракаевской Каменно-мостской, Севастопольской, Куб. обл.“, „Стат.-Экономич. очерк“, сост. А. В. Македонов, стр. 19).

В станичных бюджетах Нагорных станиц преобладали административно-военные расходы, составлявшие 61—77 %. В доходных статьях бюджетов станиц Нагорной полосы, значительное место занимали раскладочные сборы. Эти „расклады“ взимались с правомочных казаков, со стариков и малолетних, с земельных паев, со скота, с „дыма“ и т. д. В среднем, жители Майкопского района Нагорной полосы уплачивали 6 р. 70 коп. со двора, а 3 станицы Екатеринодарского отдела 8 руб. В среднем на десятину пашни и сенокоса приходилось 3 р. 50 к., тогда как, по словам Македонова, в средней земледельческой полосе на десятину падало платежей 2 р. 26 коп.—2 р. 73 к., а на Украине 1 р. 92 коп.

Как жил казак в Нагорной полосе? „Скука, оброшенность, материальные лишения, тягостные не по средствам повинности одолевают казака-хозяина и не даром именно здесь сложилась поговорка: „Слава казачья, а жизнь собачья,“—пишет Македонов.

Все это свидетельствует о том, что дело не в привилегиях казачества, а в тех экономических условиях, в которых развивалось казачье хозяйство. В области войска Донского, насчитывалось, по данным Войскового Земельного Совета, 63 малоземельных станицы, а в Терской области, 20 станиц, из которых 8 находилось в Сунженском отделе. По словам Савельева („Положение крестьянства на Дону“) многие казачьи хозяйства приходили в упадок и сдавали свои паи в аренду за 100—200 рублей в год.

Казачество пролетаризировалось. На войсковом совещании по земельному вопросу, созванном наказным атаманом Войска Донского в 1909 году (9 декабря) указывались примеры, когда аренда пая понижалась до 55 коп. с десятины в год; следовательно, казачьи паи не приносили их владельцам почти никаких доходов, и казаки принуждены были бросать дома и „искать заработка на стороне, поступая на фабрики, заводы, железные дороги и шахты.“ („Обзор деятельности Войскового Земского Совета Войска Донского за 1910 - 1915 г.г.“ Стр. 18).

Итак, на одном полюсе накапливалось богатство, на другом усиливалась нищета. Тот же процесс происходил в каждой станице, разлагая казачество изнутри.

Если в 70-х годах прошлого столетия казачье хозяйство переживало кризис при переходе от скотоводства к земледелию, то перед революцией казачье хозяйство переживало кризис перехода от низших форм земледелия к высшим, от экстенсивного к интенсивному сельскому хозяйству.

На Дону, который был вовлечен в товарное хозяйство раньше Кубани, где существовало крепостничество, благополучие помещичьего хозяйства строилось еще ранее руками крепостных. Вот данные оборотов Ростовской таможни, свидетельствующие о выходе помещичьих хозяйств Приазовья, на ряду, впрочем с казачьими хозяйствами на внешний рынок:

Годы	Сумма отпуска в рубл.
1836	102.850
1840	1.436.000
1850	2.339.000
1853	5.397.960
1857	11.028.700
1862	12.839.900

(Писарев „Ликвидация крепостного права в Приазовьи“ 1857—1863 г.г. Прибой. Ростов Дон, 1924 г., стр. 61 и 62).

В 1916 году по всему Северо-Кавказскому Краю было занято под посевной площадью 8.376 тыс. дес.—11,3⁰/₀ всей посевной площади бывшей Европейской России. За 1909—1913 г. средний вывоз за пределы Края составлял:

	Весь чистый вывоз	Чистый вывоз за границу	Чистый вывоз в Европ. Россию
Пшеница	137.803 т. п.	114.024 т. п. 83 ⁰ / ₀	23.779 т. п. 17 ⁰ / ₀
Ячмень	78.106 т. п.	76.676 т. п. 98 ⁰ / ₀	1.430 т. п. 2 ⁰ / ₀

Таким образом, к началу войны сельское хозяйство Края, главным образом, в лице казачества, в руках которого находились плодороднейшие земли на Дону и на Кубани, установило смычку с мировым рынком, закрепив за собой и земли, и дешевые рабочие руки в лице иногородных, и высокую ренту. О зависимости сельского хозяйства Сев. Кавказа и прежде всего казачьего хозяйства от мирового рынка свидетельствует следующий факт. Когда в мае 1898 г. была введена ввозная пошлина, в портах южной Франции, куда шел через Новороссийск кубанский хлеб, цена пшеницы сразу упала на Екатеринодарском рынке с 14.70 к. за 10-пудовую четверть до 7 р. 80 к. (Собриевский, „Екатеринодарский хлебный рынок“, стр. 21).

Хозяйство Донского и Кубанского казака должно было приспособляться к колебаниям конъюнктуры мирового хлебного рынка, но это хозяйство находилось в плену у общины, которая препятствовала развитию казачьего хозяйства, которая прикрепляла казака к земельному паю, к отсталым формам сельского хозяйства, ставила его в зависимости от частых переделов. В статье С. Скворцова в трудах Кубано-Черноморского статистического бюро: „Население и хозяйство Кубано-Черноморской области“ мы читаем о Кубани: „В тех поселениях, где население перешло к трехполью (для Кубани даже трехполье прогресс) переделы совершались обычно через 1—2—3 года, там же, где существует пестропольно-пайковая система или система двухпольно-клиновая залежная, переделы происходили через более продолжительные промежутки времени“ (стр. 274).

Казачий „пай“ тяготил, как мы видели, казачью бедноту, численность которой, впрочем, была невелика, противопоставившую „славу казачью“ своей „жизни собачьей.“ Этот же „пай“ препятствовал развитию обуржуазившегося казачьего хозяйства капиталистического типа, которому было тесно на паявой земле и который приарендовывал землю у соседей станичников, из станичного юрта, из войсковых земель.

Об исторической роли капитала в сельском хозяйстве Маркс пишет:

„Та форма земельной собственности, которую находит зарождающийся капиталистический способ производства не есть соответствующая ему форма. Только он сам создает соответствующую ему форму, подчиняя земледелие капиталу, благодаря чему и феодальная земельная собственность и собственность клана, мелкая крестьянская собственность общинной марки, как ни различны их юридические формы, превращаются в соответствующую этому способу производства экономическую форму. Один из великих способов капиталистического способа производства заключается в том, что он, с одной стороны, превращает земледелие из чисто эмпирических и механически наследуемых методов наименее развитой части общества в сознатель-

ное научное применение агрономии, поскольку это вообще возможно при отношениях, связанных с частной собственностью" (К. Маркс, „Капитал“ т. III, ч. II, стр. 157).

И мы видим, что казачье хозяйство начало разлагаться еще задолго до революции.

Правительство принимало меры к тому, чтобы, сохранив казачество, подвести под него новую экономическую базу. Общинное казачье хозяйство зашло в тупик. В „Обзоре деятельности Войскового Земельного Совета Войска Донского“ за 1910—1915 г., мы читаем: „Исходя из глубокого убеждения, что существующая форма юртового станичного землепользования является причиной весьма низкой урожайности донских земель и непреодолимым тормозом к введению улучшенных способов обработки земли и поднятию устойчивости и производительности ее, Войсковой Земельный Совет возбудил надлежащее ходатайство о разрешении Совету оказать из средств земельного капитала помощь тем станичным обществам, которые пожелают перейти от нынешнего порядка землепользования к вечным хуторским довольствиям“. Таким образом, намечалось еле заметно создание „стольпинского казака“, т. е. вооруженного кулака.

Борьбу с малоземельем на Дону донское дворянство увязало с собственными интересами и с походом против иногородных крестьян.

9-го декабря 1909 года, по постановлению Военного Совета от 22-го февраля 1907 г. на Дону было создано Войсковое Собрание, под председательством наказного атамана, барона Таубе, из представителей станиц по распределению войсковых земель.

На собрании был разрешен вопрос о создании земельного фонда путем покупки и обращения в фонд частновладельческих земель (стр. 18). 2-й пункт постановления гласит: „необходимо оставить из предлагаемых запасов 500.000 десятин на 12-летний срок в аренду для образования земельного фонда, с целью покупки и обращения в фонд частновладельческих земель“. Пункт 3-й „для выяснения вопроса о скорейшем приобретении частновладельческих земель, необходимо образование особой комиссии из представителей казачьего населения и сведущих лиц“. В 4-м пункте мы читаем: „Вновь приобретенные частновладельческие земли должны немедленно поступить для заселения казаками наиболее нуждающихся станиц“. („Обзор деятельности Войскового Земельного Совета в Донского“ за 1910—1915 г. Новочеркасск. 1916 г., стр. 12-18).

На том же собрании возник вопрос о деятельности Крестьянского Банка, который, „скупая частновладельческие земли, поселял на них крестьян и, таким образом, значительно увеличивал в области численность иногородных, внедряя его навсегда в Донской области и ограничивая, следовательно, возможность выкупа войском значительной площади частновладельческих земель, передаваемых под крестьянские наделы“. (Там же, стр. 19).

Выдвигалась далее мысль о создании Донского Казачьего Банка. Там же наказный атаман Таубе заявил, „что он обратился с предложением в Банк о прекращении его операций по продаже иногородным имений в Донской области, за исключением двух округов: Ростовского и Таганрогского“. (Там же, стр. 20).

Собрание пришло к выводу, „что частновладельческие земли в области удобно и выгодно покупать не сразу, а исподволь“.

На Дону началось в небольшом масштабе насаждение хуторов. При переселении казаков малоземельных станиц в новые, юрт

новой станицы представлял собою вечные хуторские довольствия, обособленные в своих границах. С 1910 по 1916 год Войсковой Земельный Совет Войска Донского купил 53.386 десятин частновладельческой земли за 9.128.511 р. и частью на купленные земли, частью на земли, так называемого, войскового запаса было переселено 19.287 душ мужского пола и 16.112 душ женского.

Такова была намечавшаяся эволюция казачества.

Но было бы ошибочно предполагать, что казачество исключительно связано с землей. В Донской области в 1913 г. войсковое сословие составляло 23,6 всех торгующих, в Кубанской области—10,9, в Терской области—17⁰/₁₀₀. Надо заметить, что торговля для донского казачества является более привычным занятием, чем земледелие. Так, по данным „Сборника 1-го Донского окружного земства“ за 1877 г., в 1876 г. в Донском округе почти вся промышленность и торговля находились в руках казачества.

Вместе с тем, появляется значительный слой интеллигенции, вышедшей из рядов казачества—учителей, врачей, адвокатов, инженеров и т. д., вышедших, по преимуществу, из среды обуржуазившейся части казачества, тесно связанных экономически и идеологически с этой группой.

Вожди кубанской контр-революции К. Бардиж и Н. С. Рябовол были директорами Черноморско-Кубанской железной дороги.

ПОЛОЖЕНИЕ ИНОГОРОДНОГО НАСЕЛЕНИЯ.

Обратимся теперь к иногородному населению.

Вопрос об иногородном населении также запутан, как и вопрос о казачестве.

Антагонизм между казачеством и иногородным населением имеет корни в далеком прошлом.

В 1797 году на Кубани кошевой атаман отдал приказ: „не принадлежащих же к Черноморскому войску людей, переходящих на войсковую землю... удалить за р. Ею и впредь сторонних поселенцев на войсковую территорию не пускать“. („Известия общества любителей изучения Кубанской области“, т. I, 1898 г., ст. 57-58). На Дону крестьяне записывались не только за частными владельцами, но и за станицами, переход крестьянства от владельцев к станицам и наоборот решался с ведома войсковой канцелярии... В 1782 г. из 26.579 душ крестьян за помещиками, войсковыми старшинами и выборными войсковыми чиновниками числилось 18.123 души, за станицами—7.456 душ. Последние, хотя и считались свободными, но не могли отлучаться из станицы, пользоваться правом участия в станичном самоуправлении и даже в 1776 году войсковой грамотой „было запрещено выдавать за них замуж казачьих вдов и дочерей“. (Евг. Савельев. „Крестьянский вопрос на Дону в связи с казачьим“. Историч.-стат. очерк. Новочеркасск. Стр. 27).

Остатки этого сохранились вплоть до революции. На одном из съездов иногородных в 1917 году, А. Юшко, выступая в защиту иногородных сказал: „Если бы безумная мысль изуверов о выселении вас из Края осуществилась и вы оставили бы наш Край, как в древности евреи оставили Египет, то в Крае тотчас же воцарилась бы мерзость запустения и местные фараоны не замедлили бы вернуть вас обратно, как некогда египетские фараоны хотели возвратить евреев“. А во времена деникинщины член Рады Толкунов договаривался до уничтожения иногородного населения.

На Кубани, при переселении сюда остатков запорожского войска, последнее перенесло сюда свои обычаи и, как Запорожье поручило куренному атаману „чинить суд и расправу в маловажных ссорах и спорах между жителями своего куреня“; на окружную администрацию (полковник, писарь, есаул и хорунжий) были возложены и полицейские обязанности и забота о благоустройстве.

Такой порядок, установленный в то время, когда никакого другого населения, кроме казачества, на Кубани не было, в основном сохранился до революции, но рамки казачьего самоуправления сузились до размеров станичного юрта.

Станичный суд, станичная администрация, станичное хозяйство— все это находилось в руках казачества и иногородные должны были

подчиняться этим порядкам. Станичное управление, по положению 3-го июля 1891 г. целиком находилось в руках казачества.

По пункту 8 „Положения“: „Лица не войскового сословия, живущие в пределах станичного юрта и имеющие там собственные дома или другую недвижимость, равно как и таковые же лица войскового сословия, принадлежащие к обществам других станиц, также посылают на станичный сбор своих выборных по одному от каждого десяти дворов, но сии выборные участвуют в обсуждении и решении только дел, по существу своему касающихся вышеупомянутых лиц“. По тому же „Положению“ в руках казачества находился также станичный суд и станичное хозяйство. В руках казачества была сосредоточена земля и управление, а неказачье население, которое все же пришлось допустить на казачью территорию и которое, раз оно не принадлежало к казачьему сословию, называлось „иногогородным“.

В 1868 году было отменено запрещение иногогородным приобретать недвижимость в казачьих областях, однако, сама по себе земля продолжала быть собственностью казачества, а точнее—казачьей земельной общины. Этот закон преследовал интересы торговой буржуазии. В юбилейном сборнике Главного Управления Казачьих войск (1901 год), мы читаем: „...Хотя занятие торговлей и было в известной степени свободно для всех лиц невоинского сословия, однако, условия, при которых приходилось торговать, были очень стеснительны, так как купцы, не казаки, не могли иметь собственных зданий, складов, фабрик, заводов и т. д., казаки же не имели средств строить необходимые специальные, приспособленные для торговли, помещения. Поэтому издавна торговцы стали домогаться права владеть, если не вообще недвижимостью, то хотя бы зданиями, построенными на войсковых землях“ (стр. 520). Необходимость заставляла делать изъятия (напр., в Новочеркасске) и, наконец, 29 апреля 1868 года были установлены правила селиться и приобретать недвижимую собственность в казачьих областях. 1-я статья этого закона гласит: „Во всех без изъятия казачьих войсках, русские поданные, не войскового сословия, имеют право приобретать в собственность существующие на городских и станичных землях дома и всякого рода строения на общих основаниях, не испрашивая согласия ни войскового начальства, ни городского или станичного общества. При сем земля под означенными строениями, оставаясь собственностью войска, или городского, или станичного общества, находится в постоянном пользовании приобретателя, со взносом ежегодно в войсковые, городские или станичные суммы установленной посаженной платы“. По закону 1868 г. и постановлению Военного совета 1889 г. размер посаженной платы был определен от 3-х до 5-ти коп. за 1 квад. саж. или 72, 96 и 120 р. за десятину. Посаженная плата сохранилась в казачьих областях вплоть до революции, или, вернее, до ликвидации белогвардейщины.

Посаженная плата играла значительную роль в станичном бюджете. Так, в Донской области в 1913 г. поступило 144.645 р. посаженной платы, в Терской области в том же году—406.236 р. и в Кубанской области в 1912 г.—502.437 руб.

Это своего рода „сеньоральная повинность“, одна из тех повинностей, которые во Франции ликвидированы в эпоху Великой Французской Революции, когда декретом от 17-го июля 1793 г. „крестьяне об'являлись собственниками земли, на которой они сидели, без внесения каких бы то ни было платежей“. В сущности говоря, посаженная плата являлась единственным остатком феодализма в казачьих

областях, превратившись в способ перекалывания расходов по общественному управлению на плечи иногородных. Однако, посаженная плата была налогом на недвижимость и ложилась не на все иногородное население, а только на, так называемое, „оседлое“, представляющие из себя довольно пеструю смесь.

Иногородное население тяготилось посаженной платой, накапливая значительные недоимки. Македонов в своем исследовании „В горах Куб. Края“ указывает, что „иногородные почти совсем перестали платить за усадьбы“ (стр. 161).

На постройку и перестройку требовалось разрешение станичного общества.

В отношении права пользования выгоном, иногородные были ограничены нормой в 4 головы крупного скота и 6—мелкого. Доход за пастьбу скота давал станичным обществам в Области Войска Донского в 1913 г. 22.949, а в Кубанской области в 1912 г.—67.142 р.

В конечном счете все эти ограничения тяжело давили иногородную бедноту и в то же время препятствовали развитию хозяйства иногородного кулачества, стесняли иногородную буржуазию, значение которой с каждым годом увеличивалось.

„Права иногородных,— пишет Шершенко, в упомянутой работе, —на участие в местном самоуправлении сведены к нулю“. (Стр. 45). В школы дети иногородных допускались лишь при наличии свободных мест, пользование фельдшерской помощью иногородным не разрешалось, продовольственные нужды иногородного населения были не обеспечены.

„Обостренное отношение между иногородными и казаками вызывает иногда недоразумение даже из-за посещения станичных церквей“, — пишет Шершенко.

Обрисовывая положение иногородного населения на Кубани, А. И. Шершенко в статье „Правое и экономическое положение иногородных на Сев. Кавказе в Кубанской обл.“ писал:

„Необеспеченность иногородных в земельном отношении, неопределенность их прав, отсутствие учреждений, на обязанности которых лежало бы попечение о крестьянском населении,—все это развивало у них глухое чувство недовольства и создало между казаками и иногородными антагонизм, доходящий иногда.. до открытой вражды и вооруженных столкновений. Эти столкновения приняли бы более крупные размеры, если бы в руках администрации не было возможности во всяком месте и во всякое время призвать для восстановления нарушенного порядка военную силу. Таким образом, над иногородным населением постоянно висел Домоклов меч“. (Сборник сведений о Сев. Кавказе, 1906 г., стр. 17-18).

Суть казачьих „привилегий“ сводилась к монополии на землю к тому, что, примерно $\frac{2}{3}$ — $\frac{3}{4}$ земли в казачьих областях Сев. Кавказа находилось во владении станичных обществ, которые имели прав не больше крестьянских волостей. Таким образом, казачье население пользовалось привилегиями (вспомним казачество Нагорной полосы), — а неказачье население не пользовалось теми правами, какими пользовались члены казачьей земельной общины — „станицы“, ибо дальше станицы никакого казачьего самоуправления, никакого казачьего хозяйства не было, начинались „казна“ и бюрократия, с той разницей, что губернатор, он же и начальник дивизии, назывался „наказным атаманом“.

Население городов, крестьянских волостей, например, бывшее помещичье крестьянство Таганрогского округа пользовалось теми же

правами, какими вообще пользовалось крестьянство и городское население бывш. Российской империи. Таким образом, когда речь идет о казачьих привилегиях или, точнее говоря, о бесправии иногородных, то в данном случае имеется в виду лишь то население, которое проживало на станичных юртах. По месту жительства в 1913 г. в Донской области и в 1912 г. в Кубанской области население распределялось следующим образом:

	Донск. обл.	Кубан. обл.
Иногородн. населен., живущего в городах	160893	236776
Крестьяне собственники, временно обязанные и безземельн. крестьяне Донск. области и корен. населен. Кубан. обл.	905657	218072
Иногородн. нас. на войск. территор.	858681	1022039

Соотношение между иногородным населением и казачеством, без казачьего дворянства и чиновничества, на территории станичных наделов выражалось в следующих цифрах (Донск. обл. за 1913 г., Кубанская обл. за 1912 г.).

	Обл. Войск.	Донск. обл.	Кубан. обл.
Казачество	1456865	1252827	
Иногородн. население	858681	1022039	

Таким образом, в Области Войска Донского бесправное иногородное население составляло $\frac{1}{3}$, а в Кубанской области почти $\frac{1}{2}$.

При подходе к иногородному населению обычно делают две ошибки: во-первых, все иногородное население противопоставляют казачеству, во-вторых, все иногородное население причисляют к земледельческому населению. Первая ошибка свидетельствует о сословном подходе, а вторая является грубым искажением фактического положения вещей.

Иногородное население включает в себя и буржуазию, и помещиков неказачьего сословия, и крестьянство, и пролетариат, и т. д., представляя из себя обычное классовое общество. В то же время иногородное население далеко не все было занято в сельском хозяйстве, более того, в противовес по преимуществу земледельческому казачьему населению, оно являлось городским, промышленным, торговым, и кадр пролетариата формировался почти исключительно из иногородного населения. По Кубанской области в 1912 г. (Куб. сборник на 1914 г.) „Большая часть фабрик и заводов принадлежит лицам неказачьего сословия, войсковое же население вообще мало принимает участия в заводской промышленности“ (Стр. 259). Точно также и в ремесле казачество мало принимало участия. Там же мы читаем о кустарной промышленности, что „эти отрасли и занятия меньше всего развиты среди войскового населения“.

Городское население являлось иногородным населением,—об этом говорят цифры о населении городов Области Войска Донского за 1914 г., а Кубанской и Терской за 1912 г.

Города	Войсковое	Невойск.
Ал.-Грушевск	—	48141
Пос. Азов	—	30558
Таганрог	—	67487
Екатеринодар	—	98442
Ейск	35	49987
Темрюк	139	19657
Анапа	73	16131
Майкоп	235	50940
Грозный	—	29848

Но многие поселения городского типа и промышленные центры, возникшие на станичных юртах, носили название станиц и хуторов и не выходили из под власти казачества вплоть до революции. В таких станицах и хуторах иногородная буржуазия входила в острый конфликт с казачеством. Примером может служить хутор Романовский.

Хутор Романовский (первоначально поселок Кавказский) был образован на юрте ст-цы Кавказской после проведения в 1875 году железной дороги. В 1905 году в этом „хуторе“ числилось казачьего населения 408 чел., а иногородного 19313 чел. В 1913 году казачьих дворов было 120, а иногородных 1980, казачьего населения 443 чел., а иногородного—31273 чел. В хуторе имелись мужская и женская гимназии, Азовско-Донской коммерческий банк, два общества взаимного кредита, 370 лавок, паровая мельница, паровая маслобойка, 5 кирпичных заводов и т. д. Между тем, хутор Романовский продолжал оставаться „хутором“ станицы Кавказской, на него распространялась посаженная плата и все ограничения, существовавшие по отношению к иногородным в казачьих станицах. Мало этого. Хутор Романовский не имел своего бюджета, и все доходы поступали в бюджет ст-цы Кавказской. В приговоре от 5 ноября 1905 г. казаки хут. Романовского жаловались на то, что общество ст-цы Кавказской получило от хутора за время его существования 500.000 р. и просили, чтобы посаженная плата распределялась не так огульно „как теперь 5 коп. за каждую квадратную сажень“ и „чтобы иногородные могли занимать общественные должности наравне с нами“, чтобы хутор был самостоятельным поселением. (С. Ламонов. „Кубанск. сборник“. 1914 г., стр. 512).

Таким образом, с казачьей земельной общиной вступал в борьбу буржуазный город, при чем буржуазию поддерживало обуржуазившееся казачество.

По официальной классификации иногородное население делилось на: 1) коренных жителей, 2) имеющих оседлость, т. е. имеющих усадьбу, 3) не имеющих оседлости или „квартирантов“. В 1914 году соотношение между этими группами на Кубани было таково:

„Коренных“ жителей		Иногородн. „оседлых“		Иногородн., не имеющ. оседлости	
В тысячах	0/00 отн. к общ. кол. иногородн.	В тысячах	В 0/0 отношении	В тысячах	В 0/0 отношении
394.1	22,1	814.4	46,1	574.9	31,8

Только на войсковой территории „оседлые“ и не имеющие оседлости распределялись следующим образом:

	В тыс.	В 0/0
Оседлые	663.343	60,8
Не им. оседл.	426.956	39,2

(„Куб. Сб.“ на 1916 г., стр. 16).

Что представляет из себя каждая группа иногородных в отдельности? Наиболее малочисленная группа, так называемых, „коренных“ жителей, составляющая 22,1% всего иногородного населения, имела земельные наделы и являлась более обеспеченной группой иногородного населения. Однако, если мы сравним душевые земельные наделы

в казачьих станицах и крестьянских обществах, то увидим, что казачество имело на душу втрое больше наделной земли, чем коренные крестьяне.

На 1 душу в 1917 году приходилось наделной земли:

	Казач. ст.	Крест. об-ва
Прописанных и непропис.	1,4	0,42
Прописан. (имеющих право на получение земли)	2,36	0,81

Ту же разницу мы наблюдаем и на Дону, где в пределах Донского округа в среднем производилось посева на одно хозяйство в 1917 году:

	В десятинах
Казачье	11,10
Иногородное	3,54
Крестьянское	10,43

Общее количество голов скота на 1 хозяйство:

Казачье	17,16
Иногородное	3,87
Крестьянское	11,03

(А. Н. Абрамов „К вопросу о состоянии казачье-крестьян. хозяйств Донокрага. Северо-Кавказ. Край“ № 6, 1925 г.).

Таким образом, даже „привилегированная“ группа коренного крестьянского населения находилась в худших условиях, нежели казачество.

Вторая группа, так называемое „оседлое“ население, имеющее усадьбу, но не имеющее земли (46,1% всего иногородного населения), составляла кадр городского населения, а в станицах арендаторов казачьей земли и батраков. В 1917 году в Кубанской области, за исключением Краснодарского отдела, лишь незначительное количество иногородного населения имело посева на собственной земле, подавляющее же большинство хозяйств сеяло на арендованной:

В 1917 г. сеяло хозяйств:

	Только на своей земле	Только на арендован. земле
Казачьи	111.387	2.323
Иногородные	2.993	56.437

(Цифры взяты из книги И. Гольдентула. Земельные отношения на Кубани, стр. 21).

По данным обследования, произведенного в 1924 году Кубчер-областкомом РКП (И. Клейнер. „Действительность Кубанской станицы“) положение иногородного населения в станицах до революции представлялось в следующем виде: в станице Выселки из 663 хозяйств 410 хозяйств не имели земли, в Н.-Суворовской из 490 были без земли 180, в хуторе Малеванном из 199 точно также 180. Все эти безземельные хозяйства находились в экономической зависимости от казачества. В станице Гиагинской, где до революции надел земли имело только казачье население по 4 десятины на взрослого члена семьи и иногородное население арендовало землю у помещиков и казаков. В станице Ильинской, где число хозяйств равнялось до революции 2.616, из которых казачьих было 1.511—65%, крестьянских—805—35%, из последних хозяйств 345 не имели ни посева, ни усадьбы, 252 имели только усадьбу, 88—только посев и лишь 180—усадьбу и посев. То же самое мы наблюдаем и на Дону. По данным Донского Статистического Бюро

(Донской Статистический Ежегодник на 1924 г., стр. 90) в среднем, по Донской области приходилось земли на 1 хозяйство во владение (надельной и купленной) и в пользовании, с прибавлением арендованной или за вычетом сланной в аренду:

	‰ ‰ хозяйств	Пашни на 1 хоз. в десят.	
		Во владении	В пользовании
Кр-не прилисные	30,3	8,5	15,1
Кр-не посторонние в волостях	5,0	1,4	5,5
Кр-не в поселках и на арендов. зем.	2,9	0,14	20,9
Казаки	46,2	17,1	16,9
Иногородные в стан.	15,6	0,06	7,7

Таким образом, и крестьянское и иногородное население арендовало землю, при чем в наиболее тяжелом положении находились иногородные, у которых на 1 хозяйство приходилось 0,06 десятины земли. Лишь казачество обладало излишками земли.

В слободе Дьячкино, Тарасовской волости, Донецкого округа, где 80% всех дворов составляют бывшие помещичьи крестьяне, получившие при ликвидации крепостного права по 4 десятины на ревизскую душу, вследствие переделов оставалось к 1917 году около 0,52 десятины на душу. И здесь крестьянство прибегало к аренде земли на ряду с помещиками у казаков станицы Кащенской, Митякинской, также войсковой („Как живет и чем болеет деревня“. Под редакцией Н. Янчевского).

Однако, иногородному населению далеко не так легко было попасть в группу „оседлого“ населения. Иногородный станицы Платовской, Сальского округа, герой Красной армии С. М. Буденный, прежде чем ему удалось арендовать в ст. Платовской усадьбу, 20 лет кочевал со всей своей семьей по станицам и хуторам Сальского округа.

Обратимся теперь к третьей группе иногородного населения, так называемым „квартирантам“. „Квартиранты“—это парии казачьих областей, составлявшие, вместе с частью „оседлого“ иногородного населения, кадр рабочих рук, необходимых в казачьем хозяйстве и кулацком хозяйстве иногородных. В своей книге „Действительность кубанской станицы“ И. Клейнер делит батраков на две группы: постоянных, не имеющих ни сельско-хозяйственного инвентаря, ни хаты, т. е. подлинный сельско-хозяйственный пролетариат, и временных батраков, имеющих кое-какое свое хозяйство, усадьбу, а также занимающихся ремеслом, так сказать, обслуживающих казачью станицу и попадающих в батраки временно, в зависимости от спроса на труд (стр. 52). Перед войной казачье хозяйство широко применяло рабочие руки. По данным, приведенным И. Гольдентулом („Земельные отношения на Кубани“, стр. 22-23), в Кавказском отделе, Кубанской области, из 34.000 казачьих хозяйств (в круглых цифрах) к наемному труду прибегало около половины 15.256. Вообще наемный труд в сельском хозяйстве играл большую роль на Кубани, чем на Дону.

Существовавшее на Дону крепостное право оставило в Ростовском и Таганрогском округах обезземельных крестьян, получивших при освобождении от крепостной зависимости (в среднем по Приазовью три десятины на душу) 17% помещичьей земли или меньше, чем владела одна помещичья семья Шабельских (В. И. Писарев, Ликвидация крепостного права в Приазовье. Ростов. Прибой. 1924 г., стр. 65-66).

О крепостном праве у казачества говорилось выше.

По данным переписи 1917 года, в Ростовском округе, из 29.624 обследованных крестьянских хозяйств беспосевных было 3615, от 1 до 5 десятин имело 12.314 хозяйств (Дон. Стат. Ежег. на 1924 г., стр. 99).

Этот сплошь крестьянский район Донской области в эпоху революции являлся непотухающим вулканом крестьянских восстаний.

На ряду с бывш. помещичьим крестьянством, мы встречаемся в казачьих областях с крестьянскими товарищескими обществами на купленной через Крестьянский банк и у частных владельцев земле. С 1897 года, когда на Кубань были распространены операции Крестьянского поземельного банка, по 1905 г. крестьяне купили 60.906 десятин земли. По словам Шершенко, продажная цена за десятину, по данным Крестьянского поземельного банка, за 8 лет возросла на 80%, о чем дают представление следующие цифры:

1898 г.	86 р.
1901 г.	109 р.
1904 г.	147 р.
1905 г.	155 р.

С 1910 г. на Кубани начинается насаждение „столыпинского мужичка“. Так, в имении Кудачо, Таманского отдела, Куб. области, принадлежавшего Крестьянскому банку, было посажено на отруба и хутора 390 дворов, по размеру земельной площади, распределявшихся следующим образом:

На 1 двор до 9 десятин	166 дворов
„ „ „ 15 „	142 „
„ „ „ 25 „	86 „
Свыше „ „ 25 „	15 „
„ „ „ 6 „	5 „

(М. Б. Городецкий „Крестьянское землевладение и землеустроительные работы в Таманском отделе“. Кубанск. сборн., 1912 г.).

Обратимся теперь к аренде, которая имела в казачьих областях исключительно важное значение, так как значительная часть иногородного населения, занятого в сельском хозяйстве, прибегала к аренде земель в той или иной мере.

Здесь мы встречаемся с двумя типами аренды: арендной капиталистической и отработкой, испольщиной, как пережитком крепостничества. Именно в вопросах аренды вскрываются экономические взаимоотношения различных групп как иногородного населения, так и казачества.

Земельные фонды в казачьих областях принадлежали, как мы видели, частным землевладельцам, войску, т. е. казне, станичным обществам и, наконец, „паи“ находились в распоряжении членов казачьей земельной общины.

У войска остались по преимуществу безлесные, безводные степи, мало пригодные для земледелия, тогда как земли лучшего качества и орошаемые оказались в руках частных владельцев. Об этом свидетельствует арендная плата в Донской области. В среднем, за 1910—15 г.г. арендная плата за десятину земли на частновладельческих и войсковых землях была следующая:

Что касается войсковых земель, то по данным отчета Земельного Совета в Донской области в 1910 году слано в аренду войсковых земель:

Обществам:		%
а) казачьи	267666	28,3
б) крестьянские	144528	15,3
Товариществам:		
а) казачьи	20393	2,2
б) крестьянские	46736	4,7
Отдельным лицам:		
а) казачьи	79661	8,5
б) крестьянские	168974	19,9
в) остальные	199982	21,1
Всего	947940	—

Как видно из этих цифр почти половина земель слана отдельным лицам, т. е. земельным спекулянтам. С этим явлением мы встречаемся также и в Кубанской области. Обычно с емщики-спекулянты, снимая большие участки в 2.000—5.000 десятин, в свою очередь сдавали их в аренду мелкими участками.

О положении крестьян-арендаторов войсковых земель рассказывает в своей брошюре Е. П. Савельев „Крестьянский вопрос на Дону в связи с казачьим“:

„Временные поселения крестьян, хотя многие из них существуют десятки лет, разбросаны по войсковым землям во всех округах области и представляют из себя в большинстве случаев группы вырытых в земле или сложенных из глины хат-землянок, крытых соломой с базами загонами для скота из той-же соломы и навоза. За исключением немногих больших и старых поселений школ и церквей в них нету. Нет также никакого общественного управления. Санитарные условия самые убийственные. Поселения эти в 5—10 хат, часто в несколько десятков и даже сотен, как напр. хутор „Казенный“ на войсковой земле, в Задонской части Черкасского округа в 151 двор в населением 652 души и другой в том же районе и с тем же названием, на балке Хомуце—в 116 дворов 707 душ; поселение Каменка, бывшее раньше на войсковой земле, а ныне в юрте станицы Орловской, Сальского округа в 280 дворов 1758 душ обоого пола и др.“.

Временных поселений на войсковой земле Донской обл. на 1 января 1916 года насчитывалось 251 с населением 45.558 чел. с количеством 6.214 дворов, а на станичных—88 поселений с населением 25.574 чел., числом дворов 4.191 и арендуемой земли 42.000 десятин.

Аренда войсковых земель имела большее значение в Донской области, чем в Кубанской, где преобладала аренда юртовой земли. Доходы от войсковой и станичной земли выражались в следующих цифрах:

	Куб. обл. 1912 г.	Дон. обл. 1913 г.
Войсковой	59201	622356
Юртовой	5683487	1728071

Арендаторы станичных земель находились в более неблагоприятных условиях, чем арендаторы войсковых земель. Положение аренда-

торгов станичных земель характеризует в упомянутой выше брошюре Е. П. Савельев:

„Войсковые земли большей частью сдаются с торгов в аренду долгосрочную, т. е. на 6 лет, станичные же земли на срок более короткий, на один, два и три года. Нередко и на 6 лет. Условия арендных контрактов тяжелые, невыполнимые. Хотя свободные станичные земли теперь явление случайное, но раньше при более разреженном населении земли, удаленные от станиц, охотно сдавались пришлым арендаторам с дозволением селиться на них и обзаводиться земледелием и хозяйством. Так возникли в течение десятков лет многочисленные крестьянские поселения среди станичных юртов, местами даже довольно многолюдные, как, например, пос. Кутейников в юрте Аксайской стан., Черкас. округа—225 дворов с населением 1.257 душ, пос. Лиманский в юрте Кочетковской станицы, 1-го Донского округа—82 двора, Козырев, Таубевской станицы, 2-го Донского округа—73 двора, Нижне-Михайловское, Ермаковской станицы—101 двор, Ново-Кузнецовка, Кочетовской ст.—72 двора, многие другие с десятками тысяч населения“.

Кроме того, у калмыков иногородными арендовалось до 50.000 дес., на которых находилось 53 временных поселения с 1.776 дворов с населением 20.037 дес.

„В последнее время, с увеличением войскового населения и развитием земледелия, как более выгодного, если не сказать единственного промысла во многих казачьих станицах, стал довольно значительно ощущаться недостаток в земле годной для хлебопашества, менее 8 и 7 дес. на одну мужскую душу, расположенных иногда чреполюсно, в трех-четыре местах юрта“,—пишет Савельев.

По словам того-же Савельева, „Во многих станицах, как например, Кочетовской 1-го Донского округа (в 90 годах прошлого столетия) появились даже общественные приговоры, воспрещающие отдавать в аренду иногородным посевную землю, дабы не набавить и без того год от года возрастающую арендную цену. Казак, занятый военной службой, не мог конкурировать в аренде с более свободным элементом иногородных, последние же возвышали цену по необходимости, так как деваться им было некуда, а перспектива переселения куда либо, их пугала“.

Кроме этого, сдавалась в аренду паевая казачья земля. По сведениям кубанского областного правления, в 1902 г. в Куб. области казаки сдавали в аренду 11,6% паевой земли. Но эту цифру Шершенко, у которого мы ее заимствуем, совершенно правильно считает преуменьшенной. Несомненно, сдача в аренду паевых земель имела более широкое распространение, но она не поддавалась учету.

Арендная плата в Донской области с десятины в 1915 г. колебалась от 12 р. 33 к. в Ростовском округе, до 2 р. 58 коп. в Сальском округе, а по области—3 р. 79 к.

На ряду с мелкой крестьянской арендой, мы встречаемся в казачьих областях с арендой капиталистической, с арендой земель под табачные плантации и другие специальные культуры, при чем в этих случаях арендная цена повышалась до 40—60 руб. с десятины.

Надо заметить, что при аренде паевой земли широкое распространение имели в казачьих областях отработки и испольщина. О сущности этой формы земельной ренты Карл Маркс писал: „Во всех этих формах земельной ренты: отработочная рента, рента продуктами, денежная рента (как просто превращенная форма ренты продуктами) действительным возделывателем и владельцем земли всегда предпола-

гается плательщик ренты, неоплаченный прибавочный труд которого непосредственно идет к собственнику земли. Это не только возможно, но и действительно так бывает даже при последней форме, при денежной ренте,—поскольку она является в чистом виде, т. е. как просто превращенная форма ренты продуктами”.

Таким образом, арендатор, в сущности говоря, получал лишь заработную плату. О влиянии этой системы аренды на сельское хозяйство В. И. Ленин писал: „Какое влияние оказывают отработки на развитие производительных сил земледелия, об этом красноречиво говорят материалы, сведенные к работе Г. Кауфмана „Не может подлежать сомнению,—читаем там,—что мелкая крестьянская аренда и ипотека являются одним из условий, наиболее тормозящих прогресс сельского хозяйства...“ в обзорах сельского хозяйства по Полтавской губернии постоянно указывается на то, что „с’емщики плохо обрабатывают плохими семенами, засоряют ее“.

 (Ленин т. IX, стр. 616).

То же самое мы наблюдаем и на Сев. Кавказе. Основанное на отработке и ипотеке казачье хозяйство в общем неизбежно падало, и не даром мы слышали жалобы на „оскудение“ казачества. Если мы возьмем цифры обеспеченности усовершенствованными сел.-хоз. орудиями в Донской области за 1913 г., то увидим, что не казачье население, имевшее в своем распоряжении незначительное количество земли по отношению к общему земельному фонду, сосредоточило в своих руках большее количество земледельческих орудий, чем казачество. В то время, как у казачества находилось усовершенствованных земледельческих орудий 543.657, крестьянство имело 384.640, иногородное население, имеющее оседлость—200.027 и не имеющее оседлости—22.472. На Кубани, правда, соотношение несколько иное: здесь в руках казачества сосредоточено было 409.256 усовершенствованных земледельческих орудий, а в руках всего невойскового сословия 185.979. Еще более поразительную картину мы увидим, если сравним количество паровых молотилок. В то время, как казачье население Области Войска Донского имело 462 паровых молотилки, у крестьян было 534, у иногородных, имеющих оседлость—833 и у не имеющих оседлость, 24 (по данным 1913 г.). То же самое явление наблюдаем и на Кубани, где у казачьего населения было сосредоточено 1.928 паровых молотилок, а у иногородного населения 2.187.

Казачьей земельной общине, разлагавшейся изнутри, грозила извне опасность с двух сторон: снизу—со стороны полупролетария и пролетария иногородного, который пошел вместе с пролетариатом и крестьянством России, сверху—со стороны иногородных хозяйств капиталистического типа, пытавшихся разорвать феодальные узы путем насаждения буржуазной демократии. Казачество, как обломок феодализма, оказалось между молотом и наковальней, между буржуазией и пролетарской революцией, и вся гражданская война свидетельствует о том, что во всех случаях, и в случае победы буржуазной реакции, и в случае победы пролетарской революции, казачество было бы неизбежно раздавлено.

Заинтересован был в аграрном вопросе и иностранный капитал.

В казачьих областях недра принадлежали „войску“, т. е. казне. Иностранные акционерные кампании—прежде всего, французские, бельгийские, английские вложили свои капиталы в нефть и уголь Дона и Сев. Кавказа. Именно это обстоятельство послужило одной из причин повышенного интереса англичан к разрешению казачеством аграрного вопроса в эпоху Кубанской Рады и поддержке Добровольческой армии в ущерб казачеству. С казачьим федерализмом вступи-

ли в бой нефтяные короли и угольные бароны, в союзе с российскими помещиками и буржуазией. Выдвинутая в период революции казачеством аграрная программа, требовавшая передачи недр в собственность казачьих федераций, являлась покушением на иностранные капиталы, вложенные в уголь и нефть Сев. Кавказа, эта аграрная программа стояла на пути английских и французских империалистов.

Гражданская война на Северном Кавказе противопоставила в станице все иногородное население станиц всему казачеству.

В своем докладе „О казачестве“ тов. Комиссаров на Краевом совещании по работе в деревне (10/III—20/III—25 г.) сказал, что на Кубани казаки так, примерно, формулируют свое отношение к Советской власти: „Эта власть не казака, это власть иногородных мужиков, городовиков и т. д.“ („Краевое совещание по работе в деревне“. Стенографический отчет, стр. 144).

То же самое констатирует и выпущенный Краевым Исполнительным Комитетом Северо-Кавказского Края сборник „Северо-Кавказский Край после районирования“. (Том I, стр. 19).

„Октябрьская революция и установление Советской власти в казачьих областях уничтожили вековые привилегии казаков и не только уравнили „чернорабочих“ крестьян с коренными казаками, но даже поставили выше первых, поскольку значительное большинство крестьян, находясь в экономической зависимости от казаков, принадлежало к числу бедняков, казачество же по преимуществу состояло из середняков и отчасти „кулаков“. В результате указанных обстоятельств вражда между казаками и „иногородними“ крестьянами на Северном Кавказе к моменту его районирования далеко еще не изжита“.

Классовая борьба облекалась здесь в сословную оболочку. Например, в хут. Быстряном, Сальского округа, во время гражданской войны „все поголовно крестьянство пошло в Красную армию, а почти все казачество пошло в белую“ („Как живет и чем болеет деревня“, Прибой, Ростов, 1924 г., стр. 6). В одном Сальском округе, по официальным сведениям Красновского правительства, было обмолочено 163.658 пуд. хлеба населения „бежавшего с большевиками“, в 1918 году („Доклад Отдела Землеустройства и земледелия Большому Войсковому Кругу“, стр. 71).

Таким образом, в гражданскую борьбу был превнесен сословный момент с обеих сторон.

Один из активных участников гражданской войны на Кубани т. Гикало в своем докладе на совещании по работе среди казачества „Об изживании розни между казаками, иногородными и горцами“ дал яркую характеристику создавшегося в станице положения:

„Если мы вспомним гражданскую войну, как она у нас здесь протекала, то мы увидим, что в силу вещей тогда сложилась такая обстановка, в результате которой на стороне Советской власти оказались чуть-ли не все иногородное население и против Советской власти оказались обманутые казаки. Ясное дело, что гражданская борьба, которая сопровождалась всевозможными жертвами как с одной, так и с другой стороны, несомненно оставила колоссальнейший след в вопросе о сословной вражде. Очень легко говорить о том, что существование сословной розни недопустимо. Но вы представляете себе такое положение работы на местах, когда в итоге гражданской войны пострадали тысячи хозяйств, когда тысячи людей потеряли своих ближайших родных—сыновей, отцов и т. д. В станицах борьба развивалась, примерно, таким порядком. Иногородные составляли

красный полк, казаков мобилизуют белые. И два волка стоят друг против друга, знают друг друга в лицо, жили вместе и учились вместе, пахали вместе. Они встречаются в условиях гражданской войны. Мне эта сословная вражда напоминает немного кровную месть горцев. Ведь у горцев кровная месть характерна тем, что убивающие знают друг друга. Иногородный, в гражданской войне, боровшийся против белых, убивает казака и казачья сторона считает его виновным, вернее родственники казаков считают виновными иногородных в убийстве казака. И обратно. Обстановка сложилась в результате гражданской войны настолько тяжелая и накаленная, что бывали случаи, когда, скажем, белые брали верх, приходилась часть белогвардейцев на Кубань, и на Дон, и тот или иной станичник, казак считали долгом свести еще личные счеты, убивали насолившего ему в борьбе и его родственнику. Наблюдалось и обратное: тот или иной красноармеец, у которого разорили хозяйство, изнасиловали семью, оставили ее без куска хлеба белые, считал своим долгом обязательно свести счеты с казачьим населением („Совещание по работе среди казачества“. Стенографический отчет, стр. 139).

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС.

Национальный состав населения Сев.-Кав. Края соответствует движению переселенческой волны, направленной с севера на юг. В то время, как в б.Донской области великороссы составляют 90,9%, в б. Кубанской области процент великорусского населения понижается до 78,9%, при чем повышается процент украинцев—11,3% и кавказских горцев—3,0%; далее в б. Терской области—великороссы составляют лишь 38,9%, тогда как кавказские горцы составляют 40,1%. Довольно пестрым составом населения обладала б. Черноморская губерния, где насчитывалось 15,0% греков, 9,2% армян, 2,3% черкесов. Армяне расселены всюду по Краю, составляя от 1,2% (Кубань) до 9% (Черноморье), точно так же, как и греки, процент которых к общему количеству населения колеблется от 0,3% всего населения (Терек) до 15% (Черноморье). Незначительный процент населения б. Донской области составляли калмыки, сосредоточенные преимущественно в Сальском округе, а в Ставропольской губ.—ногайцы и туркмены.

Национальный вопрос на Северном Кавказе есть прежде всего вопрос о судьбе горских народов, главная масса которых сосредоточена на северном склоне Кавказского хребта и его отрогов, в пределах бывшей Терской области (чеченцы, ингуши, осетины, кабардинцы, балкарцы), частью населяют горную часть Кубанской области (черкесы, карачаевцы). На восточной границе Края, в степных областях, кочевали калмыки, ногайцы и туркмены, переходившие частью к оседлому образу жизни.

Царское правительство не лишено было понимания всей сложности обстановки, создавшейся на Тереке в результате колониальной политики царизма. В письме к начальнику штаба кавказской армии командующий войсками Терской области 7 мая 1864 г. писал:

„В Кубанской области, где явилась необходимость казачьего вселения, туземные племена, изнемогшие в борьбе с ними и имея под рукой море, предпочли покинуть этот Край; явилась возможность располагать огромной свободной территорией, а незначительные остатки тамшних племен, лишенные всякой жизни, должны будут исчезнуть бесследно в среде преобладающего русского населения, не причинив никаких новых забот правительству. Совершенно при других обстоятельствах и с иными условиями приходилось иметь дело при водворении спокойствия и порядка в Терской области. С одной стороны, стесненность территории, происшедшая от водворения в пределах области 100-тысячного казачьего населения, поставила большую часть туземных племен в полную невозможность прежних условий хозяйственного быта их; с другой же—замкнутость Края, лежащего между безводной степью и снеговым хребтом, лишает возможности вывести из пределов области беспокойное и мало способное к приятию гражданственности туземное племя. Между тем племя это, уступив казакам

почти половину своих земель, хотя и удобных для хлебопашества, но наименее важных для целей военных, умело сохранить за собой по правую сторону реки Сунжи всю выгоду лесистой местности, изрезанной ущельями Черных гор“.

До революции (в 1912 г.) сословный состав населения Терской области представляется в следующем виде:

Дворян	8.933
Почетных граждан	1.994
Духовенства	4.133
Кушцов	3 260
Мешан и цех	91.577
Казачков и др. воен. сослов.	267.830
Крестьян	183.787
Туземцев сельск. сословия	636.013
Остальных сословий	37.986

Итого . . . 1.235.223

(„Терский календарь“ на 1914 г., стр. 10).

Таким образом, на Тереке мы встречаемся с совершенно своеобразной группировкой населения: подавляющую массу населения—более половины—составляли туземцы-горцы, что естественно выдвигало на первый план национальный вопрос,—это мы и видим в действительности. Оказавшись между двух огней, горцами и иногородным населением, казачество, составлявшее менее $\frac{1}{6}$ населения, не могло играть самостоятельной роли и вынуждено было вступить в блок сначала с горскими верхами против иногородных, а затем с иногородными против горцев, пытаясь превратить и тех и других в орудие борьбы против Октябрьской революции, угрожавшей казачьим землям. Но экономика оказалась хитрее казачьей политики и политики горских князей и дворян: аулы восстали против казачьих станиц и усадеб своих помещиков.

В 1912 г. из всего населения Терской области на города пришлось 207.911 чел., на округа преимущественно с горским населением 641.811 чел. и на казачьи отделы—379.511 чел. Официальная статистика дает лишь данные о сословном составе русского населения, приведенном нами выше. Племенной состав населения Терской области на 1 января 1913 г. выражался в следующих цифрах: русских—512.489, кавказских горцев—614.034 (в Пятигорском отделе горцев насчитывается лишь 295 чел.), ногайцев—35.152, калмыков—1.792, армян—24.012, грузин—8.835, персов—4.562, евреев 8.709, поляков—5.039, немцев—18.905, французов—288, др. национальностей—1.346.

В число кавказских горцев входят: чеченцы—245.538, осетины—139.784, кабардинцы—101.189, ингуши—56.367, кумыки—34.232, остальные горцы—37.084.

Кроме того, в б. Кубанской области насчитывалось по переписи 1916 г. 44.454 чел., карачаевцев и 65,3 т. черкесов (адыге).

Во времени завоевания Кавказа черкесы (адыге) занимали северо-восточное побережье Черного моря, западную часть склонов главного Кавказского хребта, Закубанский край и бассейн Терека, между верхним течением Кумы и Сунжею. В летописях черкесы упоминаются под именем „косогов“. Черкесы распадаются на ряд племен, из которых абадзеки, кабардинцы и бесленеевцы говорят на разных наречиях. (Данные заимствованы из „Кав. кал.“ на 1917 г.).

Кабардинцы владели центральной частью Северного Кавказа, наиболее плодородными землями, их территория делилась на Большую и Малую Кабарду. Другие черкесские племена—абадзеки, шап-

суги, натухайцы, бжедухи и бесленевцы занимали территорию Закубанья и Черноморского побережья.

У черкесов господствовал феодальный строй, с делением на сословия: благородные—ворк, свободные—азат и зависимые—пшитль. У некоторых племен—абадзехов, шапсугов, натухайцев и бжедухов еще до завоевания Кавказа были уничтожены сословия. У кабардинцев феодальный строй получил законченное развитие, со сложной системой сословных делений. Во главе народа стояли князья—пше или пши, затем следовали четыре благородных сословия ворк: уздени 1-й степени—тлокотлешь, деженкуго, 2-й степени—беяслан ворк и 3-й—ворк—шаутлухус.

Привилегированные сословия были связаны сложной системой вассальной зависимости, при чем правом отхода от пше пользовались только тлокотлешь и деженкуго. Существовали также уздени 4-й степени (уздени-пшехао) и сословие азат—вольнотпущенники.

Зависимые сословия—пшитль—состояли из крепостных крестьян: оги, беяслан-пшитли, логанапутьи и рабов—унауты.

Карачаевцы занимали горные ущелья по рекам Уч-Кулана и Даура. Во главе их стояло высшее сословие би, называвшее себя „аксюсками“, т. е. „белая кость“ (Крымшамхаловы, Карабашевы, Дудовы). „Вали“ всегда избирались из фамилии Крымшамхаловых. Кроме того, существовало сословие улау-узденей (улау—большой).

Балкарцы (горские татары) жили в ущельях северного склона главного хребта, по верховьям рек Малки, Чегема, Черека и Баксана. Во главе балкарцев стояло сословие таубии (тау—гора, бий-бек). Кроме того, существовало свободное сословие—каракаши и крепостные—чагары.

Осетины („аланы“ или „осы“ средневековых летописей и „ясы“ русских летописей) были оттеснены кабардинцами в ущелья главного Кавказского хребта и делились в зависимости от наречий на дигорцев (ущелье р. Уруха и его притоков) и иронов (река Газельдон, ущелье р. Ардон, ущелье р.р. Саудона и Фиагдона).

В Осетии господствовали сословия бадилят, саргасат и гагуат, затем существовало лично свободное сословие—адамихат или ваз-дон, а затем крепостные—кумяки или тума.

В Тагаурии господствовали тагауры или тагаята, называвшиеся также уозданы-лагами или впоследствии алдарами (господами).

Лица свободного сословия назывались фарсалагами, а зависимых—кавдасарами и кусаками (или гурзиаки—рабы).

Ногайцы являлись остатками Золотой орды. Кочевые ногайцы, обитающие в степях между Кумой и Терекон и в устье р. Сулак, делились на джембулуковцев, едисанцев, едишкульцев и кораногайцев. У кочевников привилегированные сословия не пользовались преимуществом, власть принадлежала выборным старшинам и мусульманскому духовенству.

Закубанские ногайцы, делившиеся на несколько племен, имели сословный строй. На вершине феодальной лестницы стояли мурзы и султаны, за ними следовали кайбаши, уздени и асланбеки, пользовавшиеся правом участия в народном суде. Существовало свободное сословие азат и рабы—кулы.

Чеченцы населяют Северный склон Андийского хребта до Сунжи, (до 1840 года чеченская территория доходила до правого берега Терека). Чеченцы называют себя „нахчуй“ или „нахчей“ (народ, люди), название „чеченцы“ появилось лишь в XVII веке и происходит от аула Чачан или Чечен. Ингуши родственны чеченцам, они населяли

ущелья рек Камбилейки, Сунжи и Ассы. У чеченцев и ингушей господствовал родовой быт.

Кумыки занимали Кумыкскую плоскость и часть Дагестана. Они пришли сюда в конце XVII века. Высшим сословием кумыков являлись шамхалы, а затем, после распада шамхальств кумыки управлялись кумыкскими владельцами-биями, потомками Султан-Мута, сына шамхала Андии. За шамхалами следовали сала или уллу, уздени, пользовавшиеся правом быть избранными в судьи, догерек-уздени, гурены и тюмены и зависимые сословия—терекеменцы, кулы, караваш.

В Ставропольской губернии кочевали туркмены, а в Донской области—калмыки (ламаиты), которых в 1915 г. насчитывалось до 30739 чел. обоего пола и которые были оказачены.

Ко времени укрепления русского владычества на Кавказе почти у всех горцев, за исключением некоторых народов, например, чеченцев, где сословий не существовало, а был единый народ (где нет даже слов „прикажете“ и „господин“), мы всюду встречаем более или менее развитый феодальный строй.

„Покорение Кавказа“, закончившееся для западного Кавказа в 1864 г., застало горские народы на различных ступенях экономического и социального уклада—от родового быта, сохранившегося почти в неприкосновенности до сих пор у чеченцев, до законченного феодального строя, существовавшего к тому времени у кабардинцев и сменившегося у некоторых черкесских племен господством торговой буржуазии (шапсуги, абадзехи, натухайцы), в экономическом отношении стоявших на более высокой ступени развития.

В 18-м столетии кабардинцы вели довольно обширную торговлю, вывозя скот, продукты животноводства, мед и шкуры. У черкесов в конце 18-го века, переселившиеся на Кубань остатки запорожских казаков, на соль выменивали хлеб, фрукты, овощи, мед, бурки, одежду и оружие. Все это свидетельствует о том, что в Кабарде и у черкесов русские „культуртрегеры“ столкнулись с довольно высокой культурой. Одичавшие сады черкесов на Кубани и на Черноморском побережье, забытые колодцы, торговые тракты—все это свидетельствует о прошлой культуре аборигенов Кавказа.

После покорения Кавказа привилегированные сословия горских народов приобщились к правящим классам Российской империи и, являясь агентами правительства, не меньше последнего были заинтересованы в сохранении народной темноты. Превратившись в офицеров царской армии, вчерашние крепостники продолжали оставаться крепостниками, хранителями старых обычаев, подпиравших крепостничество, эксплуатируя, в союзе с духовенством и народившимся торговым капиталом, темную горскую массу, обособленную от других народов.

Этот союз между русским и горским помещиком был закреплен в 1912 г. Разорившиеся кабардинские дворяне обманным путем причислили крестьянские пастбища к „высочайше“ дарованным дворянству. Когда кабардинские крестьяне восстали, то крестьянское восстание было подавлено кабардинскими князьями при помощи царских войск. Если мы вспомним, что русские помещики при помощи ингушей усмиряли аграрные волнения русских крестьян, то этот союз русских и горских помещиков против русского и горского крестьянства станет вполне очевидным. Народные предания говорят о восстании кабардинского крестьянства в XVI веке, во время которого некоторые князья были убиты, а некоторые лишены княжеского звания.

Освобождение зависимых сословий на Сев. Кавказе продолжа-

лось с 18 ноября 1866 г. до июля 1867 г. Всего получило свободу 23976 душ обоего пола, из которых 88,5% приходилось на Кабарду.

Освобождение горского крестьянства явилось сокрушительным ударом по феодальному строю горцев, хотя горские крепостники, подобно русским, себя не обидели.

Из общей площади Карачая 80.855 десятин годной для сенокоса и выгона перешло в руки частных владельцев 30709 десятин, т. е. более двух пятых всей площади, а лучшие земли на плоскостях были отняты, как кордонные и предоставлены казачеству, явившемуся вместе с туземной знатью крепким оплотом царизма. В Адыгее точно также было роздано царским правительством всякого рода князьям 179379 десятин.

В Осетии одна фамилия Тугановых получила около 13000 дес., откуда была выселена деревня. Впоследствии через Крестьянский Банк, Тугановы продали свои земли переселенцам из Харьковской, Черниг. и Полт. губ. Кроме того, Кундухову было отведено 2800 дес.

У кумыков отведено высшим сословиям 347 участков 186311 дес. в Чечне, где не было высшего сословия, 20 лицам отведено от 100—200 д. до 1000 дес. и 107 лицам—от 30 до 50 дес. В Кабарде 144 лицам отведено 83550 дес. 41,4% территории осетии, ингушей, чеченцев и лезгин (328166 дес.) взято в ведение Управления государственного имущества.

На ряду с вооруженной борьбой и подкупом правящих групп горских народов, царское правительство всячески стремилось к разединению горских народов друг от друга, потворствуя многочисленным спорам и стычкам между народами из-за земель на плоскости и пастбищ, выливавшихся порой в вооруженные схватки.

Стоит лишь бросить взгляд на карту Северного Кавказа, чтобы понять весь смысл политики царского правительства: русские казачьи поселения вклиниваются в живое тело горских народов, разрезая на части Кабарду, Ингушетию и Чечню и представляя из себя вооруженный лагерь во вражеском стане.

Со времен завоевания Кавказа казачья станица, занявшая наиболее плодородные земли на плоскости по рекам, столь драгоценные для горцев, и горский аул, где урожай кукурузы с жалкого клочка пашни не хватает на год, стояли друг против друга непримиримыми врагами. После покорения Кавказа царское правительство, по своему усмотрению распоряжалось судьбой горских народов, сгоняло с мест целые селения, чтобы передать лучшие земли казачеству, переселяло горцев с гор на плоскость, а с плоскости в горы, создавая земельную путаницу между горскими народами и отдельными аулами, пока, наконец, путем перетасовки земель, горцы не были оттиснуты в горы или получили неудобные земли, а казачество не утвердилось на плодородных долинах.

К 1913 г. в Терской области насчитывалось 6630805 дес. земли, которая распределялась следующим образом:

	Войск	Невойск	Итого
Казачьи отделы	1964109	1505674	3519783
Горские округа	300	3065529	3065829
Города		45183	45183

Из общего количества земли по казачьим отделам и горским округам приходилось удобной земли:

	Всего	На 1 душу муж. пола
Казачьи округа	2649017	13,57
Горск. отделы	2055542	6,05

Наиболее многоземельным являлся Кизлярский отдел, где приходилось 25829 дес. на 1 мужскую душу, а малоземельным—Сунженский, где приходилось 8,96 дес.

Из горских округов в наиболее благоприятных условиях находился Нальчикский —9,71 дес. уд. з., а наименее благоприятных Веденский—3,15 дес. удобной земли.

О земельном неравенстве казачьих отделов горских округов свидетельствует следующая таблица, заимствованная из „Терского календаря“ на 1914 г. (стр. 19).

В отделах и округах	Приходится десятин на душу м. п.		
	Всего	Удобной	Неудобн.
Казачьи отделы	18,04	13,57	0,82
Горские округа	9,02	6,05	1,76

В результате казачье население сдало из станичных юртов в 1912 г. 424068 дес. земли, т. е. 24,3% всей станичной земли за 806540 р., в среднем по 1 р. 90 к. за дес. (в Пятигорском отделе—5 р. 09 к.), что давало 6 р. 68 к. на муж. душу.

Кроме этого, из войсковых запасов сдавалось 141581 десятина за 82738 руб. (Цифры взяты из „Терского календаря“ за 1914 г.).

Ко времени революции, чеченцы, ингуши, карачаевцы и балкарцы представляли из себя скотоводов с примитивным земледелием, осетины, черкесы, кабардинцы к этому времени уже перешли к земледелию. О вытеснении скотоводства земледелием в Кабарде свидетельствуют следующие цифры, приведенные В. П. Пожидаевым в книге „Хозяйственный быт Кабарды“ (стр. 72).

Годы	Колич. дес. в тыс.
1893	20000
1901	50000
1914	130000

В итоге колониальной политики царизма наиболее плодородные и удобные земли оказались в руках казачества. Эти земли расположены в плоскостной части бывшей Терской области, по долинам рек (Терек, Сунжа), на долю же горцев достались голые скалы, ущелья и малоплодородные почвы. Граница между плоскостью и горами является в то же время границей, отделяющей районы, обеспеченные землей, от горных районов, имеющих нищенские наделы. Но здесь дело не только в количестве, но в качестве земли. Неблагоприятные топографические, почвенные и климатические условия в Нагорной части еще больше усугубляют это неравенство.

Значительное количество земель находилось в ведении Управления государственными имуществами. Так, в Чечне все леса находились в ведении Управления государственными имуществами и сверх того 43,1% всей площади нагорной Чечни, в нагорной Ингушетии казна принадлежала 36,7%, в Осетии—38,9%, в Балкарии—39.811 дес. было во владении кабардинской фамилии Атажукиных, Наурузовых и Таубиев, но казна ничего не имела.

Вот что, например, представляет из себя земледелие в горах Осетии: „Суровый климат, обнаженные угрюмые скалы, враждебную обступающую человека со всех сторон... Почва, или скорее жалкая пародия на почву, малопригодная для сельскохозяйственной эксплуатации, переполненная камнями, начиная с мелочи и кончая в несколько десятков пудов веса. Частые ливни, смывающие целые

пахотные и сенокосные участки, и таким образом, в несколько часов уничтожающие результаты упорнейшего труда многих поколений“... То же самое мы видим в Балкарии и Чечне.

Помимо вопиющего неравенства между русским, казачьим и горским населением, мы наблюдаем такое же неравенство между отдельными горскими народами и в пределах каждого народа между отдельными обществами. Таким образом, здесь мы наблюдаем ту же картину, что и в казачьих областях. Кроме того, казенные земли, как мы видели, занимали в горских областях огромное место.

Перейдем к обзору землевладения каждого народа.

Землевладение горцев сложилось под непосредственным воздействием агентов царского правительства на Кавказе. В статье „Устройство поземельного сбыта горских народов Сев. Кавказа“ (Сборник сведений о кавказских горцах. 1869 г.). Мы читаем: „Случайности войны беспрестанно меняли положение населения и нередко требовали передвижения аулов с одного места на другое; но и на новых местах земли отводились также временно и, почти всегда, без указания границ владения землями, через что весьма часто, в самом начале своего водворения, подвергшиеся переселению аулы были вынуждены заводить поземельные споры со своими новыми соседями“. Колонизаторская политика царских чиновников ничем не отличалась от политики всяких других колонизаторов. В той же статье мы читаем: „Состоявшиеся в прежнее время распоряжения кавказского начальства о временном распределении земель между населением, а также и решения по поземельным спорам, возникавшим между аульными обществами и частными лицами, далеко не отличались последовательностью и оттого, в руках народа и частных лиц, нередко служили основанием для различных домогательств, исполнение которых, по меньшей мере, было бы несправедливостью по отношению к другой, также заинтересованной в деле стороне. И все это усложнялось еще тем, что в прежнее военное время и начальник отряда, и комендант, и пристав считали себя вправе распоряжаться распределением земель между народом.

Таким образом, существовавшая у горских племен Кавказа неопределенность прав на владение землями с течением времени оказалась до такой степени осложненной распоряжениями начальствовавших лиц и вообще представляла такой лабиринт самых противоречивых фактов, что впоследствии во многих сомнительных случаях нужно было прибегать к разрешению вопросов административною властью, т. е. не входя в строгий разбор ни прежнего обычного права, ни прежних административных же распоряжений начальства“...

В начале колонизаторы отнимали у горцев земли руками горской же знати. Так, читаем мы в той же статье, князьям Бековичам-Черкасским в 1825 году было пожаловано в Малой Кабарде 98.000 десятин земли, а затем эта земля была куплена казною для наделения казачьих станиц. Таким образом казачество появилось на горских землях благодаря князьям, которые грабили „свои“ народы.

По официальным данным, приведенным Н. С. Иваненковым в его исследовании „Горные Чеченцы“, дополнительными данными Рождаева, положение горских народов представлялось в следующем виде.

Кумыки, населяющие только плоскость получившие 1867 г. на двор в среднем по 23,6 дес., к 1906 году имели на душу мужского пола по 7,6 дес. удобной земли.

Чеченцы населяли как плоскостную часть, так и Нагорную часть. На плоскости в 1870 году чеченцы получили в среднем по 16³/₄ дес. на двор, при чем в 1906 г. на душу приходилось 5,1 дес. Положение

обществ нагорной Чечни далеко не одинаково. Чеченцы восточной части 3-го участка Грозненского, 1-го 2-го Веденского и Хасав-Юртовского округов, имели по 3,0 дес. на душу. По отдельным обществам в этом районе существовала лишь небольшая разница в землевладении.

Количество дес. удоб. зем.	Колич. селен.	Колич. душ муж. пола	% паш.	% сен.
От 2 до 3 дес.	7	1179	41%	27%
" 3 " 4 "	5	2987		
" 4 " 5 "	2	721		

В Луховском обществе, 3-го уч. Хасав-Юртовского округа 9 селений с количеством душ мужского пола 6.015 имели в среднем по 3,3 дес.

Чеченцы западной части, а именно от р. Фортанги до водораздела, идущего с правой стороны р. Шаро-Аргун на 4-й участок Грозненского и 5-й участок Веденского округов, имеют по 7,5 дес. на душу.

Количество дес. удоб. земли	Колич. селен.	Колич. душ муж. пола	% паш.	% сен.
От 1½ и 2 до 4 д.	96	7586	10	30,7
" 4 до 7	61	6715		
" 7 " 12	73	3864		
" 12 " 30	31	1680		

Одно селение имело по 60 дес.

Все леса нагорной Чечни 187.248, т. е. 43,1% всей площади принадлежали казне.

Чеченцы были значительно беднее скотом, чем осетины и ингуши, они буквально задыхались в горах. Хозяйство плоскостной Чечни точно также находилось в очень тяжелых условиях. И плоскостная Чечня на фоне зажиточной Северо-Кавказской станицы представляла из себя нищую заплуту на богатой одежде.

В нагорной Чечне, представляющей из себя горную страну с вершинами, поднимающимися до 14.000 фут. над уровнем моря на 1 душу приходилось менее ¼ дес. пашни, а скота на хозяйство приходилось: лошадей 0,28, крупного рогатого скота 2,31, овец 8,36.

Ингуши на плоскости получили в среднем по 17½ дес. на двор. На душу населения в 1906 г. приходилось по 4,26 дес. Ингуши в Нагорной полосе—Джераховское, Мецхальское, Хамхинское и Цоринское общества—имели в среднем по 5 дес. удобной земли на душу.

Количество дес. удоб. земли	Колич. селен.	Колич. душ муж. пола	% паш.	% сен.
От 2 до 4 дес.	38	2167	5,8	18,8
" 4 " 7 "	45	3368		
" 7 " 35 "	12	681		

22.796 дес. леса, т. е. 36,7% всей площади принадлежало казне.

В горной Ингушетии пашня находилась на высоте 3.200—4.500 футов над уровнем моря, а покосные земли на высоте 8.000 футов.

Осетины на плоскости в 1890 г. получили от 26 до 39 дес. на двор. На душу населения в 1906 г. приходилось 4,5 дес. Осетины в Нагорной части—Дигорское, Алагирское, Куртатинское, Даргавское и Санженское общества—имели по 6,5 дес. удобной земли на душу.

Количество дес. удоб. земли	Колич. селен.	Колич. душ муж. пола	% паш.	% сен.
От 2,3 до 5 дес.	5	7015	6,7	22,3
" 5 " 7 "	7	6693		
" 7 " 11 "	11	7769		
	234	—		

Кроме того, у частных владельцев находилось 13.749 дес., а 102.349 дес. или 40,5% всей площади принадлежали казне.

В нагорной Осетии пахотной земли приходилось $\frac{1}{2}$ дес. на душу и земля для посевов обычно арендовалась на плоскости.

Кабардинцам Большой и Малой Кабарды, населяющим плоскость, в 1869 г. было дано в среднем на двор по 41 дес. В 1906 г. на душу населения приходилось 6,2 дес. Кроме этого, кабардинцам, вместе с балкарцами, было предоставлено в нагорной полосе 225.849 дес. горных пастбищ и 63.592 дес. леса.

Кабардинский крестьянин находился почти в таких же условиях, как казачество. На одно хозяйство приходилось скота в Большой и Малой Кабарде в среднем: лошадей 2,2, крупного рогатого скота 7,6, мелкого рогатого скота 11,2, а всего на хозяйствах 21,7. Благодаря высокому качеству земли и земельному простору, Кабарда находилась в исключительно благоприятных условиях по сравнению с другими горами.

У балкарцев приходилось на душу по 17,5 дес. в среднем. Однако в отношении пахотной земли и сенокосных участков, балкарцы находились в самых худших условиях.

В Балкарии на одно хозяйство приходилось пахотной земли, в среднем, немногим более $\frac{1}{2}$ дес., на пашню и сенокосные участки стояла высокая арендная плата: на пашню от 600 до 1000 руб., на покос от 270 до 400 руб. Коневодство в Балкарии сосредоточилось в немногих хозяйствах, масса же балкарцев не имела лошадей, при чем бесскотных хозяйств насчитывалось 10%.

Колич. дес. удобной земли	Кол. селен.	Колич. душ муж. пола	% пашни	% сенокос.
От 7 до 14 десят.	50	8368		
„ 14 „ 28 „	22	1713	1,4	7,3

Кроме того, у балкарских обществ имелось 33,992 дес. горных пастбищ, которые были даны в 1869 г. балкарцам вместе с таубиями, а затем балкарцам вместе с кабардинцами принадлежит указанный выше лес в количестве 63592 дес. Кроме балкарских обществ в Балкарии 498 лицами из фамилии Атажукиных, Наурузовых и таубиям принадлежало 39811 дес. земли, а казне 145122 дес. леса.

В Карачае на 17906 душ мужского пола приходилось 58098 дес. удобной земли, из которых на пашню приходилось лишь 4257 дес., т. е. 0,24 на душу, а покоса 29340 дес., по 1,64 дес. на душу. Кроме того, во владении Карачаевского народа находилось 75088 дес. летних пастбищ и 69083 дес. леса. В общем всей земли, включая пастбища и лес приходилось на одну мужскую душу 11,53, а на один двор 34,79 дес. (По данным М. Ив. Барчевского. К вопросу об улучшении быта горных станиц Куб. обл., Кубанский сборник, 1910 г.).

В Горном Карачае из 324121 дес. 87025 находилось под вечными снегами и скалами. Несмотря на то, что основой хозяйства карачаевского крестьянина являлось овцеводство, в Карачае бесскотных и малоскотных хозяйств насчитывалось 49%.

В Адыгее (в 1916 году) на одно хозяйство в среднем приходилось 4 дес. посева, при чем 51,5% засевало до 2 дес. В Адыгее земледелие сочеталось с скотоводством; бесскотных хозяйств имелось лишь 2%. В среднем, на одно хозяйство приходилось скота: лошадей 2,8, крупного рогатого скота 9,4, овец 27,2, а всего 39,4.

При экстенсивном скотоводстве население Нагорной части наталкивалось, с одной стороны, на естественные преграды—недостаток горных пастбищ, а с другой стороны,—на владения казаков и кабар-

динцев, в руках которых оказались лучшие земли на плоскости. Отсюда — зависимость жителей нагорной части от казачества и кабардинцев. Балкарцы издавна арендовали землю не только у своих „тауби“ — князей, но и у кабардинцев. Одна Осетия платила казачьим станциям — Архонской, Ардонской, Николаевской и Змейской — до войны 230000 руб. аренды.

В 1912 г. Г. Шаголов в своей работе: „Край беспросветной нужды“ привел по тому же вопросу ряд цифровых данных из „Трудов“ комиссии по исследованию нагорной полосы.

В 1912 г. уплачивали ежегодно за аренду земли:

Горские об-ва Кабарды	65.570 р.
Осетия	230.628 „
Ингуши	49.943 „
Чеченцы	400.000 „
Салатавы	30.938 „
<hr/>	
Итого	777.079 р.

Политика царского правительства, обезземеливая горца, сделала невозможным сохранение экстенсивного скотоводства, как основы горского хозяйства, и вместе с тем для огромной части горцев, которая осталась в горах, сделала невозможным переход их к земледелию. Горское хозяйство попало в тупик: прежние формы хозяйства отжили, а к высшим формам, горец не мог перейти. Мы наблюдаем здесь пролетаризацию населения (Осетия) и абречество (Чечня, Ингушетия), корни которого надо искать в экономике.

В нагорной Чечне население пролетаризировалось. По словам Иваненкова, летом „много населения идет на равнину для найма косить траву. Но это продолжается не долго, — недели две не больше. Плата взрослому — 80 к., 1 р., 1 р. 20 к., в день, и население за этим заработком идет верст за 20—30 и больше. Для найма на большие сроки отправляются в Тифлисскую губернию“.

В Осетии эмиграция приняла настолько широкие размеры, что во Владикавказе открылось даже отделение Либавского агентства „Русско-Американского океанского пароходства“.

На почве крайней нужды осетины прибегали к детоубийству.

Говоря о земельном вопросе в Терской области, депутат от последней в Государственной думе А. П. Маслов произнес 5-го июля 1906 года следующую речь:

„Я — депутат Терской Области, с Кавказа, с того Кавказа, который в центральной России привыкли называть погибельным Кавказом. До сих пор многие не давали себе отчета, почему такое прилагательное давали Кавказу, и я сам этого не знал. Последние события, которые там совершались, дают основание мне думать, что это название Кавказа есть пророческое. Кавказа называли погибельным, т. е. обреченным русским правительством на погибель. Я позволю себе кратко остановиться на Кавказе, и, в частности, на Терской области. Он населен казаками, туземцами и русскими пришлыми, так называемым, народом иногородным. Земли все разделены между этими народностями и главную часть, т. е. одну пятую всего населения, составляют казаки, но соотношение земли между теми и другими обратно пропорционально. Туземцы, состоящие из чеченцев, осетин и других народностей, находятся в ужасном положении. Земельный вопрос стоит у нас там чрезвычайно остро. Вы не можете себе представить, как ничтожны земельные владения, например, чеченцев:

одна десятая, одна пятая, четверть треть десятины. Если вы спросите сколько у него земли, то он вам скажет, что земли столько, сколько помещается под его буркой. Земля стоит там дорого. Так, например, кусок земли под одной коровой стоит столько, сколько стоит сама корова. Такое положение заставляет невольно задуматься, каким образом они существуют". (Цит. по брош. Мартиросиана).

Родовой быт и шариат наложили свою печать на формы землевладения и землепользования. У горских народов мы встречаемся с землями, принадлежащими всему народу, как, например, в Карачае и Кабарде, затем отдельным обществам, родам и, наконец, с подворным землевладением. Усадебные и пахотные земли, расчистка которых требовала огромного труда, обычно находились в единоличном владении хотя с известным ограничением. Так, в Балкарии в купле-продаже, родственники по прямой линии имели преимущество перед посторонними людьми и в случае продажи имели право выкупа. В Чечне при продаже преимущество отдавалось, во-первых, родственникам, во-вторых, односельчанам и, лишь в-третьих, посторонним лицам.

Кроме адатов, землевладение и землепользование регулировалось также шариатом. По шариату земли, составляющие собственность обитателей (мыльк) делятся на: земли лиц, принявших ислам до завоевания по собственному желанию, завоеванные земли, доставшиеся победителям, и втуне лежащие земли, разработанные мусульманами.

Земли эти называются дару-л-ислам (страна ислама). По шариату право земельной собственности основывается на завладении, при чем всякий мусульманин имеет право разрабатывать никому не принадлежащие земли. Шариат предусматривает „вакф“, т. е. передачу учреждению или лицу земли в пользование, но не во владение, так как вакф, по понятиям мусульман, есть собственность аллаха.

Что касается наделной земли, то в Кабарде, например, земля делится на три участка: пахота (вай'аха), покос (мукуй'аха) и выгон (хур'аха) и по жребию на ши'аха—участки посева, делящиеся между хозяйствами по платежным душам.

Насколько тяжело было положение горцев видно на примере Карачая. По данным Барчевского, карачаевцы расходовали ежегодно на покупку хлеба 503.533 рубля и на аренду земель 791.781 р., а всего 1.295.314 руб.

Кроме того, огромной тяжестью на население ложились всякого рода повинности. Например, в том же Карачае податное обложение слагалось из денежных государственных и общественных платежей и натуральных повинностей. Первые состояли из оброчной подати и военного налога, вторые из денежных сборов на содержание всякого начальства, эфенди, страховку и т. д. Натуральные повинности состояли из очистки дорог, канав, подводной повинности и т. д. В общем, по вычислениям Барчевского с каждого двора взыскивалось государственных общественных денежных платежей минимум 5 руб. в год, в среднем 15 руб. и максимум 32 руб. с каждого двора.

Таким образом карачаевец пастух был обречен на полунищенское существование, загнанный в горы и ограбленный таубиями и российскими колонизаторами.

По исследованию Н. С. Иваненкова (Цит. выше соч., стр. 156-160) в среднем на двор приходилось в нагорной Чечне, включая сюда и закят, т. е. $\frac{1}{10}$ урожая и приплода баранты, 2 р. 85 к. с окладного двора или с души мужского пола 75 коп.

Далеко не одинаково было положение горцев и казаков на плоскости. Так, в 1903 г. чеченец аула Кизлярского отдела (на плоскости)

получал дохода от своей земли 262 руб., казак того же отдела—918 руб. Казачество к тому же не платило налогов (местные сборы не превышали на семью 1 р.), тогда нам горцы платили от 5 до 15 рублей, а на плоскости—еще больше. На тощем бюджете горцев лежало содержание писаря, учителей и другие расходы.

Примитивный социальный уклад горцев отражал столь же примитивную технику у горца скотовода и земледельца. История революции в горах Северного Кавказа разворачивается на фоне родового быта, принимая совершенно своеобразные формы.

Чтобы понять значение рода в горском быту, приведем выдержку из статьи современного бытописателя горцев Ислама Карачайлы: „Власть рода—это не пустые слова, а самая реальная сила. Ибо родовой строй у горцев не только не изжит, но поныне здравствует“...

„Тукумючю джан алдырган“, „Тукум джан берген“, „Тот кто отдал душу за род“, „Готовый отдать за род, фамилию, всю душу“,—говорят горцы про того или иного защитника родовой или фамильной чести—одни с завистью и уважением, другие—с благоговейным приветом и почтением. И нет звания более почетного чем то, которое дается спасителю „фамильной чести“.

„Намыслы“—тот, кто соблюдает и чтит намыс или намус, приверженный к адатам старины, так же уважаем, как и тот, кто спасает родовую, фамильную или семейную честь.

Намыс означает одновременно и благородство, и честь, и репутацию, и доброе имя, и уважение к обычаям, и преданность долгу, и достоинство личное, фамильное, родовое, человеческое и т. п.

Одно слово „намыс“ содержит в себе все эти понятия. „Намыс болмаган джерде насып балмас“,—там нет счастья, где нет намыса. „Бизге неда босун, тукумну намысы тас балмасые“—пусть со мною будет, что угодно—это не беда, лишь бы род не лишился своего намыса. „Ахырат азапдан, дуня намыс кюшлюлю“—намыс мира, в котором мы живем, сильнее страха мук, которые ожидают грешника в аду—вот обычные возражения у горцев, говорящие о том, как они дорожат мнением и честью рода, об их глубокой органической связи с ним. Заботы о том, чтобы семья не подверглась оскорблению с чьей-нибудь стороны, чтобы род не был унижен в глазах других родов—это входит в круг обязанностей каждого горца, который происходит из того или иного рода. Этого требует „намыс“—Мен тукумсуз джакс узмамы. „Что я без роду и племени. Некому за меня заступиться, думаешь—с гордостью и задором говорит каждый горец про себя, когда ему нужно намекнуть на готовность рода защищать его. И все помыслы проникнуты сознанием своей кровной связанности с коллективом, надо сказать, близоруким, эгоистичным, неразумным коллективом, который называется родом“.

Однако, было бы ошибочно полагать, что власть рода всюду у горцев одинаково сильна. Здесь на одном полюсе стоит Чечня, до настоящего времени костенеющая в рамках родового уклада, на другом—наиболее культурная Осетия, являющаяся в то же время и наиболее развитой экономически.

Но даже в Чечне родовая община подвергается разложению. На ряду с родом возникают общины, объединенные каким-либо экономическим фактором (владение покосной горой, совместная пастьба и проч.), что подтверждает в своей работе недавно убитый в Чечне молодой исследователь Бальшин.

Распадение рода происходит под влиянием двух факторов: при

воздействии капитала, прежде всего, торгового на горскую экономику и внутренней дифференциации, правда, слабо выраженной.

Из родового быта вытекают и адаты—неписанные законы, горское обычное право. Наиболее полного своего развития адаты достигли в Кабарде, которую считают их родоначальницей. Адаты регламентировали всю жизнь горцев, опутывая его сетями всякого рода правил и предписаний, выросших вместе с патриархально-феодалным укладом. Ни мусульманское духовное право—шариат, ни русское законодательство не могли вытеснить адатов, которые крепко срослись с укладом горской жизни и так же консервативны, как быт горцев. Адаты—это идеологическая надстройка, которая держалась все время, несмотря на то, что экономический базис, на котором она была построена, постепенно разваливался. Даже в настоящее время адаты обнаруживают свою живучесть, препятствуя горским крестьянам приобщиться к великому строительству русского крестьянина и рабочего.

Адаты разнообразны, каждый аул и селение имеет свои адаты. Распространение адатов на весь народ зависело от воли всего народа. У кумыков правосудие первоначально отправлялось по шариату, но народ решил узаконить, кроме шариата, и адаты. „Для введения каждого нового адата, кумыки собирались на два кургана под названием Центральные Курганы... Когда вводимый адат касался улажения спора между обществами двух соседних селений, то к этим курганам выходили оба общества во главе со своими князьями. Одно из них собиралось на одном кургане, а другое—на другом. Между этими курганами собирались выделенные от обоих обществ представители. Последние сговаривались о мирном улажении спора, и результат сговора стали называть „адатом“. Этот адат скреплялся большинством голосов узденей и, наконец, князьями. Не подчинившихся адату заставляли подчиняться силой“. (М. Алибек. Адаты кумыков, стр. 5).

Адаты кумыков включали адаты при убийстве, адаты при ранении, адаты при похищении девушек, при изнасиловании и прелюбодеянии, относящиеся к воровству по оказанию уважения почета друг к другу, „адаты, когда прибыл гость“, отношения жен к мужьям, отношения отцов к детям, отношения сыновей к отцу.

По адатам кумыков да и вообще горцев Сев. Кавказа, сын не садился при отце, стоял и слушал, отвечая лишь на вопросы. Сын „исполнял всякое приказание отца беспрекословно, не рассуждая о том, правильно-ли это или неправильно“. (Там же, стр. 31).

Адаты охраняют родовую организацию. Свод адатов Уцмийского владения гласил: „Если члены тохума (рода) заметят кого либо из родственников в дурных поступках, то они вправе убить его; не следуют они этого—они обязаны отвечать за все его противозаконные поступки“. (Н. А. Караулов. Основы мусульманского права. Сб. мат. для описания племен и местностей Кавказа. Вып. 40-й, стр. 34).

По адатам кровь идет за кровь, никаких исключений адаты не знают. Один из осетинских адатов гласит:

1. При каких бы обстоятельствах не совершилось убийство, какие бы к тому побудительные причины и мотивы не были, оно всегда влечет за собой кровомщение.

2. От мести за кровь не освобождается никакой убийца, хотя бы это он совершил по необходимой обороне, в состоянии крайней необходимости, запальчивости или раздражения, будь он несовершеннолетний, мальчик или сумасшедший“. (Шергенов—„Кровавая месть у осетин“. Сборн. материалов для описания местност. Кавказа. Вып. 44-й, цит. по кн. В. И. Пожидаева „Горцы Сев. Кавказа“).

Лишь в некоторых случаях по адатам кумыков, когда сильный (большой род), мстя за убийство члена своего рода, грозит истребить слабый род „вплоть до грудных детей“, — народ становится на сторону слабого рода.

Адаты допускают замену кровной мести „алымом“ (у кумыков), т. е. головничество. В Чечне, по обычному горскому суду за убийство, при согласии на примирение кровников, уплачивалось 630 р. (Иваненков „Горные чеченцы“, стр. 134).

У кумыков сбор алыма производился со всего рода: брат вносил на алым 5 руб., двоюродный брат—2 р. 50 к., а отдаленные родственники до 25 коп. Таким образом, ответственность ложилась на весь род. (Адаты кумыков, стр. 6). В Шатое (Чечне) за убийство уплачивалось 630 руб., за выбитые глаза 310 руб., за вырывание бороды 50-60 руб., за выбитие зуба—25 руб., двух—50 руб., за похищение девицы—100 руб. и т. д. (Горные чеченцы, стр. 134-135).

Решение русского суда не избавляло от кровной мести.

Кровная месть является таким же придатком к родному быту, каким является по отношению к примитивной технике и экономике горских народов. Вместе с распадением родового уклада, ограничивается и кровная месть. На это указывает по отношению к чеченцам Бальшин.

„В отношении кровной мести существуют два момента, по отношению к чужестранцу и к чеченцу. В первом случае допускается убить первого встречного чужестранца, во втором же выработан целый ряд действий, обуславливающих правильное выполнение кровной мести.

Совершивший убийство платит отцу убитого одного быка, одну корову, играющие роль задатка за выкупную плату с родственников убийцы. Без этого эти последние будут преследоваться наравне с убийцей.

Для выкупа родственников убийцы от преследования и как бы для сведения такового на одного фактического убийцу установлены определенные суммы: дядя убийцы в семье платит 5 коров. Каждый брат убийцы 6 коров, а в случае если он не был экономически от него выделен, вел совместное с ним хозяйство, то 12 коров. Сам убийца скрывается куда-нибудь подальше, но если он скроется совершенно, вне пределов досягаемости, например, в Тифлис, то можно искать и мстить его брату или ближайшему родственнику“.

Может показаться непонятным, почему мы уделяем столько внимания роду, но без уяснения этого были бы совершенно непонятны многие явления в горской жизни в эпоху революции. Сплошь и рядом, в особенности в первый период революции, мы сталкиваемся здесь не с классовыми и политическими группировками, а с борьбой представителей отдельных влиятельных родов.

Споры между родами сплошь и рядом приводят к вооруженным столкновениям. В процессе гражданской войны темная горская масса часто являлась слепым орудием в руках экономически мощных родовых и религиозных группировок, борющихся между собою из-за власти, т. е. из-за права на эксплуатацию горцев.

Большинство горцев Сев. Кавказа принадлежит к мусульманам. Лишь некоторое количество осетин является христианами. Несмотря на остатки язычества, которые сохранились у всех горских народов (чеченцы верят, например, в ведьму „гам“, в горах, по их верованиям, живет дух гор, покровитель стад „лам ольаш“, у каждого человека есть свой двойник—дух и т. д.), власть ислама в горах была беспредельна.

В условиях патриархально-феодалного уклада жизни горских народов, загнанных в горы русским царизмом, мусульманская религия была цементом, скреплявшим раздробленные и разноязычные народности Северного Кавказа. Под зеленым знаменем Магомета горцы во времена Шамиля восставали против русских угнетателей, — на этой же основе, в период революции, возникали попытки создания обособленного мусульманского государственного теократического образования („Шариатской монархии“). В наше время на религиозных струнах играли многочисленные турецкие агенты, наводнявшие во время революции Кавказские горы, на этих струнах играла и Англия, изготовлявшая против большевиков плакаты, на которых изображен горец с зеленым знаменем Магомета.

Процент грамотности населения обратно пропорционален проценту количества духовенства: в Осетии, где грамотных 17,5⁰/₁₀₀, духовенство составляло 0,19⁰/₁₀₀ всего населения, в Чечне, где грамотных 0,8⁰/₁₀₀, духовенство составляло 3,0⁰/₁₀₀ всего населения.

В основу мусульманского канонического права—шариата—легли: коран, суннет (предания) и фетвы (решения законов). Руководство в решении вопросов другими основаниями безусловно воспрещается. Шариат охватывает как религиозное, так и гражданское и уголовное право, определяет судопроизводство, передавая его в руки кадия и, наконец, шариат разрешает вопросы войны и предопределяет государственный строй.

Несомненно, живучесть кровной мести в значительной мере обусловлена тем, что она не противоречит шариату. Шариат признанием „кысас“ (возмездие) и „диет“ (вира, уплачиваемая родственниками убитых) санкционирует кровную месть.

Мусульманские законоведы делят население земли на две области: область верующих и область войны, т. е. неверующих. По шариату, главой всех мусульман является имам (государь, совмещающий в своей власти верховную светскую и духовную власть). После падения арабского халифата, имамом считался турецкий султан. Таким образом, шариат устанавливал теократический строй. Шариат предусматривает войну за веру (джигад) и набег (газават).

Шариат регламентировал всю жизнь горца, и мулла пользовался в глазах горца непререкаемым авторитетом.

В условиях Сев. Кавказа ислам объединял против русских угнетателей разноязычные и обособленные друг от друга горские народы.

Для понимания некоторых явлений в горской жизни в эпоху революции необходимо также в кратких чертах ознакомиться с шейхизмом и мюридизмом. Еще царские чиновники в свое время улавливали непонятную для них связь между шейхизмом и мюридизмом с одной стороны, и политической борьбой с русскими, с другой. По словам Покровского: „Мюридизм вовсе не местное кавказское явление: он неразрывно связан с мусульманским мистицизмом вообще и даже был занесен на Кавказ извне—из Бухары. В основе мусульманского „послушничества“, как и в основе аналогичных явлений в христианской и других религиях, лежит аскетическое отречение человека от своей личной воли—ради непосредственного сближения с божеством. Магометанская практика аскетизма („тарикат“) знала несколько ступеней этого самоотречения: стоявшие на низшей ступени рядовые „мюриды“ нуждались в посредниках между ними и богом „мюршидах“, (или „шейхах“),—которые для них являлись как бы воплощением воли божьей и могли поэтому требовать к себе беспрекословного повиновения“. По учению суфизма шариат является первой ступенью благочестия,

второй ступенью является тарикат, т. е. „путь“, при чем масульманин является послушником мюридом какого-либо святого старца—имамы, шейха, и лишь сделавшись мюридом, мусульманин может дойти до познания (марифат) и сделаться сам шейхом и познать истину (ханькат).

Главными путями (тарикат) являются четыре: накшубандийский, кадырийский, джантурийский и „великий путь“, эти пути связаны с именами четырех халифов. В Чечне и Дагестане распространены накшубандийский и кадырийский тарикат.

В статье „Истинные и ложные последователи тариката „Джема-лэддин Казикумухский („Сборник сведений о кавказских горах“, вып. 4-й) мы находим изложение стройной системы учения о тарикате и сведения о тех требованиях, которые предъявляются к мюридам. Мюрид должен быть занят молитвами, нравственным совершенствованием, отказаться от всего „что соблазняет человека на свете“—от богатства, величия и т. д. Мюрид должен отказаться от своей воли,— „будто даже и не существучт в сем свете“, он должен быть аскетом— „освободит себя от подчинения потребностям и желаниям“, избегать удобств в жилье, роскоши и т. д. Он должен быть смиренным— „он должен поставить себя ниже всякой божьей твари“. Мюрид избегает общества людей, всего мирского.

Мюрид „обязывается привязать сердце свое к одному из истинных шейхов“, ибо „кто не имеет себе шейха, то его шейх есть дьявол, и кто не имеет путеводителя, то путеводителем ему служит влечение его собственной плоти“. Высшая цель мюрида не только „уничтожение воли и телесных потребностей“, но и внутреннее уничтожение, состоящее в том, что „в мыслях мюрида смываются следы его существования при блеске света от лица божия“, и это есть „уничтожение себя в боге и существование одним божеством“.

Истинный шейх должен „собственным отречением от всего земного внушить своим мюридам, что и им необходимо тоже отказаться от света“. Он должен быть примером аскетизма, но не просить милостыню, он должен быть сведущим в богословских науках, быть образцом смирения, считать себя ниже всякой твари и безропотно переносит обиды и оскорбления. Он должен считать себя посланцем бога, быть смиренным перед богом, милостивым и правоверным.

Подробнейшим образом разработанные взаимоотношения мюрида и шейха превращают мюрида в слепое орудие шейха, мюрид должен быть убежден в том, что „его шейх есть самый высший из шейхов, а путь его выше всех путей“.

Тот-же автор говорит, что к разряду „лже-святых“ принадлежат почти все мюриды его времени.

Мюридизм играл огромную роль на Сев.-Кавказе, достигнув высшей точки своего развития в эпоху Шамиля, создавшего в горах Дагестана и Чечни теократическое государство, ломавшее феодальные и родовые перегородки. Имамат, по словам Покровского, опирался и в те времена на денежное хозяйство. То же подтверждают и современные исследования. В упомянутой нами выше работе о нагорной Чечне, Иваненко пишет: „Видел я и одного странствующего монаха (дервиша), он от времени до времени появлялся в селе Инумкале, это богатый человек, у него 2.000 рублей отданы на проценты. В эпоху гражданской войны играл крупную роль на С. Кав. Нажмуддин Гоцинский,—крупный скотовод.“

Шейхизм и мюридизм связаны с ростовщическим и торговым капиталом. В Чечне, где не существовало ни князей, ни дворян, чеченская

буржуазия делит власть с духовенством, совмещая часто в своем лице и того и другого. Ростовщический капитал властвует в горах Чечни. По словам Иваненко, в районе Шатоя брали от 25% до 50% годовых, а иногда и 120%, при чем к торговому тракту процент понижался до 20—25%.

Таким образом, каждый горский народ представлял из себя замкнутый мир, находящийся всецело под влиянием адатов, фанатического мусульманского духовенства, кулацких княжских и дворянских помещичьих родов и представителей торгового и ростовщического капитала (в Чечне, например, одно торговое предприятие до войны приходилось на 266 душ обоего пола).

Несмотря на то, что львиная доля, принадлежавших горцам земель была захвачена князьями и дворянством, в условиях патриархально-феодальной горской действительности, их национальной обособленности, еще незажившим ранам, нанесенным рукой самодержавия, земельный вопрос, естественно, превращался в вопрос национальный, где был обижен „весь народ“. Именно по этому пути направляли горцев князья, имамы и буржуазия, пытаясь национальной рознью заглушить классовую борьбу внутри горских народов. Вся ненависть горцев, по вполне понятным причинам, была направлена на непосредственное орудие царской политики, на тех, кто завладел лучшими землями, кто, на ряду с полицейскими обязанностями по отношению к горцам, являлся эксплуататором его—на казачество. Зажиточная кулацкая станция и нищий аул стояли друг против друга непримиримыми врагами. Национально-земельная, чересполосица являлась на Тереке тяжким наследием самодержавия и когда оно рухнуло, развалилась и та плотина, которая сдерживала поток горцев, стремившихся с гор на плоскость. Разноязычные горские народы, но объединенные религией, бытом, нищетой и рабством, стихийно устремились на плоскость.

Несмотря на национальную и религиозную оболочку, борьба горцев с казачеством являлась по существу борьбой арендаторов с землевладельцами, борьбой обезземельных абригенов с пришлыми захватчиками, борьбой угнетенных с угнетателями.

Какие же задачи стояли перед партией на Сев. Кавказе вообще и прежде всего на Тереке?

Терская область сложилась в результате колониальной политики царизма, орудием которой являлось казачество. Русское население, составлявшее около 1/2 всего населения, являлось пришлым и было сосредоточено, главным образом, в северной части области и в городах. Основную массу населения составляли экономически отсталые горские народы. Терская область являлась преддверием мусульманского Востока и, вместе с Дагестаном, представляла пеструю картину социально-экономических укладов: от патриархально-родового (Чечня), до угасающего феодализма (Кабарда) и разложения феодализма (Осетия), с выделением национальной буржуазии. Таким образом, на Тереке стоял в полном объеме национальный вопрос, осложненный сословно-казачьим.

В „Первоначальном набросе тезисов по национальному и колониальному вопросам“ В. И. Ленин указывает:... „коммунистическая партия, как сознательная выразительница борьбы пролетариата за свержение ига буржуазии, должна и в национальном вопросе во главу угла ставить не абстрактные и не формальные принципы, во-первых, точный учет исторически конкретной и, прежде всего, экономической обстановки; во-вторых, отчетливое выделение интересов угнетенных классов, трудящихся, эксплуатируемых из общего понятия народных

на пути от средневековья к буржуазной демократии или от буржуазной демократии к советской или пролетарской демократии и т. п.

Во всяком случае, со стороны пролетариата тех наций, которые являлись угнетающими, необходима особая осторожность и особое внимание к пережиткам национальных чувств у трудящихся масс наций угнетенных или неполноправных" и т. д.

В „Тезисах по национальному и колониальному вопросам“, принятых 2 Конгрессом Коминтерна, мы читаем: „так как недоверие и национальные предрассудки могут исчезнуть лишь после искоренения империализма и капитализма в передовых странах и после радикального изменения всей основы экономической жизни отсталых стран, то вымирание этих предрассудков не может не быть очень медленным. Отсюда обязательность для сознательного коммунистического пролетариата всех стран относиться с особой осторожностью, с особым вниманием к пережиткам национальных чувств в наиболее долго угнетавшихся странах и в народностях, равным образом обязательность итти на известные уступки в целях более быстрого изживания указанного недоверия и указанных предрассудков“.

Все это относится также к народностям, населявшим б. Российскую империю. По этому поводу на VIII Съезде партии т. Ленин, полемизируя с Бухариным, сказал.. „у нас есть башкиры, киргизы, сарты, целый ряд других народов, и по отношению к ним, мы не можем отказать в признании. Мы не можем отказывать в этом никому из народов, живущих в пределах бывшей Российской империи. Допустим даже, что башкиры свергли бы эксплуататоров и мы помогли бы это им сделать. Но ведь это возможно лишь в том случае, если переворот вполне назрел. И сделать это надо осторожно, чтобы своим вмешательством не задержать тот самый процесс дифференциации пролетариата, который мы должны ускорить. Что же мы можем сделать по отношению к таким народам, как киргизы, сарты, которые до сих пор находятся под влиянием своих мулл. Можем-ли мы подойти к этим сартам и сказать: „мы скинем ваших эксплуататоров“. Мы этого сделать не можем, потому что они всецело в подчинении у своих мулл. Тут надо дожидаться развития данной нации, дифференциации пролетариата от буржуазных элементов, которое неизбежно“.

Большинство народов Терека изживало патриархально-феодальный уклад. Власть рода, адаты, кровная месть—все это далеко не было изжито. Подобная обстановка обязывала партию к очень осторожному подходу. В проекте „Тезисов по национальному и колониальному вопросам“ Ленин писал: „По отношению к государствам и нациям более отсталым, с преобладанием феодальных или патриархальных и патриархально-крестьянских отношений, надо в особенности иметь в виду: „необходимость помощи всех коммунистических партий буржуазно-демократическому освободительному движению в этих странах...“

На Тереке обстояло дело так, что горские феодалы (Коцев), представители крупной буржуазии (Чермоев) и духовенство ориентировались на феодальную мусульманскую Турцию, а мелкобуржуазные националисты и часть демократического духовенства колебались между меньшевистской Грузией и Советской Россией.

Национальный вопрос, в его конкретной постановке, определял и политику терских большевиков, структуру власти „советского типа“ —Терский Народный Совет и обусловил те уступки, которые, без учета национальных особенностей Терека, совершенно необъяснимы.

Благодаря, в общем, правильной политике и учету своеобразия конкретной обстановки, не лишенной, впрочем, некоторых ошибок,

к осени 1918 г. был обеспечен союз русского пролетариата и горского крестьянства. Классовая борьба пришла на смену национальной вражде. Недостаточно внимательное отношение к национальному вопросу на Кубани, где национальный вопрос стоял в менее сложной постановке, содействовало в известной мере тому, что черкесское крестьянство оказалось в лагере контр-революции.

ГЕНЕРАЛЬНАЯ РЕПЕТИЦИЯ.

Революционное движение на Северном-Кавказе развивалось на фоне сложной и пестрой социально-экономической обстановки Края, включавшего все стадии хозяйственного уклада: от патриархально-родового уклада Чечни и (угасающего) феодализма Кабарды до крупной капиталистической промышленности, выросшей на дрожжах иностранного акционерного капитала. Казачье землевладение и сословный вопрос в казачьих областях придавали этой и без того сложной обстановке своеобразный отпечаток: „максимум остатков феодализма“ здесь был выражен в наиболее грубой форме.

Выше мы останавливались на аграрном и национальном вопросах. Но „паровозом“ революции на Северном-Кавказе явился рабочий класс. Только он мог объединить русское и горское крестьянство, батраков и мелких арендаторов „иностранцев“, а также беднейшую часть казачества, организовать революционное движение на Северном Кавказе сначала против царизма, а вместе с ним, против остатков феодализма в казачьих и горских областях и помещичьего землевладения, а затем против буржуазии, опиравшейся на иностранный капитал и штыки. Эта борьба закончилась лишь в 1920 году, хотя кулацкое казачество аргоизировало до 1923 года.

Зарождение рабочего класса на Северном-Кавказе и выступление его на арену борьбы непосредственно связано с постройкой железной дороги. В 1869 г. была построена железная дорога, соединившая Ростов с Горловкой, а в 1874 г. мы видим в Ростове первое стихийное выступление рабочих, разгромивших полицейский участок. И в дальнейшем (в 1905 году) железнодорожный пролетариат являлся стержнем хребтом Северо-Кавказского пролетариата.

Ростов, Краснодар, Новороссийск, Тихорецкая, Кавказская, Минеральные воды, Владикавказ, Грозный, Армавир—вот главные пункты пролетарского движения на Северном-Кавказе, и архивные данные жандармских управлений говорят о том, что именно железнодорожные рабочие являлись бродильным началом революционного движения. Так, судя по материалам кубанского жандармского управления, в 1900 году в Новороссийске центром революционной работы являлись железнодорожные мастерские, где уже тогда существовали рабочие кружки.

Промышленное развитие России шло от центра к окраинам. На окраины капитал значительно позднее протянул свои стальные щупальцы рельсы и вовлек хлебородный Северо-Кавказский Край в капиталистический водоворот. Стремительное развитие промышленности Края относится к концу 19 и началу 20 столетия, когда иностранные капиталы потекли на Северный Кавказ и вместе с чудовищной эксплуатацией рабочих выросла добывающая промышленность Края. Вместе с тем на с.-х. сырье выросла обрабатывающая промышленность—мукомоль-

ная, маслособойная, табачная, кожевенная. В Ростове выросло с.-х. машинно-строение, в Таганроге и Сулине—металлургическая и металлообрабатывающая промышленность, в Донецком бассейне—угольная, в Грозном и на Кубани—нефтяная. Значительную массу в портовых городах—Ростове и Новороссийске составляли грузчики и по всему Краю был рассеян ж.-л. пролетариат, сыгравший большую роль в истории революционного движения на Сев.-Кавказе. Кроме того, особенностью Края являлось наличие значительного количества с.-х. пролетариата, распяленного по зажиточным казачьим хозяйствам, плантациям, садоводствам и имениям. На ряду с сезонными батраками, приходившими на С. К. из разных мест России на заработки, по станицам осели кадры постоянных батраков, составивших значительную часть всего „иногородного“ населения. Пролетариат Сев.-Кавказа отличался от пролетариата России тем, что он является пришлым, „иногородным“ и не был связан с землей. Поэтому рабочее движение в Крае, начиная с ростовского народного бунта 1874 года, отличается особенно бурным характером.

20-е столетие, как мы видели, открывает новую эпоху на Северном Кавказе—эпоху тяжелой индустрии, связанную с внедрением иностранного капитала. Бурный рост металлургической, угольной и нефтяной промышленности сопровождается ростом пролетариата и выходом его на арену классовой борьбы.

В этот период растет городская промышленная колонизация Края. На смену сельско-хозяйственному рабочему и мелкому арендатору идет промышленный рабочий. Рядом с промышленным центром Края—Ростовом возникают новые промышленные центры—Таганрог, Армавир, Майкоп, Новороссийск, Пятигорск, Минеральные Воды, со своими железнодорожными мастерскими и Грозный; более чем вдвое увеличивается население Екатеринодара. О своем рождении пролетариат сигнализирует ростовской стачкой 1902 года.

Баррикадная борьба ростовских рабочих в 1905 году и Новороссийская республика оповестила, что пролетариат Северного Кавказа созрел для боев с капиталом.

В центре революционного движения на Северном Кавказе стоял г. Ростов на Дону, являющийся наиболее крупным пролетарским центром Края. Первое революционное выступление ростовских рабочих относится к концу 1879 года, когда толпой рабочих, вступивших за избитого полицейскими, был разнесен участок, квартира полицмейстера и кварталы.

В 1894 г. в Главных Мастерских Владикавказской жел. дор. произошла крупная забастовка, продолжавшаяся с 25 марта по 12 апреля. Бастующими был выставлен ряд требований (увеличение жалованья на 10^{0/0}, 10-ти часовой рабочий день и др., всего 16 пунктов). Стачкой руководил Козин (участвовавший впоследствии в создании Донского Комитета), Дорогин и Стрельцов. Руководители были арестованы, администрация пригрозила рабочим увольнением и стачка была проиграна.

Первые марксистские кружки в Ростове возникли на развалинах „Народной воли“ в 1889 году. Основателями их были: И. А. Моисеенко, Машицкий, Мельников и другие. Однако, возникновение социал-демократической организации в Ростове относится к 1898 году („Донской Комитет“).

Исключительное значение для истории рабочего движения в России имеют ростовские события 1902 года. В мае 1902 г железнодорожные рабочие ст. Тихорецкой, возмущенные изнасилованием

следователем и казаками арестованной ими Золотаревой, которая покончила с собой, разнесли в щепы сторожку, избив казаков и полицию. Суд над рабочими в ноябре был превращен в застенок. В знак протеста против этого суда, в Ростове состоялась грандиозная стачка рабочих Главных Мастерских Владикавказской железной дороги, в которой приняло участие более 4000 человек. Начали стачку 2 ноября рабочие котельного цеха, к которому примкнули остальные. Стачка продолжалась с 4-го по 25-е ноября. Рабочие требовали сокращения рабочего дня до 9-ти часов, повышения заработной платы на 20% и т. д. Под Ростовом, между Ростовом и ст. Гниловской, в Камышевахинской балке происходили собрания и митинги, в которых принимало участие до 30000 человек. Борьба ростовских рабочих протекала под руководством местной с.-д. организации (б-ки Васильченко, Ставский), которая выпускала листовки. Стачка охватила завод Панина Аксай, фабрику Асмолова, Кушнарева.

На ростовские события откликнулись рабочие Новороссийска, где бастовало 600 человек, а также Тихорецкой, забастовавшие 15 ноября. Волнения были беспощадно подавлены: в Ростове было убито 6 человек, ранено 12, в Тихорецкой было убито 5 человек и 17 ранено тяжело. В Тихорецкой помощник наказного атамана Кубанского войска Бабыч цинично заявил рабочим: „Кто вам сказал, что я не могу расстреливать“.

Стачка 1902 года была разгромлена, но она всколыхнула всю рабочую Россию, указав в то время, что для победы пролетариат нуждается в организации.

По поводу Ростовской стачки Г. В. Плеханов писал в „Искре“: „Таких демонстраций у нас еще никогда не бывало и вот почему ростовские события составляют эпоху в истории нашего рабочего движения... Да ростовские события открыли собой новую эпоху, эпоху массовых демонстраций, Демонстрации „героев“, прохаживающих перед „толпой“, отжили свое время и утратили свое значение. Теперь демонстрации должны быть массовыми или их вовсе не должно быть“. („Искра“ 15 янв. 1903 г., № 32 — „Значение Ростовской стачки“).

Следующим этапом в развитии рабочего движения в Ростове была демонстрация 2-го марта 1903 года, организованная Донским Комитетом (инициатор—Васильченко), во время которой убит пристав Антонов и избито несколько полицейских. Царское правительство предало участников (Браиловский и др.) военному суду и приговорило их к каторге.

Ростовская с.-д. организация установила связь с Таганрогом, Сулином, Донецким бассейном, с Новороссийском, Тихорецкой, Кавказской и Армавиром.

На 2-й съезд партии в 1903 году от ростовской организации был делегирован Дабкин (Гусев) и Локерман (Царев). Первый вошел во фракцию „большинства“. В 1903 году в Ростове был основан союз *горнорабочих. С.-д. Комитеты были основаны во всех крупных центрах Донецкого бассейна.* Летом 1904 года организация была разгромлена: в апреле и июне были арестованы члены Донского Комитета, а также захвачена нелегальная типография. (Двое арестованных Максимов и Шепаров выдали все, что им было известно). Однако, к концу 1904 года связь между работниками Ростова была установлена к концу того же года. Осталось ядро социал-демократических организаций человек в 150.

В Таганроге рабочее движение растет вместе с промышленностью.

В 1897 году был пущен металлургический завод с 3000 рабочих и котельный с 700 человек. Рабочие сразу перешли от условий кустарной промышленности к крупно-капиталистической. Это сказалось на бурном развитии рабочего движения. Первый с.-д. кружок в Таганроге организован в 1899-900 году рабочим Солдатовым. В сентябре 1902 года был организован комитет с.-д., в который входили: Складов, Лободовский, Маловичко, Оргида и др. В 1903 году насчитывалось уже 7 кружков, но организация снова была разгромлена (арестованы Шахматов, Старцев Санегов). После ареста работников с.-д. комитет вновь возрождается при участии Бучинского, Флейтера, Кирилла Новикова и других товарищей.

В 1903 году на котельном заводе вспыхнула забастовка с требованием 8-ми часового рабочего дня, повышения заработной платы на 50%, удаление за грубое обращение фельдшера и пр. Забастовка сопровождалась митингами. На 5-й день администрация пошла на уступки (кроме сокращения рабочего дня). Тогда же во время суда над членом Донского Комитета Брайловским произошли столкновения рабочих с казаками, охранявшими здание суда.

Революционное движение на Кубани жандармы прямо и непосредственно связывали с притоком „иностранного“ населения. В деле начальника Кубанского Обл. Жандармского Упр. за 1902—3 г., за № 1 по агентурной отчетности, мы читаем: „После большого наплыва переселенцев казаки из боязни засилия первых, сильно изменили свои отношения и в целях предупреждения дальнейшего переселения начали проводить налоговую систему и относиться враждебно к уже поселившимся. Все это вызвало взаимное недовольство двух образовавшихся при таких условиях классов, живших до того времени казаков и иностранных. Недовольство иностранных существующим в Крае административным порядком, переходит в возникновение дел о государственных преступлениях, предусмотренных 245 ст. Уложен. Наказ., количество которых, по отзыву тов. прокурора Тифлисской Судебной Палаты Лемермель, в ряду дел этого рода областей и губерний Кавказа, занимает первое место. Большинство таких дел возникает на почве экономического взаимоотношения местного казачьего и иностранного населения. (Выписки взяты из дела № 10 Куб. Чер. Обл. Арх. Бюро, стр. 115).

Связывая революционное движение с иностранным населением жандармы выделяют из последнего пролетариат, как „готовую почву“ для революционной пропаганды.

„Благодаря тому, что в общем числе иностранных насчитывается до 282.000 бездомного и безземельного пролетариата,—читаем мы там же,—давно оторвавшегося от родных мест и не имеющего приюта, для народной агитации и пропаганды придало для иностранного населения „готовую почву“ (Там же, стр. 115).

Охранка внимательно следила за растущим рабочим движением и насаждала провокаторов в крупных рабочих пунктах: Екатеринодаре, Новороссийске, Армавире и Тихорецкой.

В Новороссийске внимание охранки привлекли рабочие жел. дор. мастерских, элеватора, цементных заводов, в Екатеринодаре—завод Аведовых („Саломас“), в Тихорецкой—ж. д. мастерские, в Армавире—не только заводы и фабрики города, но и расположенное близ Армавира имение бар. Штенгеля, „Хуторок“, где летом скопилось много рабочих.

Это внимание жандармов к батрачеству вполне понятно, так как, начиная с 1902 г., в Ставропольской губ. и Кубанской обл. растет на

экономической почве и движение батрачества выливалось порой в забастовочное движение.

По воспоминаниям участников (т. Вишнякова) и по жандармским данным, начало рабочего движения и деятельности РСДРП на Кубани относится к 1902 году. В этом году впервые появились в Екатеринодаре и Армавире первомайские и другие прокламации, частью (по жандармским данным) привезенные из Ростова, а некоторые были выпущены от имени „Группы Кубанских Рабочих“.

В 1902 г. в организацию РСДРП входил студент „Павел“, Колумб, Василий, рабочий слесарь с железной дороги „Чудак“, Екатерина Моисеевна, гимназист Роман Ворошин, Виноградов. Упоминается также рабочий Кутасов.

Подпольная работа велась в железнодорожных мастерских и среди машинистов.

События на ст. Тихорецкой отразились на Краснодаре. Было устроено собрание на заводах Штенгеля, Галанина, Аведова и на железной дороге, а также выпущены листовки.

К этому же году относится демонстрация, устроенная на похоронах учителя реального училища Ротаря, пользовавшегося большой популярностью среди учащихся. На могилу были возложены венки с красными лентами. В декабре организация подверглась разгрому, были арестованы: Колумб, „Чудак“, „Павел“, первые два вскоре были освобождены.

В 1903 и 1904 г. работа Екатеринодарской организации охватывает не только рабочих, но и ремесленников Екатеринодара.

В 1903 году работниками с.-д. организаций были: Георгий Грузин, Николай, Ольга, Волощук, Анна Николаевна, Белая, Михаил Дроздов, Китенев. Маслиев, „Ванька сапожник“, маляр Денис и Паня Вишнякова (Воспом. П. Вишняковой). По жандармским сведениям во главе организации стояли „Сергей Сергеевич“ (В. С. Попов), „Адвокат“ (Ширский), „Зорин“ (Щербинин), М. Костеловская и другие лица.

Город был разбит на районы: Городской, Дубинский, Покровский и кожевенных заводов. Почти на всех крупных предприятиях и на железной дороге были организованы кружки.

На Покровке (рабочее предместье) среди различных рабочих были организованы два кружка (человек по пяти). Среди маляров и обойщиков три кружка (человек в тридцать). На железной дороге четыре кружка (до тридцати человек). Были организованы кружки на заводе Штенгеля, Аведова (два кружка человек в двадцать). Существовали кружки и на Дубинке (рабочее предместье).

(Воспом. Вишняковой).

К началу 1904 года организацией было охвачена до 200 человек. Была даже попытка организовать типографию. Шрифт был выслан со ст. Винярки, Подольской губ., но обнаружен жандармами (Переписка Куб. Жан. Управления. Куб.-Чер. Обл. Арх. Бюро № 10).

В 1903 году была попытка организовать первомайскую демонстрацию. Однако, охранка напала на следы организации. В ночь с 21 на 22 марта был арестован ряд работников (Кузьменко, Беда, Моисеянц, Пациевский и др.). В дальнейшем были арестованы В. С. Попов, прис. пов. П. С. Ширский, Щербинин и другие. Всего было арестовано 29 человек, часть из которых была впоследствии освобождена. Но Кубанский Комитет РСДРП продолжал существовать и работа не затихала. По воспоминаниям т. Вишняковой, была организована типография; выпускавшая листовки. К началу 1904 года вошли новые

работники: Д. Полуян, Вассо Сочинадзе, „Дядя Ваня“, Герус, Борис Горбатко, Кравцов, Хороший, Петр Гупима, „Павел Карасунский“, Колька с Карасуна, по кличке „Толстой“, машинист под кличкой „Поп“ Сергей, работница Раиса Пешкова, Виноградов, Ворошин, железнодорожник Маслиев. Прибавились и кружки.

Под руководством организации в 1903 г. протекали забастовки на заводе Аведова и Штенгеля.

Требования рабочих о повышении заработной платы и выдаче одежды в обоих случаях были удовлетворены. 1 мая была организована за городом массовка, на которую собралось до 300 человек. В городском саду был устроен митинг, разогнанный казаками, была попытка устроить демонстрацию. Несколько человек было арестовано.

Летом 1904 года забастовочное движение на экономической почве продолжалось (фабрика Коваленко); 10-го ноября на заседании Екатеринодарской городской думы, превращенной в политический банкет, выступил от с.-д. Крестов с призывом к борьбе с самодержавием, разбрасывались гектографированные прокламации. Собравшиеся не позволили полицмейстеру Чернину арестовать Клеотова, которому удалось скрыться. Впрочем, он был все же разыскан и 13 сентября 1905 года привлечен и оправдан Новочеркасской судебной палатой.

В Армавире с 1903 года существовала объединенная организация РСДРП, связанная более с Ростовом, чем с Екатеринодаром. Здесь существовали кружки на фабриках и заводах, у портных, сапожников и т. д. Всего организация охватывала до 200 человек. Велась пропагандистская работа, была даже своя типография, просуществовавшая 2 года.

На ст. Кавказской точно также пропаганда марксистов началась с 1898 года, когда была основана с.-д. библиотека, организатором которой был инженер Мильновский и конторщик Владимир Гулькевич. В 1902 году была установлена связь с Екатеринодаром и к тому времени среди рабочих уже существовали кружки и велась самообразовательная работа.

В 1903 году уже существовали кружки, связанные с Донским Комитетом, куда входили: Вл. Гулькевич, Андрей Павленко, Менделеев, Сергей Дудник, Чесидиев и др. Агитационная работа велась не только среди рабочих, но среди батраков и крестьян. Успеху агитации среди батраков помогла стачка последних в 1904 году. Батраки требовали 1 р. 20 к., а наниматели давали 50 к. в день. Полицией за агитацию был убит один рабочий.

Существовал кружок марксистов и в ст. Славянской, во главе с учителем Селивановским и рабочим Евдокимовым, имевший связь с Краснодаром. Кружок устраивал массовки, распространял прокламации и воззвания. Работа велась, главным образом, среди иногородних.

Была также с.-д. организация и в Ейске (Ив. Кольцов и др.), связанная с областным комитетом и Ростовом, которая вела пропагандистскую нелегальную литературу („Искра“).

Подпольная революционная работа, по воспоминаниям участника событий 1905 Прохорова, велась с 1898 года, при чем преобладало влияние марксистов. Интеллигентские кружки сменили кружки рабочих и в 1901 г. здесь зародилась партийная организация: из-за границы получались: „Искра“, „Заря“, „Южно-Русский Рабочий“ и др. издания. С 1903 г. начинают устраиваться за городом массовки, при чем рабочие всецело находятся под влиянием с.-д. В 1902 и 1903 г.г. произошли забастовки железнодорожников и рабочих цементных заводов.

Во Владикавказе появление марксистских кружков приходится к началу 900-х годов (С. Такоев. „К истории революцион. движения на Тереке“. Изв. Осет. Инст. краевед., т. II).

По данным Истпарта с.-д. кружки во Владикавказе впервые стали сливаться и организовываться в 1904—5 годах. Существовали кружки среди строительных рабочих (Карама, Белохвостов, Андрей Савкин, Амираков и др.) и среди учащейся молодежи (Попов, Рамишвили, Ахмет Цалинов, Чермен Баев, Симон Такоев, Гатуев и др.).

Были организованы кружки в городе, куда входили: Ной Буачидзе, Элердов, Ибсилде, Гоглоев и др.; на Курской слободке—Галкин, Прошкин, Савкин, Щербинин и др.; Верхне-Осетинский, где выделялся Дзедзиев. Крупнее всех был Шелдонской кружок (120 чел.), где работу вел Блюмэ. Велась работа агитационная и организационная. В Пятигорске работали Лунин и Гурари, во Владикавказе—Лежава. Организация была связана с гарнизоном. Возникновение с.-д. организации в Грозном относится к 1904 году.

Весной 1904 года (по восп. С. Такоева) был организован Терско-Дагестанский комитет, куда вошли: А. Цаликов, Е. Мамулов, М. Ешков, Е. Лаврова, Ошуркова, Н. Гатуев, Я. Берман и С. Такоев.

Особняком стоит среди горцев революционное движение в Осетии, связанное с с.-д. организацией Терека. Центром с.-д. движения являлось с. Христиановское, где уже в 1903 году была устроена революционной молодежью демонстрация с красным флагом. К 1905 году по всей Осетии, особенно в Дигории, существовали с.-д. кружки (Батако-Юрт, Ардон, Хадикус и т. д.). Зародилась в Осетии и организация эсеровского толка „Фадисонта“ („Набат“), объединившая небольшую группу интеллигентов.

В 1905 году весь Северный Кавказ был покрыт сетью с.-д. организаций, которые существовали даже в станицах (Славянской и др.) и непромышленных городах, вроде Ейска. Почти все организации находились под влиянием меньшевиков. Но меньшевики отошли в сторону или задерживали революцию в тот момент, когда началась вооруженная борьба за власть, как это было в Ростове, Новороссийске и Сочи.

Революция 1905 года слагалась на Северном Кавказе из следующих потоков: рабочего движения, крестьянского движения, казачьего движения и, наконец, революционного движения горцев и довольно многочисленных на Северном Кавказе армян и грузин. Вопреки преобладанию меньшевиков, рабочее движение на Северном Кавказе, почти во всех крупных центрах, вылилось в формы вооруженной борьбы за власть. Пролетариат Северного Кавказа выдвинул Советы Рабочих Депутатов, как органы власти, он дал бой царизму на баррикадах Ростова, где рабочие героически сражались 8 дней против царских войск, взял власть в свои руки в Новороссийске и с боя вырвал власть в Сочи. Вооруженные столкновения были в Таганроге, Сулине, Армавире, Кавказской, Тихорецкой и т. д.

Крестьянское движение на Северном Кавказе, как и всюду в России, запоздало и почти не было связано с рабочим движением. Оно захватило всю Ставропольскую и Черноморскую губернии, а также Ростовский и Таганрогский округа Донской области. В Сочинской с.-д. организации, находившейся под руководством большевиков, во главе с Гватуа, удалось установить теснейший союз с черноморским крестьянством, угнетенными национальностями, разбросанными по Черномор-

скому побережью (грузинами, армянами) и повести их на вооруженную борьбу с царизмом.

Если в общем царизм подавлял революционное движение в значительной мере руками казачества, то на ряду с этим мы видим в 1905 г. пробившуюся в казачестве революционную струю. Кубанское и частью Донское и Терское казачество отказалось нести полицейскую службу и умирять народ. Славную страницу в историю революционного движения казачества вписал 2-й Урупский казачий полк, восставший против казачьего начальства и казачьих помещиков, это восстание было поддержано многими станицами Кубанской обл. Организаторами этого восстания были большевики Яков Полуян и Волконогов.

Надо заметить, что в революцию 1905 года в казачьих областях не был поставлен ребром земельный вопрос. Состоявшаяся в июле 1905 г. в Екатеринодаре конференция Северо-Кавказского Союза РСДРП рассматривала вопрос об иногородных и казачестве. По вопросу об иногородных конференция постановила вести среди них агитацию за гражданское и политическое равенство всех групп населения Кубанской области, и признав казачество остатком военно-крепостных отношений, искусственно поддерживаемых царизмом, постановила вести агитацию за уничтожение этого сословия, организовывая выделившиеся пролетарские элементы казачества.

У горских народов с.-д. организация существовала лишь в Осетии. Организация эта входила в состав Терско-Дагестанской, руководителем ее были: Цаголов, Гарданов, Тотоев, Такоев и др. Здесь борьба велась против кулачества. У остальных горцев революционное движение носило стихийный характер и было направлено в Кабарде—против помещиков, в Чечне и Ингушетии—непосредственно против казачества. В своих петициях горцы выдвигали вопрос о возвращении земель, отведенных казачеству.

1905 год еще ждет своего историка. Но все же и теперь мы можем восстановить, далеко не претендуя на безусловную точность, основные черты революции на Северном Кавказе в 1905 году. Во всяком случае мы можем сказать, что в 1905 г. фигуры были расставлены на шахматной доске и ход их был заранее predetermined. Но игра началась в 1917 году.

Перейдем к рассмотрению наиболее ярких моментов борьбы.

В 1905 году положение рабочего класса на Северном Кавказе по сравнению с предыдущими годами значительно ухудшилось. Промышленный кризис отразился на всех отраслях промышленности.

Например, в Черноморской губернии к 1905 году сократилось число предприятий, количество рабочих, упала сумма производства. По годам это сокращение выразилось в следующих цифрах:

Годы	Число предприятий	Количество рабочих	Общая сумма производства	Примечание
1903	269	3863	4434054	
1904	274	3217	3474087	
1905	194	2789	3115809	

Вместе с сокращением производства на пролетариат надвинулась безработица, обострившаяся к концу года. Вопрос о помощи безра-

ботным стоял и перед Советом Рабочих Депутатов Ростова и перед Новороссийским Советом и в Сочи перед городским самоуправлением и в Пятигорске, при чем вопрос о помощи безработным решался революционными способами,—от установления налогов на буржуазию (в Новороссийске) до организации благотворительной помощи (Пятигорск).

Вместе с тем, мы наблюдаем сокращение заработной платы. В Ростове сокращение заработной платы выражается в следующих цифрах:

	1904 г.	1905 г.
Каменщики	1 р. 39 к.	1 р. 20 к.
Мастеровые	1 р. 20 к.	1 р. 10 к.

(Толмачев, „Ростовский рабочий в 1905 г.“, стр. 26 г.).

Рабочий день, в большинстве случаев, равнялся 10—12 часам.

На ряду с сокращением заработной платы, мы наблюдаем повышенные цены на предметы широкого потребления. В Ростове, напр., мука ржаная с 1904 по 1905 год поднялась с 1 р. 30 к. до 1 р. 40 к. говядина с 4 р. 24 к. до 4 р. 40 к.

В общем 1905 год характеризуется значительным ухудшением положения рабочего класса.

В центре пролетарской борьбы в 1905 г. на Северном Кавказе стоял г. Ростов.

Подвергшаяся разгрому в 1904 году ростовская организация с.-д. скоро оправилась, распространяя широко свое влияние.

На 9 января предполагалось ответить 18 января стачкой: план и требования были выработаны 17 января на собрании работников (на квартире Сезенцева); но жандармерии все это стало известно и в ночь на 18 января было арестовано 20 активных работников организации.

Уже в январе, в двадцатых числах, ростовской охранке было известно о готовящейся всеобщей забастовке. Организованная Донским Комитетом типография выпустила массу листовок и прокламаций („Петиция петербургских рабочих“, „Призыв к борьбе“ и т. д.).

Либеральная буржуазия идет еще вместе с рабочими. 9-го января артистка Куза протестует в театре против расстрела рабочих, ей преподносят красные розы. 28-го января разбрасываются прокламации в театре Асмолова. Воодушевление растет, охватывая все круги.

В феврале начались экономические стачки во Владикавказских мастерских (требования 8-ми часового рабочего дня, увеличения заработной платы и т. д.), в Волго-Донском пароходстве и у фармацевтов, с 14 февраля бастовали заводы Пастухова и Нитнера. Стачное движение росло стихийно. С 18 по 23 февраля не выходили газеты. Рабочее движение правительство пытается подменить зубатовщиной. В роли „защитника“ интересов рабочих выступает полицмейстер. 17-го февраля на Темернике было созвано собрание рабочих. Перед тысячной толпой полицмейстер произнес речь, приглашая рабочих стать на работу, обещая, что правительство заставит фабрикантов выполнить требования рабочих. Несмотря на то, что собрание происходило „под охраной“ полиции и казаков, собрание, после речей ряда ораторов, предостерегавших от провокационной деятельности правительства, заявило, что будет слушать только лишь ораторов присланных Донским Комитетом.

18-го февраля собравшийся в Нахичевани (Георгиевская балка) митинг был разогнан казаками. Стачка в городе прекратилась лишь

к 26 февраля, требования рабочих были частично удовлетворены. В городе началась погромная агитация. Пристав Мирославский призвал избивать „жидов и армян“, которые послали делегацию к градоначальнику ген.-майору барону Фон-Пильхау. В противовес Донская организация с.-д. приступила к организации самообороны.

Движение росло, захватывая все большие слои трудящихся. В марте забастовали работницы шляпочных мастерских, требуя 8-ми часового рабочего дня, повышения заработной платы и т. д. (бастовало 12 из 15-ти). Стачкой руководили социал-демократы. Хозяева пошли на уступки: рабочий день был сокращен с 14—15 часов до 9 часов в несезонное время и до 10-ти во время сезона. Об этой стачке Донской Комитет издал 2 прокламации. Одновременно велась подготовительная работа по организации забастовки на Владикавказской железной дороге, совместно с Бакинским Комитетом.

С.-д. используют для агитации все митинги, собрания, лекции. Так 11 апреля лекция о борьбе с холерой доктора Абрамова была превращена в политический митинг, где говорилось о свержении самодержавия И. Коган, с.-д. Копылов („Бур“) и др.

Охранка готовилась к 1 мая. Слова „забастовка, всеобщая стачка, вооруженная демонстрация“ не сходят с уст местных организаций рабочих. Где только возможно они агитируют в этом направлении среди своих товарищей неорганизованных и предлагают снабжать их оружием от местной социал-демократической партии, представившей для этого соответствующий запас оружия и боевых патронов,—писала ростовская охранка 8 апреля департаменту полиции. (По воспом. Иванова. С.-К. Истпарт. Рукопись).

Имея сведения о предполагаемой на пасхальные праздники демонстрации, охранка 14 и 28 апреля арестовывает 21 чел. активных работников. 1 мая, кроме нескольких собраний и пения революционных песен, ничего не было. 2 мая забастовало несколько предприятий, но забастовка не удалась из-за ареста руководителей. 4 мая забастовали рабочие Владикавказских мастерских, затем забастовали грузчики и судовые команды. Экономическое движение начинает переходить в политическое.

27-го мая в ростовскую городскую думу явился человек 200 рабочих. Один из них огласил резолюцию ростово-нахичеванских рабочих о прекращении войны. „Если вы—граждане,—закончил рабочий,—вы вместе с нами должны немедленно потребовать прекращения войны“.

В ответ на это, городской голова закрыл собрание, а через несколько минут явились казаки и городовые. Стихийно вспыхнувшая после этого в городском саду демонстрация, вышедшая на улицу с лозунгами: „долой войну, долой самодержавие“, была разогнана казаками.

Уже с мая велась агитационная работа по заводам и фабрикам устно и через листовки о вооружении на средства думы, о создании городской милиции. Это поддерживала и буржуазия. 4-го апреля О-во Защиты Детей подало в городскую думу заявление, где требовало удаления полицмейстера, организации милиции и т. д.

Июнь и первую половину июля Донской Комитет вел усиленную подготовку забастовки на Владикавказской железной дороге, которая должна была охватить, помимо Ростова, крупнейшие железнодорожные пункты: Кавказскую, Тихорецкую, Минеральные Воды, Грозный, Баку, Тифлис. По организации забастовок работали Донской, Кубанский и Терско-Дагестанский Комитеты РСДРП.

11 июля забастовали рабочие Тихорецкой, Кавказской, Мин. Вод и Грозного. Ростовские рабочие выдвинули ряд требований: 8-ми часовой рабочий день, увеличение заработной платы на 25%, выдачу квартирных от 52 до 10 р., провизионных билетов, бесплатного пользования баней и т. д. Управление дороги отказалось выполнить эти требования и решило выселить рабочих из занимаемых ими квартир.

На ст. Ростов произошло кровавое избиение рабочих. 15-го июля на дворе Владикавказских мастерских происходило собрание. Когда рабочие отправились по путям к станции, чтобы снять телеграфистов, жандармы преградили им дорогу. Жандарм Иванов врезался с шашкой в толпу рабочих, рубя направо и налево—8 человек было ранено, один от ран умер. (Иванов был убит 7 августа).

Трудящихся Ростова подхватывает революционная волна. Бастуют извозчики, фабрика Кушнарева, рабочие устраивают сходки. Происходят то тут, то там столкновения с полицией.

Донской Комитет в период июль—сентябрь выпускает массу прокламаций и листовок: „Письма к казакам“, „Восстание началось“, „Рабочие Владикавказских мастерских“, „К рабочим и работницам фабрики Асмолова“, „Ростовская полиция за работой“, „Резолюция ростовских и нахичеванских рабочих о черной сотне“ и т. д.

В октябре Ростов охватило небывалое возбуждение. С 15 октября забастовала Владикавказская железная дорога, заводы, фабрики. Почти открыто на собраниях производился сбор на вооружение.

Начались аресты членов Донского Комитета и активных работников. Ростовские жандармы тревожно телеграфируют департаменту полиции и в Новочеркасск—начальнику Донского областного жандарм. управления о тяжелом положении ростовской администрации и малочисленности войск (1 батальон, местная команда и сотня казаков).

18-го октября в Ростове стало известно о царском манифесте. Грандиозная демонстрация рабочих (около 10.000 чел.) с красными знаменами отправилась к тюрьме, где находилось много членов ростовской с.-д. организации: И. Иванов, Козьма Лисицын, Орлов, Алексей Гончаров, Григорий Крамаров, Михаил Давыдов, Андрей Левин, Гурвич и другие. Здесь, перед окнами тюремных камер состоялся митинг.

В этот же день был устроен погром. Когда митинг стал расходиться, на оставшихся напали черносотенцы, которых поддерживали казаки и солдаты. Митинг был расстрелян, началось избиение.

По данным германского консула, при погроме в Ростове 18—20 октября было убито 176 человек, ранено 500.

Рабочие нынешних Ленинских мастерских организовали вооруженную самооборону.

По официальным данным было разгромлено 514 магазинов, 2 мельницы, 5 складов, 7 квартир, сгорело от поджогов 311 строений. (В. Толмачев. „Ростовский рабочий в 1905 г.“).

Избитой работнице Клаве Рейзман черносотенцы воткнули в рот древко красного знамени, с которым она пришла. Был убит Дмитрий Карандаш. Начался погром. Громили магазины по плану, группа 10-15 чел., во главе с переодетыми шпиками и жандармами. Сначала громили часовые и ювелирные магазины, потом готового платья, обувные, мануфактурные, затем мебельные, посудные, музыкальные. Еврейский погром длился 3 дня. Организованная социал-демократами самооборона, не могла справиться с погромной стихией.

Погромы усилили организацию дружинников. Рабочие стали вооружаться. В конце октября Донской Комитет выпустил проклама-

цию, призывавшую к организации, к подготовке к вооруженному восстанию.

Еще раньше—13 октября было положено начало организации Совета Рабочих Депутатов: в этот день были избраны депутаты в Совет от Владикавказских мастерских. Сигналом к организации Совета послужила стачка на табачных фабриках Асмолова, Асланиди и Кушнарева. Работницы требовали сокращения рабочего дня, повышения заработной платы и т. д.

Забастовкой руководил выделенный Донским Комитетом И. Орлов („Петр“). Фабриканты и дума не давали работницам помещения для собрания. 7-го ноября, собравшись на пустыре (для велосипедных гонок), работницы были избиты казаками и городовыми.

После избития работниц фабрики Асмолова (7-го ноября) организация рабочих пошла усиленным темпом. В тот же день стали устраиваться собрания и митинги, на которых стали избираться в Совет. Таким образом, Ростовский Совет возник в связи с забастовкой на фабрике Асмолова.

Виктор Толмачев в своей книге „Ростовский рабочий в революцию 1905 года“ (стр. 461) приводит следующий документ, вскрывающий „тайну рождения“ Ростовского Совета.

„Товарищи рабочие!

Все граждане!

Не покупайте табак и папирос ростовских табачных фабрик: Асмолова, Кушнарева, Асланиди и Ростовско-Донской.

Хозяева этих фабрик отказались удовлетворить наши справедливые требования и закрыли фабрики.

Они хотят этим сломить нашу силу.

Помогите же нам в борьбе за улучшение нашей жизни. Покупайте табак и папирсы других фабрик, только не ростовских. Этим вы поможете нам заставить хозяев удовлетворить наши требования.

Ростов-Дон 7-го ноября 1905 года.

Совет депутатов рабочих и работниц табачных фабрик Асланиди, Асмолова, Кушнарева и Ростовско-Донской.

В Ростовский Совет Рабочих Депутатов входило до 400 человек. Он объединял, кроме крупных заводов, массу распыленных пролетариев—домашнюю прислугу, кучеров и т. д. Было много женщин-работниц. Основался Совет в столовой главных мастерских в Темернике.

„Только в Совете искали правды и справедливости,—пишет один из участников—сюда шли все со своими нуждами и жалобами. Здесь искали защиты своих нарушенных прав и попранного человеческого достоинства“. „Авторитет Совета был так для всех очевиден и непрекаем, что сюда приходили с петицией даже чины полиции и делегаты от казаков“.

В Исполнительный комитет, состоявший из 15 человек, входили почти одни социал-демократы. Иван Лисицын, Козьма Лисицын, Елена Рудакова, Кочменов, Копылов (Бур), Председателем Совета был сначала тов. Дьяконов (Розанов), а с 14-го ноября Самуил Гурвич (Иванов). Секретарем Совета была Матвеева.

Первое заседание Совета, состоявшееся 8-го ноября, было посвящено вопросу о стачке табачниц. Совет почти единогласно постано-

вил объявить политическую стачку (с 9-го по 11-е ноября), а также потребовать снятия усиленной охраны, удаления казаков, предания суду градоначальника, а также виновных в избииении чинов полиции и отставке Ростовской и Нахичеванской думы.

Первым шагом Совета явился протест против избииения казаками 7-го ноября бастовавших работниц фабрики Асмолова. Совет единогласно, против одного, постановил объявить в знак протеста политическую забастовку с требованием немедленного снятия усиленной охраны, удаления казаков из города, предания суду градоначальника и чинов полиции и отставки Ростово-Нахичеванских городских дум. С 9 го по 11-е ноября прекратилась работа на всех фабриках и заводах Ростова. Так начал свою работу 1-й Совет, объединивший через депутатов всех рабочих гор. Ростова. Совет выделил из своего состава Исполнительную комиссию. Руководил Советом Донской Комитет РСДРП.

Возраставшая безработица требовала внимания Совета. Однако, Совет ограничился лишь обсуждением вопроса о помощи безработным, поручив комиссии разработать положение о кассе, бесплатной столовой и бюро для приискания занятий (заседание 19-го ноября). Была избрана жилищная комиссия, по вопросу о снижении квартирной платы (заседание 24-го ноября), было решено объявить бойкот тем домохозяевам, которые откажутся снизить квартирную плату.

Совет обсуждает вопрос об организации профессиональных союзов (заседание 14-го ноября). В общем деятельность Совета ограничивается агитацией и организацией.

Вплоть до декабрьского восстания в столовой Главных Мастерских происходили непрерывные митинги. Одновременно рабочие массы вооружались. Несмотря на то, что во главе Донского Комитета и Совета Рабочих Депутатов стояли меньшевики, они были вынуждены приспосабливаться к настроению революционно-настроенных рабочих масс.

7-го ноября в Ростове были получены сведения о постановлении петербургского и московского Совета Рабочих Депутатов и совещания 29-ти железных дорог о начале политической забастовки. Железнодорожное бюро Владикавказской железной дороги с 12-ти час. ночи с 7 на 8 декабря объявило забастовку по линии жел. дороги и исполнительная комиссия Совета присоединилась к этому постановлению. Воззвание бюро союза заканчивалось следующими словами: „Товарищи! От нашего дружного единодушного выступления будет зависеть превратить эту забастовку в последний акт борьбы народа за низвержение самодержавия. Бросайте работы, присоединяйтесь к забастовке“.

Да здравствует Всероссийская политическая забастовка.

Председатель Ростовского Бюро С. Рейзман. (Вик. Толмачев „Ростовский рабочий в революции 1905 г.“, стр. 54).

На забастовку жандармы Заварзин и Карлов и начальник ростовского порта Фон-дер-Вейде, которому градоначальник граф Пилар передал власть, ответили массовыми арестами. К 11 декабря вместо „заболевшего“ Фон-дер-Вейде, исполнение обязанностей градоначальника перешло к полицмейстеру Прокоповичу, объявившему Ростов на положении чрезвычайной охраны, и воинскому начальнику полковнику Макееву, который 12-го декабря вступил в исполнение обязанностей градоначальника. Ростовская городская дума объявила действие забастовщиков „безнравственными и преступными“.

Еще ранее ростовские рабочие стали вооружаться, в Нахичевани

даже была организована лаборатория бомб, организатором которой был „Макс“ (Ю. П. Бутягин), там же работала Э. Колобова. К этому времени рабочими была организована дружина, состоявшая из 200—250 человек, во главе которой стоял „Макс“ (Бутягин), разделенная на десятки. Помощниками Бутягина были „Бекас“ (матрос с „Потемкина“ Черницын), токарь завода „Аксай“ Степан Бойченко, Сабино и С. Васильченко. Таким образом, подготовка вооруженного восстания была сосредоточена в руках не меньшевистского Донского Комитета, который отвергал предложение дружинников о немедленном вооруженном выступлении (см. брошюру С. Гурвича „1905 г. в Ростове на Дону“, стр. 56—57), а большевиков—рабочих.

Днем начала вооруженного восстания является 13-е декабря. С этого дня до 20-го декабря, когда Темерник был оставлен дружинниками, рабочая окраина Ростова превратилась в вооруженный лагерь.

13-го декабря утром дружинники разоружили на ст. Ростов жандармов и сделали попытку разоружить роту Феодосийского полка. Около 2-х часов дня начался обстрел Темерника из 6-ти казачьих пушек. Пушки должны были стрелять в столовую Главных Мастерских, являющуюся центром рабочего движения. В столовой в это время шел митинг. В этот день по Темернику было выпущено 10—12 снарядов.

В ответ на бомбардировку рабочие Темерника соорудили поперек проспекта Коцебу баррикады: всего было построено 3 баррикады—из листов котельного железа, бочек с цементом и т. д. Темерник превратился в вооруженный лагерь, Штаб дружинников находился в доме на Извольской ул. против Александровского спуска. В Темерник стекались дружинники из Ростова, сюда же направлялись дружинники с линии Владикавказской жел. дороги. 14 декабря по Темернику снова было выпущено 10—12 снарядов; в этот же день дружинниками был убит пристав Слюсарев. Дружинники даже сделали смелую попытку, захватить у казаков пушку, за что поплатился т. Сабино, который был убит казачьей пулей. Бомбардировка Темерника продолжалась 15 и 16 декабря. 17, 18 и 19 декабря, очевидно, благодаря густому туману, стрельбы не было.

Среди восставших рабочих не было места унынию, подготовлялся план наступления на город, но меньшевистский Донской Комитет противился этому, угрожая руководителям дружины партийным судом.

Инициатива оказалась в руках царских войск. 20 декабря началось решительное наступление на Темерник, в этот день по Темернику было выпущено не менее 150 снарядов. Плохо вооруженные дружинники, имевшие лишь незначительное количество винтовок со своей самодельной пушкой, не могли выдержать натиска войск, решили покинуть Темерник. Вечером 20 декабря дружинники с оружием перешли по льду Дона в Нахичевань и сложили оружие в столовой завода „Аксай“. Предполагалось здесь продолжать борьбу. Но 21 декабря, рано утром, как предполагают, по неосторожности одного из дружинников, в столовой зав. „Аксай“ произошел взрыв, во время которого погибло все оружие и 9 дружинников.

Так закончилось декабрьское воосстание в Ростове, в центре которого был рабочий Темерник.

В 1905 году Краснодарская организация с.-д., только что разгромленная жандармами была меньшевистской. В своих воспоминаниях, игравший большую роль в революционном движении на Кубани Д. Полуян („Эсдеки на Кубани в 1905 году“. Газ. „Кр. Знамя“ № 291—1925 г.) упоминает активных работников того времени: мужа и жену Мартыновских, Геруса, Ткаченко, Фому Морозова, Карла Адамовича,

Лазаря Михельса, В. Привалова, „Карпыча“, Мусю Робинзон, Платона, „Фому Ильича“, Луизу, Волощук (член большевистской группы) и др. Одной из первых участниц была Паня Вишнякова, Борис Сокольский, Мих. Дроздов, Петр Гудима (Мат. С. К. Истпарта). В 1905 г. существовало много кружков, были организованы районные комитеты на Дубинке, Покровке и городской.

Конец 1904 г. и начало 1905 года ознаменовалось в Краснодаре экономическими забастовками (в феврале 1905 г.—на мельнице Еротова). Первая политическая демонстрация состоялась 3 марта на похоронах учителя семинарии, при чем было арестовано полицией 4 человека.

1 мая за городом (в Круглине и за Кубанью) предполагалось организовать демонстрацию, которая была отложена, т. к. были получены сведения, что полиция готовится к избиению. По воспоминаниям т. Бушмана, в мае на Дубинке был устроен митинг, на котором присутствовало до 300 человек. Митинг был разогнан казаками и жандармами, при чем были убитые и раненые.

12 мая в Екатеринодаре состоялась первая Северо-Кавказская конференция РСДРП. В ней участвовали представители Куб. Комитета, Екатеринодарской группы („Григорий“ и „Николай“ и „Иван Григорьевич“), Армавирской группы, Ейской группы, Майкопской группы с правом совещательного голоса от Новороссийской группы, от Екатеринодарской группы и от Ставропольской группы.

Из секретной переписки зав. полицией на Кавказе видно, что Кубанскому жандармскому Управлению было известно об этой конференции (Мат. С. К. Истпарта, Ст. Ростиславовича „К двадцатипятилетию созыва подпольной конференции С. К. Союза РСДРП“).

Из решений конференции особого внимания для понимания обстановки работы в казачьих областях заслуживают резолюции о работе среди иногородных и отношении к казачеству.

По вопросу об иногородных была принята следующая резолюция: „Принимая во внимание: а) что половина сельско-хозяйственного населения станиц Куб. обл. принадлежит к т. н. иногородным, которые лишены самых элементарных гражданских прав, находятся в полном подчинении станичных правлений, обложены налогами, б) что существующие либерально-буржуазные и демократические партии в нашем районе не ведут решительно никакой борьбы для уравнивания иногородных в правах с коренным населением и для окончательного освобождения их от гнета самодержавия, конференция настоятельно рекомендует комитетам и группам вести агитацию среди иногородных за полное гражданское и политическое равенство всех групп населения Куб. области. Принимая далее во внимание, что среди иногородных имеется несколько сотен тысяч пролетариев (около 300.000), живущих по станицам и представляющим по своему социальному положению благодатную почву для широкой социал-демократической пропаганды и агитации, конференция приглашает парт. работников вовлекать в движение эти пролетарские силы, ведя среди них пропаганду социал-демократических идей, организуя их в местные группы, расширяя и укрепляя таким образом влияние партии на все сельское население на Сев. Кавказе“.

Резолюция о работе среди казачества гласит: „Принимая во внимание: а) что казачество является остатком военно-крепостных отношений, б) что оно искусственно поддерживается царским правительством, исключительно в интересах разлагающегося самодержавия и что существование этого сословия в Куб. обл. чрезвычайно затрудняет

экономическое развитие населения, подрывает благосостояние самих казаков и развращает их, конференция считает необходимым повести самую широкую агитацию за уничтожение этого сословия, при чем парт. работники должны организовать уже выделившиеся элементы пролетариев среди казачества, как отдельного сословия и при агитации постоянно указывать на то, что уничтожение казачества неизбежно и выгодно, как самим казакам, так и всему населению области". (Цит. по той же статье Ростиславовича. Мат. С. К. Истпарта).

Как видно из этих резолюций, конференция учла лишь политическую сторону вопроса, обойдя молчанием экономическую, а именно—земельные отношения.

Июльская ж. д. забастовка не затронула Екатеринодар, на Кубани бастовали лишь станции Кавказская и Тихорецкая (с 12 по 16 июля), точно также в Екатеринодаре не было жел. дорожной забастовки и в октябре.

6-го ноября 1905 года на ст. Екатеринодар состоялось первое собрание служащих, живущих между станциями Кавказская—Екатеринодар—Новороссийск, включая самые станции Кавказская и Новороссийск.

На этом собрании были произведены выборы председателя временного организационного бюро до 15-го декабря, когда предполагалось избрать постоянный состав Бюро. Временным председателем Бюро 6-го ноября был избран начальник Екатеринодарского отделения службы пути и зданий инженер Цветков, товарищами председателя инженер путей сообщения Ровняков, начальник ст. Афипская Щербина, машинист Екатеринодарского депо Базкевич и слесарь того же депо Бондарев. Это бюро стояло во главе забастовки.

Один из участников екатеринодарского события 1905 года пишет в своих воспоминаниях: „Громадное большинство рабочих Краснодара (раньше Екатеринодара. Н. Я.) находилось в рабстве у своих хозяев“.

Рабочие Екатеринодара были распылены по массе мелких предприятий, поэтому в событиях 1905 года, на первый план в Екатеринодаре выплывает восстание казачества и солдатские бунты.

Манифест 17 октября был ознаменован черносотенной манифестацией. 18 октября учащиеся устроили в центре города демонстрацию, но на углу Красной и Гимназической улицы были расстреляны казаками, при чем со стороны демонстрантов было двое ранено. Митинг протеста, устроенный против расстрела был разогнан черносотенцами, устроившими в тот же день еврейский погром.

В 20-х числах октября поднялась волна забастовок на экономической почве. Вообще, надо заметить, что и здесь момент экономический превалировал над моментом политическим. Забастовка началась с митинга, устроенного на заводе Петрова. Отсюда рабочие, сняв рабочих завода быв. Гутник, мельницы Дицмана, маслобойного завда б. Гриценко и др., всего человек 450, отправились за город, к ссыпкам, на площадь; однако, собрание состоялось лишь при 40—50 человеках, остальные разошлись. Эта забастовка продолжалась и на другой день, предоставив черносотенцам расправляться с забастовщиками, благодетельное начальство выступало в роли примирителя. На собрании бастовавших рабочих явился полицмейстер Черняк и советовал „братцам“ „не бунтовать“, обещая не вмешиваться в забастовку.

Основными требованиями рабочих являлись: 8-ми часовой рабочий день, без понижения заработной платы, уплата за время забастовки, увольнение за забастовку, вежливое обращение, отмена штрафа и обыска, бесплатная баня два раза в месяц.

Предъявив требования, рабочие сняли с работ рабочих всех крупных предприятий Екатеринодара и тысячной толпой направились по городу. Но здесь они были окружены полицией и рассеяны. Все требования забастовавших рабочих через несколько дней были удовлетворены.

Наступил декабрь. 7-го декабря станцией Екатеринодар была получена телеграмма Центрального Бюро Всероссийского железнодорожного союза, призывавшая железнодорожных служащих ко всеобщей политической забастовке. Тогда же была получена и депеша от председателя ростовского центрального бюро Рейзмана с указанием дня и часа начала забастовки. Екатеринодарские железнодорожники обсуждали вопрос о забастовке 8 и 9 декабря, встречая противодействие со стороны высших служащих.

На тысячном митинге екатеринодарские железнодорожники единодушно решили примкнуть к забастовке. Любопытный штрих: на собрание явилась депутация от мещанской управы, уговаривавшая рабочих не бастовать.

Железнодорожниками была организована самооборона, вооруженная револьверами, отобранными у кондукторов—более 200 штук—установившая связь с восставшим анапским батальоном. Однако руководство забастовкой находилось в руках далеко не надежных. Председателем бюро был избран сначала инженер Цветков, настаивавший на отправке по паре поездов в день, с классными вагонами, и тем самым нарушавший забастовку, а затем инженер Ровняков. Лишь 15 декабря на станции Екатеринодар было прекращено всякое движение.

Помимо самообороны, железнодорожники организовали денежный сбор в размере 2—3⁰/₁₀ с жалованья.

Роль инженера Ровнякова была очень двусмысленна, если не сказать больше. Он, по его собственному признанию, постоянно находился в сношениях с областной администрацией, стараясь не допустить обсуждения железнодорожниками политических вопросов. В одном из своих заявлений он пишет: „Власти осведомлены о моей деятельности и находят ее целесообразной и благотворной“. („Крас. Знамя“ № 290 от 19 декабря 1925 г.).

При отправке поезда для усмирения Новороссийска, он сначала дал телеграмму в Новороссийск о том, чтобы поезд пустили в море, а затем, по его же признанию, предупредил об этом начальника карательного отряда Пржевальского и начальника депо Чижа. Во всяком случае провокационная роль инженера Ровнякова оказала несомненное влияние на ход забастовки. События в Новороссийске и Ростове вселили бодрость екатеринодарским рабочим. Во время почтово-телеграфной и железнодорожной забастовки, екатеринодарская организация с.-д. вела работу по вовлечению рабочих в политическую забастовку, при чем к политическим требованиям были прибавлены и экономические. Было решено начать забастовку 21-го декабря. Однако, если рабочая масса не была подготовлена, то екатеринодарские социал-демократы в качестве руководителей оказались не на высоте, и не могли использовать революционного подъема рабочих. Мы не встречаемся здесь с вопросом о захвате власти пролетариатом, движение рабочих приняло стихийный и неорганизованный характер.

21 декабря рабочие наиболее крупных заводов—литейного завода быв. Гутник, маслобойного завода Аведова и друг. крупных предприятий—всего около пяти тысяч, отправились после собрания снимать служащих военных и гражданских учреждений. Были сняты служащие казенной палаты, казначейства и закрыты торговые заведения. Когда

толпа направилась к суду, находившемуся на той же площади, где находился дворец атамана, и отправила в суд делегацию, то атаманом была вызвана на площадь батарея. Несмотря на то, что настроение военных частей Екатеринодара казачьих и солдатских было революционно,—раздались провокационные выстрелы, и артиллеристы, с шашками на-голо, бросились на толпу. Толпа рассеялась, а делегаты, посланные в суд, были арестованы. По этому делу впоследствии привлекались Д. Полуян и И. Шведкий.

26 декабря была прекращена железнодорожная забастовка. По делу о железнодорожной забастовке на станции Екатеринодар привлечено 17 человек, часть из них была присуждена к тюрьме, часть к крепости, а некоторые, в том числе и инженер Ровняков, были освобождены.

Одновременно екатеринодарские большевики вели работу по подготовке восстания среди казачьих и солдатских частей.

Первым восстал в декабре 252-й Анапский резервный батальон, революционизировавшийся в Новороссийске, куда он был послан для подавления восстания, а затем переведен обратно в Екатеринодар.

Во главе восстания стоял унтер-офицер Мамлыга и писарь Вышинский, связанные с с.-д. организацией Екатеринодара. Полк отказался расстреливать демонстрацию рабочих, удушил всех офицеров и, отобрав у командира полковое знамя, назначил командиром батальона Мамлыгу, а начальником штаба Вышинского.

Восстание анапцев, по своему характеру, не отличалось от других солдатских восстаний. Анапцы предъявили начальству целый ряд требований, касающихся улучшения положения, из которых некоторые были удовлетворены—относительно выдачи обмундирования и друг.

Начальство пыталось посеять рознь между казаками и солдатами и уговаривало пластунов отобрать у анапцев знамя, но пластуны отказались. Начальство было вынуждено пойти на уступки. Прибывшая из Тифлиса специальная комиссия обещала выполнить все требования анапцев и не карать за восстание. Солдаты допустили начальство к исправлению обязанностей, но уже в апреле 1906 года, руководители восстания—Мамлыга, Вышинский и друг. были арестованы и преданы суду. Первый был осужден к 12-ти годам каторги, а второй к 3-м годам тюрьмы.

Бурно протекал дооктябрьский период в Армавире. По поводу 9-го января с.-д. организация выпустила прокламацию, 1-го мая была устроена массовка за городом, на которой выступали Момулянц, Романов и др. Май месяц ознаменовался стачечным движением. 3-го мая началась организованная с.-д. стачка на табачной фабрике и на заводе Мизожникова. Характерно, что на ряду с экономическими требованиями (увеличение заработной платы, введение трех смен и пр.), рабочие выдвинули и политические требования—созыв Учредительного Собрания, свобода слова и союзов и пр. 4-го мая стачка захватила и друг. предприятия, даже полиция просила включить и ее требования.

В ответ на это были арестованы Бутягин и Бобров—руководители стачки. Армавирские рабочие в свою очередь устроили по поводу ареста 6-го мая на площади митинг, на который собралось около двух тысяч человек. Рабочих сломить не удалось и стачка окончилась победой, главное завоевание—8-часовой рабочий день на маслобойном заводе.

Июнь ознаменовался тем, что учительница Колобова, арестованная за печатание прокламаций, при отправлении ее в Екатеринодар, была на станции освобождена рабочими.

В июле снова возникла забастовка торгово-промышленных служащих закончившаяся победой.

Работа Армавирской организации происходила под руководством Донского Комитета РСДРП. Эсеры, как и всюду, имели лишь влияние среди интеллигенции. Надо заметить, что уже с конца июля, когда в Армавиру приехал т. Бутягин, впоследствии один из участников декабрьского восстания в Ростове, началась организация партийной боевой дружины, вооружавшейся револьверами и бомбами.

В сентябре по Армавиру снова прокатилась волна забастовок, начавшаяся с рабочих маслобойных заводов и охватившая даже рабочих мелких предприятий. 11-го сентября был организован митинг с целью давления на предпринимателей. Но митинг был расстрелян казаками, при чем один рабочий, тов. Артем, был убит.

Похороны Артема 13-го сентября Армавирские социал-демократы превратили в грандиозную политическую демонстрацию. По поводу этих событий армавирской группой РСДРП на другой день после убийства была выпущена следующая прокламация с призывом к политической стачке.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Товарищи!

Палачи самодержавия не ограничились потоком крови, пролитой на улицах Петербурга, Лодзи, Одессы и других городов. Они это кровопускание проделали и у нас. Вы посмотрите, чем были вызваны вчерашние избиения и расстрелы мирно собравшихся рабочих. Ничем. Генерал Воронянский ночи не спал, ждал этого случая, чтоб заслужить монаршее благоволение и награду за убитых и изувеченных рабочих. Ибо ему, не попавшему к сладкому пирогу манчжурских „героев“, тоже, как видно, захотелось орденов и наград. И это вам еще и еще раз будет наглядным уроком, как царские палачи расправляются с рабочими.

Но сигнал дан петербургскими рабочими 9 января, он не должен остаться в воздухе, и мы вас призываем в день похорон убитых, всех на улицу. А до того пусть не гудит ни один гудок, пусть не дымится ни одна заводская труба.

Во имя солидарности и с верой в рабочее дело, мы объявляем политическую стачку. Пусть палачи знают, что мы их не боимся и на место убитого десятка—восстанут новые тысячи и будут стоять до дня торжества революции.

Да здравствует революция!

Долой палача Воронянского!

Долой царское самодержавие!

Армавирская группа Российской Социал Демократической Рабочей Партии—1905 г.

Стачка закончилась лишь 15-го сентября.

Однако, несмотря на революционное движение армавирских рабочих, не смотря на наличие боевой дружины, армавирский пролетариат был разоружен и разбит уже в октябре. Октябрьский манифест ознаменовался 18-го октября всеобщей стачкой и митингами. Боевая дружина, в связи с слухами о готовящемся погроме, бодрствовала. 21 октября был организован комитет самообороны, в который от с.-д. входили: Кожевников, Щербина и Филин. Но 22 октября дружина, засевшая в доме Лунина, была окружена черносотенной толпой и ка-

заками, которые потребовали сдать оружие. „Комитет самообороны растерялся“,—пишет в своих воспоминаниях Н. И. Залкин („1905 г. на Сев. Кавказе“ стр. 129). Меньшевик Кожевников пытался по телефону поговорить с атаманом Воронянским, но тот подтвердил требование сдать оружие. Таким образом, в решительный момент комитет самообороны оказался бессилем руководить дружиной. Часть дружинников разбежалась, а оставшиеся—человек 25 решили сражаться, но ни та, ни другая сторона не открывали решительных действий.

В конце концов, самооборона разоружилась и сдалась драгунам, а не казакам.

Погром продолжался 22 и 23 октября по обычному порядку: толпа поджигала и громила, а полиция смотрела. Были разгромлены типография, библиотека, контора нотариуса и 5 жилых домов, 7 человек было убито и много избито.

Погром обескровил армавирскую организацию с.-д., многие уехали и не вернулись (многие уехали в Новороссийск). В декабре атаман отряда перебрался в Прочнопопскую, полиция ступшевалась, казаки бездействовали. Комитет РСДРП пользовался огромным влиянием. „Для окончательного и полного завоевания власти не было власти, не было сил и ждали результатов борьбы в Ростове“,—пишет в своих воспоминаниях Н. И. Залкин („1905 г., на Сев. Кавказе“, стр. 136).

Декабрь в Армавире отмечен лишь восстанием армавирского гарнизона (Кавказский зап. арт. дивизион и местная команда). На собрании 15 декабря были выработаны требования (новые шаровары, полное довольствие и др.) всего 72 пункта и предъявлены начальству. Было решено арестовать часть офицеров и отобрать штандарт. Командиром был избран каптенармус Соколенко, его помощниками—унтер-офицер Дунец, Попов, Кравченко, Пьянов. Вооруженными солдатами был отобран штандарт у командира дивизиона Тизенгаузена, но несмотря на настояния комитета с.-д. большевиков, никто из офицеров не был арестован.

На 18 декабря штандарт был возвращен, возвратились и офицеры. Солдаты добились некоторого улучшения. В конце декабря было арестовано 12 чел. главарей.

Армавирская организация была разгромлена 21 и 22 сентября 1907 г., когда было арестовано 180 чел.

В Грозном до 1905 г. вели работу меньшевики (Прозоров, Цицианов). С.-д. организация была слабо связана с рабочими промыслов. В 1906 г. здесь была проведена месячная экономическая забастовка (сокращение рабочего дня, увеличение заработной платы). Оживление партийной работы относится к 1906 г. Грозный был связан с Владикавказом и Баку. Весь 1906 и 1907 г.г. бурлила и кипела рабочая масса Грозного. Был проведен ряд забастовок экономического характера, митингов, кончившихся стычками с войсками (1-14 мая 1907 г.)

21 (19 июня) 1907 г. при аресте 7 рабочих на Неклепаевских промыслах, толпа рабочих в 2000 человек, при попытке освободить арестованных, была расстреляна. 24 человека было ранено, из которых 10 умерло.

Эта расправа вызвала забастовку рабочих города. Начались аресты.

Если в общем самодержавие подавляла революцию 1905 г., главным образом, руками казачества, то далеко не все казачество соглашалось идти на усмирение рабочих и крестьян. Так, второй Хоперский конный полк, а также 14-й, 15-й, 16-й и 17-й полки отказались идти на усмирение, точно также 2-й Урупский казачий полк отказался от

несения полицейской службы; „забастовали“, как мы видели, и пластуны. Знаменательно, что урупцев поддержали многие станицы Кубанской области.

Мобилизованные в 1904 г. урупцы были оставлены для несения внутренней службы сначала в Майкопе, затем в Екатеринодаре и частью в Новороссийске. По воспоминаниям тов. Курганова, стоявшего во главе восстания 2-го Урупского казачьего полка, предполагалось поднять казачье восстание для поддержки Москвы; днем восстания было назначено 16-е декабря. В подготовке восстания принимали участие екатеринодарские большевики—Яков Полуян и Волконогов.

Восстание 2-го Урупского полка началось в Екатеринодаре. 16-го декабря было решено на собрании послать делегатов к урупцам в Новороссийск, чтобы те присоединились к восставшим и выехали в Екатеринодар, но посланный туда казак Маковкин оказался предателем.

Впоследствии урупцы из четырех сотен находившихся в Новороссийске, отозвали три сотни и тем самым вырвали оружие из рук новороссийской администрации.

По воспоминаниям т. Курганова, урупцами было передано атаману Бабычу требование в 43 пункта. К обычным требованиям об улучшении военного быта, урупцы прибавили требования, касающиеся положения казачества. В своих требованиях урупцы заявляли о неравномерном распределении земли: „У одних по 30 десятин, а в Майкопском отделе,—пишут урупцы—есть станицы, что и по 3 десятины нет, а самые лучшие земли на Кубани принадлежат генералам-помещикам“. (Материалы из Куб. Истпарта. Из речи т. Курганова на митинге в 1905 г.).

Урупцы единогласно избрали командиром полка т. Алексея Курганова. Восстание урупцев и при том в самом сердце Кубани—Екатеринодаре—представляло серьезную угрозу царскому строю, тем более, что урупцы предполагали захватить дворец атамана. Однако, между казаками и солдатами не было увязки и екатеринодарский гарнизон их не поддержал.

19 декабря атаман объявил мобилизацию по Екатеринодарскому отделу. В своей речи к казакам он заявил: „Урупцы изменили царю и отступились от бога, хотят отнять у вас, казаков, землю“ и т. д. По воспоминаниям т. Курганова, старики поклялись смести урупцев с лица земли, уничтожить весь полк и четвертовать главарей.

Урупцы покинули Екатеринодар. Завладев полковой канцелярией, знаменем и денежным ящиком, „22 декабря 1905 г. с винтовками и патронами выступили из гор. Екатеринодара в Майкопский отдел, чтобы разойтись по домам“. (Приговор по делу 39 участников восстания урупцев).

Характерная мелочь относительно „исторической преемственности“: командиром 2-го Урупского полка был граф Салтыков потомок помещицы Салтычихи, знаменитой своими зверствами над крепостными.

Урупцы, правда, были плохо связаны с партийными организациями Екатеринодара. Не было ни согласованности, ни ясного плана действия. Предполагалось, по словам одного из участников, „захватить власть в полку, а потом мы думали, что придут те люди, которые больше нас знают, и мы совместно с ними захватим власть в городе“ (Куб. Истпарт.).

Когда урупцы пришли в Майкопский отдел, атаман Бабыч неудачно пытался мобилизовать против них казаков. Но восстание урупцев опиралось на сочувствие всего казачества.

Некоторые станицы выносили резолюции о поддержке урупцев вплоть до вооруженной помощи, некоторые-же выносили такого рода дипломатические приговоры (станция Ладожская).

Приговор № 11.

1906 г., февраля 2-го дня, мы, нижеподписавшиеся, жители станицы Ладожской, Екатеринодарского отдела, Кубанской области, быв сего числа на своем станичном сборе в числе 160 человек, где в присутствии станичного атамана вахмистра Ивана Клыкова слушали читанные нам приказы Кубанскому казачьему войску от 2-го и 24-го января сего года за №№ 1 и 26, препровожденные при предписании атамана Екатеринодарского отдела, от 28-го января с. г. за № 832, о поступке казаков 2-го урупского полка, и принимая во внимание, что всякий поступок обуславливается причиной его, и что причины бывают уважительные и неуважительные, которых мы не знаем в отношении поступка урупцев, но полагая, что причины должны были быть и у них, а потому мы не можем ни оправдать, ни обвинить 2-й урупский полк; мнение же наше о поступке казаков 2-го Урупского полка будет на стороне причин, побудивших казаков к их поступку“... (Л. Ильин. „Восстание 2-го Урупского Казачьего Полка в 1905 году“, стр. 45-46).

Экономическая подоплека восстания 2-го Урупского полка заключается в том, что Майкопский отдел принадлежит, во-первых, малоземельным казачьим отделам Кубани, а во-вторых, к наиболее дифференцированным („У одних по 30 десятин, а в Майкопском отделе есть станицы, где и по 3 десятины нет, а самые лучшие земли принадлежат помещикам“).

Урупцы выпустили воззвание „Ко всем гражданам России“, в котором вылилась накопившаяся обида против начальства.

„Слепо повинуюсь нашему начальству, мы ревностно исполняли все его приказания: били народ плетью, разгоняли его прикладами, расстреливали безоружных граждан на улицах, топтали их конями...“— Читаем мы в воззвании. Среди жалоб на „цвелый хлеб“, мы встречаем знаменательные слова: „...Мы категорически отказываемся от несения полицейской службы, видя преступность, считая ее несовместимой с воинской честью казаков“. (Материал Кубанского Истпарта).

В своем воззвании ко всем гражданам России, Урупцы предъявили следующие требования:

„I. Немедленного созыва Государственной Думы на началах всеобщего, прямого, равного и тайного голосования, так как только такая Дума может внести мир и спокойствие в нашу многострадальную родину.

II. Мы требуем немедленного освобождения всех людей, пострадавших за дело свободы.

III. Чтобы наш роспуск был узаконен и прочитан на станичных сборах.

IV. Удовлетворить нас всеми довольствиями, положенными от казны и войска, а именно: жалованьем, ремонтными, провиантскими, приварочными, фуражными, положенными от города, железной дороги и обмундировочными деньгами.

V. Чтобы никто из пред'явивших эти требования не пострадал,—за каждого пострадавшего казака, восстанет на защиту весь 2-й Урупский полк“. (Копия. Материалы Куб. Истпарта).

Центр восстания переместился в станицу Гиагинскую, куда направился полк. Атаман Майкопского отдела предлагал урупцам демобилизоваться, но казаки отказались сдать оружие и выступили в Майкоп

В разукрашенном красными флагами Майкопе население встретило речами и... молебнем. Атаман Майкопского отдела не мог противопоставить урупцам никакой военной силы. 27 декабря урупцы, без всякого сопротивления, вступили в Майкоп и предъявили атаману требование о выдаче средств для довольствия полка, но атаман заявил, что у него средств нет. 31 декабря полк вернулся в ст-цу Гиагинскую, при чем урупцы не теряли связи между собою.

Казачья Кубань бурлила. Лишь в начале февраля 1906 года был сформирован, для подавления урупского восстания, отряд из двух сотен 3-го Екатеринодарского полка, двух сотен 3-го Пластунского батальона и 2-х орудий Кубанской казачьей батареи под командой Кудрова. Ст-ца Гиагинская, где находился полк, была объявлена на осадном положении, и 6-го февраля 1906 года, по приказу наказного атамана, жители отсюда эвакуировались. Казаки выпустили воззвание о помощи канадцам, но те на помощь не пришли. 6-го февраля ст-цы Гиагинская и Келлермесская обстреливались артиллерийским огнем, среди восставших казаков начались колебания, старики, женщины и дети явились к канадцам с ионами уговаривая их сдать и тем спасти население. 7 февраля урупцы сдались на милость Бабыча. „Выехали мы на сдачу—пишет один из участников восстания.—Там было несколько тысяч человек народа и из соседних станиц вышло духовенство с хоругвями. Против нас поставили батарею, потом пехоту и кавалерию и сзади двигался отряд Басыгина“. Здесь урупцев заставили вторично принять присягу, командование полком перешло к Катрахову и после сдачи старому начальству знамени и денежного ящика с неповрежденной полковой печатью, полк был отправлен в Усть-Лабу, откуда 9 января выступил в Екатеринодар.

Несмотря на обещания начальства не наказывать за восстание, первым арестовали Волконогова и пытали его раскаленным железом.

В сентябре 1906 года руководители восстания были подвергнуты военному суду. Всего было привлечено 39 человек. В день суда екатеринодарские рабочие бастовали, трамваи не ходили. Курганов был приговорен к 20-ти годам каторги. Шумаков и Бычков к 15-ти годам,—с понижением наказания на две степени. Вначале первый был приговорен к смертной казни, а Шумаков и Бычков к бессрочной каторге.

Урупцы шли не против царя: „Мы остаемся верными слугами его императорского величества государя императора“—пишут они в своем воззвании. Восстание урупцев это—восстание казаков-хлеборобов против казаков-помещиков, против войскового начальства.

Политические требования урупцев были умерены: созыв Государственной Думы на началах всеобщего, прямого, равного и тайного голосования. Они не говорят даже об Учредительном Собрании, т. е. не покушаются на основы государственного строя. Забота о том, что „хозяйства наши без нас порастроились“, о том, что от плохого корма несколько может пало, а многие позаболели“, на то, что „нас приравняли к собакам“ превалируют над всеми остальными требованиями. Ни о рабочих, ни о крестьянах в воззвании не говорится ни слова.

Восстание Урупского казачьего полка являлось наиболее ярким, но не единственным восстанием казачества, охватившим также и Славянский отдел Кубанской области.

В конце ноября и первых числах декабря 17-й Пластунский батальон кубанского казачьего войска отказался нести в Новороссийске полицейскую службу и ехать в Батум, куда его хотели отправить.

Батальон был сформирован лишь 17-го ноября. 4-го ноября была

объявлена мобилизация третьеочередных пластунских баталионов Кубанского казачьего войска, но кубанское казачество оказалось плохой опорой царизма.

Из 808 казаков, входивших в состав его, 237 человек раньше вовсе не состояли на службе, 201 человек были присяги 1891 года 18-го ноября, баталион по предписанию наказаного атамана выступил из ст. Уманской в г. Батум.

Предусмотрительное начальство выдало 24-го ноября каждому из казаков по 100 рублей пособия от казны.

Пробыв с 21-го по 28-е ноября 1905 года в Екатеринодаре, баталион был отправлен 28-го ноября в Новороссийск, где по распоряжению черноморского губернатора, был задержан.

Когда, 31-го ноября в Новороссийск приехал начальник штаба Кубанского казачьего войска, полковник Пржевальский для отправки баталиона в г. Батум, то казаки заявили ему, что собраны для охраны купцов, на средства которых и содержатся. „Казаки,—гласит обвинительный акт,—стали расспрашивать о выданном им сторублевом пособии, высказывая предположения, что деньги были выданы купцам, а затем заявили, что казаки полицейской службы нести не будут, не намерены также они охранять купеческое добро и в Батум морем не поедут, так как их потопят либо в пути, либо минами у Батума“.

1-го декабря в Новороссийск приехал генерал-майор Бабыч, которому казаки заявили, „что в Батум морем не поедут, купеческого имущества охранять не станут и полицейской службы нести не будут“. 5-го декабря пластуны отказались грузиться на пароход.

Начальство пыталось сначала спойть казаков.

В одной из телеграмм в начале декабря какой-то делегат из Крымской передал Новороссийску: „Прошу передать г. Зелене, чтобы он принял меры предосторожности и не пропускал идущие 100 подвод из Линейной в Новороссийск с водкой. Очевидно, офицеры будут спаивать солдат водкой“. На это указывают и воспоминания участников. Но социал-демократами своевременно были приняты меры и спойть казаков не удалось.

Потеряв надежду на отправку пластунов в Батум, начальство пыталось их руками задушить революционное движение в Новороссийске. Но когда 9-го декабря, по распоряжению губернатора, было приказано выставить караул к государственному банку, почтово-телеграфной конторе и к казначейству, то караул заявил, что на пост не пойдет и „купеческого имущества охранять не станет“.

11-го декабря пластуны отказались грузиться на присланный за ними военный транспорт и, в конце-концов, были отправлены 12-го декабря на место формирования в станицу Уманскую. (В следствии по делу о забастовке на ст. Екатеринодар имеется телеграмма от 12-го декабря из Новороссийска в Екатеринодар, что туда выехало 800 казаков при 20 офицерах).

Точно также был возвращен из Екатеринодара в ст-цу Славянскую 15-й Пластунский баталион, который подал атаману Мищенко постановление, в котором звучат те же мотивы, что и у урупцев.

„15-ый Пластунский баталион желает служить царю, но не против внутренних врагов, не желает охранять имущество панов, которые являются врагами царя и народа.

Мы требуем распустить по домам баталион, не высчитывать выданного 100-рублевого пособия, квартирных денег по 5 руб., за переезд из ст-цы Крымской по три рубля и никого не преследовать за оставление службы. Если-же кто-нибудь из баталиона пострадает, о

на защиту немедленно соберется весь батальон. Мы требуем предать суду всех офицеров и командиров". („Кр. Знамя" № 191—1925 г. „Революционный шквал в ст-це Славянской").

Атаман временно распустил батальон по домам. Собранные в той-же станице 26-го декабря для отправки в Новороссийск казаки отказались выступить на усмирение. 2-го января атаман отдела Мищенко просил прислать в Славянскую вооруженную силу и через некоторое время в ст-цу явился карательный отряд с батареей, во главе с генералом Бабычем.

Революционное движение в ст-це Славянской, во главе которого стояли Косовский и Селиванский приняло внушительные размеры, захватив иногородное население: „Дошло до того, что иногородные следят за складом оружия",— писал в своем рапорте по начальству атаман отдела Мищенко.

Руководителей восстания судили в декабре 1906 года в Новочеркасской судебной палате. Косовский, Селивановский и Гриценко были оправданы в значительной мере по формальной причине: в обвинительном акте обвиняемым приписывались деяния совершенные ими 27 декабря, а не 28-го.

Восстание 2-го Урупского казачьего полка и пластунов оказало несомненно большое влияние на ход событий на Кубани и, в частности, Новороссийск не только непосредственно—уход 300 Урупского полка из Новороссийска—но и в том смысле, что казачья Кубань была парализована. 22-го декабря Урупский полк из Екатеринодара в Майкопский отдел, а 24-го декабря карательный отряд во главе с генералом Пржевальским был отправлен в Новороссийск и 25-го декабря пала Новороссийская республика.

Характерно, что в 1905 году мы не встречаемся на Кубани с самостоятельным движением „иногородного" населения, оно лишь поддерживает политические требования казачества, но кардинальный вопрос—земельный не затрагивается. Вот почему в 1905 году казачество играло революционную роль, хотя, впрочем, далеко не всегда.

Необходимо заметить, что Кубанский Комитет РСДРП и Армавирская группа Северо-Кавказского Союза РСДРП выпустил к казакам несколько прокламаций.

В 1904 году в Новороссийске, по данным Екатеринодарского жандармского управления, велась работа среди железнодорожников, грузчиков и цементчиков. Революционную борьбу вели слесарь Эпштейн, сапожник Давид Сверблич и токарь Зелень, но массовых собраний, по жандармским сведениям, не устраивалось.

В Новороссийске распространялись прокламации Кубанского к-та с.д. Уже тогда охранка имела в Новороссийске провокаторов среди рабочих и интеллигентов. В Новороссийске в 1904 году работал Иосиф Петрушевич (кличка „Константин"), получая 50 руб. в месяц.

„Агент этот безусловно полезен и получаемые от него сведения оказываются всегда верными",—писало Екатеринодарское жандармское управление в департамент полиции.

К 1905 году в Новороссийске не существовало социал-демократической организации, хотя создание ее намечалось. Были неспянные между собой интеллигентские и рабочие кружки, группы. Состояли они частью из интеллигентов (Ада Прохорова—Мутафова, Борис Прохоров), а также из рабочих (ссылный И. Д. Гольман, слесарь Антон Зелень, портной Левин, Жиргулевич и другие).

Среди грузин-грузчиков существова с. д. группа, во главе с наиболее активным работником Ламтатидзе.

К 1905 г. об'единение разрозненных социал-демократических кружков еще не было вполне закончено, хотя в этом назрела потребность. Лишь в начале 1905 года образовалась „Черноморская группа“, организационно входившая в состав с.-д. организации Кавказа.

В самом начале 1905 г. здесь выступила либеральная оппозиция—Ансельбант, гор. голова А. А. Никулин. Встреча нового года в музыкально-драматическом обществе, где было много рабочих, превратилась в банкет, на котором выступал К. Д. Ансельбант с требованием Учредительного Собрания, говорил с.-д. Гольман, с.-р. Лейбович, Прохоров.

Девятое января прозвучало предостережением, заставившим рабочих приняться за мобилизацию сил. И уже демонстрация 1-го мая 1905 года, собравшая несколько тысяч человек рабочих, происходила под лозунгом „долой самодержавие“. На площади состоялся митинг, на котором выступали лишь ораторы с.-д. (Гольман, Зелень и др.), тогда как с.-р. отсутствовали.

Городская дума, вместе с гор. головой Никулиным, заняла резко оппозиционное положение по отношению к власти в лице вначале губернатора Трофимова, которого Никулин в своих воспоминаниях характеризует так: „человек жестокий, пропорционально, как это всегда бывает, своей глупости“, а затем вице-губернатора Березнина.

В июле разразилась забастовка железнодорожников, которых поддерживали грузчики. Рабочие предъявили ряд экономических требований. Грузчики в своих требованиях писали: „мы рабочие пристаней, чувствуем всю тяжесть на себе от наших капиталистов-эксплоататоров. Нас теперь довели до крайних пределов“. (Дело о расстреле ж.-д. Куб. Арх. Бюро).

Когда было решено восстановить движение по жел. дороге при помощи штрейкбрехеров, 19 июля „тысячная толпа рабочих заняла железнодорожный путь, уселась на шпалах и рельсах перед готовившимся к отходу поездом и осталась неподвижной, когда против них выстроилась рота солдат и сотня казаков“. (Воспом. т. Прохорова С.-К. Истпарт.) С рабочими были жены и дети. По рабочим была открыта стрельба. Это было второе 9-е января. 14 человек было убито, ранено около сотни. Тогда же были арестованы с.-д. Гольман, Зелень и др., просидевшие до октября. Городская дума выразила в заседании порицание губернатору и презрение казакам, стрелявшим в рабочих (Воспом. Никулина).

Из показаний на суде обвиняемого Полторацкого встает картина расстрела: „Я слышал, что толпе издалека кричали: „разойдись“ и играли в рожок, но вся толпа кричала в один голос: „мы не пойдем, пусть убьют“, и многие сели и легли даже на рельсы. После этого казаки с обнаженными шашками и нагайками поехали по главным путям по насыпи на толпу, а другие казаки, стоявшие на-низу у конторы депо и на верхней станции стреляли в толпу рабочих. Из толпы рабочих никто не стрелял тогда в казаков“. (Дело о расстреле рабочих. Куб. Арх. Бюро).

Спротивление рабочих было сломлено, но не надолго. Пережив свое 9-е января, рабочие Новороссийска к октябрю 1905 года созрели для завоевания власти. Получив манифест 17 октября, фрондировавшая либеральная буржуазия Новороссийска меняет тактику: вместе с новым и. д. губернатора Березиновым, яшавшимся с кадетами и с городской думой, она выпускает воззвания, призывающие к успокоению. Сам губернатор обнажает голову с балкона перед устроенной 22 ноября демонстрацией с протестом против севастопольских собы-

тий. С.-д. организация ведет организационную работу, создает районные комитеты: (цементные заводы—Жерулевич, Алешин, Букриба, Бахтадзе и др., железнодорожники—Зеленя, Верейский, Зварич, грузчики—Колонтадзе, Ротзен, Марьен и др.; в общегородской комитет входили кроме них: Николаев, Бронштейн, Борис Прохоров, Борис Сокольский, Иван Гольман.). Во второй половине ноября начали экономическую забастовку грузчики, предъявившие ряд требований экспортерам. Наконец, по директивам из центра началась 7-го декабря всеобщая политическая забастовка, а 8-го декабря состоялось заседание расширенного пленума РСДРП, на котором было решено единогласно организовать Совет Рабочих Депутатов. Выборы в Совет были произведены организованно: была выработана инструкция, город был разбит на районы, выбиралось по 1 делегату на каждые 60 человек. В выборах участвовали не только рабочие предприятий, но 500 ночлежников и те явились в Народный Дом и избрали своих депутатов. (Воспом. Прохорова. Рукопись. С.-К. Истпарт).

Совет Рабочих Депутатов просуществовал 14 дней—с 10 по 24-е декабря. 11 декабря в помещении грузчиков состоялось первое заседание Совета (75-80 чел.). Интеллигентов в составе Совета, по словам участников, было лишь 7-8 человек. Случайно попал туда и директор банка к.-д. Вильце, избранный от служащих порта, пытались послать туда своих делегатов и торговцы. 40% состава Совета (по воспом. Прохорова) были с.-д., 50%—беспартийные, шедшие за с.-д. Список членов Совета, составленный с.-д., куда вошли Борис Сокольский, Прохоров, Зеленя, Гольман и с.-р. Лейбович, был принят почти единогласно. Власть оказалась в руках Совета, который формулировал свои задачи так:

„Совет приступает к окончательной борьбе с самодержавием, для чего продолжает политическую забастовку, и берет управление городом в свои руки. Совет устанавливает налог на имущие классы населения в пользу рабочих, ведущих эту забастовку, при чем этот налог устанавливается прогрессивно-подходящим. Совет в этой борьбе будет идти вперед вплоть до вооруженного восстания“. (Цит. по воспом. Прохорова).

В воззвании к гражданам, мы читаем:

От Совета Рабочих Депутатов города Новороссийска.

Граждане!

Рабочий класс всей России вступил в окончательную борьбу с самодержавием. Многократно обманутый царем, его правительством и его манифестами, он потерял окончательно веру в возможность просьбами или ходатайствами добиться человеческих прав и улучшения своего положения. Он убедился, что освобождение рабочего класса может быть только делом самого рабочего класса и что только борьбой он завоевывает себе право.

В этой борьбе рабочий класс взял, прежде всего, за мирное средство политической забастовки. По одному мановению его руки остановилась жизнь всей страны. Правительственные органы потеряли всякую связь между собой, правительственная власть дезорганизована.

Как по всей России, так и в г. Новороссийске рабочий класс сплотился и выдвинул из своей среды Совет Рабочих Де-

путатов для руководства окончательной борьбой, в которой не может быть уже отступления.

Рабочий класс выставил в этой борьбе своим девизом „свобода или смерть“. Он не отступит до тех пор, пока не добьется того единственного средства, которое может обеспечить всему народу полный переход власти из рук самодержавия в руки народа, пока не будет создано всенародное учредительное собрание на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования с целью установления демократической республики.

Под этим девизом „свобода или смерть“ мы поведем нашу последнюю борьбу и не остановимся ни перед какими средствами вплоть до вооруженного восстания.

Готовьтесь, граждане, к последнему бою!

Долой остатки самодержавия!

Да здравствует всенародное Учредительное Собрание!

Совет Рабочих Депутатов. (Куб. Истпарт).

Первой заботой Совета явилось создание вооруженной силы. Губернатор скрылся. Смена власти в Новороссийске в 1905 году повторилась во всероссийском масштабе в 1917 году. После 17 октября самоопределяющаяся буржуазия организуется вокруг городской думы, создает милицию и охрану, заказывает для охраны белые ленты с надписью: „Городская охрана“. (Обв. акт. Куб. Истпарт). До белой гвардии из буржуазных сынков тогда еще не додумались, да и не было надобности. Нужно было вытащить каштаны чужими руками. Но белая лента на шапке городской охраны была противопоставлена „красному флагу“. Городская Управа создала свою вооруженную силу. По обвинительному акту, милиция и городская охрана в декабре совершенно вытеснили полицию. Но затем на сцену выступают дружинники. По обвинительному акту, „в первых числах декабря на старом цементном заводе открыто появилась боевая дружина“. (Обв. акт по делу Новоросс. республики. Куб. Истпарт). Вооружение рабочих происходило стихийно. По воспоминаниям рабочего цементного завода Якова Жигачева (Рукопись. Куб. Истпарт), после июльского расстрела рабочие стали организовываться и вооружаться, не „жгучей ненавистью“ как рекомендовали меньшевики, а настоящим оружием... „У нас были приезжие ораторы—пишет т. Жигачев (в настоящее время член РКП (б),—и все большею частью социал-демократы меньшевики. Но мы все-таки знали, что есть и большевики и несколько раз спрашивали какая разница между большевиками и меньшевиками. Но нам отвечали, что разницы почти что никакой, но мы не верили и раз'яснить было некому. Но рабочие начали вооружаться так, что само собой стало выходить за меньшевистские рамки и это так воодушевило рабочих, что без отдыха несколько ночей делали оружие на заводе и приготавливались к тому, чтобы в случае надобности можно было пустить его в ход. Дружины были созданы на цементных заводах, у железнодорожников, в городском районе. Оружие добывалось путем разоружения полиции и населения окрестных деревень (Кабардинка, Абрау-Дюрсо и проч.) были и бомбы. Когда казаки пытались было разоружить штаб дружины, окружив его, то собравшиеся вооруженные рабочие заставили их убраться без боя. Во главе дружины стоял Дубровин („генерал Черный“).

После захвата власти, кадеты, заигрывавшие с рабочими и игравшие в оппозицию, заняли резко враждебную позицию по отно-

шению к Совету. Их орган „Черноморское побережье“ был закрыт и Советом была установлена предварительная цензура. Буржуазия была обложена в пользу безработных (в том числе губернатор); холостым выдавалось 20 коп., женатым 40 коп. Буржуазия сама произвела „разверстку“ и передала деньги городской управе, которая выдавала через уполномоченных Совета рабочим. Суды были закрыты, было приостановлено выселение из квартир рабочих. Намечалась также организация народного суда. Все население шло со своими нуждами в Совет и Совет решал все дела, вплоть до выдачи паспортов, Совет прекратил продажу спиртных напитков из опасения погромов. За время существования Совета состоялось 4 общих собрания, около 10 заседаний Исполнительного комитета, вышло 3 номера „Известий“ Совета Рабочих Депутатов и организовано несколько вооруженных митингов. Печатанье „Известий“ происходило путем захвата типографий. Новоросийцы повторили ошибку Парижской Коммуны, оставив в покое банки, благодаря чему губернатор взял в банке 1.200.000 рублей.

Что делала власть? Прятавшийся на вокзале под охраной казаков губернатор все же объявил 16 декабря осадное положение, но исполком отменил его. Вооруженные силы, состоявшие из Майкопского резервного батальона (800 чел.) и пластунов, не оказывали сопротивления и в конце концов майкопцы уехали домой, а пластуны еще ранее отказались ехать в Батум и тоже были уведены из Новоросийска.

В Новоросийск приходили военные суда, но, несмотря на просьбы губернатора, помощи ему не оказали. По воспоминаниям т. Гольмана, на запрос губернатора командир броненосца „Три святителя“ ответил, „что он не уверен, что вернется обратно и что пулеметы не обратятся против вас.“ (Куб. Истпарт).

Революция в России была раздавлена, та же участь постигла и Новоросийскую республику. Против Новоросийска был послан карательный отряд под начальством генерала Пржевальского. Исполком предполагал спустить его в море, но председатель комитета с. д. Петрушевич оказался провокатором и выдал этот план. Отряд высадился в Тоннельной и занял „без боя“ Новоросийск. Новоросийская и Краснодарская тюрьмы были забиты арестованными. 106 человек были преданы в 1908 году военно-полевому суду, из них 21 человека осудили на каторгу и сослали на поселение, а Гольман, Зелень, Гречник, Мамулов, Верейский, Бодянский, Синюхаев, Лейбович, Жигулевич и Прохоров были присуждены к смертной казни, которая была заменена каторгой.

Там же, на Черноморском побережье, возникла Сочинская республика. В 1905 году в Сочи уже существовала организация РСДРП, в которой, по воспоминаниям т. Яичникова (Куб. Истпарт) существовала и большевистская фракция. После октябрьского манифеста, как гласит обвинительный акт по делу 112 участников Сочинского движения, „в народном доме и на площади начались собрания, на которых ораторы, члены составившегося к тому времени преступного сообщества, начали публично вести агитацию, направленную против существующего в России образа правления“. (Обв. акт стр. 2 Куб. Истпарт). Агитация распространилась на весь Сочинский округ. Агитаторы, по словам обвинительного акта, „внушали населению о необходимости уклонения от уплаты налогов, от выполнения воинской повинности, предлагали забирать из государственных сберегательных касс свои вклады и не обращаться в коронный суд.“ (Там же, стр. 2.)

В результате, некоторые сельские общества отказались от уплаты налога, уклонялись от воинской повинности, закрыли сельские правления и создали трибуналы, при чем в решении дел, по обвинительному акту, тогда принимали участие все собравшиеся.

Такие суды были в Сочи, Адлере и Хосте. В Сочи, Адлере и Хосте была устранена полиция и организована городским самоуправлением милиция, „с красной повязкой на рукаве.“ В Сочи 15-го декабря было „низложено“ городское самоуправление, а 16-го на базарной площади гражданами была избрана комиссия по выборам в новое городское самоуправление, избираемое на основе всеобщего избирательного права. В состав комиссии вошло 16 человек, в том числе и некоторые интеллигенты (врачи Гордон и Лоренц, архитектор Боткин и друг.) В противовес было собрано городским старостой собрание всех домовладельцев, торговцев, владельцев трактирных заведений, кофеен, харчевен и мастерских для решения вопроса о дальнейшем самоуправлении города. (Обв. акт, стр. 7). Таким образом в Сочи на первых же шагах при покушении на власть в городе рабочие столкнулись с местной буржуазией. Обвинительный акт указывает, как на виднейшего вождя революционного движения, на с.-д. большевика Гватуа. Еще в начале декабря началась подготовка к захвату власти, в которой принимали участие Гватуа и Сальников, с.-д. большевики (оба сейчас члены ВКП). Большевики—Гордон, доктор Лоренц и другие вышли из комиссии по выборам, как только речь зашла о вооруженном захвате власти.

В президиум Сочинского Совета, кроме Сальникова, входили: столяр Поярко, слесарь Коняев, аптекарь Гватуа, маляр Сальников и др. Это было „рабочее правительство“, которым руководили большевики, хотя были также и эсеры.

Начальник округа Розалион-Сошальский готовился к нападению. 28-го декабря началась осада гарнизона, закончившаяся лишь 1 января, когда гарнизон солдат и стражников сдался. Были произведены аресты черносотенцев и администрации, захвачено казначество и т. д.

Сов. Рабочих депутатов в Хосте и Адлере избирался на всенародном собрании всеобщим голосованием.

Однако, в Сочи прибыли для усмирения контр-минносец и транспорт с войсками. В начале было арестовано несколько человек повстанцев, затем был произведен обмен пленными. „Сочинская республика“ погибла. Все, кто имел хоть малейшее прикосновение к восстанию, вынуждены были бежать.

Среди лиц, привлеченных по делу о Сочинском восстании, было много грузин.

Сначала было привлечено к суду 294 человека, но затем число привлеченных сокращено до 112 человек.

Перейдем к крестьянскому движению.

Особенно широко развернулось крестьянское движение в Черноморской губернии, которое стало заметным в начале 1905 года, а к концу года наметилось стремление к организации под знаменем Всероссийского Крестьянского Союза. В центре этого движения стоял Геленджик (в 40 в. от Новороссийска).

В организации Новороссийского Крестьянского Союза видное участие принимали эсеры и эсерствующие интеллигенты, но именно Черноморье является наиболее блестящим примером того, что крестьянство, вопреки эсерам, тянувшим крестьянство к союзу с буржуазией, заключило союз с рабочим классом.

3-й съезд РСДРП (большевистский) по отношению к крестьянству,

по докладу В. И. Ленина, вынес резолюцию, которая определила политику партии по отношению к крестьянству в революцию 1905 года. Принятая единогласно резолюция гласила, что партия должна поддерживать все революционные мероприятия крестьянства, вплоть до конфискации помещичьих, казенных и прочих земель. Резолюция признавала необходимость организации крестьянских комитетов, призыва к коллективным демонстрациям, отказа платежа податей и налогов, исполнения воинской повинности и постановлений правительства. Резолюция признавала также необходимость самостоятельной организации сельского пролетариата, его связи с рабочим движением и его участие в крестьянских комитетах.

Всероссийский Крестьянский Союз вовсе не являлся боевой организацией крестьянства, а организацией, ставящей своей задачей защиту интересов крестьянства мирным путем, т. е. по существу сковывал революционную энергию крестьянства.

Движение черноморского крестьянства сначала протекало под руководством Крестьянского Союза. Центром движения являлся, как мы указывали, Геленджик, близ которого находилась известная колония последователей Льва Толстого „Криница“, влияние которой на движение отмечено в обвинительном акте (Куб. Истпарт.). В организации крестьянства принимали участие фельдшер Ранович, подпоручик Коган, крестьяне Филипп и Степан Кошманы, Кисель, Васильев и ряд других лиц. Все побережье было охвачено организациями Крестьянского Союза: кружки были в Архипо-Осиповке, Береговой, Берех, хут. „Криница“, Прасковеевке, Михайловском перевале и т. д. 15 октября состоялся съезд Крестьянских Союзов Новороссийского округа.

Судя по обвинительному акту и воспоминаниям одного из участников Соловьева (Куб. Истпарт.), Крестьянский Союз всецело разделял точку зрения ЦК Всероссийского Крестьянского Союза, что „добиваться своих прав на землю нужно только мирным путем“ (Восп. Соловьева Куб. Истпарт.).

Как только был организован Совет Рабочих Депутатов, „Крестьянский Союз уже имел возможность выступать, как вполне оформившаяся организация, были отпущены средства, выпустили листовки, прокламации и т. д. Ездили по местам с пропагандой в определенном направлении. Работа Крестьянского Союза велась в полном контакте с СРД. Так продолжалось месяца 1½. Уже в декабре 1905 г. появились карательные отряды и СРД вынужден был исчезнуть. Часть членов совета успела скрыться, а другая часть была поймана царскими посланцами и над нею была учинена расправа. Из Новороссийска карательный отряд пошел по отдельным пунктам и районам. Так как там определенных социалистических партий и групп с политической окраской не было, то весь гнев карающих обрушился на Крестьянские Союзы. А в это время Крестьянские Союзы были не только в селах, но даже в небольших поселках в 20—30 дворов. После произведенной расправы крестьянское движение пошло на убыль“ (Восп. Соловьева Куб. Истпарт.).

Как видно из обвинительного акта по делу участников движения Черноморских крестьян, оно далеко не укладывалось в рамки мирного движения.

Один из участников обвинялся в том, что он „возбуждал к отказу об уплате налогов и поставки рекрут, к неповиновению властям, смещению должностных лиц и отобранию земли у владельцев“ (Обв. акт. Куб. Истпарт.).

По существу Крестьянский Союз был лишь внешней формой, но содержание, и при том революционное, в эту форму вливали крестьяне, вопреки своим вождям, заключившие союз с рабочим классом. Здесь в небольшом масштабе и при том еще в недостаточно определенных очертаниях вырисовывалось „Временное революционное правительство“, опиравшееся на пролетариат и крестьянство. Оно должно было погибнуть, но это был необходимый этап на пути борьбы российского пролетариата и крестьянства.

На Кубани мы встречаемся с движением иногородных. По данным С.-К.Крайспарта, в некоторых станицах на митингах безземельные крестьяне предъявляли требование о переделе всей земли, но казачество далеко не сочувствовало этим выступлениям. Иногородное население, т. е. мелкие арендаторы и батраки, столкнувшись здесь со сплоченной массой казачества, в силу своей распыленности и неорганизованности, были совершенно бессильны. Характерно, что в то время как казаки-старики поднялись против урюпцев и дали Бабычу клятву привести их к покорности, иногородные поддерживали их в борьбе с казачьим начальством.

Центром крестьянского движения на Кубани являлось имение барона Штейнгеля „Хуторок“ (близ ст. Гулькевичи). Батраки предъявили требование об увеличении заработной платы, к ним присоединились батраки других имений (Щербиновка и др.), а также арендаторы-иногородные ближайших станиц. Но это стихийное движение пошло на убыль и, опять таки, в силу неорганизованности батраков и арендаторов, было без особого труда ликвидировано местными властями.

Наиболее бурно проявилось крестьянское движение в с. Киевском, которое возникло в 1903 году на месте имения Дурасова, купленного переселенцами (более 700 домохозяев) из Киевской губернии. Для покупки имения крестьяне прибегли к помощи Крестьянского банка и оказались у него в кабале. Среди переселенцев были бывшие рабочие, шахтеры и вообще „бывалые люди“. Земля оказалась худшей, чем предполагалось. Разоренные переселением крестьяне, связанные перед банком круговой порукой и опутанные платежами, оказались к 1905 г. в безвыходном положении, за исключением группы зажиточных домохозяев. Революционное движение возникло здесь уже к концу 1904 года, здесь вели работу эсеры, связанные с краснодарской организацией, расклеивались даже прокламации. В 1905 году с. Киевское, по полицейскому выражению, стало „рассадником революции“. Нелегальные кружки, насчитывавшие к 1905 году до 150 чл., стали организовывать массовые митинги, на которых ставился вопрос о революционном движении в России. Некоторые участники событий того времени принимали участие в борьбе 1918—19 года (Федор Шаповалов—погиб в Астраханских степях). Крестьяне перестали вносить платежи банку и аренду за снятие земли, оказывая сопротивление властям. От с. Киевского пожар распространился дальше.

Крестьяне с. Киевского составили наказ, который вручили члену Государств. думы от Кубанской области Покровскому, в котором требовали упразднения налогов, всеобщего обучения, амнистии, всеобщего избирательного права и пр. Здесь печатались на шапирографе прокламации. Работа велась до 1907 г., когда организация стала разваливаться. В 1908 году Крестьянский банк приступил к взысканию платежей, и население стало разбегаться, часть переселилась в Муганскую степь. От кабалы их освободил лишь Октябрь.

На революционное движение 1905 года в Ставропольской губ. наложил печать крестьянский характер губернии.

До середины 1905 г. в Ставрополе существовало лишь бюро РСДРП. К моменту областной конференции, происходившей 12 июля в Екатеринодаре, ставропольская организация насчитывала 100 членов, а к концу года 300. Существовала связь с селами. Влияние с.-д. в 1905 г. было невелико, усиление его относится к 1906 году. 10 января на заводе б. Шмидта и Руднева состоялась экономическая забастовка, закончившаяся победой рабочих. 1 мая была проведена за городом первая маевка, собравшая 300 человек, а затем часто устраивались массовки. Протекает эта забастовка (13 мая сапожная мастерская Зейдмана, 19 типографии, 22 все пекарни).

В крестьянской Ставропольской губернии с.-д. организация к 1905 году была невелика. Комитет с.-д. был организован лишь после Северо-кавказской конференций, состоявшейся в Екатеринодаре 1905 года, всего членов организации насчитывалось около 100 человек.

К лету начался перелом. 3 июня была устроена демонстрация рабочих в городской думе, собравшейся чествовать полицмейстера Раевского. Выступал приехавший из Екатеринодара с.-д., „Терек“, которому собравшиеся ответили криками: „Долой самодержавие!“, „Да здравствует Учредительное Собрание!“.

Эта демонстрация обшеломила начальство, которое не осмелилось арестовать присутствующих, а лишь переписало их. К осени революционное возбуждение возросло.

7 июля в Ставрополе произошло событие, совершенно исключительное по своему характеру. 5, 6 и 7 июля миссионер Крючков вел политические беседы с беспоповцами—спасовцами, которые и ранее часто заканчивались избиением сектантов. И на этот раз толпа хотела избить, но духовенство спрятали начетчиков в алтарь. Церковь с начетчиками была заперта, но толпа требовала их для самосуда. К вечеру выросла толпа, по преимуществу любопытных. Губернатор и полицмейстер уговорили толпу разойтись, в ход пошли и нагайки. В 10-м часу вечера толпу без предупреждения перепуганное начальство стало расстреливать пачками. В результате—15 убитых и 50 раненых, среди которых были женщины и дети.

9 июля снова была организована демонстрация—протест по поводу 9 января.

3 октября была организована демонстрация, к которой примкнули учащиеся, закончившаяся избиением демонстрантов черносотенцами.

После манифеста 17 октября возникают под руководством с.-д. первые союзы п.-т. служащих, печатников, и т. п. С 15 ноября по 4 декабря происходит п.-т. забастовка, в начале декабря бастуют еще некоторые предприятия.

Рабочее движение в Ставропольской губернии было выражено слабо, ибо пролетариат растворялся в крестьянской массе. Зато крестьянское движение получило широкий размах. В 1905—6 годах по Ставропольской губ. пронеслась волна крестьянских восстаний. По неполным данным, революционным движением было охвачено 37 селений.

По словам К. Пучкова (Журн. „Ставрополье“, 1925 г., № 12, стр. 26), в Благодарненском уезде главными требованиями являлись: „Долой земские налоги, долой подушные, долой царское земство!“. Но крестьянское движение, запоздалое как и всюду, не было связано с волной рабочего движения, хотя Ставропольские с.-д. и вели работу среди крестьянства.

В 1906 году эсерами (Онипко и др.) организуется Крестьянский Союз. 24 июля был созван I районный съезд крестьян Благодарненского уезда, на котором присутствовало до 150 делегатов. Съезд постановил:

1) Давать помещикам владельцам вместо одной половины, лишь одну пятую часть урожая за аренду земли; 2) рабочим по уборке хлеба землевладельцы должны платить мужчине 1 р. 50 к, и женщине 1 р. в сутки, а в случае отказа применять забастовку, сельским обществом поддерживать рабочих в борьбе с землевладельцами и 3) сбор хлеба с арендуемых у землевладельца земель начать 3 июля. Односельцы, не имеющие своих посевов на частновладельческих землях, должны помочь своим товарищам свозить хлеб с этих земель („Ставр.“, № 12, стр. 14).

Второй съезд, состоявшийся 30 июля в с. Благодатном, постановил захватить частновладельческие земли и распределить их между селами.

В ряде сел (Благодатное, Петровское и др.) были организованы Комитеты Крестьянского Союза, взявшие власть. Полиция и земские начальники выселялись из сел.

К осени правительство приступило к расправе. Первым было подавлено движение в им. „Телпельгоф“ б. вел. кн. Николая Николаевича. В августе в Ставропольскую губернию была послана карательная экспедиция под командой Литвинова. Но казаки отказывались стрелять и были заменены осетинами. На карательную экспедицию крестьяне ответили вооруженным отпором. Вооружились вилами, топорами, ружьями. Когда Литвинов подступил к с. Петровскому, то на помощь восставшим с оружием в руках крестьянам с. Петровского двинулся из с. с. Винодельного и Предтеченского отряд в 500 крестьян.

Литвинов разрушал села из орудий, множество было расстреляно и арестовано. По материалам жандармов, по делу о восстании было привлечено 250 человек.

Крестьянское восстание было подавлено и 5 января 1907 года в Ставрополе был арестован комитет с.-д.

Из работников с.-д. того времени упоминаются: И. Левин, Иван, Мария, Яков. Надо отметить влияние на развитие крестьянского движения с.-д.—учителей (напр., Г. П. Емельянов—организатор революционного крестьянского движения).

Т. о. революционное движение в Ставропольской губ. приняло характер стихийного крестьянского движения, вылившегося, в конце концов, в вооруженную борьбу. Это мы наблюдаем и в 1917-20 году.

Мы привели лишь наиболее яркие страницы из борьбы 1905 года. В руки рабочих перешла также власть на наиболее значительных ж. д. станциях—Тихорецкой, Кавказской и Минеральных Водах, где, под руководством с.-д. большевиков, была разоружена полиция и жандармерия и организованы рабочие дружины. В Таганроге также власть перешла в декабре к Совету Рабочих Депутатов. Широко развернулось крестьянское движение в Таганрогском округе, Области Войска Донского. На Тереке, в Пятигорске, несколько дней просуществовала бесформенная „Пятигорская республика“.

Пришли в движение в 1905 году революционные силы горских народов. 1905 год в Осетии ознаменовался аграрным движением, начавшимся порубкой леса. Посланные на усмирение две казачьи сотни были обезоружены. Власть оказалась в руках осетинского крестьянства, боровшегося под руководством с.-д. С красными флагами архонцы шли рубить казенный лес. Но национальная вражда была использована бадеятами, которые призвали для охраны ингушей. „Это обстоятельство,—пишет С. Такоев,—им помогло: наши кружки избегали столкновения с ингушами“... Движением осетинских крестьян руководили социал-демократы, создавшие массовую организацию. После октябрьских дней предполагалось захватить власть во Владикавказе, для чего

из Нальчика был вызван осетинский дивизион, но до конца этот план не был доведен, т. к. были получены сведения о подавлении московского восстания.

Революционное движение в Осетии было направлено против помещиков и кулачества.

Участие Кабарды в революции 1905 г., по словам В. Калмычева „(Рев. движение в Кабарде“), „носило тогда характер протеста против феодализма и самодержавия“.

В Нальчике был арестован начальник округа и чиновники, арестовывались стражники, создавались повстанческие отряды.

В 1912 восставшие кабардинские крестьяне захватили пастбища у дворян и князей. Выступление носило массовый характер, в нем принимало участие более 10.000 человек, но при помощи казаков, восстание было подавлено.

О характере движения среди ингушей и чеченцев может свидетельствовать приводимая ниже петиция ингушей в 1-ю Государственную думу (К. Корнев. „1905 г. на Сев. Кавказе“. Журн. „С.-К. Край“, 1905 г. № 11-12):

„Петербург. Председателю Государственной думы. Мы, ингуши, с незапамятных времен живем в нынешней Терской области в количестве 50.000 человек, занимаясь испокон веков земледелием. Весь маленький народ составлял как бы одну трудовую общину, не зная, что такое классовые деления, привилегированные сословия, управляясь общинными началами. Но после покорения Кавказа, в 60-х годах, не взирая на горячую любовь к России, высказанную нами не раз в трудные исторические моменты, местные власти, охваченные пагубной идеей руссификации Края, начали отбирать у нас земли и заселять их казаками. В настоящее время $\frac{2}{3}$ наших земель, насильственно отобранных, перешли в руки казаков, и мы, ингуши, доведены до такого состояния, что для того, чтобы жить, должны арендовать землю у тех же казаков. В среднем ингушское племя платит ежегодно казакам с лишком 30.000 рублей арендной платы. Это не что иное, как налог в пользу казаков, налог, тем более возмутительный, что мы, ингуши, платим его за пользование землей, принадлежащей нам тысячелетия. Но, к нашему несчастью, казаки не довольствуются этим. Они, повидимому, окончательно решили истребить наше племя и выжить его. Казаки пользуются всяким случаем, чтобы придрататься к нам, взыскать штрафы, убивать. За один последний год нам пришлось уплатить в пользу казаков 50.000 руб., а между тем местные власти состоят исключительно из казаков и областной начальник, будучи в то же время атаманом Терского казачьего войска, не только ничего не предпринимает против них, но поощряет их в этом направлении. Особенно энергично подстрекать их стали за последний год, когда освободительное движение, идя из России, захватило светлыми волнами и наши горы... Вследствие подобных отношений к нам властей, изуверствам и дикости казаков не стало пределов. За истекший год мы должны были вынести со стороны казаков 5 вооруженных нападений, приводивших к кровавым столкновениям. Но самым возмутительным из них было последнее столкновение, возмутительное не столько по проявленной в нем казаками смелости и необузданности, но и по отношению к этому событию местных властей. Столкновение имело место при ингушском ауле Яндырке 20 мая. Один яндырец, имея в руках один только зонтик, поехал нанимать рабочих. Дорогой, в огородах казачьей станицы Троицкой, на него напали казаки и убили. Лошадь убитого прибежала окровавленная домой, а родственники пошли уби-

рать тело покойника. Между собравшимися на месте убийства казаками и родственниками убитого произошла перестрелка, но без результатов. Казаки Троицкой, Карабулацкой, Слепцовской, Михайловской, Насгеровской, Самашкинской, Ассиновской и Фельдмаршалской станиц, пользуясь случаем немедленно собрались и совершили нападение на аул Яндырь, отстоявший на расстоянии 6 верст. Завязалась перестрелка, продолжавшаяся 2 дня. Находясь в отчаянном положении, ингуши обратились за помощью к властям. Не взирая на донесение начальника 2-го участка Назрановского окр., власти подоспели лишь на второй день. Из Владикавказа выступили батальон пехоты Апшеронского полка и пулеметная команда, под начальством подполковника Попова. В то же время прибыли и 3 сотни казаков под начальством атамана Сунженского отдела генерала Суворецкого. Когда отряд прибыл на место, то по распоряжению, часть пехоты с пулеметами взобралась на гору, доминирующую над Яндыркой. Попов, вместо того, чтобы защищать осажденный и обстреливаемый аул, находясь под влиянием Суворецкого, решив „согнуть в бараний рог горцев“—приказал громить пулеметами. Никакие мольбы и увещания начальника округа, подполковника Котляревского, не громить беззащитный аул не помогли и аул, как вражий лагерь, был подвергнут ужасному огню из ружей и пулеметов. В результате оказалось 7 убитых и 13 тяжело раненых. Дети, женщины и старики в ужасе разбежались в соседние леса. Такое отношение властей окончательно убедило нас, ингушей, что нас хотят истребить в конец.

Справедливости и защиты нам искать негде, куда бы мы не обратились, нам говорят: „с казаками мы ничего не можем сделать“.

Царское правительство беспощадно расправилось с горцами. В Осетии, например, карательный отряд, под командой Ляхова, разгромил артиллерией селение Христиановское и Магометанское, где было убито 14 человек. Запылали аулы Ингушетии и Чечни, родившие своеобразного революционера—Зелим-Хана, олицетворявшего стихийный протест горцев против угнетения.

Правительство порознь разбило рабочее, крестьянское, казачье и горское движение, карательные экспедиции прошли по всему Северному Кавказу. Всюду в Крае с.-д. организации были разгромлены, активные участники восстания арестованы или вынуждены были скрываться и лишь небольшие группы продолжали вести подпольную работу. Наступил период реакции.

Оживление революционной работы в Ростове относится к 1907 году, к началу 1908 года у ростовских большевиков уже существовала небольшая организация, в которой работали большевики Тувак, Байбараки, Скачков и др., но организация просуществовала недолго и была разгромлена. В дальнейший период наиболее значительным событием в истории рабочего движения в Ростове была забастовка на заводе „Аксай“ в 1914 г. В 1915 году, при помощи эвакуированных из Риги в Ростов рабочих-латышей, была создана латышская большевистская группа. В 1916 году большевики организовались под именем „Инициативной группы“, в которую входили М. Равикович, Ченцов и друг., к этому же времени относится попытка создания объединенной организации. Ростовская организация РСДРП (большевиков), пережив ряд разгромов, возродилась после Февральской революции под именем Ростово-Нахичеванского Комитета РСДРП (большевиков).

Значительным движением в рабочем движении Ростова перед революцией явилась забастовка рабочих Главных мастерских Владикавказских жел. дороги в июле 1916 года. Забастовка носила эконо-

мический характер и была частично удовлетворена. По мастерским распространялись прокламации РСДРП с протестом против войны. После некоторого затишья, рабочие опять забастовали и в мастерские были введены казаки. Наиболее активные рабочие были уволены, и им грозила отправка на фронт, в то же время начались аресты: были арестованы Пигусов, Коношенко и другие. Угрозой отправки на фронт администрация разложила рабочих, и забастовка была сорвана.

На Кубани 1906 год ознаменовался устройством в Краснодаре митинга-протеста по поводу суда над урупцами. Провокация повлекла за собой провалы и в 1907 году был арестован ряд работников (Вишнякова и др.). Некоторое оживление работы относится к 1912 г., когда стала возрождаться организация, большевики повели работу в основной массе, снова наладились кружки и стали выпускаться листовки.

В 1914 г. с.-д. организации существуют в Екатеринодаре, Новороссийске и Армавире. В 1915 г. Екатеринодарской организацией была выпущена прокламация против войны. О настроении екатеринодарских рабочих в то время свидетельствует тот факт, что состоявшееся в октября 1915 г. собрание для выборов рабочих представителей в кубанский военнопromышленный комитет было закрыто полицией из-за революционного настроения рабочих. Оживление работы большевиков в Екатеринодаре относится к 1916 году. В большевистскую группу входили Лиманский, Вишнякова; Горохов, Олейников и друг. товарищи, часть которых (18 чел.) была арестована до революции. Работа группы сводилась к организации сходок, распространению прокламаций, при чем группа пользовалась среди рабочих большим влиянием.

В 1914 году в Новороссийске была хорошо оборудованная типография, которая была впоследствии закопана в горах. В 1916 году организация была снова разгромлена и активные работники (Худанин и друг.) были арестованы.

На Тереке в сентябре 1906 г. была созвана конференция Терско-Дагестанской партии. В комитет были избраны: портной Иван Григорьевич, „Горняк“, Порфирьев, Роман—из Грозного и Семен—из Дагестана.

В 1907 г. во Владикавказе были произведены многочисленные аресты. К 1 мая 1907 года было арестовано 112 человек и, кроме того, 120 чел. за аграрные беспорядки.

Широкий размах в период между 1905 и 1917 годом получило крестьянское движение в Ставропольской губернии. Введенное в Ставропольскую губернию земство, увеличившее налоговые тяготы раздражало крестьянство. Движение против земства является характерным для Ставропольской губ., где в начале 1915 года на двор приходилось земского сбора 14 р. 91 к. („1917 г. в Ставропольской губернии“, стр. 7). Империалистическая война послужила новым толчком к усилению крестьянского движения. Уже в самом начале войны крестьяне Ставрополя протестовали против мобилизации, заявляя „что не пойдут на службу и не дадут лошадей“. (Там-же, стр. 5).

1914-16 год ознаменовались целым рядом массовых выступлений: 29 июля 1914 года—в Михайловском, в декабре—в селе Надежде и т. д. В 1916 году на почве дороговизны прокатилась волна погромов охватившая г. Ставрополь и уезды. (За погром было привлечено к суду 438 человек).

В Ставропольской губернии к 1917 году существовала группа с.-д. большевиков, в которую входили М. Морозов, В. Косенко, А. Промвоендов, Маруся (Вальяно) и другие. Группа Морозова имела связь с Бкатеринодаром, печатала на мимиографе прокламации и организовывала кружки.

ФЕВРАЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ.

На Северном Кавказе в феврале 1917 года „революции“ в собственном смысле не было. Растерянность слуг старого режима, сугубая осторожность буржуазии и казачьих верхов, оказавшихся у власти и бурная радость широких масс населения, за исключением, впрочем, стариков казаков, лишь примирившихся с совершившимся фактом,— все это выявилось тотчас же после получения известий о свержении самодержавия.

В Ростове Комитет Общественной Безопасности организовался в ночь на 1-е (13-е) марта. 1-го марта бурная радость рабочих по поводу свержения ненавистного царского строя готова была вылиться в манифестацию и в этот день ни один завод не работал. Однако, Комитет Общественной Безопасности, куда вошли представители всех партий, от кадетов до социалистов, призывал рабочих к спокойствию, и в этот день манифестация не состоялась. На 2 (15) марта на многих заводах были митинги, рабочие с красными знаменами и оркестрами ходили по городу. 21-го марта был смещен Донским Исполнительным Комитетом атаман Граббе, вместо которого был назначен председатель военной секции исполкома Волошинов.

В Екатеринодаре известие было получено 1-го (13-го) марта, но губернатор Бабыч, известный рабочим Края по расстрелам в Тихорецкой в 1902 году, задерживал опубликование полученного извещения и даже усилил цензурные строгости. Лишь 3-го (16-го) марта состоялось чрезвычайное заседание екатеринодарской городской думы, на котором была оглашена телеграмма Родзянки о переходе власти к Временному Правительству. И тот самый Бабыч, который в 1902 году заявил тихорецким рабочим: „Кто вам сказал, что я не могу расстреливать“, заверил избранную думой комиссию по организации Гражданского комитета, что он „всецело стал на сторону Временного Правительства“, и уже сделал соответствующие распоряжения жандармерии...

То же повторилось и в других городах Края. В Пятигорске 2-го (15-го) марта 1917 года атаман пятигорского отдела получил телеграмму от начальника снабжения Кавказской армии за № 4584 следующего содержания: „В виду циркулирующих разнообразных слухов, сообщается, что в Петрограде произошли события, вызвавшие перемены высших правительственных лиц“ (Мат. С.-К. Истпарта). Лишь 4-го (17-го) марта на собрании представителей от разных учреждений и воинских частей Пятигорска под председательством городского головы, решено было создать Временный Исполнительный Комитет.

В Ставрополе 3-го (16-го) марта от имени и. д. ставропольского губернатора было опубликовано воззвание о событиях в Петрограде, которое заканчивалось словами: „не поддавайтесь же настроениям, сохраните бодрость духа, помогите мне сами создать порядок во вве-

ренной мне губернии, каждый занимайтесь своим делом". (Мат. Ставр. Истпарта). 4-го (17-го) марта вечером состоялось об'единенное заседание гласных городской думы, представителей земства и общественных организаций, которые тоже выпустили обращение с призывом к сохранению спокойствия. „Залогом спокойствия,—писалось в обращении,—явится воздержание от манифестаций, митингов и демонстраций с чьей бы то ни было стороны". 6-го (19-го) марта губернатор сдал должность председателю губернской земской управы и тогда же был создан Комитет Общественной Безопасности и собранием 65 уполномоченных 38 фабрично-заводских предприятий организован Совет Рабочих Депутатов, выделивший 10 представителей в Комитет Общественной Безопасности.

В чиновно-обывательском Ставрополе, где в центре событий встала в начале земская управа, свержение самодержавия ознаменовалось „закрытыми митингами" и бесцветной манифестацией, настолько неревOLUTIONIONНО настроенной, что лозунг на одном из знамен: „Да здравствует республика" вызвал протесты.

Только в рабочих центрах конец царизма был подлинным торжеством, но буржуазия, обыватель и даже городской и атаман Бабыч равнялись по революции. И на этом неопределенном революционном фоне уже вырисовывались те силы, которые должны были столкнуться друг с другом в борьбе за власть.

В глухих углах Края обнародование известия о Свержении самодержавия порой превращалось в официальное торжество, даже с молебном. Так было в Сочи: „Появилась афиша светло-зеленого цвета,—пишет т. Британов, в своих воспоминаниях,—за подписью городского старосты Когановского, который приглашал население 3-го марта на церковную площадь к 10 часам утра,—будет молебен и чтение манифеста. На другой день собралась наша обывательщина и сатрапы разных рангов, начиная от городского и кончая начальником округа, которые были в какой-то тревоге, судя по физиономиям. На скорую руку был отслужен молебен священником Сергием, началось чтение манифеста... прокричали: „ура", несвязно и неохотно, на том и разошлись. Не помню, какого числа была получена телеграмма о формировании Временного Правительства. Опять молебен („Октябрь на Кубани и Черноморьи"—Британов. Борьба за Советскую власть в Сочи, стр. 88).

Так преломилось свержение самодержавия в глухой провинции: поп служит молебен, а городской кричит ура.

Февральская революция вызвала к жизни Комитеты Общественной Безопасности и Гражданские Исполнительные Комитеты, сменившие царскую администрацию. Комитеты Общественной Безопасности представляли, в первую голову, ту „общественность", которая существовала до революции, в рамках самодержавного строя, и к этой буржуазной общественности приобщились эсеры и меньшевики.

Комитеты Общественной Безопасности (Ростов, Новороссийск, Ставрополь), Гражданские Исполнительные Комитеты (Екатеринодар, Пятигорск, Владикавказ) являлись в первые дни революции организующими центрами буржуазии, своеобразными придатками к назначенным Временным Правительством комиссарам. В Екатеринодаре, например, где Гражданский Комитет постановил ввести в городскую думу представителей от Совета Рабочих Депутатов (в то время меньшевистско-эсеровского), комиссар Временного Правительства Бардиж нашел этот шаг слишком революционным.

В Ростов комиссаром Временного Правительства был назначен

кадет Зеелер, в Донскую область—Воронков. На Северный Кавказ: на Кубань—крупный землевладелец казак Бардиж, в Ставропольскую губернию—член Государственной думы Старлычанов, в Черноморскую губернию—сначала кадет Н. Н. Николаев, которого сменил (по ходатайству Съезда Советов) Н. Долгополов, в Терскую область—М. Караулов, которого сменил Михайлов. В общем представители „революционной“ власти вполне отражали Временное Правительство. Впоследствии Зеелер, вместе с генералом Потоцким участвовал в расстреле ростовских рабочих, Бардиж, совместно с генералом Покровским, был организатором контр-революции на Кубани и расстрелян в Туапсе, Караулов разжигал национальную ненависть на Тереке, и, заслужив ненависть рабочих и горцев, был убит солдатами Уфимской дружины, а Долгополов сбежал из Новороссийска к кубанским контр-революционерам. Лишь Старлычанов под напором ставропольского крестьянства во-время сложил с себя власть, но и тот, как теперь выяснилось, оказался провокатором.

В казачьих областях Края: на Дону, на Тереке и на Кубани буржуазии пришлось делить власть с казачеством, представлявшим из себя реальную силу, в руках которой находился весь административный аппарат. Если в процессе революции казачество в целом являлось оплотом российской помещичье-буржуазной реакции, то в казачьих областях положение было иное: здесь фактическим хозяином положения являлось казачество, отодвинувшее буржуазию на задний план. Даже доведенная до конца буржуазная революция неизбежно должна была бы уничтожить существовавшие в казачьих областях порядки, которые были мыслимы лишь в условиях царской России.

Рабочий класс Северного Кавказа был не только малочислен и распылен среди земледельческого населения, но как и пролетариат всей России, к моменту февральской революции был неорганизован. Лишь февральская революция дала возможность пролетариату собрать свои силы. Однако, организация пролетариата и самоочищение его от меньшевистской и эсеровской скверны потребовало много времени. Большевики на Северном Кавказе к моменту Февральской революции были немногочисленны, почти всюду существовали объединенные социал-демократические организации. Лишь по мере оформления большевистских организаций,—а это оформление протекало не одинаковым темпом в различных частях Края,—Советы начинают превращаться в подлинные органы пролетарской политики.

Перед революцией поднималась новая волна рабочего движения. В начале 1917 года усилилось забастовочное движение. В Области Войска Донского забастовки были в Таганроге, Ростове, в Макеевке, где бастовали крупные предприятия. В Ростове в забастовке на заводе „Лели“ принимало участие 2144 человек, на фабрике Асмолова—2660 работниц. К экономическим требованиям (основное—повышение заработной платы) примешивались также и политические мотивы. 9 января одно из крупнейших предприятий Ростова—завод „Аксай“ отметил однодневной политической стачкой. Одновременно происходит оживление политического движения. В Екатеринодаре устраиваются собрания социалистов и анархистов; к годовщине 9 января было выпущено с.-д. несколько прокламаций. В крупных рабочих центрах—в Макеевке, Ростове, Екатеринодаре—развертывали работу большевики, на которых указывают жандармские данные (Донархбюро, № 591 и 572).

На Дону к моменту Февральской революции большевистская группа в Ростове была невелика. В половине марта большевики вы-

делились из об'единенной организации под названием Ростово-Нахичеванского Комитета РСДРП. (большевики), а меньшевики именовали себя Донским Комитетом РСДРП. В организации работали: Сырцов, Жаков, Васильченко, Турло и др. 4 (17) апреля в комитет партии были избраны: Турло, Мухин, Сырцов, Васильченко, Агапов, Решетков, Жаков, Блохин и Гришин.

Совет рабочих депутатов в Ростове организовался 2-го марта.

„Вечером 2-го марта в клубе „Просвещение“ состоялось первое совещание. Первым председателем Совета был избран т. Филиппов. К дому, где заседал Совет Рабочих Депутатов, подходили войска, говорились речи. Заседание затянулось до утра“. На следующий день был избран Исполнительный Комитет, в который вошли от большевиков Залкин, Ченцов, Копылов. До сентября 1917 г. Ростово-Нахичеванский Совет находился в руках меньшевиков и эсеров. Председателем Совета, меньшевика Петренко и всю политику меньшевиков может характеризовать следующий случай, рассказанный тов. Сырцовым: „На заседании Совета один рабочий, кляня спекулянтов, непочтительно обмолвился о крупной акуле спекуляции Ник. Парамонове. Петренко, сорвавшись с председательского места, подходит к столику газетного сотрудника и просит репортера не заносить в отчет фразы, которая может обидеть Парамонова“.

На заседании Совета Рабочих и Солдатских Депутатов, созванном 19-го июня по поводу демонстрации, организованной 18-го июня большевиками 157 против 31 голоса, была принята резолюция, главншая о том, что „Заем Свободы“ проводится с согласия Совета, но не для затягивания войны, а на нужды страны, на укрепление завоеваний революции и поэтому Совет выносит порицание организаторам митинга и находит, что несогласованные вооруженные выступления ведут к срыву революции, что в дальнейшем таких выступлений нельзя допускать, ибо ими может воспользоваться реакция.

К 1-му мая большевики уже имели свою газету „Наше Знамя“, выходившую первое время один—два раза в неделю, организованную на деньги, собранные среди рабочих. К июню в настроении масс произошел перелом. 18-го июня состоялась демонстрация против „Займа Свободы“. Ростовские большевики принимали участие в выборах городской думы: в Ростовскую прошло 3 чел., в Нахичеванскую тоже 3. Большевицкая организация собирала вокруг себя постепенно массы, развивая широкую агитацию.

Насколько велико было к осени влияние большевиков на рабочие массы, видно из того, что в Ханжонкове, где расположен ряд рудников, в течение двух недель удалось набербовать в члены партии четыреста человек. Тяготели к партии рабочие Сулинского и Александровско-Грушевского районов.

На Кубани, в Екатеринодаре, к моменту Февральской революции только что разгромленная большевицкая группа была немногочисленна, активными работниками ее были: Елена Полуян, Волик, Власов, Янковский, Родионов, Руденко и Зенкевич. Лишь постепенно большевики завоевывали рабочие массы, до осени подавляющее большинство мест в Совете принадлежало меньшевикам и эсерам.

Организация Краснодарского Совета произошла экспромтом. На 1-е марта 1917 года была назначена лекция в Народном Университете официально по истории, а в действительности—о текущем моменте.

Были сведения, что в Питере произошел переворот, но официально ничего не было известно. На собрании была избрана органи-

зованная комиссия по выборам в Совет из 3-х членов, в которую от большевиков вошел т. Власов.

2-го марта состоялось первое заседание Совета. В первый исполком от большевиков из семи членов вошли двое—Власов и Дунин.

Первое легальное партийное собрание состоялось 5—6 (19) марта. По мере возвращения из ссылки старых работников, работа организации стала оживляться и выпрямляться. В дальнейшем представители большевиков вышли из Исполкома Совета, оставив, однако, своих представителей в самом Совете, в целях разоблачения меньшевиков и эсеров. Была организована газета „Прикубанская Правда“, всполошившая буржуазию, велась усиленная работа среди воинских частей. 2-го июня Бардик организовал противобольшевистскую демонстрацию. На эту демонстрацию рабочие Екатеринодара ответили 13-го июня контр-демонстрацией с требованием удаления Бардикжа, послужившей поводом к травле большевиков. Во время демонстрации произошли провокационные избиения, этим воспользовались буржуазия, меньшевики и эсеры. Вопрос был поставлен на заседании Совета Рабочих Депутатов, где меньшевики и эсеры клеймили демонстрацию анархическим и контр-революционным выступлением. В результате, Гражданский Исполнительный Комитет вместе с Исполнительным Комитетом Совета в своем воззвании заявил, что подобные выступления будут вызывать „применение вооруженной силы“. Однако, к осени массы революционизировались; меньшевики и эсеры перенесли центр тяжести своей работы в городскую думу.

На Тереке, во Владикавказе, большевистская организация начала свое существование с апреля 1917 года, основателями ее были: Орахелашвили, Киров и Ной Буачидзе, но до Октябрьской революции существовала объединенная организация.

В Грозном—единственном пролетарском центре среди бушующего моря горской и казачьей междуусобицы, РСДРП возрождается с момента Февральской революции, объединяя до начала мая большевиков и меньшевиков. Деятельное участие в организации большевиков принимали т. т. Анисимов и Носов. Совет Рабочих Депутатов возник в Грозном в апреле 1917 года и первым председателем был избран большевик Анисимов. Большевистской организации удалось распространить впоследствии расположенный в Грозном III запасный пехотный полк.

В Новороссийске Совет Рабочих и Солдатских Депутатов был избран в марте 1917 года и целиком состоял из эсеров и меньшевиков. Из 108 человек членов Совета было лишь 3 большевика. С первых же шагов между Советом и комиссаром Временного Правительства Н. Николаевым (кадет, член 4-й Государственной Думы) возникли трения по вопросу о власти, на участие в которой претендовал Совет. 24 мая (6 июня), на почве недовольства правительственным комиссаром Николаевым Совет устранил его от занимаемой должности. Совет Рабочих и Солдатских Депутатов решил выслать из пределов губернии заместителя губернского комиссара, устранить от должности т. прокурора, занять канцелярию губернатора воинским отрядом и потребовал от Вр. Пр-ва Всероссийского Съезда Советов и Закавказского Комитета, командировать особую комиссию для предания суду бывшую администрацию.

Крестьянский характер губернии, почти полное отсутствие пролетариата, плохая связь с центром—все это наложило печать на революционное движение Ставропольской губернии, придав ему характер неорганизованной стихийной борьбы.

Во всей губернии имелись лишь два поселения городского типа — Ставрополь и Святой Крест, первый с населением в 60 тысяч, а второй — в 10 тысяч. Эта однородность, при таком слое пролетариата, привела к тому, что революционное движение потребовало значительного времени для своего оформления. Приблизительно до 1917 года ставропольские социалисты работали вместе и лишь после этого начинается размежевание. К этому времени из объединенной организации с.-д. выделились большевики под председательством тов. Пономарева, но влияние большевиков на ход событий было незначительно. Вскоре после февраля был организован и Совет рабочих депутатов, где до осени хозяйничали эсеры и меньшевики, не допустившие в Совет большевиков и вообще революционно-настроенных социалистов на том основании, как выразился один из организаторов Совета, „так как среди них могут оказаться провокаторы“.

Первым шагом советов явилось ликвидация жандармерии и полиции (Таганрог, Екатеринодар), отправка ее на фронт (Владикавказ); роспуск цензовых городских дум (Ростов). По всему Краю развернулась борьба за 8-ми часовой рабочий день и повышение заработной платы. В Александро-Грушевске СРД 15 (28) марта постановил увеличить заработную плату и установить 8-ми часовой рабочий день. Владикавказский, Таганрогский, Ростовский СРД вынесли постановление о введении 8-ми часового рабочего дня. В борьбе за 8-ми часовой рабочий день Советы столкнулись с сопротивлением промышленников. Так, 30 мая (12 июля) в Новочеркасске было созвано совещание углеромышленников, требовавших увеличения производительности труда.

В ответ на требования рабочих промышленники закрывают заводы. Так, в Ростове н-Д был закрыт механический завод „Металл“. В Таганроге 27 июня (10 июля) Совет старост металлургического завода постановил арестовать директора и акционера завода и не освобождать их до выполнения требования рабочих. Совет рабочих и солдатских депутатов принял резолюцию с предложением увеличить зарплату рабочим завода. Там же 30 мая (12 июня) общее собрание из 8.000 рабочих Русско-Балтийского завода приняло резолюцию, в которой указывается, что „буржуазия, согнувшаяся от размаха рабочего движения, встала на контр-революционный путь, она прямым и косвенным образом приводит производство к остановке, создает усиление безработицы, натравливает одну часть рабочих на другую, поднимает цены на продукты“ и т. д.

В августе в Донбассе создалось „небывалое угрожающее положение“ с продовольствием: запаса хлеба в рудниках хватало лишь на два-три дня.

Вместе с ухудшением положения рабочих нарастала революционная волна. 5 (18) июля в Таганроге толпа, по преимуществу женщин, начала обыски в торговых помещениях, складах и на квартирах у торговцев и частных лиц. Была обнаружена масса испорченных товаров. Возбужденная толпа хотела учинить самосуд над торговцами, но благодаря вмешательству Совета Рабочих и Солдатских Депутатов, самосуд был предотвращен.

И уже в июне в Грозном солдатами и рабочими была организована „дружина безопасности“, — начало Красной гвардии.

Казачье дворянство не выпускало из рук в казачьих областях ни власти, ни земли. Состоявшийся в апреле Войсковой Казачий Съезд Войска Донского в своем постановлении о местных исполнительных комитетах признал образование их „желательным, но не обя-

зательным“, при чем функции их ограничивал наблюдением за деятельностью должностных лиц и учреждений, поддержанием порядка, подготовкой населения к Учредительному Собранию и проведением в жизнь новых реформ, путем пропаганды и просвещения“. Съезд вынес постановление о созыве Войскового Круга, как областной власти, на 26-е мая. В пункте 1 постановления о Войсковом Круге говорится, что Круг Донского Войска должен состоять только из казаков Донской области. Съезд ввел своих представителей в Обл. Исполнительный К-тет— „именем всего Съезда отстаивать гражданские и военные интересы казачьего населения“.

Съездом был избран Войсковой Совет и войсковой атаман Волошинов.

Есть романтика революционная, но есть романтика реакционная. Донское казачество в спешном порядке извлекло из музея атаманский пернач. 8-го мая 1917 года Каледин сдал должность командующего 8-й армией и, якобы, по болезни проездом в Пятигорск, выехал на Дон (Мат. Истпарта). На открывшемся 26-го мая 1917 г. Донском Войсковом Круге Каледину был вручен атаманский пернач с грамотой: „По праву древней обыкновенности избрания войсковых атаманов, нарушенному волею Петра I в лето 1709 и ныне восстановленному, избрали мы тебя нашим войсковым атаманом“ (В. Волин. Дон и Добровольческая армия. Изд. Б. А. Суворина. Ростов-Дон. 1919 г.) Это „казачье“ право древней обыкновенности, этот атаманский пернач были направлены против пролетариата и крестьянства.

Съездом было организовано Донское правительство, которое и являлось фактической властью в Донской станице.

Возродилась и архаическая Войсковая Рада запорожцев на Кубани, открывшаяся 17 (30) апреля. „Новое правительство—заявил в Раде комиссар Временного Правительства Бардиж, будет уважать право казачьего самоуправления, право, которое завоевано кровью ваших предков. Казачество свободолюбиво, но оно знает, где кончается свобода, и где начинается анархия. Казачество всегда будет оплотом законности и порядка“. Таким образом, Временное Правительство, в лице Бардижа, оставляло за казачеством его полицейские обязанности. Создав Войсковое Правительство и избрав атаманом Филимонова, Рада закрылась.

Одновременно организовалось и казачество Терека. 14 (27) марта во Владикавказе был созван Казачий Круг, на который приехал член Государственной думы М. А. Караулов. Круг избрал Войсковое Правительство и атаманом, взамен арестованного атамана Флейшера,— Караулова. Принятое Кругом положение об управлении ничем существенным не отличалось от дореволюционного.

Антагонизм между казачьим и иногородным населением еще можно было заглушевать наверху, но это не мешало ему выявляться в каждой станице, где с первых же дней Февральской революции пошли слухи о том, что иногородные хотят отобрать от казаков землю и уничтожить казачьи привилегии (Ладоха, стр. 33.). В Сальском округе тотчас после революции, иногородные прекратили уплату аренды, не возвращали калмыкам инвентаря, полученного для обработки арендованной земли во временное пользование, даже отобрали хлеб, отданный ранее в качестве арендной платы. Когда в марте в станице Великокняжской одновременно был организован Гражданский Исполнительный Комитет, вокруг которого группировались казаки, калмыки и коннозаводчики, и создан железнодорожными рабочими Совет Рабочих Депутатов,—иногородные потянулись к Совету.

В станице Морозовской, где кроме крестьян и батраков, имелось значительное количество иногородных рабочих и служащих железной дороги, где общее количество иногородных превышало казачье население, все время существовало двоевластие: с одной стороны—Исполнительный Комитет, с другой—атаман, который не хотел сдавать власть.

То же двоевластие, существовало и Кубани, где наряду с казачьим управлением возникали Гражданские Комитеты. В большинстве же станиц у власти остались старые атаманы.

В станицах развертывалась борьба за власть. В станице Псебайской казаками были сорваны выборы Исполнительного Комитета, производившиеся иногородными. (Фонд Кубанского Исполкома 1917 года, дело № 12. Кубанский Истпарт). В станице Апшеронской в Гражданский Комитет прошло 6 иногородных и 6 казаков, во главе с атаманом. („Кубанский Край“ от 8-IV—1917 г. Кубанский Истпарт). В станице Старо-Величковской при перевыборах Исполнительного и продовольственного Комитетов на сход иногородные не были допущены, и атаман предложил им разойтись по домам. („Листок Войны“ 14-VI—1917 г. Кубистпарт).

Вопрос о роли казачьих окраин в русской революции был ясен В. И. Ленину задолго до Октябрьской революции. Еще в 1907 году В. И. Ленин в полемике с Плехановым и Масловым по вопросу об аграрной программе, касаясь казачьей „муниципализации“, писал: „Раздробленность областей есть гарантия от революции. Если русское крестьянство (при помощи централизованного, а не „областного“ пролетарского движения) не сумеет разорвать рамок своей областной отчужденности не сумеет организовать всероссийского движения, то революцию всегда будут развивать представители отдельных, хорошо поставленных областей, которых централизованная сила старой власти будет направлять в борьбу, смотря по надобности“.

В той же статье В. И. Ленин писал, что „казачье землевладение годится не только в случае реставрации, а и для поддержания того, что должно быть свергнуто раньше, чем быть реставрированным“.

Эти положения В. И. Ленина относительно окраин и казачества целиком оправдались в 1917 году.

Вскоре после февральской революции, в конце марта 1917 года, в Петрограде состоялся съезд представителей казачьих войск, положивший основание Союзу казачьих войск, который в лице Совета союза казачьих войск являлся одним из составных элементов контр-революции. Этот съезд формулировал те положения, которые легли в основу аграрных программ казачества Дона, Кубани и Терека.

Сущность этих положений заключалась в том, что „каждое казачье войско, как самоуправляющаяся единица, владеет, пользуется и распоряжается своими землями самостоятельно и независимо“. Об этой казачьей „муниципализации“, об ее реакционности В. И. Ленин в свое время писал: „На почве этой „муниципализации“ развиваются чисто феодальные отношения. Эта фактически существующая муниципализация означает сословную и областную замкнутость крестьян, раздробленных различиями в размере землевладения, в платежах, в условиях средневекового пользования землей за службу и т. д. „Муниципализация“ помогает не обще-демократическому движению, а раздроблению его, областному обессиливанию того, что может победить лишь как централизованная сила, отчуждению одной области от другой“. (Т. IX, стр. 525).

Состоявшийся в июне съезд 12 казачьих войск, принявший устав Всероссийского союза казачьих войск, и подтвердил неприкосновен-

ность казачьей „муниципализации“. По земельному вопросу съезд вынес резолюцию, в которой говорилось, что: 1) все земли казачьих войск: леса, рыболовные воды и прочие угодья со всеми недрами, как историческое достояние казачества, составляют неотъемлемую неприкосновенную собственность каждого казачьего войска; 2) казачье войско, как самоуправляющаяся единица, владеет, пользуется и распоряжается своими землями, водами, лесами и недрами самостоятельно и независимо; 3) все частновладельческие земли, выделенные из войсковых территорий, а также казенные, удельные, кабинетские, монастырские, церковные, без исключения должны быть возвращены в собственность каждого данного казачьего войска на общих основаниях для всей России, которые выработает Учр. Собрание; 4) земли крестьянские остаются в распоряжении крестьян. (Вера Владимировна— „Революция 1917 г., стр. 73),

Революционная фразеология этой программы никоим образом не может скрыть ее контр-революционной сущности, т. е. сохранение казачьей обособленности по отношению ко всей России и внутри казачьих областей. Было бы, конечно, ошибочно полагать, что казачество было однородно экономически и политически. Казачье дворянство, пользовавшееся правами всероссийского дворянства, вплоть до права выхода из казачьего сословия, экономически представляло из себя класс помещиков, и интересы этой группы теснейшим образом были связаны с интересами российского дворянства. Эта группа именно в отторжении казачьих областей от остальной России искала гарантии от революции вообще, в том числе и в казачьих областях. Но до поры до времени классовые противоречия внутри самого казачества не принимали характер сколько-нибудь серьезной борьбы и до самой авантюры Корнилова мы видим единый казачий фронт, во главе с казачьим офицерством, тесным образом связанным, как мы указывали, экономически и политически с помещичье-царской Россией.

Казачье дворянство весьма недвусмысленно предлагало от имени всего казачества казачью плеть буржуазно-помещичьей России для защиты от революции. § 12 программы „казачьей партии“, опубликованный в „Известиях“ в конце мая 1917 г., гласил, что „воинские казачьи части, с разрешения Войскового Круга, могут быть употребляемы для подавления внутренних народных волнений в России“. (И. Бухарин. От крушения царизма до падения буржуазии. Харьков. 1923 г. Стр. 62).

Упомянутый выше Войсковой Казачий съезд на Дону принял следующее постановление по важнейшем вопросе:

О земле:

„Земли войсковые и юртовые признаются принадлежностью исключительно войска. Из земель частновладельческих и крестьянских образуется особый фонд, из которого коренные крестьяне области получают надел по трудовой норме. Если при этом получится остаток земли, то он поступает в собственность войска. Порядок пользования казаками землями степи и хуторов устанавливается Войсковым Кругом. Недры и соль принадлежат войску, которое одно только и может их эксплуатировать, но каждому казаку Войска Донского представляется добывать до количества полезных ископаемых, которое необходимо для его личных потребностей. Промысловое рыболовство в водоемах, принадлежащих войску, оставляется исключительно за ним. Для личных потребностей имеет право лова каждый гражданин области. Войску принадлежат и все леса, кроме юртовых, которые остаются в пользовании станичных обществ“.

Об управлении:

„Управление казачьего войска должно быть также перестроено на новых основаниях, сущность которых состоит в следующем: как хуторские и станичные общества, так и все войско управляется казачьим Кругом—хуторским, станичным или войсковым, избираемым всеобщим, прямым и тайным голосованием всех мужчин и женщин с 20-ти летнего возраста. Все дела, касающиеся хутора, станицы или войска, решаются соответствующим кругом, и только им одним. Исполнительными органами круга служат Советы, состоящие из атамана—председателя и членов, избираемых на срок. Войсковой Круг избирает войсковой совет и войскового атамана, который является председателем Совета, начальником казачьих войск, расположенных в области и представителем войска. Никакой другой власти у него нет и его власть не распространяется ни в каком отношении на неказачью часть населения области.

Для ведения общеобластного хозяйства, не касающегося казачьих земель и капиталов в области должно быть введено земство на широких демократических основаниях. Земство должно быть единым, т. е. как для казачьей, так и неказачьей части населения. Основной земской единицей должна быть станица в одном случае и войско в другом“.

О службе:

„Расходы по снаряжению войска отнесены на счет государства: государством должны быть возмещены расходы, понесенные казаками по мобилизации“ (Брошюра: „Донская казачья земельная община“).

Земли крестьянские с'езд оставил крестьянству, а частновладельческие отчуждаются государством на основах, которые выработает Учредительное Собрание. Пункт 8-й постановления гласит, что „все недра земель Донской Войсковой Земельной Общины, а также и соль в озерах принадлежат войску, коему единственно принадлежит право их промысловой эксплуатации, точно так же, как и промысловое рыболовство, право разработки угля и леса составляет собственность войска“.

Кубанская Войсковая Рада постановила, что общинные земли станиц и хуторов, леса и угодья составляют общее достояние казачества а частновладельческие земли, выделенные из казачьей территории путем пожалований и наград, казенные, монастырские, церковные и принадлежащие немцам-колонистам, должны перейти в распоряжение казачества через Учредительное Собрание. Иногородным же оставлялись их земли („Признать,—гласит резолюция,—что надельные земли сельских обществ, крестьянских, товариществ и мелких собственников, расположенные на территории Кубанского казачьего войска, остаются за их владельцами“).

В своем воззвании к казакам Терской области казачья секция Пятигорского отдела говорит: „все областные с'езды хотят поднять вопрос о переделе земли и что этот вопрос больше всего касается казачества“.

„300 лет существует Терское войско, оно потом и кровью отвоевывало каждую пядь земли, когда здесь были глухие дебри, непроходимые леса и безбрежные степи—не было охотников на землю, а теперь, когда жизнь стала под защитой казаков безопасная, земля стала плодородной, так и охотников на нее находится много“. (История революционного движения на Тереке. Пятигорск, 1924 г. Стр. 38).

Казачество пыталось обосновать свое право на землю и свои привилегии, опираясь не на аннулированные революцией царские „жалованные“ грамоты, а на „право, завоеванное кровью предков, добы-

тое потом славных дедов и отцов". Но за этой словесной мишурой и реставрированной старинной скрывались интересы и крупного земельного собственника—казацкого генерала и офицера и казака-кулака, которые держались один за другого в общей борьбе против батраков и арендаторов-иногородных в пределах казачьих областей, а за пределами этих областей против „иногородного“ русского крестьянства.

В казачьих областях самые невинные демократические поползновения с первых же дней наталкивались на упорные сопротивления казачества.

Февральская революция, естественно, должна была вскрыть антагонизм между иногородным населением и казачеством. Однако, казачество, как мы уже видели, далеко не было склонно отказываться от „права, завоеванного кровью предков“, хотя в Кубанской области в первые месяцы революции и был опыт приобщения иногородных к власти, закончившийся крахом демократических иллюзий. Неизбежно встал вопрос и о земле.

В Кубанской области на открывшемся 9 (22) апреля областном съезде уполномоченных от населенных пунктов встал вопрос о земельных и других привилегиях казачества. Съезд передал власть гражданскому комитету, но в смешанных населенных пунктах сохранил двойственность управления и власть атаманов. Съездом был избран комитет на паритетных началах из казачества и иногородных, с участием горцев, и на тех же основаниях—Областной Совет. Однако, постановление съезда о передаче власти гражданским комитетам не было проведено в жизнь. Съездом было вынесено также пожелание о преобразовании станичного суда на паритетных началах, поровну от казаков и иногородных. По вопросу о „посаженной“ плате, который вызвал большие прения, съезд не пошел дальше пожелания, чтобы Войсковая Рада и Областной Исполнительный Комитет пересмотрел и этот вопрос. Но за эти „пожелания“ и фикцию власти иногородные заплатили дорогой ценой: съездом была принята следующая резолюция об отношении иногородного населения к земле: „С негодованием опровергая распространяемые провакационные слухи о враждебных отношениях между иногородными казачьим населением области и самовольных запашках иногородных казачьих земель и т. п., мы делегаты иногородного населения семи отделов Кубанской области единогласно просим президиум съезда довести до сведения Войсковой Рады и войсковых частей фронта, что иногородное население области никаких притязаний к казачьим полевым землям и к казачьему войсковому имуществу предъявлять не намсревается, будучи убеждено, что Учредительное Собрание найдет возможность удовлетворить насущные нужды иногородного населения области не нарушая интересов трудового казачества“. (Брошюра: „Резолюция, принятая съездом уполном. населен. пунктов Кубани“, 1917 г. Цит. по мат. Кубистпарта).

Более революционную позицию занимало донское крестьянство.

20-го мая (2-го июня) Областной Крестьянский Съезд Донской области принял следующую резолюцию о земле.

1. „Все земли общинного и общественного пользования как наделенные, так и юртовые составляют областную часть общенародного земельного фонда.

2. Все частновладельческие земли, банковские, дворянские, крестьянские, казачьи и мещанские поступают в общеземельный фонд области.

3. В тот же фонд должны поступать все государственные земли: казенные, войсковые, монастырские и другие.

4. Право пользования землями в Донской области распространяется на всех граждан, но первая очередь принадлежит местным жителям, казакам и крестьянам иногородным, при чем преимущество предоставляется тем, кто до сего жил на данной земле“. („Вольный Дон“, № 28, 24/V—1917 г.).

Съезд вынес требование о равенстве всех граждан независимо от национальностей, религий и расы, и полном уничтожении сословий.

Подобную же резолюцию о земле принял 16 (29) апреля съезд крестьян в Александро-Грушевске. Крестьянские резолюции говорят о передаче всей земли трудовому народу и об уничтожении сословий.

Вот некоторые резолюции: 22-го апреля (5-го мая) в селе Пешкове, Донского округа, собрание жителей села постановило:

1. Присоединиться к Всероссийскому Крестьянскому Союзу.

2. Выразить полное доверие Вр. Пр-ву, которое должно распоряжаться всеми делами России впредь до созыва Учредительного Собрания.

3. Учредительное Собрание должно быть созвано в самом непродолжительном времени.

4. В России должно быть республиканско-демократическое управление.

5. Президент должен избираться Учредительным Собранием.

6. Учредительное Собрание должно наделить землей всех, кто желает трудиться.

7. Все сословия должны быть отменены.

Крестьянский Съезд 13-го апреля (6-го мая) Воронцово-Николаевки, Ставропольской губернии постановил требовать:

1. Безвозмездной передачи всех земель трудовому народу.

2. Широкого крестьянского самоуправления на демократических началах.

3. Уничтожение всех сословных преимуществ.

4. Государственной помощи, для ведения сельского хозяйства и на основе подоходно-прогрессивного налога.

5. Демократической республики с одной палатой.

25-го апреля (8-го мая) районный съезд крестьянских и казачьих делегатов от станичных и сельских обществ в Армавире вынес следующее решение:

1. Считать необходимым организацию крестьянско-казачьего союза.

2. Уничтожить частную собственность на землю. Конфисковать без всякого выкупа все частновладельческие, удельные, кабинетские, монастырские и церковные земли. Землей могут пользоваться все желающие обрабатывать ее своим трудом. Недра земли, водные и лесные пространства передают в распоряжение государственной власти“.

В Новороссийске в резолюции Съезда Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских депутатов Черноморской губернии, состоявшегося в июне, по земельному вопросу говорится, что „вся земля должна быть изъята из частной собственности и передана в общественное достояние“.

В июне-июле революционность крестьянства растет, 4 (17) июня жители 39 хуторов Прикубанской степи, Кубанской области 5.000—5.400 чел. на митинге во вопросу об отношении к войне постановили немедленно требовать от Вр. Пр-ва и союзных держав отказа от всяких контрибуций и аннексий, опубликования всех тайных договоров,

снятия с учета и отправки на фронт всей буржуазии, немедленного перехода власти к Советам, передачи в руки народа безвозмездно банков, земель, фабрик, заводов и железных дорог, требовать всеобщего образования для всех граждан и решило организовать казачье-крестьянский союз, в президиум которого избрали: Я. Б. Щербакова, В. А. Руденко, Ф. Г. Силко и С. В. Романенко. („Наше Знамя“, № 11, 1917 г.). В селе Хрустальском, Таганрогского округа, 4 (17) июля крестьянами села захвачены 240 десятин земли у помещицы Авоитинской. („Кавказ“, № 149, 1917 г.). В селе Павловке, Таганрогского округа, земельный комитет потребовал передачи всей земли в общее пользование трудового народа без выкупа и уничтожения арендных договоров. („Вольный Дон“, № 154, 1917 г.).

В Ставропольской губернии аграрного движения до конца 1917 года почти не было. Объясняется это сравнительной однородностью и обеспеченностью крестьянства (14 дес. посева на двор), а также незначительностью помещичьего землевладения. Возникший в июне губернский земельный комитет не проявил сколько-нибудь заметной деятельности. Среди крестьянства вели работу эсеры, во главе с бывшим членом Государственной думы Онипко. Созванный 30 апреля—(13 мая) губернский съезд Крестьянских Депутатов, проходивший под влиянием эсеров,—принял резолюцию по вопросу о войне и посылке хлеба на фронт.

Съезд избрал Исполнительный Комитет, в который вошли: Л. Милий, А. Иванчин—Писарев, И. Маянц, Е. Дементьев и Степушкин. По всей губернии организовывались Советы крестьянских депутатов (15 мая—в Александровском уезде, 16 июня—в Свято-Крестовском и т. д.). 22-23 июня губернский съезд избрал постоянный Исполнительный Комитет, состоящий из эсеров. По селам были организованы Исполнительные Комитеты в составе представителей земства, служащего дворянство, схода, духовенства и т. д., а также продовольственные комитеты. Но крестьянство оказалось не у власти. В с. Птичьем большинством голосов крестьяне отказывались от выборов комитета, основательно видя в нем перелицованное на новый лад земство.

Пытались организовать „хлеборобов“—землевладельцев кадеты и народные социалисты и собрание землевладельцев 18 июня высказалось против отмены частной собственности на землю.

У горцев, как и вообще у экономически отсталых народов, населяющих бывш. Российскую империю, интеллигенция (а среди горцев интеллигентом считался всякий мало-мальски грамотный человек) занимала непомерно большое место.

Зажатые в тиски родового уклада, опутанные шариатом и адатами, горские массы остались попрежнему в руках своих княжеских и дворянских родов и буржуазной интеллигенции, вышедшей из тех же знатных родов. Лишь в Чечне выступает духовенство в союзе с торговым капиталом.

В Кабарде февральская революция означала смену царской администрации князьями и дворянами, которые, под знаком национального самоопределения, отводили от себя народную ненависть в сторону национальной вражды. Однако, в марте 1917 года, кабардинские крестьяне отобрали у князей и кулаков обратно земли, отнятые у них ранее, из-за которых происходила борьба в 1912 г.

Отовсюду стекались в Кабарду бывшие чиновники, офицеры и князья. В апреле был созван первый съезд Кабарды, поставивший у власти кабардинскую знать: Коцева, Чижокова, Наурузона, Атажу-

кина и других, предавших впоследствии кабардинских крестьян в руки тех же царских сатрапов.

В Карачае февральская революция вызвала к жизни национально-мусульманский комитет Карачая, под председательством эфенди Хамзат-Хаджи Урусова и шариатские суды. Царских чиновников сменили князья Крымшанхаловы. Ту же самую картину мы наблюдаем у черкесов и Осетии. В Осетии власть переходит к баделиата, тагиата (привилегированные сословия), царскому офицерству—генералы: Миспулов, Кибиров, Хабаев и другие известные сподвижники белогвардейцев,—к которым примыкала осетинская интеллигенция. В Чечне и Ингушетии у власти стали точно также генералы и офицеры, вместе с интеллигенцией—ингушский националист Джабагиев, с немногочисленными представителями крупной буржуазии, в роде чеченского нефтепромышленника Тапы Чермоева. В общем, темный и забитый горский пастух и земледелец были всецело в руках мулл, шейхов, князей, дворян, офицеров и чиновников, к которым примыкала интеллигенция. Лишь в Кабарде и Осетии мы видим намеки на классовое расслоение, тогда как в Ингушетии, Чечне, Карачае, Балкарии и у черкесов—единый народ, во главе с влиятельными родами. Организационной формой власти являлись национальные советы.

На фоне национального единства, в своеобразной обстановке горской действительности, еще сохранившей патриархально-родовой уклад, происходила борьба влиятельных родов за власть, в которой „народ“ являлся не субъектом власти, а объектом. Вот страница из Февральской революции в Ингушетии. Начальником Назрановского округа был назначен М. Джабагиев, чиновник департамента земледелия. По словам т. Хепр-Хаева („Гор. Вестн.“, № 1), — „Ингушская интеллигенция раскололась на две группы, за которыми, в силу родовых условий, разделившись на два лагеря, поплелся ингушский народ. С одной стороны, группа офицерская без определенного вождя (вернее ею руководил тот, кто старше чином) и с другой стороны,—чиновничья группа, с бр. Джабагиевым во главе, пытавшая непримиримую вражду к первой группе, из-за власти. Офицерство, привыкшее быть первым среди темного ингушского народа, где, как и везде у отсталых масс, мишурный блеск и грубая сила играют роль, не могло переварить, что комиссаром округа был чиновник М. Джабагиев“.

Офицерская группа ездила по Ингушетии, агитируя против Джабагиева, началась жестокая борьба за власть над ингушским народом.

На ряду с торжеством национализма, мы наблюдаем расцвет паниславизма. Рядом с чиновничеством и офицерством становятся шейхи: Арсанов, Шамсудин-Хаджи, Н. Гоцинский и другие.

На двух с'ездах в мае и сентябре 1917 года произошло объединение горской знати и буржуазии. Первый с'езд состоялся с 1 по 9-е мая во Владикавказе и был созван по инициативе Временного Центрального комитета горцев, под председательством прис. пов. Б. А. Шаханова.

Представитель закавказских мусульман доктор Х. Агаев в ответственной речи сказал: „Братья мусульмане, наконец-то заговорил, заговорил властно и тот могучий сфинкс, которому имя—Ислам. Этот многим казавшийся сфинксом мир ислама, призванный высказаться по вопросам текущих событий, с честью выполнил трудную задачу национально-политических идеалов и Киргизии, и Крыма, и Кавказа... Горячо призываю вас к интенсивной и плодотворной работе на пользу той массы тридцатимиллионного мусульманства, которое до сих пор в

списке других народностей России либо вовсе не назывались своим собственным именем, в лучшем же случае называлось в слове „и прочая“. Этот здоровый и сильный духом колосс лишь только изнывавший от деспотизма, спаянный таким цементом, как Ислам в федеративно-республиканском строе получит наиболее благоприятные условия для своего национального и политического развития“.

Князь Капланов в своей речи отметил, что несмотря на распоряжение „мы имеем могучие цементирующие факторы: религия, право, условия экономического быта“. Он сказал: „мы не ограничились только Терской областью, мы стали искать союзников, и это легко было сделать. Наши соседи—дагестанцы отделяются от нас только формальной границей, разделяющей одну область от другой. Ясно, что это деление чисто условное. Дальше. Мы отправились в Баку. Здесь не трудно было установить, что мусульмане Закавказья живут одними с нами идеалами. Так окончательно окрепла мысль о нашем союзе. Какие же основные цели нашего союза? Прежде всего цель нашего союза чисто оборонительная. Мы говорим, кто задевает одного из нас, тот задевает всех нас, и в этом покушение на наши права, мы этого не допустим“.

Выступавший на с'езде с приветствием комиссар Терской области М. А. Караулов заявил:

„Мы, казаки, уже приступили к устройству своих дел и выразили искреннюю готовность к братскому с вами единению. Настала пора, когда и вы, горцы, имеете возможность устроить свою жизнь так, как вы сами этого хотите. Казаки уже не будут вмешиваться в ваши дела. Они решили теперь устраивать только свою судьбу, и я надеюсь, что в Учредительном Собрании мы, казаки, пойдем вместе с вами, горцами. Просматривая программу вашего с'езда, я видел, что она мне не чужда. Вы намечаете земельный вопрос. Старый наболевший вопрос. Земли ваши, леса ваши, объявленные казенными, теперь, конечно, должны принадлежать вам, как исконным собственникам. Духовный вопрос, объявленный в программе с'езда не безизвестен мне—он затрагивался мною в Государственной Думе“.

С'езд принял конституцию „Союза объединенных горцев Кавказа“.

По принятой конституции Союз объединяет все горские племена Кавказа, а также ногайцев и туркмен, входя в свою очередь в Кавказский мусульманский союз.

С'езд высказался за необходимость федеративной демократической республики.

По земельному вопросу с'езд вынес следующую резолюцию:

„1. Чтобы все земли и леса, занимаемые горским населением: ногайцами, карачайцами и туркменами Терской, Кубанской и Дагестанской областей, Ставропольской и Черноморской губ., теперь же, не дожидаясь Учредительного Собрания, были признаны собственностью перечисленных племен.

2. Чтобы земли, леса и воды, отнятые казной у горцев и пр. народностей, входящих в состав союза объединенных горцев, были немедленно возвращены сим народам.

3. Чтобы все свободные земли крестьянского поземельного банка в пределах территории горского населения и смежных с ней поступили немедленно для обеспечения землею безземельных и малоземельных горцев и пр. народностей, вступивших в союз объединенных горцев“.

(„Первый Горский С'езд.“ Отчет Сост. Б. Долгат, 1917 г.).

Кроме того, с'езд постановил ввести шариатские суды и учредил должность муфтия С.-Кавказа, избрав муфтием Нажмуддина Гоцинского.

На съезде был избран Центральный комитет союза горских народов Северного Кавказа, в который вошли Кабарда, Осетия, Ингушетия, Чечня, Карачай, Черкесия и Дагестан.

Главными деятелями этого Союза горских народов являлись князь кумыкский Рашид-хан Капланов, миллионер-нефтепромышленник Тапа Чермоев, Коцев и другие.

Национальная и земельная чересполосица на Тереке давала достаточно оснований для столкновений. Национальное угнетение при царизме, орудием которого являлось казачество, спланивало после Февральской революции горские народы вокруг наиболее влиятельных родов, буржуазной интеллигенции и духовенства, которые являлись выразителями национальных устремлений горских народных масс. Религиозный фанатизм, разжигаемый муллами и шейхами, объединял мусульманские народы Северного Кавказа и противопоставлял их русским, прежде всего, конечно, казачеству.

Организовались на национальной основе и степные кочевники.

10 (23) апреля съезд представителей калмыцкого народа на Дону принял резолюцию: „1) установить в России демократическую республику при единой палате; 2) просить Временное Правительство иметь от калмыцкого народа представителя в Учредительное Собрание; 3) признать, что всякая нация имеет право на политическое и национально-культурное самоопределение“.

У туркмен власть перешла в руки родовой знати, с территории туркмен были выселены чиновники, учителя и даже учащиеся средних учебных заведений.

Таким образом, к июльским дням уже обрисовались в значительной мере те силы, которые должны были столкнуться в Октябре.

От июльских дней на Северный Кавказ докатилась прежде всего грязная пена клеветы и ненависти к большевикам. Пролетариат Северного Кавказа, окруженный со всех сторон враждебно настроенным казачеством или распыленный по станицам, где клочкотала глухая сословная вражда, где иногородное население еще не закрепило за собой политических прав—был поставлен в очень сложные и тяжелые условия. К тому же почти всюду на Северном Кавказе существовали объединенные с.-д. организации. На Дону самостоятельные большевистские организации существовали лишь в Ростове и Александрово-Грушевске, в Кубанской области наиболее крупная большевистская организация находилась в Екатеринодаре. О соотношении сил между меньшевиками и большевиками можно судить по представительству на Северо-Кавказском Объединенном съезде РСДРП, открывшемся в Пятигорске 4 (17) августа, где из 24 делегатов было 14 меньшевиков, 9 большевиков и 1 интернационалист.

На этом съезде большевики огласили следующее заявление: „Мы поставили непременным условием объединения постановления конференций нашей фракции, признавшей возможным объединиться только с последовательно интернационалистическими течениями социал-демократии, при полном разрыве их с так называемым революционным оборончеством. Ввиду непринятия наших условий, мы не считаем возможным принимать дальнейшего участия в работе съезда“. После оглашения этого заявления большевики ушли со съезда.

Июльские события нашли живейший отклик в большевистских организациях Края, 16 (29) июля общее собрание Ростово-Нахичеванской организации одобрило деятельность Петроградской большевистской организации, взявшей на себя руководство стихийным движением рабочих масс 3—5 июля и вынесло протест против грязной клеветы;

екатеринодарские большевики 9—22 июля организовали демонстрацию сочувствия событиям в Петрограде. Отдельные выступления были по всему Краю.

На Северном Кавказе июльские дни точно также послужили толчком к консолидации контр-революционных сил. Переход власти в руки Кавеньяков здесь существенно облегчался тем, что в трех областях—Донской, Кубанской и Терской гражданская власть и военная сила были и до этого времени сосредоточены в руках казачества, точнее—в руках казачьих атаманов, опиравшихся до возвращения фронтовиков на забитых военной муштрой стариков-казаков. Настал момент, когда буржуазии потребовалась та помощь, которую от имени казачества обещал на казачьем с'езде 8-21 июня представитель Кубани известный мракобес Макаренко, угрожавший врагам тыла нагайкой.

На Северном Кавказе буржуазии не надо было отдавать власть в руки Кавеньяков. Реальная власть и до этого времени находилась не у гражданских исполнительных комитетов, а у казачества. Еще задолго до июльских дней—10-23 июня Войсковой Круг на Дону постановил отозвать из Донского Исполнительного Комитета казаков и взять управление всей гражданской и военной частью „касающейся казачьего населения области“, т. е. по существу реставрировать дореволюционную систему управления, при которой иногородные не пользовались никакими правами. На Кубани точно также Войсковой Совет постановил 4-17 июля ликвидировать Областной Исполнительный Комитет и Областной совет, передав власть войсковому правительству. Это постановление было санкционировано Временным Правительством, которое, таким образом, обратило иногородное население Кубани „в первобытное состояние“. Реализуя обещания Макаренко, Керенский 6 (19) июля предложил Каледину „всеми имеющимися средствами охранять порядок в Донской области, не допуская противоправительственных выступлений, вооруженных демонстраций и открытого неповиновения...“. Таким образом, были восстановлены полицейские обязанности казачества и „демократия“ оказалась под сапогом атаманов.

Войсковой Круг Терского казачьего войска 5-18 августа постановил ходатайствовать о введении военно-революционных судов и смертной казни, подчинить все казачьи строевые части, находящиеся в Терской области, только атаману, предоставив ему чрезвычайные полномочия.

Оказавшись между молотом и наковальней, между революцией и контр-революцией, эсеры и меньшевики самоопределились в лагере контр-революции. Несмотря на лишение подавляющей массы населения казачьих областей самых элементарных прав, эсеры и меньшевики отдали Кавеньякам-Калединым даже буржуазную демократию. Соглашательские советы, не выражавшие воли масс, под давлением меньшевиков и эсэров принимают резолюции с осуждением попытки большевиков „захватить власть в свои руки“ (Екатеринодар), предавая в то же время пролетариат Калединым. Контр-революция обрушилась на большевистские организации Края. Запрещаются митинги и собрания на улицах (Ростов, Новороссийск), поднялась травля большевиков, начались разгромы партийных комитетов (Ростов, Екатеринодар) и, наконец, аресты и преследования. В Екатеринодаре собрание воинских депутатов состоявшее из тыловиков и офицерства, постановило закрыть большевистскую газету „Прикубанская Правда“, а работники редакции (Зенкевич и другие) были арестованы. Одновременно начались обыски. В Грозном 4 (17) августа контр-революционное

казачество под командой есаула Медяника разогнало Исполнительный Комитет Совета и приступило к разоружению революционного 21 полка; рабочие-большевики увольнялись и выселялись из квартир. Ставропольские большевики буквально были загнаны в подполье. Контр-революция торжествовала победу. Но эта победа была недолговечной. Волна экономических забастовок, прокатившаяся в июле по всему Краю, под'ем крестьянского движения свидетельствовали о нарастании недовольства и революционном под'еме масс. Однако, большинство в советах принадлежало меньшевикам и эсерам, тормозившим нараставшее движение. Июльские дни, толкнувшие меньшевиков и эсеров в лагерь врагов революции, еще не открыли массам глаза на их предательство. Это сделала корниловщина.

Во главе казачьей контр-революции стоял, организованный в июне, Совет союза казачьих войск, в порочный круг контр-революции были втянуты казачьи области и фронтовые казачьи части. Наконец, в августе был заключен блок с кадетами. 6 (19) августа на Дону малым войсковым кругом были приняты условия, предложенные кадетами, и намечены кандидаты в Учредительное Собрание. Это подтвердил в своей последней речи на малом войсковом круге в феврале 1918 М. Богаевский.

Смысл этого блока заключался в заговоре против революции. По словам Деникина („Очерк русской смуты“, т. II, стр 28), главный комитет офицерского союза, поставивший своей целью подготовку почвы для создания военной диктатуры, находился в оживленных отношениях с Советом союза казачьих войск.

В начале августа ординарец Корнилова Завойко был послан к Каледину с приказом от Корнилова, план которого о захвате власти был уже тогда составлен, и во время Государственного совещания в Москву двигались казачьи полки (Вера Владимировна „Корниловщина“, стр. 57).

На государственном совещании Каледин выступил с требованиями военной клики.

„Сохранение родины,—говорил он,—требует, прежде всего, доведения войны до победного конца в полном единении с нашими союзниками... Пораженцам не должно быть места в правительстве. Для спасения родины мы намечам следующие меры:

1. Армия должна быть вне политики. Полное запрещение митингов и собраний с партийной борьбой и распрями.

2. Все советы и комитеты должны быть упразднены как в армии, так и в тылу, кроме полковых, ротных, сотнических и батареинных, при строгом ограничении прав обязанностей в области хозяйственных распорядков.

3. Декларация прав должна быть пересмотрена. В дополнении к декларации указаны обязанности. Дисциплина в армии должна быть поднята и укреплена самыми решительными мерами. Тыл и фронт—единое целое, обеспечивающее боеспособность армии. Все меры, необходимые для укрепления дисциплины на фронте, должны быть применены в тылу.

4. Дисциплинарные права начальствующих лиц должны быть восстановлены. Вождам армии должна быть предоставлена полная мощь. Расхищению государственной власти центральными и местными комитетами и советами должен быть немедленно и резко поставлен предел. Необходимо принять самые строгие меры к прекращению самочинных действий всевозможных комитетов, нарушающих твердый порядок землепользования... Местом созыва Учредительного Со-

братия должна быть Москва"... (Вера Владимировна, „Корниловщина“ стр.—87—88).

В своих воспоминаниях начальник штаба Корнилова, генерал Лукомский, пишет о Корнилове; „в бытность в Москве он виделся с Донским атаманом Калединым, с председателем Государственной думы Родзянко и с представителями различных общественных организаций и политических партий. Разговоры с ними его убедили, что требования, им предъявляемые, будут поддержаны и укрепили в нем уверенность его решений“ (Ген. А. С. Лукомский, „Воспоминания“, т. 1, стр. 231.)

Эта поддержка выразилась в предоставлении Корнилову казачьих частей, в мобилизации казачьих окраин—Дона, Кубани и Терека и, наконец, в поддержке Совета союза казачьих войск.

Военными частями, на которые хотел опереться Корнилов, являлись казачьи части и Кавказская туземная дивизия, развернутая в корпус. 29 августа (11 сентября) на путях к Петрограду были сосредоточены части Туземного корпуса, Уссурийской дивизии и 1 Донской дивизии. Кроме того, по словам Деникина, можно было использовать для Москвы Донскую дивизию, направленную по требованию ставки с Дона через Москву в Финляндию, и Кубанскую бригаду, стоявшую между Выборгом и Петроградом. Черкесский и ингушский полки даже вступили в перестрелку с войсками Керенского.

Участвуя в заговоре Корнилова, Каледин производил на Дону стратегические передвижения казачьих частей, стягивая войска к Новочеркасску и по линии железной дороги Лихая—Царицын, где казаки захватили станции. На Дон стягивались эшелоны с Кавказского фронта, и казакам были выданы боевые патроны.

Каледин раз'езжал по Донской области, агитируя за Корнилова и распространяя воззвания. Так, 28-го августа он был в Урюпине, 29—в Царицыне. По воспоминаниям участников событий того времени, Каледин заявлял казакам, что в Петрограде вырезаны 1 и 4 казачьи полки и призывал казаков к борьбе с иногородным населением.

Когда Корнилов был смещен Керенским с должности верховного главнокомандующего, он 9-го сентября обратился к Каледину со следующей телеграммой: „Я смещен с должности главковерха, на мое место назначен Клембовский. Я отказался сложить с себя обязанности главковерха. Деникин и Валуев идут со мной и послали протест Временному Правительству по поводу моего смещения. Если вы поддерживаете меня своими казаками, телеграфируйте об этом Временному Правительству“ (Гессен, „Архив русской револ.“, т. 2, стр. 1).

В ответ на эту телеграмму Каледин 10-го сентября предложил по телеграфу Керенскому принять условия Корнилова, угрожая в противном случае отрезать Москву от снабжающего ее юга. Однако, как мы увидим дальше, казачья масса далеко не сочувствовала авантюре Каледина, а пролетариат Донской области прилагал все меры к тому, чтобы парализовать деятельность Каледина, не допуская передвижения войск и угоняя поездные составы. За самим Калединым была послана погоня, но ему удалось скрыться.

Совет союза казачьих войск, принимавший участие в заговоре Корнилова, после того как Керенский опубликовал 10 сентября о восстании Корнилова, прилагал усилия к тому, чтобы локализовать последствия неудачной авантюры. Об этом писал Караулов в своем воззвании к Терскому войску: „Совет казачьих войск,—писал он,—предложил свои услуги Временному Правительству для предотвращения братоубийственного столкновения, настаивая на необходимости переговорить

непосредственно с Корниловым, дабы путем откровенного разговора с обеими сторонами предотвратить дальнейшее развитие запутавшейся „авантюры или рокового недоразумения“, как охарактеризовал А. Ф. Керенский всю обстановку дела в разговоре со мной. Дутовым и Анниковым в 1-2 часа ночи 29 августа (11 сентября)“. На запрос представителя Петроградского совета о позиции Совета союза казачьих войск, последний ответил: „казаки стоят только за отечество и, не желая его гибели в гражданской войне, участия не будут принимать ни с той ни с другой стороны“ (Лукомский, т. 1, стр. 252).

Однако, Совет союза казачьих войск далеко не выражал воли всего казачества. В № 187 „Известий ЦИК'а и Петроградского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов“ было напечатано следующее воззвание полкового комитета 32-го казачьего полка ко всем казакам: „Генерал Корнилов, опираясь на помещичьи крупно-буржуазные классы и рассчитывая на поддержку казачьих войск, выступил против революции. Корнилов имел право рассчитывать на казаков, так как на Московском совещании генерал Каледин от имени всех казачьих войск требовал разгона советов и комитетов, Корнилов ошибся: казаки, узнав об истинной цели корниловского похода, перешли на сторону Временного Правительства. Донцы и уссурийцы громко сказали, что лишь через их трупы возможен возврат к прошлому. Но клич не был услышан на Дону. Войсковой Круг, отвергая русскую демократию, собирается выступить на выборах в Учредительное Собрание с помещиками и промышленниками: партией народной свободы.

Мы, казаки фронта, в частности 32-й Донской полк, протестуем против действий Войскового Круга. Трудовое казачество остается верным заветам революции“.

В Донской области связь Каледина с Корниловым для казачества оставалась тайной. Хорунжий Мамонов, указавший на эту связь в сентябре, на Большом Войсковом Круге был за большевизм лишен казачьего звания. Так же поступили казачьи верхи с под'есаулом Кононовым, сделавшим казакам 44-го полка доклад о корниловщине. Многие казачьи части, в том числе и стоящие по линии Лихая—Царицын, выразили преданность Временному Правительству. Казаки гарнизона ст. Каменской, казаки 2-го Донского отдельного батальона в ст. Чир, полковые комитеты казачьих частей Новочеркаска вынесли резолюцию протеста против действий Каледина.

У рядового казачества авантюра Каледина не только не встретила сочувствия, но, наоборот, послужила толчком к революционизированию казачества. Корниловские дни наметили трещину между рядовым казачеством и казачьим дворянством.

Корниловщина была ликвидирована. Керенский сам назначил себя верховным главнокомандующим, вручив фактическую власть начальнику штаба генералу Алексееву, который в конце-концов вместе с „быховским узником“, Корниловым, оказался на Дону и положил начало Добровольческой армии. Центр тяжести контр-революционной борьбы был перенесен из Ставки на Дон, и Корнилов с Алексеевым пришли на помощь Каледину.

Несмотря на приказ Верховского, а затем Керенского об аресте Каледина, Войсковое Правительство отказалось исполнить этот приказ, мотивируя свой отказ тем, что Каледин должен дать отчет Войсковому Кругу. Временное Правительство пошло на уступки. 4-17 сентября Керенский потребовал явки Каледина в Могилев для личных об'яснений, но Войсковое Правительство в свою очередь потребовало от Временного Правительства „прекращения всяких провокационных выступлений“

С 5-18 по 14-27 сентября заседал Большой Войсковой Круг. Отрицая свое участие в мятеже Корнилова, Каледин заявил Кругу, что „Временное Правительство является плоть от плоти и кровь от крови Совета Рабочих и Солдатских Депутатов“. Круг отверг предложение Мазуренко о подчинении Каледина суду и, перейдя в наступление, потребовал привлечения к суду Верховского и Керенского. 10-23 сентября Круг вынес Каледину доверие, переизбрал его атаманом. Чрезвычайная следственная комиссия Шабловского, которой было поручено расследование, точно также вынесла постановление о непричастности Каледина к Корниловскому мятежу, и Каледин снова вступил в исполнение обязанностей атамана.

В то время, как в центре России контр-революционная волна пошла на убыль, на Северном Кавказе создалось другое положение. Новая полоса контр-революционного движения началась под лозунгом „оздоровления России с окраин“. Эту мысль высказал на заседании открывшейся 24 сентября—7 октября Кубанской Войсковой Рады член Совета союза казачьих войск Новосильцев. „... При создавшемся положении,—сказал он,—создать государственную власть в России невозможно. Власть должна быть создана в провинции, в областях, а уж отсюда она направится к центру и там образуется. Необходимо провести в жизнь, быть может, суровые и жестокие меры, но только это может спасти страну от гибели“. (Г. Ладоха. „Очерки гражданской войны на Кубани“, стр. 53). Таков был новый план контр-революции, избравшей опорным пунктом Область Войска Донского. Официальная статистика, запутывавшая сословными перегородками самые простые вопросы, затемняла тот факт, что в Области Войска Донского казачье дворянство и помещичье землевладение занимали значительное место. Удельный вес казачьих дворян и чиновников среди казачества здесь был выше, чем на Кубани, а помещичье землевладение, включая участки Донского частного коннозаводства, которые лишь формально причислялись к войсковым землям, занимало почти двадцать пять процентов всей земельной площади, кроме войскового запаса. Интересы этого дворянства теснейшим образом были связаны с интересами помещичьей царской России, и попытка использования казачества против революционного движения являлась продолжением традиционной политики царизма.

Казачье дворянство говорило от имени всего казачества, вовлекая его в новую авантюру. Точка зрения царизма на казачество была усвоена и союзниками. М. Левидов в своей книге „К истории союзной интервенции в России“ передает со слов американца Вильяма Харда замечание английского генерала Нокса, сказанное им полковнику Робинсу. „Необходима военная диктатура, необходимы казаки; этот народ нуждается в кнуте. Диктатура, это—как раз то, что нужно“—сказал Нокс. (стр. 9). Английский посол Бьюкенен, вместе с Советом союза казачьих войск, пытавшимся примирить Керенского с Корниловым, заявил в октябре делегации донского казачества, что „Англия высоко ценит заслуги казачества“... (Рябинский. „Революция 1917 г.“, т. V, стр. 98). Но казачество не оправдало, как мы увидим дальше, надежд Бьюкенена, а русский народ далеко не так любит кнут, как предполагал генерал Нокс.. За десять лет Англия в этом, вероятно, убедилась.

И мы видим, что еще задолго до Октябрьской революции правящие круги казачества вступают на путь отторжения казачьих областей от России. Втянуть казачество в союз со всей отечественной контр-революцией под лозунгом „оздоровления России с окраин“ было тем

легче, что революция угрожала своеобразной казачьей „муниципализации“, то есть обособленности казачьих областей от „иногородной“ России, а также тем сословным перегородкам, которые еще держались в казачьих областях и были мыслимы лишь в царской России.

Вопрос об уничтожении сословий поднимали с самого начала революции все крестьянские и иногородные съезды, но даже буржуазная демократия наталкивалась здесь на упорное сопротивление казачества, которое до возвращения с фронта молодежи крепко держалось за старые традиции и в конечном счете, если посмотреть глубже за отсталые формы хозяйства, за развалившуюся общину, за эксплуатацию иногородных путем отработок и испольщины, за свой земельный „пай“ и за возможность перекладывать всю тяжесть общественных расходов на плечи иногородных.

Состоявшийся в сентябре в Екатеринодаре съезд Донского, Кубанского и Терского казачьих войск определенно стал в оппозицию к Временному Правительству и вступил на путь „самоопределения“. „Заслушав опубликованное в газете „Русское Слово“ I-X письмо Совета союза казачьих войск на имя министра председателя Керенского, — гласит резолюция съезда, конференция представителей казачьих войск Донского, Кубанского и Терского с болюю в сердце лишний раз убеждается, что отношение Временного Правительства к казачеству на началах подозрения, недоверия и запугивания... Предпринимаемые Временным Правительством шаги по отношению к казачеству указывают на стремление Правительства к уничтожению казачьей самобытности и сведению роли казачества на степень простой вооруженной силы в руках государственной власти“.

...„Казачество, вынашивавшее мысль о великой неделимой Российской федеративной демократической республике и надеявшееся совместно со всеми народами России осуществить эту мысль через Учредительное Собрание, ныне вышеизложенным актом Временного Правительства поставлено перед совершившимся фактом—перед провозглашением страны республикой без упоминания, что республика демократическая и федеративная“ (Ладоха, стр. 50-51).

С внешней стороны дело представляется так, что казачество является более демократичным чем Временное Правительство, и именно в силу того, что республика не объявлена демократической и федеративной, занимает по отношению к Временному Правительству открыто враждебную позицию. Но суть дела не в этом. В середине сентября съезд Кубанского Войскового совета отверг идею даже совещательного органа при участии иногородного населения, при чем Рябовол и Филимонов в своих речах вскрыли истинную суть казачьей „демократии“, а суть заключалась в том, что „земельные программы всех существующих партий в отношении Кубани неприменимы. Необходимо найти собственные пути для разрешения наболевших вопросов“.

(Ладоха, там же, стр. 51).

Вскоре после этого Кубанская Войсковая Рада приняла „временные основные положения“ о высших органах власти в Кубанском крае, по которым, Кубанский край признавался равноправным членом союза народов, законодательная власть переходила в Краевой Раде, а исполнительная — к атаману и Войсковому Правительству. Коренным жителям в составе правительства было представлено всего три места. Большой Войсковой Круг на Дону в сентябре точно также вынес резолюцию о федеративном устройстве Дона и всей России.

В порочный круг контр-революции были вовлечены и горские народы. Еще в июне была созвана в Новочеркасске конференция для

объединения казаков, горских и степных народов. Созванная в Екатеринодаре с 3 по 8 октября нов. ст. конференция казачьих войск и горских народов Северного Кавказа по вопросу о государственном строе в России вынесла резолюцию о федеративном устройстве Российской демократической республики и образовании союза Юго-Восточных федеративных областей.

Если от имени казачества говорило и действовало казачье дворянство, то это же самое мы наблюдаем и у горцев, судьбы которых вершили князья, вместе с туземной буржуазией.

В сентябре во Владикавказе состоялся второй Съезд союза горских народов Кавказа и Дагестана, принявший основы государственного устройства горцев с автономией для каждого народа, двухпалатной системой, при чем одна из палат была основана на принципе национального представительства.

В этот союз были вовлечены и калмыки, которых „найоны“, вместе с „корпорацией молодой калмыцкой интеллигенции“ отдали в руки казачьих верхов.

Объединение казачьего дворянства горских феодалов и представителей горской буржуазии закончилось образованием „Юго-Восточного союза казачьих войск, горцев Кавказа и вольных степных народов“, договор о котором был подписан 20 октября по ст. ст. в Екатеринодаре. В этот союз входили: казачьи войска—Донское, Кубанское, Терское, Астраханское—и союз горцев Кавказа, объединяющий все народы Дагестана, Закавказского, Терского, Кубанского края и Сухумского округа, а также степные народы Терского края и Ставропольской губернии—ногайцев, караногайцев и туркменов. Целью союза помимо „достижения скорейшего учреждения Российской демократической федеративной республики и признания членом союза отдельными ее штатами“, а также защиты прав союза „политическо-земельных“ и т. д., мы находим центральный пункт о „борьбе с анархией“.

О целях „Объединенного правительства Юго-Восточного союза“ в договорах мы читаем:

„Ст. 5. Союз ставит своей целью:

а) достижения скорейшего учреждения Российско-Демократической Федеративной Республики с признанием Членов Союза отдельными ее штатами;

б) всемерную поддержку других народов и областей, стремящихся к устройству Государства Российского на федеративных началах, и установления с ними связи и соглашения;

в) стремление к образованию твердой и авторитетной демократической государственной власти, опирающейся на все живые силы национальностей и территорий страны и свободной от давления безответственных организаций;

г) содействие центральной государственной власти в борьбе с внешним врагом и в заключении достойного мира на основах самоопределения народов, в установлении в стране правопорядка и в борьбе с анархией и контр-революцией;

д) гарантию полной самостоятельности и независимости членом союза в отношении их внутренней жизни;

е) содействие членам союза в подготовке в реорганизации внутренней жизни их, как штатов будущей Российской Федерации;

ж) защита прав членом союза: политических, земельных, культурно-экономических и национальных, а также урегулирование земельных отношений между членами союза;

з) согласование и объединение мер к обеспечению порядка и спокойствия на территории членов союза;

и) улучшение благосостояния членов союза и содействие им в деле обеспечения населения предметами первой необходимости;

к) осуществление при взаимной поддержке всех других, непротиворечащих целям союза, задач, выдвигаемых жизнью и политическим моментом“.

Создавая этот союз, казачье дворянство готово было принести в жертву во имя своего спасения горские народы, но для концентрированной российской контр-революции казачество являлось лишь средством к созданию Добровольческой армии, породившей деникинщину. Генерал Алексеев в своем письме 27-го января (9 февраля) 1918 года, перехваченном в Миллерово Донским Военно-Революционным Комитетом, писал: „Донская область была избрана мною для формирования добровольческих частей, как территория, достаточно обеспеченная хлебом и входящая в состав, казалось, очень сильного своими средствами и своим богатством Юго-Восточного союза.“

Казалось, что эта мощная политическая организация защитит без труда свою самостоятельность от большевизма. Я предполагал, что при помощи казачества, мы спокойно создадим новые прочные войска, необходимые для восстановления в России порядка и для усиления фронта. Я рассматривал Дон, как базу для действия против большевиков, зная, однако, что казаки сами не желали идти вперед для выполнения широкой государственной задачи водворения порядка в России. Но я поверил в то, что собственное свое достоинство и свою территорию казаки защищать будут и тем обеспечат безопасность формирования и время для обеспечения новых войсковых частей, но я ошибся“ („Пролетарская революция на Дону“, сборник 4-й, стр. 227-228).

После Октября Совет союзов казачьих войск находился, по словам Деникина („Очерки Русской смуты“, т. II, стр. 137), в сношениях с Корниловым, заключенным в то время в Быхове. Последний в своем письме к Духонину, принявшему на себя верховное командование, рекомендовал „установление прочной связи и точного соглашения с атаманами Донского, Терского и Кубанского войск“...

Но судьбу Северного Кавказа решали не казацки атаманы и не горские князья. Навстречу контр-революционной волне поднимался революционный шквал.

В Ростове к моменту выступления Корнилова Совет Рабочих Депутатов находился в руках меньшевиков. Меньшевиками и эсерами был организован „Комитет спасения революции“, который С. Сырцов в своих воспоминаниях („Пролетарская революция на Дону“, сборник 1, стр. 47) называет „образцом дряблости и трусости“. Меньшевистский совет расхрибался до того, что принял даже резолюцию об устранении комиссара Временного Правительства кадета Зеелера, но эта резолюция не была удовлетворена. Корниловщина всколыхнула рабочие массы Ростова, близость Новочеркасска создавала Ростову непосредственную угрозу со стороны контр-революции. В этот период усилилась работа большевистской организации по созданию Красной гвардии, стало добываться оружие. Этот период в настроении масс отразился на перевыборах в Советы, состоявшихся после Демократического совещания в Питере. Большевистская фракция стала наиболее многочисленной фракцией Совета, хотя вместе меньшевики и эсеры все же составляли большинство.

Как известно, корниловщине сопутствовал саботаж промышленников. В Донецком бассейне к началу августа было закрыто 77 пред-

приятный. Предприниматели не церемонились с рабочими. На Парамоновском руднике рабочим в начале октября было отказано в продуктах и платеже за то, что они прогнали с железнодорожной ветки парамоновского агента. На Гончаровском руднике Гончаров бежал, захватив с собою кассу („Пролетарская революция на Дону“, сборн. 4, стр. 112).

9-22 октября делегация горнорабочих Таганрогского округа и Донецкого бассейна потребовали от ЦИК'а Советов удаления введенных в конце сентября казаков. Здесь действовал известный позднее своими зверствами Чернецов. ЦИК постановил поддержать требование рабочих и Временное Правительство командировало в качестве комиссара представителя министерства торговли и промышленности Орлова, против чего протестовал представитель Донского Казачьего Войска. 10-23 рабочие Донецкого бассейна забастовали, требуя удаления казаков.

Корниловщина революционизировала рабочие массы. 11-24 сентября Совет Рабочих Депутатов Хрусталинского горного района, Донской области постановил всю власть передать Советам („Вестник Труда“, 1917 г., № 40). В Александро-Грушевске Совет Рабочих и Солдатских Депутатов вынес резолюцию с приветствием Голубову. 1-14 октября общее собрание рабочих и служащих Изваринского рудника приняло резолюцию об отобрании земель, о рабочем контроле, о прекращении войны и передаче власти Советам.

В Азове и Таганроге начались „беспорядки“ на почве продовольственного кризиса и дороговизны. 6-19 октября рабочие кожевенного завода в Таганроге вынесли резолюцию об организации рабочих дружин и 7-20 октября на крупнейшем Балтийском заводе при выборах в Совет большевики получили из 14 мест 9.

Еще задолго до официальной даты октября власть в Донецком бассейне переходит к Советам, идет вооружение рабочих, создается Красная гвардия. В сентябре в Ханжонкове власть переходит к рабочим. Эти рудники меньшевики называли „анархическими“, потому что рабочие совершенно не подчинялись распоряжениям Временного Правительства и фактически захватили власть, но не было опытных партийных и профессиональных работников. В Миллеровском районе, где были сосредоточены казачьи части, в середине октября Гражданский комитет заканчивал свое существование и Совет Р. К. и К. Депутатов без особой борьбы почти фактически руководил работой.

В Екатеринодаре вскоре после Корниловского восстания начальник милиции Выдра разгромил партийный комитет. Тогда Совет решил ходатайствовать перед Краевым Советом (в Тифлисе) о присылке воинской части для защиты от казачьей контр-революции. В Екатеринодаре обосновался отдельный артиллерийский дивизион, во главе с большевиком Колпа. Воспользовавшись убийством казачьего офицера Орлова, войсковой атаман Филимонов на гарнизонном собрании пытался восстановить против артиллеристов казачьи массы и предлагал артиллеристам разоружиться. Но Филимонову не удалось этого сделать, так как большевики (Ел. Полуян и др.) его разоблачили. Дивизион был впоследствии единственной опорой и надеждой большевистской организации. Кубанская организация к Октябрьской революции вела за собой огромные массы сочувствующих. При перевыборах Совета в 20 числа октября большевики получили большинство и председателем исполкома был избран большевик т. Янковский.

Состояние Новороссийской организации к моменту Октября было, примерно, таковое же, как и на Кубани. Руководителем организации

был тов. Яковлев. Какой бы то ни было системы работ, по словам работников того времени, не было. О количестве членов к октябрю говорилось: „все рабочие с нами“, „левые эсеры, во главе с Серадзе, своей организации фактически не имели и тянулись к большевикам. Хотя в воинских частях Новороссийска работа была слаба, но это обстоятельство, как видно из воспоминаний участников революционной борьбы в Новороссийске, не послужило впоследствии препятствием к захвату власти Советом.

О настроении масс свидетельствует тот факт, что в августе 1917 г. делегатам Новороссийского Совета был вручен наказ, гласивший: „вся власть Советам, а земля трудовому крестьянству без всякого выкупа“ (Восп. Митусова. Рукопись. С.-К. Истпарт).

Иная обстановка сложилась к Октябрьскому перевороту в Терской области, где пылал пожар национальной вражды, усиленно подогреваемый шейхами и муллами, с одной стороны, и казачьими верхами, во главе с Карауловым,—с другой. В Грозном большевистская организация с трудом оправилась от гонений, которым она подверглась после июльских дней. По словам т. Ионисиани („Советский Юг“, 1923 г., № 571), многие товарищи не выдержали испытаний и вышли из партии. Несмотря на это, к октябрю 1917 г. в организации входило до 250 членов. Отрицательной чертой большевистской организации Грозного, выделившейся в самостоятельную организацию в апреле-мае 1917 г., являлась недостаточная работа в рабочих массах. Главное внимание уделялось воинским частям. Сначала опорой большевиков был 21 пехотный полк, но полку сначала предложено было отправиться на фронт, когда же он отказался это сделать, то по приказу Грозненских „нефтяных королей“, полк был ночью окружен казаками с пулеметами, разоружен и расформирован. Одновременно таким же путем был разогнан и эсеровско-меньшевистский совет. После этого работа была сосредоточена в III запасном полку и 252-й Самарской дружине, которые сплошь становятся большевистскими. О переломе в настроении рабочих масс свидетельствует тот факт, что при третьих пере выборах Совета в октябре 1917 г. победа досталась большевикам, тогда как при первых двух выборах рабочие шли за меньшевиками и эсерами. Точно также довольно успешно были проведены кампании по выборам в городскую думу и Учредительное Собрание: гласными городской думы были избраны т. т. Ионисиани, Богданов и Осипов. В сентябре была созвана первая партийная конференция Терской области, на которой присутствовали т. т. Ной Буачидзе, Киров и др.

Надо заметить, что к этому времени в Грозном, а также во Владикавказе и Пятигорске были сосредоточены части Туземной дивизии, той самой Туземной дивизии, которая была направлена Корниловым на Петроград, а затем по просьбе Горского национального комитета, *отправлена в Терскую область. Об этой дивизии Краснов сказал: „туземцам все равно куда идти и кого резать“* (Вера Владимировна. „Контр-революция в 1917 г. „Корниловщина“, стр. 136). Эта дивизия впоследствии была использована в борьбе с революцией, в частности, в городе Грозном.

В Пятигорске большевистская организация к осени привлекла в свои ряды массу сочувствующих и вела за собой, стоявший в Георгиевске, 113-й запасный полк (впоследствии Пятигорская городская дума, во главе с городским головой эсером Л. Орловым, его распустила и солдаты „разбрелись по домам“).

Во Владикавказе, до Октябрьской революции существовала об'единенная социал-демократическая организация. И здесь точно также корниловские дни вызвали сдвиг в рабочих массах и отшатнули их от меньшевиков. Были даже попытки вооружения рабочих и железнодорожников. Деятельность владикавказских меньшевиков характеризует следующее заявление меньшевика Федорова, который во время всероссийской железнодорожной забастовки сказал рабочим: „Я говорю вам как представитель армии, что если вы остановите движение поездов, то не забудьте, что вы натолкнетесь на полтора миллиона солдатских штыков" („Советский Юг", 1923 г., № 571).

Владикавказ являлся центром Терской области, здесь находилось и Войсковое Правительство и Горский национальный комитет. По просьбе Горского национального комитета сюда были присланы части Туземной дивизии. После „чистки" Туземной дивизии от нежелательных элементов, Туземная дивизия превратилась в слепое орудие темных авантюристов, отодвинув даже на задний план Горский национальный комитет.

Иное положение сложилось к Октябрьской революции в неказачьих областях Края—Ставропольской и Черноморской губерниях. В Ставрополе, после корниловских дней численно слабые большевики снова появились на арене политической жизни этого мещанского города, где по данным Ставропольского архива („Борьба за власть в Ставрополе в 1918 году". Рукопись), существовал даже Совет Рабочих, Солдатских и Мещанских Депутатов. В октябре на с'езд Советов в Армавир Совет делегировал двух большевиков и одного меньшевика; руководство в Совете перешло, однако, не к большевикам, а к более революционно настроенным меньшевикам, которые хоть немного поднимались над уровнем мещанского болота. Параллельно с этим сдвигом в сторону революционирования рабочих, гарнизона и мелкой буржуазии, идет процесс естественного отмирания органов Временного Правительства и земства. Связь города с деревней порвалась, продовольственный кризис обострился, так как деревня ничего не давала городу.

По словам А. Пономарева, „Земские кассы оставались пустыми, царское чиновничество всех видов, после первых дней свободы, было дочиста и безболезненно выметено за деревенские околицы, а новые „республиканские" чиновники молчаливо терпели крестьянство постольку, поскольку оно бездействовало, являясь лишь символом власти. Если же демократическая интеллигенция всерьез бралась за дело управления в желательном для нее направлении, ей приходилось прибегать к военной силе также постольку, поскольку проявления твердой власти было доступно ее дряблой сердцевине, поскольку ей не грозило простое избиение со стороны грубой деревенской „черни" (Рукопись).

В Совете Солдатских Депутатов хозяйничало дивизионное офицерство и лишь после того, как в Ставрополь прибыл значительно позднее переведенный из Грозного за большевизм III запасный пехотный полк, большевики получили реальную силу. Агония власти Временного Правительства началась задолго до октября, поэтому Октябрьская революция не встретила в Ставропольской губернии сколько-нибудь серьезного препятствия со стороны буржуазии и со стороны „третьего элемента", заседавшего в земстве и городской думе. Ход событий здесь был своеобразен: солдатские массы и крестьянство оказалось целиком на стороне Советской власти и, не встретив почти никакого препятствия, произвели под руководством большевиков не революцию, а „реорганизацию" власти.

Особый интерес представляет развитие событий предшествовавших Октябрьской революции в Черноморской губернии, где в Туапсе власть перешла к Советам раньше, чем было свергнуто Временное Правительство в Питере, при чем переворот был произведен при полной поддержке черноморского крестьянства. Благодаря высокой организованности и пониманию задач момента, туапсинским товарищам, пережившим точно также июльскую травлю, удалось повести дело так, что меньшевистско-эсеровский Совет был изолирован от масс.

Рабочее ядро Туапсе—портовые рабочие, железнодорожники, цементные рабочие и солдаты железнодорожного батальона—были на стороне большевиков. Совет был завоеван и исполком оказался почти целиком большевистским.

Председателем Исполкома был избран большевик тов. Самарский.

Даже военная власть была в сфере влияния большевиков. На ряду с завоеванием рабочих и солдатских масс, туапсинская организация распространила свое влияние на крестьянство, установив связь с Лазаревкой, Джубгой, Архипо-Осиповкой, Пиленковой и другими пунктами, и создала, вслед за переизбранием Совета, Губернский Крестьянский съезд, на котором председателем Губернского Совета Крестьянских Депутатов был избран большевик Павел Самарский. В половине октября был созван второй Губернский Съезд Крестьянских Депутатов, принявший резолюцию о переходе власти в руки рабочих и крестьян и избравший на Всероссийский Съезд т. Стрелянова. На огромном, „всенародном митинге“ была вынесена резолюция о доверии большевикам и переходе власти к Советам.

„К 20-му октября,—пишет тов. Самарский („Октябрь на Кубани“), — т. е. ко дню Съезда Всероссийского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов, эсеровский комитет получил от своего центра телеграфное предписание организовать „Комитет спасения родины и революции“. К тому же времени мы получили от своего центра директивы организовать „Военно-Революционный Комитет“. Обе стороны стали готовиться к бою. Эсеры организовали боевую дружину человек в 300, на их стороне была батарея, пограничники, две казачьих сотни, один железнодорожный батальон и, конечно, офицерство. В ночь на 20-е октября было созвано объединенное заседание исполкома, представителей Гарнизонного комитета и частей гарнизона и рабочих организаций. На этом заседании был поставлен переход власти к Советам, но из тактических соображений—как дело более или менее отдаленного будущего. В ту же ночь был избран „большевистский штаб“ из товарищей Ковалева, Поярко, Нефедова, Некрасова и Самарского“.

В ночь на 2-е ноября 1917 года без единого выстрела был произведен переворот. Товарищи приписывают свой успех тому, что они успели предупредить события.

Таким образом, как в чисто рабочих районах—в Донецком бассейне, так и в тех крестьянских районах, где пролетариат был достаточно организован для того, чтобы распространить свое влияние на крестьянство и организовать его, Советская власть проросла еще до официальной даты Октябрьской революции.

В казачьих областях, где к Октябрьской революции „иностранное“ население было обращено в „первобытное“ состояние, т. е. лишено всех прав и надежды на получение земли, точно также копилась революционная энергия. В крестьянских областях Дона крестьяне в августе разрешают земельный вопрос революционным путем (Хутор Подку-

шевский) в сентябре захват земель крестьянами становится обычным явлением в Таганрогском округе. Однако, до Октябрьской революции шла лишь глухая вражда в станицах и хуторах между казачеством и иногородными. Настроение иногородного населения на Кубани отразил Областной Съезд иногородного населения, открывшийся вскоре после Октябрьского переворота.

11-24 октября на Дону областной комиссар Воронков просил министра внутренних дел „о прекращении деятельности земельных комитетов, являющихся, по его мнению, источником анархии, отбирающих земли не только у крупных, но даже у мелких собственников“. („Голос Донской Земли“, № 7, 1927 г. Мат. С.-К. Истпарта).

Необходимо еще остановиться на положении горцев к моменту Октябрьской революции. После февраля пришлось пожинать то, что было посеяно царским правительством. Февральская революция не внесла никаких существенных изменений в жизнь горцев, она лишь вскрыла национальный антагонизм и экономические противоречия на Северном Кавказе.

Национальная вражда прорывалась стихийно, примером чему может служить ингушко-казачья война. Казаки станиц Карабулакской, Троицкой и Слепцовской 6-го сентября напали на ингушей. В этот же день казаки станицы Сунженской, ныне села Ахки-Юрт, убили делегатов горских обществ, сел Мужич и Галашки, ехавших со съезда из Владикавказа домой.

Жители сел. Плиево в день нападения вечером открыли огонь по ст. Карабулакской, казаки ответили тем же.

„По всем аулам скакали всадники и звали всех, способных носить оружие, на бой,—описывает эти войны т. Хейр-Хаев. („Горский Вестник“, № 1, 1924 г. „История революции в Ингушетии“).—Со всех минаретов звучал протяжный клич муллы, зовущего на борьбу с насильниками-казаками. И шли все, горя желанием покончить с казаками Сунженской линии“. На третий день ингуши аулов Галашки и Мужич, делегаты которых были убиты казаками, бросились на ст. Фельдмаршалскую и сожгли ее.

Характерно, что 28-го июня 1863 года в докладной записке Лорис-Меликов писал: „В случае восстания первый напор чеченцев будет сильный и по всем вероятностям, они бросятся на наши наиболее слабые пункты 2 сунженского полка—Джалканская и Ухман-Юртовская и 2 Владикавказского—Датыхская, Фельдмаршалская и Ахунская“.

Лорис-Меликов не ошибся: станица Фельдмаршалская была уничтожена.

Наконец, 15-го сентября был созван во Владикавказе съезд казачества и ингушей, решивших заключить мир, при чем были приняты следующие условия: возместить убытки казакам сожженной ст. Фельдмаршалской, уничтожить корень вражды—грабежи и разбои, организовать смешанную охрану и т. д.

Если в казачьих областях еще до Октябрьской революции власть фактически была вырвана у Временного Правительства казачеством, то в горских областях хозяевами положения являлись горские националисты и клерикалы. В Дагестане, например, вождем являлся богатый скотовод имам Нажмуддин Гоцинский, избранный на съезде горцев, муфтием (духовным главой) Северного Кавказа и пользовавшийся огромным влиянием в Дагестане и на Северном Кавказе.

В сентябре 1917 года на сцене появляется Узун-Хаджи, ученый арабист, стремившийся к освобождению от русского ига, впоследствии пытавшийся создать в Чечне „шариатскую монархию“. Он занимает

с отрядом горцев-фанатиков Темир-Хан-Шуру, но вскоре покидает город из-за разногласия с Гоцинским.

К. Самурский в ст. „Гражд. война в Дагестане“ („Новый Восток“, 1923 г., № 3) приводит факт, характеризующий обстановку в Дагестане в конце 1917 года и в начале 1918 г. „побывавшие в Анди депутаты (на с'езде Н. Я.) рассказывают,—пишет он,—что там творятся такие вещи, коим нельзя поверить в 20-м веке, если не видеть все происходившее своими глазами. Имамом оказался житель села Гедо, Аварского округа Нажмуддин Доного Магомет-Оглы, или, как его называют теперь—Нажмуддин Гоцинский; кругом него море чалмоносных голов, кричащих, падающих, истеричных и чуть ли не целующих ноги Нажмуддина и требующих смерти всем, кто не признает имама“.

В своеобразных условиях горской действительности, дагестанские социалисты выдвинули на пост имама Дагестана более демократически настроенного Али-Хаджи-Акушинского, который впоследствии и поддерживал большевиков. Власть русских была устранена. В Дагестане борьба велась между горскими группировками задолго до Октябрьской революции, при чем наибольшее влияние на массы имели клерикалы. В то время, как на Дону, Кубани и на Тереке зарождалась казачье-феодалная контр-революция, в горах Дагестана и Чечни, зарождалась горско-клерикальная контр-революция, к которой примкнули частью мелко-буржуазные элементы. Надо заметить, что среди горцев Северного Кавказа и тесно связанного с ним Дагестана, большевики насчитывались лишь единицами; более или менее значительные большевистские организации существовали лишь в Грозном, Владикавказе и Пятигорске и в Осетии—партия „Кермен“, оформление которой относится к октябрю.

Летом 1917 года, по инициативе левых социал-демократов Мамсурова, Гибизова, Цаголова и С. Такоева возникла осетинская революционно-демократическая партия „Кермен“, сыгравшая значительную роль в руководстве горскими массами. „Кермен“ по дигорски, или „Чермен“ по иронски — имя одного легендарного героя родом из Куртатинского ущелья, который, будучи рабом и незаконнорожденным сыном от второй жены, простой крестьянки, одного привилегированного алдара из фамилии Тлатовых, восстал против всей фамилии и алдарства. Когда он уехал в „балс“ (набег), лучшие поля были поделены в его отсутствие между членами фамилии Тлатовых и вспаханы. Вернувшись, Кермен перепахал поперек Тагаурское поле, которое было без него запахано. Кермен боролся с фамилией Тлатовых и был убит, благодаря обману.

В этой легенде—все чаяния осетинской бедноты, стремящейся „перепахать“ поля помещиков и кулаков.

1-го октября того же года была принята следующая программа партии „Кермен“.

„Осетинская революционно-демократическая партия „Кермен“, принимая в основание своей программы великие начала, возведенные Российской революцией: свободу личности, освобождение земли, освобождение труда, самоуправление и братство народов,—партия ставит главной своей задачей осуществление этих начал в Осетии. Освобождение как личности, так земли и труда возможно только через народовластие, а потому партия будет добиваться полного осуществления этого принципа в жизни осетинского народа. Необходимым условием народовластия партия считает: 1) полную автономию Осетии, 2) пропорциональное представительство, избираемое путем всеобщего, прямого, равного и тайного голосования, без различия пола; 3) прямое

народное законодательство (референдум и инициатива); 4) выборность, сменяемость и подсудимость всех должностных лиц, не исключая судей и депутатов; 5) установление обязательного для всех общего бесплатного образования; 6) отделение церкви от государства и школы от церкви; 7) свободу совести и слова, неприкосновенность личности; 8) замена постоянного войска народным ополчением; 9) уничтожение частной собственности на землю (изъятие ее из товарного оборота) на следующих началах: а) являясь всеобщим достоянием, все земли без всякого выкупа поступают в заведывание центральных и местных органов народного самоуправления; за земли, приобретенные через крестьянский земельный банк и купленные до переворота, партия признает вознаграждение в размере, который будет установлен Учредительным Собранием; б) пользование землей должно быть уравни-тельно-трудовым; 10) мерилом всякой ценности должен стать свободный труд. Партия объявляет беспощадную борьбу всем врагам народо-властия, всем нахлебникам и холопам низвергнутого самодержавия“.

Партия всеми мерами будет искоренять,—говорилось в резолю-ции,—всякие посягательства на народную свободу, какими бы краси-выми фразами они не прикрывались. Путь трудящихся всего мира один: к любви и правде на земле через победу над эксплуатацией, насилием и рабством. На этот путь вступаем и мы со знаменем: „Свободный труд, свободная земля, свободный человек“. (Газ. „Красное Знамя“, № 66).

ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ.

Первый период гражданской войны на Северном Кавказе продолжался до 17-го марта 1918 года, когда в центрах Северо-Кавказского Края—Ростове, Екатеринодаре, Новороссийске, Ставрополе и на Тереке была провозглашена власть Советов.

Этот период представляет значительный интерес, так как борьба за Советскую власть развертывалась здесь стихийно, в своеобразных условиях, и протекала почти в полной оторванности от центра. Этот период носит на себе печать величайшего под'ема и самодеятельности масс, действовавших на девять десятых ощупью побеждавших не столько оружием, сколько энтузиазмом и строивших Советскую власть без каких бы то ни было руководящих указаний.

Ниже мы увидим какие формы принимала борьба за Советскую власть в зависимости от тех условий, какие существовали в казачьих, крестьянских и горских областях, как порой сама идея Советской власти искажалась под давлением мелко-буржуазной стихии или случайных на общем фоне революции факторов.

С первых же дней Октябрьской революции Северо-Кавказский Край был отрезан от остальной России сначала Калединым, затем после небольшого перерыва, германской оккупацией и Красновым, наконец, Деникиным. Таким образом, все события, развивавшиеся здесь с ноября 1917 года до начала 1920 г., в значительной степени носят самостоятельный характер.

Но и в пределах самого Края мы видим значительное различие в характере гражданской войны, в зависимости от социально-экономических предпосылок ее в пролетарских районах, крестьянских, казачьих областях и той части Края, где на первый план революцией был выдвинут национальный вопрос.

Даже поверхностное сравнение дат и форм переворота в Донской и Кубанской казачьих областях и неказачьих—Ставропольской и Черноморской губерниях говорит об этом характерном различии: на Кубани и на Дону Советская власть была провозглашена (в центрах) в первом случае 13-го марта, а во втором 24-го февраля 1918 года и при том после длительной вооруженной борьбы, в Ставропольской и Черноморской губерниях в центрах—в Ставрополе—в ночь на 1-14 января 1918 года, а в Новороссийске—14 декабря 1917 года и при том совершенно безболезненно, мирным путем.

Развитие событий на Тереке существенно отличается от положения в казачьих и неказачьих областях: национальный вопрос ложил здесь на борьбу свою печать и отразился на организации первой революционной власти, Терского Областного Народного Совета.

Остановимся сначала на неказачьих губерниях—Черноморской и Ставропольской.

Зачинателем Октября на Черноморском побережье явился пор-

товой город Туапсе, где Октябрьская революция предвосхитила свержение Временного Правительства в Петрограде.

Участники Туапсинского Октября причину успеха видят в том, что им удалось предупредить события. Это, конечно, так, но без огромной организационной работы, без опоры в массах эта победа была бы невозможна. В общем Октябрьский переворот в Туапсе, судя по описанию тов. Самарского, является образцом организованности, сплоченности и решительности.

Также безболезненно произошел переход власти к Совету и в Новороссийске. Огромную роль в Октябрьском перевороте в Новороссийске сыграл завод быв. „Беккер“, эвакуированный в Новороссийск из Ревеля (ныне „Судосталь“). По словам одного из новороссийских работников (тов. Бушко-Жук), этот завод стоял в центре рабочего движения и выдвинул целый ряд большевиков—Лучина, Краута и Кузьмина, имена которых связаны с революционной борьбой Новороссийска.

Мы уже описывали положение Новороссийской партийной организации, руководителем которой был Яковлев (убитый впоследствии в бою под Энемом). Организации в точном смысле не было, существовало лишь сознание того, по словам работников того времени,—что „все рабочие с нами“. Новороссийский Совет был наполовину меньшевистским (наиболее видные меньшевики того времени—Б. Прохоров и Солнцев), городская дума точно также находилась в руках меньшевиков и эсеров.

14-го ноября после получения известия об Октябрьской революции, городская дума организовала Революционный Комитет, с участием меньшевиков, эсеров и кадетов под председательством городского головы Вильнера.

По вопросу о взятии власти среди Новороссийских большевиков возникло разногласие: часть считала переворот невозможным, так как городская дума была меньшевистской и гарнизон был подготовлен, однако, большинство все же настояло на захвате власти.

Заседания исполкома устраивались каждый день. Между тем, комиссар Временного Правительства Н. Долгополов сделал распоряжение о переводе всех ценностей в контр-революционное гнездо—Екатеринодар. Однако, ценности были Советом задержаны, а Долгополов успел скрыться.

23-го ноября—6 декабря в Новороссийске открылся губернский съезд Советов, на котором произошел раскол. Большевики и правые эсеры ушли со съезда. Съезд вынес постановление о передаче власти в руки Совета.

В Исполнительный Комитет были избраны: Рубин (б)—зав. комиссариатом финансов, Михайловский (б)—земледелия, Лосев (б)—труда, Кириченко (внеп. соц.)—продовольствия, Яковлев (б)—административным, Языков (лев. с-р)—юстиции, Худанин (б)—призрения, Рено (б) народного просвещения, Серадзе (лев. с-р)—воен.—морскими делами, Усакин (б)—статистики.

Был создан Революционный Комитет, куда вместе с большевиками вошли также два левых эсера.

Вот как рисует бескровный Новороссийский Октябрь в своих воспоминаниях один из участников тов. Митусов: „был подан к учреждению исполкома автомобиль для членов исполкома, которые были избраны для принятия власти: П. Лосев, А. Губин, А. Яковлев, все члены РСДРП(б). Все мы прибыли в народный банк и казначейство

и объявили постановление Совдепа и исполкома, что вся власть переходит от Временного Правительства в руки Совдепа. Явных сопротивлений со стороны служащих не было; все проявили покорность.

Когда Совет поместился в доме Юкелиса, началась борьба за власть, так как все попытки Юкелиса отстоять свои права на дом, были безуспешны...

Один из эпизодов „захвата“ власти приводит тов. Бушко-Жук: „Я, например, был назначен Ревкомом комиссаром Новороссийского округа и должен был сменить поручика Леонтовича, ставленника власти Керенского. В реквизированном где-то автомобиле с 5—6 красногвардейцами (они были с винтовками, но надо полагать, что стрелять еще не умели), я приехал сменить Леонтовича, потребовал от него расписку о сдаче дел. Это было вечером. Он намеренно вышел в белье, начал высказывать какие-то протесты, но в конце концов в сдаче дел расписался.“

Таким образом, в Новороссийске власть Совету была сдана „под расписку.“ Меньшевики и эсеры ограничились протестом в городской думе и в печати, а новороссийская буржуазия не имела никакой реальной силы. По словам Ладохи („Оч. гражд. борьбы на Кубани“, стр. 70), власть к Совету перешла 1—14 декабря.

Рабочая масса Новороссийска без борьбы раздавила совершенно бессильных представителей Временного Правительства, в буквальном смысле слова „расписавшихся“ в сдаче власти.

Точно также безболезненно произошел переворот и в Сочи. Еще до Октябрьской революции большевики завладели в Сочи Советом (предс.—Сандуков). В конце ноября был создан Ревком, к которому 5 января 1918 г. перешла власть. В Революционный Комитет, наряду с большевиками: Пирожковым, Поярко, Моховым и Хиоти, вошло также два меньшевика. Лишь 22 января был поставлен вопрос об организации Красной гвардии, которая первое время была вооружена двумя-тремя десятками однозарядных турецких винтовок и лишь впоследствии получила „живой и мертвый инвентарь“ от ликвидированного железнодорожного батальона и артиллерии. Таким образом, в Сочи переворот предшествовал вооружению, а не наоборот.

Характерно, что на Черноморском побережьи главную роль в перевороте играли рабочие, а не солдаты, активное участие которых в некоторой степени отмечено лишь в Туапсе. Если мы учтем, что на Черноморском побережьи более половины населения живет в городах, из которых Новороссийск и Туапсе являются значительными портами и центрами цементной промышленности, то „бескровная“ революция станет вполне понятной. Не прошел, конечно, бесследно и опыт 1905 года—известная „Новороссийская Республика.“

В Ставропольской губернии к осени органы Временного Правительства и земства от безнадёжья и отсутствия поддержки со стороны крестьянства совершенно разложились, тогда как влияние Совета и немногочисленных большевиков возросло как в городе, так и среди крестьянства.

28-го октября—10 ноября Городская дума вынесла протест против захвата власти большевиками в Петрограде, и на об'единенном заседании исполнительного комитета С. Р. и Р. Д., представителей ротных комитетов и социалистических партий, состоявшемся 30 октября—12 ноября, предложение большевиков о создании Революционного Комитета и передачи ему власти, провалилось.

Вместе с „отмиранием“ губернской власти, усиливалось влияние Совета.

29 октября—12 ноября большевиками была устроена демонстрация под лозунгами: „Вся власть Советам.“

В ночь с 5—18 на 6—19 ноября Ставропольский Совет Рабочих и Солдатских Депутатов, 68 голосами против 60 при 8 воздержавшихся, постановил организовать „Комитет общественного спасения“ для борьбы с контр-революционным движением, в составе представителей партий от большевиков до эсеров, представителей Советов Рабочих, Крестьянских и Солдатских Депутатов, воинских частей и профсоюзов, но без представителей буржуазных организаций: городской думы и других.

7—20 ноября городская дума постановила было создать „добровольческую дружину“ для охраны города, с привлечением представителей биржевого общества, торгово-промышленников и домовладельцев. Так возникла в Ставрополе попытка создания белой гвардии.

18 ноября—1 декабря городская дума постановила послать в Екатеринодар делегатов, которым поручила заявить о желательности присоединить Ставрополь к Юго-Восточному Союзу.

Вопрос о захвате власти Ставропольский Совет обсуждал весь ноябрь и декабрь. Среди большевиков наметилось два течения: одно настаивало на немедленном захвате власти, другое находило невозможным опираться на одних солдат, как на пришлый элемент, и считало, что крестьянство не подготовлено к перевороту. Приход из Грозного в декабре 111-го полка, высланного за большевизм, революционизировал город. Влияние большевиков в городе усилилось, об этом говорят результаты выборов в Учредительное Собрание. За эсеров было подано—2158 голосов, за большевиков—7598, хлеборобов—169, церковн. прихожан—922, народной свободы—3715, за партию народ. соц. 165, меньшевиков—1194. По Ставропольской губернии результаты выборов были таковы:

эсеры	89%
большевики	5,9%
хлеборобы	0,8%
церк. прих.	0,9%
партия нар. своб.	3,4%
народ. социалисты	0,2%
меньшевики	0,6%

2—19 декабря Советом Рабочих и Солдатских Депутатов, по поднятому фракцией большевиков, вопросу о власти, было внесено два предложения: одно—Совета Крестьянских Депутатов—о созыве общегубернского народного собрания для решения вопроса о власти и другое—фракцией большевиков—о немедленной передаче власти Советам. Прошла первая резолюция 88 голосами против 78, за 2-ю голосовало 82, против 84-х.

Вопрос о переходе власти к Совету был отклонен.

Большое значение в смысле революционизирования крестьянства имели солдаты, вернувшиеся с фронта после Октябрьского переворота, которых насчитывалось 89.000 („1917 г. в Ставропольской губернии“, стр. 67). Кроме того, в Ставропольской губернии были расположены части 39-й дивизии. В самом Ставрополе были расположены 111, 112 и 2-й Карский пехотный полк. 111-й полк был выслан из Грозного за большевизм, вместе с ним приехали и грозненские работники. В начале декабря был организован Военно-Революционный Комитет, председателем которого был избран большевик Анисимов.

Добровольческая армия дала знать о себе уже в декабре, напад в Среднем Егорлыке на артиллерийский дивизион и забрав снаряды, повозки и 3 орудия. 25-го декабря в Ставрополе были обезоружены Военно-революционным комитетом юнкера.

Ставропольская власть зашла в тупик. На 29-е декабря 1917 года было созвано народное собрание, в повестку которого входили вопросы: политическое положение России, отношение к власти Народных Комиссаров, отношение к Юго-Восточному Союзу казачьих областей и Закавказской Республике, организация губернской власти и другие вопросы. Состав народного собрания был определен в 369 человек, из которых 168—представители от волостных земств или от волостей, 64—губернского и земского собрания, 50—Совета Крестьянских Депутатов, 20—Совета Рабочих и Солдатских Депутатов, 12—Совета Трудового Мещанства (был и такой в Ставропольской губернии), 10—Совета Солдатских Депутатов, 10—Бюро Профессиональных Союзов, 10—Ставропольской городской думы и т. д. Входили сюда также по одному представителю от духовенства, биржевого комитета, частных банков и по два представителя от партийных организаций. Одним словом, предполагалось созвать нечто вроде „Демократического совещания“.

29 декабря в Ставрополе открылся 4-й Съезд Крестьянских Депутатов. Отдав эсерам при выборах в Учредительное Собрание 89^{0/0} голосов, крестьянство 100^{0/0} отдало большевикам. Еще ранее, 10 декабря, на уездном съезде представителей земельных комитетов, революционное настроение крестьянства вылилось в резолюциях о признании власти Советов и передаче земли трудящимся. Губернский Съезд Крестьянских Депутатов единогласно принял резолюцию: „Всю власть в губернии передать как в центре, так и на местах Советам Крестьянских и Рабочих Депутатов, впредь до открытия Учредительного Собрания, с защитой этого права с оружием в руках“. (Цит. соч., стр. 87). По вопросу о власти съезд принял резолюцию, где имеются следующие знаменательные пункты:

„4. Мы, представители от крестьян Ставропольской губернии, прежде всего, приветствуем Всероссийский исполнительный комитет Советов Крестьянских, Казачьих и Солдатских Депутатов и заявляем, что наша Ставропольская губерния тесно и неразрывно связана лишь с этой властью, как властью выражающей интересы трудового народа“...

В пункте 7, мы читаем: „мы, крестьяне, заявляем, что в Учредительном Собрании не должно быть тех, кто посмеет итти не с Советской властью, и кто тем самым хочет через Учредительное Собрание задушить рабочую и крестьянскую революцию“.

Съезд решил произвести перевыборы Советов, упразднить земство и вынес постановление: „Вся власть отныне в Ставропольской губернии принадлежит народу в лице Советов Крестьянских, Рабочих и Солдатских Депутатов“ (пункт 12 резолюции).

Эсеровский исполнительный комитет съезд целиком переизбрал.

31-го декабря открылось народное собрание, в составе 264 делегатов (без крестьян—гостей). Состав съезда в большинстве был беспартийным. Все наказы требовали признания Советской власти. Так, наказ крестьян Богордицкой волости, Медвеженского уезда гласил: „1. Приветствовать 2-й Всероссийский Съезд крестьян, рабочих и солдат, который действительно есть выразитель воли трудящегося народа, а также приветствуем изданные им декреты (законы) о мире, земле и рабочем контроле. 2. Приветствуем Совет

Народных Комиссаров, как первое Народное Правительство, которое выполняет волю трупящегося народа"... (Цит. соч., стр. 92).

Этот съезд постановил целиком влиться в Народное Собрание и предрешил его работу.

Как ни подтасовывался состав народного собрания, настроение собрания, в состав которого влился крестьянский съезд, все лица, недопущенные на собрание, — было явно большевистским. Председателем президиума был избран большевик Анисимов, а товарищем председателя большевик Пономарев. Комиссар Временного Правительства Старлычанов сложил свои полномочия, „вручив всю полноту власти“ Народному Съезду. После попыток сорвать съезд, меньшевики, эсеры и народные социалисты покинули собрание и вынесли резолюцию протеста против упразднения, якобы, свободы слова. Собрание единодушно приняло постановление 2-го Съезда Советов о земле, а в 12 часов ночи, с 31-го декабря 1917 г. на 1-е января 1918 года (ст. ст.), народное собрание вынесло постановление о вступлении Ставропольской губернии в РСФСР.

В Ставрополье крестьянство совершенно сознательно согласилось при выборах исполнительного комитета, из состава которого предстояло вышелить Совет Народных Комиссаров, на гегемонию пролетариата. Первоначально предполагалось произвести пропорциональные выборы, при которых город, по сравнению с крестьянской массой, получил бы ничтожное меньшинство — двух представителей из 30. Однако, после переговоров крестьянские делегаты согласились на то, чтобы 18 членов исполкома были избраны от Городского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов, а 12 — от крестьянской курии, избранной крестьянским представительством собрания. Таким образом, Исполнительный Комитет был избран в количестве 30 человек: 18 — от Совета Рабочих и Солдатских Депутатов, 12 — от крестьянской курии. В губернский Совет от крестьян вошло 130 человек. В Совет Народных Комиссаров были избраны: председатель — А. А. Пономарев (б), товарищ председателя — Н. А. Анисимов (б), комиссар финансов — С. М. Ратнер (меньшевик), продовольствия — Мацкевич В. Н. (меньшевик), труда — Г. В. Дубенский (интернационалист), земледелия — Ф. Ф. Медведев (б.), земельных реформ — Я. В. Гладков, юстиции — Я. М. Тесленко, путей сообщения — И. П. Петров.

В президиум Губернского исполнительного комитета были избраны: председатель — Г. И. Мирошников (максималист), товарищ председателя — П. И. Мещеряков (интернационалист), секретарь — Г. Г. Селивановский (интернационалист).

По существу в Ставропольской губернии произошла не революция, а „реорганизация“ власти. Вершители судеб Ставропольской губернии — крестьяне, признав гегемонию пролетариата, не встретили сколько-нибудь серьезного сопротивления ни с чьей стороны, точно также и рабочие Черноморской губернии.

Когда Ставропольская губерния превратилась в арену борьбы с казачеством и Добровольческой армией, ставропольское крестьянство доказало свою революционность.

Движение ставропольских крестьян сыграло немаловажную роль в борьбе с контр-революционным казачеством и „кадетами“, как называли на Северном Кавказе добровольцев.

Иной характер приняла Октябрьская революция в казачьих областях — Донской и Кубанской.

После неудачной корниловской авантюры, казачество уже задолго до Октябрьской революции направилось по пути федерализма,

вытекающего не из демократии казачества, а из „казачьей демократии“. Федерализм казачества—один из способов и, пожалуй, единственно возможный при всех условиях борьбы за сохранение в неприкосновенности казачьего землевладения и „посаженной платы“—этого символа казачьего феодализма. Казачество было обречено на смерть при любом исходе борьбы: ему несла смерть и пролетарская революция, и буржуазная демократия. Оказавшись между молотом и наковальней, между пролетариатом и крестьянством, с одной стороны и буржуазно-помещичьей реакцией—с другой, казачество раскололось не на две, а на три части. Одна часть—беднейшее казачество, незначительная по своему весу, пошла в ногу с Октябрьской революцией (Подтелков, Кривошлыков и другие), другая часть, —казачье дворянство, в роде Каледина, Бардника—заключили союз с Добровольческой армией и, наконец, третья часть, куда входило подавляющее большинство казачества, выразительницей которого являлась Кубанская Рада в дни Деникина, пыталась идти по собственному „казачьему“ пути и если-б она не была раздавлена Деникиным, то ее раздавила бы пролетарская революция.

Революционными очагами на Дону являлись рабочие и крестьянские округа Донской области—Ростовский, Таганрогский и Донецкий, контр-революционными—южные казачьи округа, во главе с Черкасским округом и казачьей столицей Новочеркасском, административным центром Донской области („ура-казаков“ в Войсковом Круге так и прозвали „Черкассия“).

Положение донских крестьян, переживших в свое время крепостное право, а затем „освобожденных“ от земли, а также рабочих районов, было выяснено выше. Аграрные волнения в Таганрогском и Ростовском округах начались еще до Октябрьской революции „самовольные“ захваты помещичьих земель и разгром имений были предвестниками революции. На рудниках Донецкого бассейна точно так-же власть фактически переходила к рабочим. В Ростове—демонстрация рабочих и гарнизона. 1-го октября 1917 года, против империалистической войны, показала на чьей стороне масса, а перевыборы Ростовского Совета выдвинули большевистскую фракцию на первое место. О том, что массы шли за большевиками, свидетельствуют выборы в Учредительное Собрание. По Ростову было подано за список № 1 плехановский—863, № 2 эсеровский—7565, № 3 старообрядцев—234, № 4 казачий—14248, № 5 большевиков—25529, № 6 кадетов—13637, № 7 народных социалистов—1358, № 8 меньшевиков—4615, № 9—собственников—99. По Нахичевани: № 1—190, № 2—1913, № 3—61, № 4—2556, № 5—9172, № 6—3426, № 7—258, № 8—1398, № 9—45.

В рабочем Таганроге на выборах в Учредительное Собрание получила голосов: большевики—9395, эсеры—4383, казаки—2990, кадеты—2929, меньшевики 2436, плехановцы—126, народные-социалисты—217, союз собственников—49, старообрядцев—17. Но против революционного Ростова, Донбасса, против крестьян Ростовского, Донецкого и Таганрогского округов лихорадочно готовился к наступлению центр казачьей контр-революции—Новочеркасск. Октябрьский переворот не застал Новочеркасск врасплох. Октябрьская революция послужила на Дону сигналом к наступлению контр-революции. 25-го октября Каледин, по получении телеграммы от Малянтовича, отдает приказ начальникам гарнизона и начальникам дивизий иметь наготове войска, разрешает объявлять военное положение и возлагает на них ответственность за соблюдение порядка.

С 26-го октября он объявляет на военном положении весь угольный район, „в связи с обнаружением стремлений захвата предприятий насильственным путем“, тогда же отдает распоряжение окружным атаманам организовать Советы обороны при помощи казаков-добровольцев. 26-го октября, в приказе донским казачьим частям, Каледин заявил, что „Войсковое Правительство решило всеми средствами поддерживать Временное Правительство и не допустить анархических выступлений в пределах Донской области“.

Характерно в этом приказе следующее заявление Каледина: „Войсковое Правительство считает, что установление порядка на Дону есть дело донских казаков“.

В своей программной речи, в середине ноября, Каледин заявил: „Что касается отношения Дона ко всей России, мы признаем необходимым связь с ней при самой широкой автономии или даже еще больше — самостоятельности Дона“.

2-го ноября было введено военное положение в Ростовском, Таганрогском и Черкасском округах, с городами Ростовом и Таганрогом.

Октябрьская революция явилась лишь поводом для захвата Калединым власти, необходимой в целях осуществления намеченного, после неудачи корниловского мятежа, „оздоровления России с окраин“.

На Съезде казачьих войск в Киеве, 22 октября — 5 ноября, на котором присутствовал ближайший соратник Каледина — Агеев, профессор Массарик, распинаясь в любви к русскому народу, перед надвигающейся Октябрьской революцией заявил: „Вместе бороться будем“. Там же, после первых известий о перевороте в Питере, был избран Исполнительный Комитет Съезда для организации противобольшевистских сил. В дальнейшем казачий съезд принял предложение Каледина и перебрался в Новочеркасск, где открылся 19 ноября.

Еще до этого Совет союза казачьих войск в Петрограде рекомендовал Новочеркаску следующее:

„Передайте генералу Каледину: необходимо захватить всю волжскую флотилию сверху и снизу. Требуйте от Каледина, чтобы он подчинил себе войска на Кубани и Тереке с туземным корпусом. Съезду необходимо требовать от своих фронтовых частей абсолютного подчинения, если такое еще не состоялось. При капитуляции Зимнего дворца среди арестованного правительства Керенского не оказалось, он выбыл в критический момент в неизвестном направлении. Пусть казачество не связывает свою судьбу с этим проходивцем. В тылу он потерял всякое влияние. Взять его к себе, конечно, надо, как наживу на удочку для известного сорта рыбы. Правительство должно быть организовано в Новочеркаске в контакте с московскими общественными деятелями“. (Переговоры между председателем фронтового съезда и членом Союза казачьих войск. „Красный Архив“, 1925 г, т. IX, стр. 193).

И Новочеркасск предпочел ограничиться образованием Юго-Восточного Союза, на создание которого всероссийская контр-революция возлагала большие надежды, во всяком случае, над его созданием усиленно работали в Новочеркаске собравшиеся там члены Государственной Думы Родзянко, Гучков и другие.

К первым же дням Октябрьской революции относится зарождение в Новочеркаске Добровольческой армии, первое выступление которой состоялось 20-го ноября при разоружении солдат в Новочеркаске, которых отказались разоружить казаки. 26-го ноября Добровольческая армия расстреливает ростовских рабочих, в Донбассе

рабочих терроризирует отряд известного есаула Чернецова, прославившегося своей жестокостью.

Вобрав в себя все контр-революционные элементы, стянувшиеся к Новочеркаску со всех концов России, Добровольческая армия явилась зародышем „деникинщины“.

Основателем Добровольческой армии был генерал М. В. Алексеев, посланный на Дон Союзом спасения родины и живший инкогнито в Новочеркаске после разгона Предпарламента. В своем письме во Французскую миссию в Киеве („Пролетарская революция на Дону“, сб. 4-й, стр. 227) генерал Алексеев писал: „Донская область была избрана мною для формирования добровольческих армий, как территория достаточно обеспеченная хлебом и входящая в состав, казалось, очень сильного своими средствами и своими богатствами Юго-Восточного Союза... Я рассматривал Дон, как базу против большевиков, зная, однако, что казаки сами не желали идти вперед для выполнения широкой государственной задачи—водворения порядка в России“.

С первых же дней Октябрьской революции к Каледину летят телеграммы со всех концов России—из Москвы, из Саратова, с Кубани о помощи против большевиков.

31-го октября—13-го ноября—Каледин отдает распоряжение начальнику 7-й дивизии овладеть Воронежем и двигаться на Москву и по Волге, но Каледин переоценил свои силы. (Между прочим, эти „спасители России“, обвинявшие большевиков в разложении армии, в предательстве родины и т. п., не постеснялись в момент начала мирных переговоров с Германией обнажить фронт, отозвав, по постановлению Казачьего Съезда, со всех фронтов казачьи части, якобы для отвода их для отдыха на Дон и на Кубань, но на самом деле, конечно, для борьбы с рабоче-крестьянской революцией).

В Ростове Каледин предусмотрительно установил свой контроль на телеграфе и сообщение об Октябрьском перевороте в Питере было получено по радио стоявшей в Ростове яхтой „Колхида“. Ростовский Совет Солдатских Депутатов, когда б-к тов. Сырцов огласил телеграммы, встретил известие с энтузиазмом и принял резолюцию о поддержке питерского пролетариата. Большевистской фракцией был организован Ревком, несмотря на противодействие меньшевиков и эсеров. Подобные же резолюции приняли и шахтеры (Ивано-Чернышевский, Петропавловский, „Розетта“, „Углерод“, „Суворов“, „Яцков“, „Гащенко“ и др. рудники).

Связь у Совета с центром и рудниками была плохая, а гарнизон с трудом раскачивался. Этот разброд явился в значительной степени следствием приказа Каледина о роспуске пехотных частей. В общем солдатские массы и полковые комитеты были на стороне Совета, но исполнительный комитет солдатской секции состоял из соглашательских элементов, или из шкурников. Во всяком случае реальных сил для переворота не было.

Как реагировала на Октябрьскую революцию Ростовская эсеровская, меньшевистская городская дума? На созванном думой чрезвычайном собрании была вынесена резолюция о непризнании Совета Народных Комиссаров. В дальнейшем в Ростове возникает „Комитет Спасения Революции“, действовавший в контакте с комиссаром Временного Правительства Зеелером.

Оказавшись между Войсковым Правительством и Советом Рабочих и Солдатских Депутатов, ростовские меньшевики и эсеры начали лицемерную игру в демократию.

Среди ростовских большевиков определилось два течения: одно настаивало на немедленном перевороте, другое, учитывая соотношение сил, опасалось, что преждевременное выступление кинет в объятия Каледина фронтовое казачество, настаивало поэтому на предварительной мобилизации сил и привлечения казачества на свою сторону. Это течение и восторжествовало. С целью оттяжки времени ростовские большевики вступили в переговоры с меньшевиками, и в результате, 15-го ноября, был организован „Военно-Революционный Комитет“ объединенной демократии, куда вошли представители от Совета Рабочих Депутатов—5, от Областной пехотной секции—5, от городских дум (Ростовской и Нахичеванской) по 3, от Совета профессиональных союзов—1, от фабзавкома—1, по 1 от железнодорожного и телеграфного союза, 1 от полковых комитетов, 1 от Колхицы и проч.

Военно-Революционный Комитет был созван по инициативе Областного Военного Комитета, сначала находившегося в Новочеркасске, а затем, в виду разногласий с Калединым по ряду вопросов, главным образом, по вопросу о разоружении пехотных частей Областной Военный Комитет, точнее пехотная секция Комитета, переехала в Ростов. На заседании 14-го ноября пехотная секция вынесла следующую резолюцию, характеризующую как ее отношения к Войсковому Правительству, так и буржуазно-демократические стремления Областного Военного Комитета. Вот эта резолюция: „Войсковому Правительству войска Донского. Пехотная секция Областного Военного Комитета в заседании своем 14-го ноября постановила переехать на время обостренных отношений между войсковым правительством и неказачьей демократией области в гор. Ростов.

С этого момента пехотная секция называется „Военным Комитетом неказачьих частей Донской области“ и вместе с тем принимает на себя все распоряжение этими частями впредь до уничтожения особого штаба, согласно постановления пехотной секции областного с'езда от 15-го октября с. г.

Военный комитет неказачьих частей требует:

1. Признание его Войсковым Правительством, как выразителя мнения неказачьих частей области.

2. Немедленной отмены военного положения в неказачьих округах области и в рабочих районах и освобождения арестованных за политическую агитацию.

3. Отказ Войскового Правительства от верховных государственных прав.

4. Созыв одновременного общего с'езда населения области: казаков, крестьян и рабочих—для решения вопроса об областном самоуправлении“ („Пролетарская революция на Дону“, сб. 2-й, стр. 7).

Этой организацией воспользовались меньшевики для того, чтобы парализовать гарнизон Ростова. Всю предательскую политику меньшевиков вскрывает лидер ростовских меньшевиков Б. С. Васильев в своей речи на 3-м Большом Войсковом Круге (2—15 декабря 1917 г.): „Позиция ростовского гарнизона оказалась очень характерной,—сказал Васильев—гарнизон все время шел с большевиками и крайне недружелюбно встречал всех ораторов, пытавшихся разбить иллюзии, создаваемые большевиками. Перед городским самоуправлением стояла тяжелая задача, сохранить завоевания демократии. В это время в Ростов приехал Областной Военный Комитет. Он пригласил представителей „Ком. Спасения Родины“ и городских самоуправлений на совместное совещание. Зная, что эта организация пользуется автори-

тетом среди серых шинелей, мы пошли и, прежде всего, подняли вопрос об отношении к Народным Комиссарам. Было вынесено постановление о непризнании их власти“.

Таким образом, под знаком борьбы с контр-революцией, ростовские меньшевики предавали и рабочих и солдат генералу Каледину.

В приказе № 1 Областной Военно-Революционный Комитет объявил себя высшим органом власти в Донской области и приказал: никаких распоряжений Войскового Правительства или его агентов не исполнять.

Ростовская городская дума в заседании от 19-го ноября открестилась от этого приказа в виду того, что „объявление по существу может стать объявлением к открытой гражданской войне“.

Само собой разумеется, этот соглашательский Ревком обнаружил полное бессилие в борьбе с надвигавшейся из Новочеркасска контр-революцией, по отношению к которой он занял примиренческую позицию, хотя потребовал отмены военного положения в Донской области.

И Ростовская городская дума, находившаяся в руках социал-соглашателей, и Ростовский Совет, шедший за большевиками, пытались вложить в Военно-Революционный Комитет каждый свое содержание. Городская дума делегировала туда своих представителей, приняв участие в Военно-Революционном Комитете на следующих условиях, формулированных в резолюции городской думы, предложенной меньшевиками:

1. Борьба с выступлениями „как контр-революционного, так и анархического характера“.

2. Признание основной задачей предотвращение гражданской войны.

3. Стремление и создание областного органа власти,—привлекающего к себе все группы населения в противовес стремлениям отдельных групп захватить власть в свои руки“.

При этом Ростовская Городская Дума приняла оговорку, что представители ее будут работать в Военно-Революционном Комитете до тех пор, пока Комитет не уклонится от указанных пунктов.

Резолюция же Ростовского Совета ясно и определенно стремится превратить Военно-Революционный Комитет в орудие борьбы за Советскую власть. В резолюции от 18-го ноября, предложенной большевиками (т. Васильченко) Совет Рабочих и Солдатских Депутатов заявляет: „Заслушав доклад об объединении революционно-демократической организации, Донской Областной Совет Рабочих и Солдатских Депутатов приветствует факт образования боевого революционно-стратегического союза этих организаций. Совет Рабочих и Солдатских Депутатов поручает своим представителям в Областном Военно-Революционном Комитете добиваться полного уничтожения контр-революционного движения в области. При первом же случае противодействия со стороны Военно-Революционного Комитета власти Рабочего и Крестьянского Правительства, Совет предлагает своим представителям выйти из него“.

С одной стороны, меньшевики и эсеры заседали в Военно-Революционном Комитете, с другой—участвовали на совещаниях, устраиваемых Войсковым Правительством в Новочеркасске. На одном из таких совещаний—13-14 ноября ростовский городской голова эсера А. А. Николаев выдвинул следующую платформу для объединения с Войсковым Правительством:

1. Соглашение с Войсковым Правительством не только возможно, но и необходимо.

2. Основными условиями этого соглашения являются: немедленная отмена военного положения в области и организация власти в Крае, на началах представительства всего населения области, а не только казачьего.

3. Вопрос об организации центральной власти, как чрезвычайно сложной и ответственной, мы оставляем открытым". („Приазовский Край“, № 273, 17-ХІ, „Пролетарская революция на Дону“ сборник 2-й, стр. 2).

Но Каледин на это не пошел, он переоценивал свои силы, надеясь задуть революцию руками казачества.

Между тем большевики вели подготовку к захвату власти. В Севастополь был послан тов. Ченцов, случайно попавший на с'езд черноморских моряков. 9-22 ноября черноморские моряки обратились с требованием к Донскому Войсковому Правительству снять военное положение и признать Совет Народных Комиссаров. Вместе с тем с'езд послал из Севастополя ростовским рабочим три траллера, один крейсер, два миноносца и два истребителя. Но в Дон могли войти лишь три траллера: „Роза“, „Федор Феофани“ и „Яков“, плохо вооруженные, с небольшим запасом снарядов. О движении этих траллеров Каледину сообщил по телеграфу Духонин еще 16-го ноября. Вот эта телеграмма: „Телеграмма Новочеркасск войсковому атаману из ставки БЕЗ НР без слов вручить старшему принять меры скорейшей доставки, секретная, вне очереди 16-ХІ—17 г. Имеющиеся ставки сведения указывают на возможность подхода к Ростову на Дону тральщиков с двумя малыми миноносцами и десантов несколько сот матросов с несколькими пушками точка. Мною даны указания Наморск Черного моря о недопущении этого отряда точка 834 Духонин („Пролетарская революция на Дону“, сб. 2, стр. 18).

Каледин приступает к действиям. Он командует в Таганрог 17 ноября генерала Назарова и посылает туда запасную батарею и сотню курсантов. Одновременно с этим, 20-го ноября, разоружая в Новочеркасске 272 и 273 пехотные полки, 19-го ноября черноморская флотилия прибыла в Таганрог. 20-го ноября Каледин отправил две сотни казаков на ст. Нахичевань (Нахичевань и Ростов расположены рядом), а 23-го ноября три траллера прибыли в Ростов.

24-го ноября Каледин обращается к населению Области Войска Донского с воззванием, в котором объявляет:

„Казачество, и фронтовое и тыловое, единодушно определило свое отношение к захватчикам государственной власти, объявивши их узурпаторами и предателями родины. Сообразно с этим, Войска Донского Правительство объявило себя, впредь до восстановления законной государственной власти или созыва Учредительного Собрания, государственной властью в пределах Донской области.

После 15-го числа ноября месяца Войсковому Правительству стало известно, что правительство Ленина-Троцкого предполагает послать на Дон вооруженные банды большевиков, а 19 числа ноября к Таганрогу подошли суда Черноморского флота—миноносец и два траллера.

Одновременно с этим в Ростове образовался Военно-Революционный Комитет, опирающийся на пехотные части Ростова и других городов области, а также на красногвардейцев, т. е. добровольцев из рабочих, который заявил, что он не признает власти войскового правительства, объявляет себя высшей властью по всей Донской области и готовит пехоту к вооруженному восстанию.

Тогда Войсковое Правительство, в целях самообороны и безопасности области, постановило разоружить пехотные полки гор. Ново-

черкаска за №№ 272 и 273, что и было сделано 20-го ноября сего года, а одновременно распорядилось об отправлении некоторых казачьих частей на юг области, к Ростову и Таганрогу, где много пехотных частей, подчиняющихся Военно-Революционному Комитету, и откуда можно ожидать вооруженных активных выступлений, особенно при поддержке Черноморского флота или московских большевистских банд“.

В это время эсеры и меньшевики занимались „частным маклерством“, предлагая Каледину союз в борьбе с нарастающей пролетарской революцией, требуя за это приобщения к власти, при чем в специфических условиях Донской области, точно так же, как и Кубанской, этот вопрос оставался в плоскости борьбы иногородного населения с казачеством.

Переговоры Военно-Революционного Комитета тянулись вплоть до 25-го ноября. Условием предотвращения гражданской войны Революционный Комитет поставил ряд пунктов: снятие военного положения по всей Донской области, возвращения оружия пехотным частям Новочеркаска, пропуска воинских частей, направляющихся в Ростов, на основании распоряжения Временного Правительства, признание штаба пехотных неказачьих частей и другие.

20-го ноября Каледина двинул на Ростов казаков под командой генерала Орлова, но железнодорожники разобрали путь, а казаки отказались сражаться. 23-го ноября в Ростов прибыли траллеры, а 25-го ноября Ревком большинством 20 голосов против 19-ти постановил предъявить Каледину ультиматум с требованием отказа Войскового Правительства от всякого притязания на власть, отмены военного положения, возвращения оружия пехотным частям и проч. На ответ было дано 24 часа. В этот решительный момент меньшевики, эсеры, представители городского самоуправления, профессиональных союзов и Областного Военного Комитета вышли из Ревкома, председателем которого был избран тов. Сырцов.

25-го ноября произошло торжественное заседание Совета с профсоюзными и делегатами Черноморского флота. В ту же ночь генерал Поточкий произвел нападение на театр „Марс“, где помещался Ревком и штаб Красной гвардии. Однако, Ревком в это время заседал на яхте „Колхида“ и нападение ограничилось тем, что убили тов. Кунда и Казбирюк и двух красноармейцев.

26-го ноября ушедшие из Военно-Революционного Комитета представители городского самоуправления Совета Крестьянских Депутатов, меньшевиков, эсеров, профсоюзов выпустили лицемерное воззвание к населению, запугивая его ужасами гражданской войны и требуя не идти „за авантюристами из обоих враждующих лагерей“. В этом воззвании социал-соглашатели умывают руки, предоставляя ген. Каледину расправляться с восставшими рабочими и солдатами. Отозвав своих делегатов из Военно-Революционного Комитета, городская дума, по предложению меньшевиков, выработала следующие условия примирения сторон:

1. Отмена военного положения.
2. Возвращение оружия разоруженным полкам.
3. Возвращение обратно Черноморской флотилии.
4. Разоружение Красной гвардии.

5. Снятие военного положения в горно-заводских районах, а впредь до вывода оттуда казаков, размещение равного с казаками количества пехотных частей.

Под давлением социал-соглашателей президиум полковых комитетов и командиров полков, предложив полковым комитетам отозвать

своих представителей из Военно-Революционного Комитета, бросил лозунг с требованием от Военно-Революционного Комитета на вступление в мирные переговоры, заявляя вместе с тем готовность встать „на защиту завоеваний революции, свобод и прав неказачьего населения области“, если Войсковое Правительство не примет условий, предъявленных объединенной демократией, вышедшей из состава Военно-Революционного Комитета.

События развивались своим чередом. 26-е ноября прошло в подготовке, при чем Красной гвардией были разоружены юнкера в Екатерининской гимназии.

Надо заметить, что вплоть до нападения Потоцкого на Совет, штаб Красной гвардии не имел оружия. О неподготовленности и военной кустарщине свидетельствует тот факт, что не только обезоруживали бандитов для получения оружия, но и пытались сами изготовлять бомбы и даже посылали за динамитом на станцию Шахтную. Сначала (до октября) Красная гвардия была организована на территориальном принципе и разбита на десятки, а затем на фабрично-заводские отряды. 27-го ноября комиссарами Красной гвардии были назначены товарищи Жук, Филев и Иванов, тогда же генерал Потоцкий занял вокзал, но 28-го ноября Красная гвардия захватила вокзал и взяла в плен генерала Потоцкого, вместе с которым был арестован также комиссар Временного Правительства Зеелер.

Плохо организованная и вооруженная Красная гвардия была после занятия вокзала брошена на завод „Аксай“ откуда наступали части Каледина, состоящие из юнкеров, студентов, офицеров и гимназистов. Бои у завода „Аксай“ носили своеобразный характер. „Утром все вооруженные рабочие выходили на позицию, где считали своим долгом выпустить несколько десятков патронов, а к ночи расходились по домам.“ На ночь на позициях оставалась только небольшая кучка самых сознательных рабочих.

В общем участники констатируют, что революционного порыва у рабочих и солдат хватило только на одну схватку. Значительную роль в разложении масс сыграли меньшевики и эсеры.

По словам одного из комиссаров Красной гвардии В. Филова, на фронте „установился своеобразный рабочий день“. С утра товарищи красногвардейцы отправлялись на фронт в вагонах трамвая . . . и с наступлением сумерек возвращались на отдых“.

Что касается гарнизона, то он выступил только в двух случаях: 27-го ноября, когда юнкера повели наступление на солдатские казармы (между Ростовом и Нахичеванью) и были отбиты солдатами, а затем явка в распоряжение Ревкома двух рот при офицерах. Но отправленные на Нахичеванский фронт, эти роты к утру разошлись.

Об отношении солдат тов. С. Зубов рассказывает следующий случай: „На поддержку рабочих, от гарнизона пришла рота солдат, попили чайку, поговорили, но на позицию не выступили, а направились обратно к казарме, мотивируя свой уход неподходящими для боя позициями“. Черноморские моряки точно также не могли оказать существенной поддержки, так как траллеры были неприиспособлены к военным действиям, команда на них была не военная, снарядов не хватало и два траллера ушли из Ростова.

Позицию социал-соглашателей в дни боев лучше всего охарактеризовал в цитированной нами выше речи меньшевик Б. С. Васильев. „Когда начинается перестрелка,—заявил он на 3-м Большом Войсковом Круге,—у мирного населения может создаться две линии поведения. Наиболее сознательная часть будет требовать разоружения

Красной гвардии и упразднения Военно-Революционного Комитета. Другая же часть населения берет винтовки и открывает в свою очередь огонь в ту сторону, откуда слышны выстрелы.

Не зная зачем и для чего они стреляют, мы хотели прекращения военных действий. В Военно-Революционном Комитете мы получили горделивый отказ от всяких переговоров. Атаман же когда мы к нему пришли, спросил: „Вы воюете“—„Нет“. „Так о чем же нам с вами разговаривать. „Нас в „Нашем Знамени“ ругали своднями, а мы лишь метались от одной стороны к другой с тщетной мольбой „пощадите“.

Здесь поровну всего: и просто глупости, и обывательской трусости, и социал-соглашательского „себе на уме“.

1-го декабря, когда судьба Ростова была предрешена, созванное меньшевиками совещание вынесло резолюцию, в которой за революционно-трескучими фразами скрыта истинная суть всей политики социал-соглашателей. Вот главные пункты этой резолюции:

„1. Считать, что только все население Донской области, через своих представителей, на общем съезде вправе разрешить спор о власти, а потому требовать немедленного созыва такового Съезда.

2. Призвать товарищей солдат, казаков, матросов и рабочих не принимать участия в братоубийственной войне, в этом позорном для революционной демократии, провозгласившей мир всему миру, деле.

3. Немедленно предложить Военно-Революционному Комитету, матросам и калединским отрядам прекратить всякие военные действия, считая, что на сторону, отказавшуюся мирно ликвидировать конфликт и сложить оружие, падет вся ответственность за пролитую кровь.

4. Предложить демократические организации, объединившиеся вокруг городских дум, стоящие на охране мирного населения и старающиеся мирным путем ликвидировать гражданскую войну.

5. До созыва Съезда власть передается Войсковому Правительству пополненному в равном числе представителями Совета Крестьянских и Солдатских Депутатов и городских дум всей области“.

Весь смысл этого воззвания—в согласии передать власть Войсковому Правительству. И Каледин оценил услугу социал-соглашателей в нужный момент. Он пошел впоследствии на ряд формальных уступок, чтобы фактически оставить власть за собой, расширив базу, на которую он мог бы опираться в борьбе с пролетарской революцией.

Главные массы рабочих и солдат, как мы и видели, в бой введены не были. Ростовский гарнизон, за исключением нескольких случаев не проявил активности. Рабочие Ростова сражались до 2-15 декабря, когда Ревком и Штаб Красной гвардии, вместе с траллерами, оставили город.

Несмотря на все дефекты организации, недостаток вооружения, необученность, Красная гвардия сражалась с энтузиазмом и проявила подлинный героизм. Примером такого героизма является захват к вечеру 27-го ноября Ростовского вокзала, где засел генерал Потоцкий, занимавший удобные позиции, с хорошо вооруженными отрядами офицеров.

Ростовский пролетариат потерпел поражение. В эти боевые дни председателем Военно-Революционного Комитета был С. Сырцов, членами С. Васильченко и М. Жаков, секретарем М. Равикович. Революционный Комитет пытался было овладеть хозяйственными организациями и назначил комиссаров (М. Я. Залкинда комиссаром государственного банка, тов. Пашко—комиссаром по делам продовольствия и тов. И. И. Ставского—комиссаром железных дорог Ростовского узла), но все это носило характер лишь слабых попыток. Вместе с траллерами он должен был покинуть Ростов. Не успели выступить в

защиту Ростова и донецкие рабочие, которые или, как это было в Ханжонкове, во время боев получили вооружение, или не могли выступить в силу казачьего окружения, как было в Миллерово.

Но в стане Каледина далеко не все было благополучно. По словам самого Каледина на 3-м Большом Войсковом Круге: „В это время наши части торговались из-за того, идти ли вперед. Приходилось составлять по кусочкам, беря от разных частей, отряд, действовавший под Ростовом“. Когда Каледин подвел к Ростову со стороны Нахичевани несколько казачьих полков и батарей, они дальше станицы Аксайской не пошли. Об этом развале в стане врагов свидетельствует донесение полковника Юдина генералу Потоцкому:

„Генералу Потоцкому. 1917 года 26-го ноября 20 час. 15 минут. № 18, станица Аксайская. Вторая и пятая сотни 46 полка, дойдя до будки при переезде через железную дорогу, отказались идти к Ростову и вернулись, вторая сотня в станицу Аксайскую, 5 в станицу Александровскую. 29 батарея осталась в станице Александровской в полной готовности выступить по первому требованию. В Аксайскую станицу прибыли 41 полка: штаб полка, пулеметная команда, команда связи, 4-я сотня и 38 человек первой сотни. 30-я батарея в ст. Ольгинскую не прибывала, как видно из донесений командира 41 полка, она приходила в станицу Кагальницкую и снова вернулась в станицу Мечетинскую. Получаются ли Вами мои донесения. Полковник Юдин с полкиным верно хорунжий Данилов“. („Пролетарская революция на Дону“, сб. 2-й, стр. 131).

Таким образом, в решительный момент Каледин оказался генералом без армии. Судьбу Ростова решили белогвардейские добровольческие отряды под командой полковника Богаевского, Краснова, Назарова, Кучерова.

Существенную помощь Каледину в подавлении восстания ростовских рабочих, оказал созданный в то время Войсковой Круг. Будучи бессилем своею властью направить казачьи полки против Ростова, Каледин обратился с просьбой к Кругу: „Прикажите двум казачьим полкам—46 и 48, стоящим под Аксаем оказать поддержку отрядам юнкеров, изнемогающим в борьбе с ростовскими большевиками“. Круг на это согласился. Даже фронтовики вынуждены были подчиниться, из опасения, что их протест, не имея решающего значения на голосовании, „мог бы старикам дать основание считать фронтовиков предателями Дона, не желающими освободить главную часть его территории—Ростов“.

2—15 декабря в Ростов вступил Каледин, которому не было оказано никакого сопротивления.

Калединщина, продолжавшаяся с 18 декабря 1917 г. по 15 февраля 1918 г., когда был занят Новороссийск, лишь эпизод в гражданской войне на Северном Кавказе, весьма поучительный, в большем масштабе то же повторилось в эпоху Деникина и закончилось точно также крахом. 11 февраля 1918 года, когда Добровольческая армия, на которую Каледин, главным образом, опирался, потерпела крах на Дону, он выстрелом из револьвера покончил с собой. Перед этим на заседании Войскового Правительства Каледин заявил: „Положение наше безнадежно. Население не только не поддерживает нас, но настроено против нас враждебно. Сил у нас нет и сопротивление бесполезно... Свои полномочия войскового атамана я с себя слагаю“.

Каледин пытался склотить единый контр-революционный фронт из сил, пожирающих друг друга: казачества, мелко-буржуазной демократии и буржуазно-помещичьей Добровольческой армии.

В состав Донского Экономического Совета и Струве и бывший министр промышленности С. М. Федоров, кн. Г. Н. Трубецкой, П. Милуков, Савинков получил поручение переговорить за границей с Плехановым¹⁾.

В итоге Добровольческая армия пожрала и казачество, и мелкобуржуазную демократию.

Фактической властью, по словам Деникина („Оч. рус. смуты“ т. II, стр. 189) являлся триумвират Алексеев—гражданская власть, Корнилов—военная власть, Каледин—управление Донской областью.

Внутри этого триумвирата все время происходили трения, и Алексеев презрительно называл Каледина „казачьей слякотью“.

Калединщину поддерживал и Московский центр и Совет союза казачьих войск в Петрограде, который 8-го декабря передал Военно-Революционному Комитету и В. И. Ленину резолюцию протеста против введения „посторонних войск“ в казачьи области.

В резолюции было указано, что казачество, „руководствуясь демократическими началами самоопределения народностей... не потерпит на своей территории иной власти, кроме народной, образуемой свободным соглашением местных народностей без всякого внешнего и постороннего давления“ (В. А. Антонов-Овсенко „Записки о гражданской войне“ т. I, стр. 39). Но в декабре казачий комитет при ВЦК^е постановил арестовать контр-революционный Совет союза казачьих войск (из 33 членов было арестовано только 7, но и те вскоре были выпущены).

Тотчас же после занятия Ростова началась расправа с рабочими: расстрелы, разгром рабочих организаций, обыски и аресты. Каледин заявил, что войска останутся в Ростове впредь до разоружения Красной гвардии. Насилия, чинимые белогвардейцами, были настолько вопиющи, что даже ростовская городская дума по предложению меньшевиков вынесла резолюцию, в которой „Выражая надежду, что успокоительные заверения, данные генералом Назаровым городским думах 3-го декабря, будут полностью соблюдены... считает необходимым снятие военного положения“. Зеелер, который вместе с генералом Потоцким был обменен на пленных черноморских моряков, 3-го декабря призывал „не омрачать праздника недоверием и озлоблением“, а присяжный поверенный Шик (народный социалист) заявил, что „эксцессы избежны“...

Внешне, однако, Каледин старался соблюдать демократический декорум. Продолжал даже существовать Совет Рабочих Депутатов, который почти не собирался. Началось заигрывание с социал-соглашателями, которые своим поведением создали условие для победы Каледина. 2—15 декабря заседал 3-й Большой Донской Войсковой Круг, на котором Каледин заявил: „Выступление большевиков в Ростове ликвидировано. Но грубой силой нельзя вершить все. Должна идти и идейная борьба с большевизмом, при самом широком участии в этой борьбе общественных сил. Мы должны широко раскрыть дверь всем идейным противникам большевизма. Только тогда мы можем рассчитывать на успех“. Выступал здесь с приветствием и меньшевик Васильев, заняв уготованное социал-соглашателям место на левом фланге единого контр-революционного фронта. Но Каледин не особенно стеснялся со своими союзниками. 6-го декабря был произведен обыск в Темерницком комитете меньшевиков, 20-го задержана меньшевистская газета „Рабочее Дело“.

¹⁾ См. его показания на суде „Правда“ № 196, 1924 г.

По словам Савинкова („Правда“ 1924 г., № 196), Богаевский заявил ему на предложение опереться на крестьянство: „Нет, время демократии прошло, мы рассчитываем на буржуазию и казаков“.

Каледин тем не менее стремился обезопасить себя и со стороны крестьянства. 2-го декабря впервые присутствовавшие на Войсковом Круге с правом совещательного голоса крестьянские представители Войскового Круга потребовали в своей декларации создания паритетной власти из представителей крестьян и казаков, созыва для этого Учредительного Собрания и объявления перемирия с Советской властью. 4-го Войсковой Круг постановил привлечь представителей крестьян в комиссию по созданию правительственной власти, но... с правом совещательного голоса.

Очередной задачей Каледина явилось привлечение на сторону мелко-буржуазных групп иногородного населения. 8-го декабря состоялось постановление Войскового Круга, согласно которому вся исполнительная власть, а во время перерыва работ Круга и законодательная, принадлежит Войсковому Правительству с атаманом на главе, составленному на паритетных началах из представителей казачьего и неказачьего (крестьянского) населения, которому из 14 мест предоставляется 7. Представительству городов в этом правительстве не было дано места на том основании, что город заражен большевизмом, но и „паритет“ по отношению к крестьянству, допущенному в правительство, являлся ловким обманом, так как представительство в Войсковом Правительстве предоставлялось помощнику войскового атамана—казаку, голос которого давал перевес. Войсковой же атаман избирался только от казачества и обладал правом приостанавливать решения Войскового Правительства.

Однако, до созыва с'езда неказачьего населения „хозяином Дона“ оставался Казачий Войсковой Круг.

Надо заметить, что на 3-м Войсковом Круге фронтовое казачество подняло свой голос против Каледина и, главным образом, под его влиянием Войсковому Правительству, составленному на паритетных началах, была предоставлена законодательная власть „по вопросам неказачьей части населения и по общим вопросам, касающимся казачьего и неказачьего населения, впредь до создания нормального законодательного органа на Дону“.

27-го декабря открылся с'езд неказачьего населения Донской области, который далеко не оправдал надежд Каледина на поддержку крестьянства в борьбе с большевизмом, в особенности это относится к революционному таганрогскому крестьянству. С'езд поставил следующие условия для своего участия в Войсковом Правительстве:

1. Немедленное освобождение арестованных по политическим и аграрным делам как казаков, так и неказаков, и прекращение возбужденных против них дел.

2. Разоружение и расформирование Добровольческой армии (С'езд открылся 29-го декабря, а 27-го декабря официально заявила о себе Добровольческая армия, Н. Я.).

3. Согласование Войскового Правительства на перемирие между враждующими сторонами и восстановление свободного транзита до созыва Донского Народного Совета и Всероссийского Учредительного Собрания, если последнее соберется ранее Донского Народного Совета.

4. Снятие военного положения во всех местах, непосредственно не связанных с районом военных действий и вывод воинских частей из местностей с неказачьим населением, а также рудников, фабрик и заводов, где эти части расквартированы по соображениям невоенного характера.

5. Неприкосновенность крестьянских, рабочих и демократических организаций.

6. В об'единенное правительство входят представители от казацкого и неказачьего населения в равном количестве. Председатель избирается этим правительством из своей среды.

7. Право войскового атамана приостанавливать решение об'единенного правительства в его части, ведающей делами неказачьего населения, приостанавливается.

8. Впредь до созыва Донского Народного Совета, все дела, касающиеся неказачьего населения, рашаются преставителями неказачьего населения.

Вместе с тем Съезд неказачьего населения, заседавший с 27-го декабря 1917 г. по 4-е января 1918 г. потребовал созыва Донского Народного Совета, избираемого всем населением на основе четыреххвостики и пропорциональных выборов, который является как бы законодательным органом, а исполнительным—Донское Областное Народное Правительство, ответственное перед Народным Советом. Съезд точно также принял резолюцию о поддержке Учредительного Собрания и в резолюции от 3-го января потребовал, в целях борьбы против саботажа промышленников, демобилизации промышленности и рабочего контроля, снабжения рудников всем необходимым и независимости в проведении постановлений и решений центральных рабочих организаций как Советов Рабочих Депутатов, так и профессиональных союзов.

Войсковое Правительство приняло все второстепенные условия Съезда иногородного населения оставив, однако, за собой фактическую власть и отказавшись от разоружения Добровольческой армии.

Вот ответ Войскового Правительства зачитанный на заседании Съезда иногородных 4-го января 1918 года:

§ 1. Войсковое Правительство, принципиально соглашается на освобождение арестованных по делам политическим и аграрным, но, принимая во внимание борьбу с большевизмом, Войсковое Правительство оставляет за собой право в составе об'единенного правительства обсудить вопрос об освобождении отдельных преступников, виновных в преступлениях совместно с политическими, также и в общих уголовных. Освобождение арестованных за большевизм должно считаться актом помилования.

§ 2. Добровольческая армия, существующая в целях защиты Донской области от большевиков, объявивших войну Дону, и в целях борьбы за Учредительное Собрание, должна находиться под строгим контролем об'единенного правительства. И в случае установления наличности в этой армии элементов контр-революционных, таковые элементы должны быть немедленно удалены за пределы Донской области.

§ 3. Против заключения перемирия Войсковое Правительство принципиально не возражает. Войсковое Правительство признает свободу транспорта и препятствий транспорту не ставило. Если же под свободой транспорта подразумевается свобода вывоза из области продовольственных грузов, то Войсковое Правительство полагает, что в первую очередь оно обязано удовлетворить все нужды Донского края.

§ 4. Против снятия военного положения тех пределов, которые указаны съездом неказачьего населения, Войсковое Правительство не возражает. Что же касается вопросов о расквартировании воинских частей по местности с неказачьим населением, то таковые вопросы решаются общим собранием об'единенного Правительства, за исклю-

чением случаев, когда расквартирование частей производится по соображениям военного характера.

§ 5. Против требования с'езда неказачьего населения о неприкосновенности крестьянских, рабочих и других демократических организаций Войсковое Правительство не возражает.

§ 6. В об'единенное Донское Правительство входят представители от казачьего и неказачьего населения в равном количестве. Председательствует в об'единенном Правительстве товарищ войскового атамана (вне паритета).

§ 7. Право войскового атамана приостанавливать решения Войскового Правительства не распространяется на дела, касающиеся исключительно неказачьего населения; для общих же дел право приостановки ограничивается семидневным сроком.

§ 8. Впредь до созыва Донского Учредительного Собрания (Народного Совета) все дела, касающиеся неказачьего населения, разрешаются лишь представителями неказачьего населения“.

На условиях, выставленных Калединым, неказачье население согласилось делегировать своих представителей в об'единенное Войсковое Правительство Донской области, которое выпустило декларацию, начинавшуюся следующими словами: „5 января настоящего года совершилось событие, имеющее громадное значение в жизни нашего одного Края: две части населения Донской области—казачье и неказачье —впервые об'единилось в общем управлении областью“. В своей декларации об'единенное Войсковое Правительство заявило, что переустройство Дона на демократических началах „должно быть совершено лишь одним местным населением, без всякого вмешательства посторонних в области сил, а потому об'единенное правительство объявляет, что оно будет бороться самыми решительными мерами против насильственных попыток Совета Народных Комиссаров навязать свою власть населению Донской области“.

Вместе с тем декларация обещала введение земства в ближайшем будущем. Что касается Добровольческой армии, о ней в декларации говорилось, что „Добровольческая армия, существующая в целях защиты Донской области от большевиков, объявивших борьбу Дону, и в целях борьбы за Учредительное Собрание будет находиться под строгим контролем об'единенного правительства“.

Таким образом, демократическая ширма для диктатуры Каледина была создана, но власть фактически осталась у него в руках, только база власти несколько расширилась.

Характерно, что в своем наказе членам Областного Правительства, с'езд неказачьего населения требует всемерной поддержки земельных комитетов, борьбы с земельной спекуляцией, безотлагательного введения земства, признания на местах властью исполнительных комитетов и отмены „посаженной платы“. Здесь всплыли все большие вопросы иногородного населения, но на проведение этой программы иногородное население, конечно, не могло рассчитывать.

В этой сделке крестьянство ничего не получило, а казачество надеялось получить поддержку иногородного населения, кое как замазав существующие между казачеством и иногородными противоречия.

Но за спиной самого казачества стояла Добровольческая армия, для которой казачество являлось лишь средством, в целях создания всероссийского противобольшевистского фронта. 2-го декабря Каледин взял Ростов и тогда же 2—15 декабря на Дон бегут Корнилов и Деникин. В декабре здесь собрались, кроме Корнилова и Деникина, Луком-

ский, Марков, Эрдели и другие. Еще 17-го ноября в Новочеркасске под председательством генерала Алексеева, состоялось совещание, на котором было решено основное ядро Добровольческой армии заложить на Дону, Кубани и Тереке, в надежде на то, что казачество даст контингент военной силы, и кроме того, географические условия Кубани, Дона и Терека представляли очень удобную базу, где в „случае могущих быть неудач, могли бы отдохнуть и укрепиться“. На этом совещании было решено, помимо организации Добровольческой армии на Дону, послать с этой же целью на Терек и на Кубань штабс-капитана Покровского и генерала Эрдели. Слащев (под чужой фамилией) был послан на Терек и в Минеральные Воды для организации казачьих восстаний (Воспоминания Слащева, рукопись).

По словам генерала Слащева, в Новочеркасске собралось до 2.000 офицеров и юнкеров. Запись производилась в лазарете под видом больных и средств первое время никаких не было.

Не даром Добровольческая армия в своей декларации заявила, что „люди, отдающие себе отчет в том, что значит ожидать благодеяния от немцев, правильно учитывают, что единственное наше спасение—держаться наших союзников“... По словам А. Френкеля, Корнилов и Алексеев получили от союзников на первое время 30 миллионов рублей. Частица этих денег перепала и правительству Каледина, что мы впоследствии определенно установили из очутившихся у нас новочеркасских документов и из допроса приемника Каледина—Назарова“ („Орлы Революции“, Ростов, 1920 г., стр. 14).

27-го декабря Добровольческая армия в своей декларации заявила о своих задачах—восстановлении „Единой, Неделимой“, верности союзникам, борьбе с большевиками. Белый террор прокатился по Дону. По словам Суворина („Поход Корнилова“, стр. 8), Корнилов напугствовал белогвардейцев следующими словами: „Не берите мне этих негодяев (красноармейцев) в плен. Чем больше террора, тем больше будет над ними победа“. А вот разговор между Калединым и генералом Алексеевым в передаче белогвардейского журнала „Донская Волна“ (№ 5, 1919 г.).

Каледин.—„Трудновато становится. Главное меня беспокоит Ростов и Макеевка“.

Алексеев.—„Церемониться нечего с ними, Алексей Максимович. Видите, Вы меня простите за откровенность, по моему много времени у вас на разговоры уходит, а тут если сделать хорошее кровопускание, то и делу конец“.

29-го декабря Каледин дает разрешение Зеелеру на формирование Добровольческой армии в Ростове, а 31 декабря на Съезде неказачьего населения генерал Богаевский дипломатически заявил—о нейтралитете Войскового Правительства в деле создания Добровольческой армии. В половине января Добровольческая армия переехала в Ростов, насчитывая в своих рядах не более 4.000 человек.

На ряду с контр-революционными генералами собрались сюда всякого рода политические дельцы—Родзянко, Гучков и другие. Побывал здесь и Керенский—„Пришел и исчез, никем не принятый“, а также Борис Савинков. Казачья столица—Новочеркасск, как магнит тянула к себе всю ту контр-революционную Россию, которая потом превратилась в заграничную „Россию № 2“.

По совету Алексеева, белогвардейщина устраивает „кровопускание“. Особенно отличились в подавлении рабочей революции Семилетов и есаул Чернецов, который терроризировал со своим белогвардейским отрядом каменноугольный район. 4-го декабря он занял Алек-

сандро-Грушевский (Шахтинский) район. 5-го Парамоновские рудники, 14-го—Сулин. Чернецова описывает в своих воспоминаниях С. Худяков („Пролетарская революция на Дону“, сб. 4-й, стр. 74): „Своим резко дегенеративным лицом, он действительно производил сильное впечатление. Его внешность принадлежит к категории таких лиц, с которыми бывает жутко оставаться наедине. Резко выделяющаяся вперед, огромная нижняя челюсть, длинный, острый орлиный нос, конец которого спускается почти до самого рта и два маленьких, блестящих, как-то внутрь ушедших глаза—поневоле производили впечатление. Фигура коренастая. Легенды о его походах оканчивались всегда подсчетом расстрелянных и зарубленных“.

Когда 17-го января 1918 г. Добровольческая армия перебросилась в Ростов, началась усиленная вербовка добровольцев, ростовская буржуазия дала на организацию Добровольческой армии 6.500.000 рублей. В армию записывалась, главным образом, белогвардейская молодежь—студенчество, гимназисты, но офицерство притекало слабо. Несмотря на то, что в Ростове находилось до 10.000 офицеров, в Добровольческую армию записалось лишь 200—300 человек. Ростовская буржуазия вилела в Добровольческой армии своего спасителя. Фабриканты и заводчики постановили открыть запись добровольцев и оказывать Добровольческой армии всякую помощь деньгами. Каледину поднесли адрес судовладельцы, отмечая его заслуги в деле ликвидации революционного движения в Ростове. Таганрогский Биржевой Комитет и купечество точно также подносят ему адрес. Возвратились сбежавшие собственники рудников,—словом буржуазия торжествовала победу.

Но это торжество оказалось преждевременным.

На Дону начались аграрные волнения. 11-го декабря крестьяне деревни Кошкино, Таганрогского округа, разгромили имение инженера Реми, 17-го громятся экономии в Ростовском округе. 20-го произошли волнения на хуторе Самсонова в Хоперском округе, в Таганрогском округе разгромлены имения Платова, Куренникова и других, 11-го января в Ростовском округе разгромлены имения Куксы, Содомцева и Мочалина, крестьяне села Глебовского отказывались платить Крестьянскому банку за купленные у последнего земли, 29-го января газеты сообщают об экспроприации хлеба и скота крестьянами у помещиков Таганрогского округа, 6-го февраля происходит дележ казачьих земель в ст. Николаевской. Крестьяне сами приступили к разрешению аграрного вопроса, и объединенное правительство 12-го января выносит постановление о „необходимости срочных мер к передаче казенных, удельных, церковных и частновладельческих земель в распоряжение трудового земледельческого населения“.

В то же время выходят на революционный путь, преданные социал-соглашателям, рабочие. 4-го декабря общее собрание рабочих главных мастерских Влд. ж. д. выносит резолюцию с требованием вывода калединских войск из Ростова и прекращения массовых обысков, угрожая забастовкой. Те же требования выставляет ряд фабрик и заводов Ростова и Нахичевани. 6-го декабря рабочие гвоздильного завода Максимова в Ростове требуют освобождения политических арестованных и вывода из Ростова и Нахичевани казаков и юнкеров. Аналогичные требования выдвигает завод „Лели“ и ряд других фабрик и заводов. 10—23 декабря конференция рудничных комитетов Чистяковского района выносит постановление об организации Красной гвардии. 17—30 января восстают рабочие Таганрога под руководством Стернина, Филиппова, Смирнова и Глушкова, занимают почту, теле-

граф и телефон, тогда же прекращается движение поездов по Владикавказской железной дороге. 18—31 января, в Азове происходит митинг протеста против присылки калединских частей. В ответ на это Каледин объявляет 17 января на военном положении Новочеркасск, а 18-го Ростов и Нахичевань. 19-го января Добровольческая армия, после героического восстания таганрогского пролетариата, отступает из Таганрога, где власть переходит в руки Военно-Революционного Комитета. В тот же день в Ростове юнкера расстреливают общее собрание рабочих и служащих главных мастерских Владикавказской ж. д.

Еще ранее в главных мастерских возникла забастовка, в связи с введением военного положения, арестом и расстрелом рабочих. 19-го января—1 февраля стачечным комитетом было назначено собрание для освещения хода забастовки, которое было расстреляно юнкерами.

Описание этого расстрела находим у т. Чикмардина („Пролетарская революция на Дону“, сб. 4-й, стр. 53):

„В начале собрания появился кто-то из воинских лиц калединского правительства, который на вопрос, заданный ему рабочими, допускает ли Донское правительство возможность сбора общих собраний рабочих, заявил, что настоящее собрание собравшееся тихо и спокойно, никто не разгонит. Здесь же этот воинский чин выступил с речью, уговаривая рабочих приступить к работе. После своей речи он удалился, а рабочие стали обсуждать вопрос, продолжать ли забастовку или приступить к работе. Через несколько времени после ухода этого воинского чина, в конце зала раздался шум. Передали, что идут вооруженные белогвардейцы. Не успел этот шум распространиться по всему залу, как уже в двух имеющихся выходах появились вооруженные белогвардейцы во главе с офицером. Не обращаясь совершенно ни с какими предупреждениями к собранию, офицер отдал команду—„смирно... пли“.

Раздался залп в трехтысячную безоружную, мирно настроенную толпу, собравшуюся в помещении. Поднимается невыразимый шум, крики, битье стекол и стоны умирающих; толпа, давя друг друга, ищет выхода... Часть рабочих, находившаяся вблизи от выходов, в суматохе бросается к дверям, но их встречают штыками и они с распоротыми животами валяются здесь же у ног расстреливающих человеко-зверей. Раздается еще два залпа. Замертво падает еще несколько человек, слышатся крики еще нескольких раненых, падающих под ноги обезумевшей толпы, которая ищет выход, топчет их. После трех залпов люди-звери, совершив свое каиново дело, и, как видно, насытившись на этот раз рабочей кровью, отходят от дверей, строятся и под командой офицера спокойно уходят, зная, что в этот момент им не грозит никакая опасность. Как только палачи отошли от дверей, рабочие быстро вышли из помещения, часть из них, напуганная совершившимся злодеянием, сейчас-же разошлась. Среди поредевшей толпы теперь видны были трупы убитых, сильнее стали раздаваться стоны раненых. Оставшиеся рабочие убрали трупы убитых и быстро унесли для дачи первой помощи раненых. Через несколько времени столовая опустела. Только следы свежей крови говорили о только что совершившейся зверской расправе“.

Этот расстрел вызвал забастовку всех железных дорог Донской области и Ростовского узла.

Между тем, оставшиеся в Ростове большевики, несмотря на трудности и опасности, организовывали по фабрикам и заводам партийные ячейки и вооружали рабочих. В подпольный комитет входили: Дунаевский, Антонов, Яков Орлов, Владимир Торский, Фадеев; председателем

темерницкого комитета был Зявкин, в Нахичевани работал Михаил Колотаенко.

В Ростове распространялось пророческое воззвание Военно-Революционного Комитета: „Мы еще придем“, за подписью Жакова, Васильченко, Равиковича, Крылова, Ченцова, Блохина. Это воззвание, как отмечают работники того времени, сыграло большую роль, поднимая настроение рабочих. Существовала большевистская фракция и в Совете Рабочих и Солдатских Депутатов, влачившем при Каледине жалкое существование. Туда входили Фадеев, Торский, Дунаевский, Антонов, Симонов. 12—25 января на общем собрании рабочих ростовского депо Влк. ж. д., постановили признать и поддерживать власть Совета Народных Комиссаров и Совета Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов, как выражающих и защищающих волю и интересы трудового класса“ („Соц.-Революц.“ № 14, 1918 г.). После расстрела рабочих Владикавказских мастерских большевиками была организована всеобщая забастовка, частично сорванная меньшевиками, которые сначала вели против забастовки кампанию, а затем, не без их содействия, была сорвана забастовка на водопроводе, электрической станции и в пекарнях.

Еще 28 ноября—11 декабря 1917 года Совет Народных Комиссаров писал в своем воззвании:

„В то время как представители Рабочих, Солдатских и Крестьянских Советов открыли переговоры, с целью обеспечить достойный мир измученной стране, враги народа, империалисты, помещики, банкиры и их союзники—казацкие генералы—предприняли последнюю попытку сорвать дело мира, вырвать власть из рук Советов, а землю—из рук крестьян и заставить солдат, матросов и казаков истекать кровью за барыши русских и союзных империалистов. Каледин на Дону, Дутов на Урале подняли знамя восстания. Калединская буржуазия дает им необходимые средства для борьбы против народа. Родзянко, Милуков, Гучковы, Коноваловы хотят вернуть себе власть и, при помощи Калединых, Корниловых и Дутовых, превращают трудовое казачество в орудие для своих преступных целей. Каледин ввел на Дону военное положение, препятствуя доставке хлеба на фронт, и собирает силы, угрожая Екатеринославу, Харькову и Москве. К нему на помощь прибыл, бежавший из заключения, Корнилов, тот самый, который в июле ввел смертную казнь, и шел походом на революционный Петроград. В Оренбурге Дутов арестовал Исполнительный и Военно-Революционный Комитеты, разоружил солдат и пытается овладеть Челябинском, чтобы отрезать сибирский хлеб, направляемый на фронт и в города. Караулов громит чеченцев и ингушей на Кавказе. Политическим штабом этого восстания является центральный комитет кадетской партии. Буржуазия предоставляет десятки миллионов контр-революционным генералам на дело мятежа против народа и его власти. Буржуазная центральная Рада Украинской Республики, ведущая борьбу против украинских Советов, помогает Калединым стягивать войска на Дон, мешает Советской власти направить необходимые военные силы по земле братского украинского народа для подавления калединского мятежа. Кадеты, злейшие враги народа, подготавлившие вместе с капиталистами всех стран нынешнюю мировую бойню, надеются с изнутри Учредительного Собрания притти на помощь своим генералам, Калединым, Корниловым, Дутовым, чтобы вместе с ними задушить народ.

Рабочие, солдаты и крестьяне... Революция в опасности. Нужно народное дело довести до конца, чтобы контр-революционные заговорщики,—казацкие генералы, их кадетские вдохновители почувство-

вали железную руку революционного народа. Совет Народных Комиссаров распорядился двинуть необходимые войска против врагов народа. Контр-революционное восстание будет подавлено и виновники понесут кару, отвечающую их преступлению.

Совет Народных Комиссаров постановляет:

1. Все те области на Урале, Дону и других местах, где обнаружатся контр-революционные отряды, объявляются на осадном положении.

2. Местный революционный гарнизон обязан действовать со всей решительностью против врагов народа, не дожидаясь никаких указаний сверху.

3. Какие бы то ни было переговоры с вождями контр-революционного восстания или попытки посредничества безусловно воспрещаются.

4. Какое бы то ни было содействие контр-революционерам со стороны местного населения или железнодорожного персонала будет караться по всей тяжести революционных законов.

5. Вожди заговора объявляются вне закона.

6. Всякий трудовой казак, который сбросит с себя иго Калединых, Корниловых и Дутовых, будет встречен братски и найдет необходимую поддержку со стороны Советской власти.

Совет Народных Комиссаров 1917 года.

25-го декабря Совнаркомом издано обращение „Ко всему трудовому казачеству“, в котором говорилось: „Властью революционных рабочих и крестьян Совет Народных Комиссаров объявляет всему трудовому казачеству Дона, Кубани, Урала и Сибири, что рабочее и крестьянское правительство ставит своей ближайшей задачей разрешение земельного вопроса в казачьих областях в интересах трудового казачества и всех трудящихся на основе советской программы, принимая во внимание все местные и бытовые условия и в согласии с голосом трудового казачества на местах.

В настоящее время Совет Народных Комиссаров постановляет:

1. Отменить обязательную воинскую повинность казаков и заменить постоянную службу краткосрочным обучением при станицах.

2. Принять на счет государства обмундирование и снаряжение и казаков, призванных на военную службу.

3. Отменить еженедельные дежурства казаков при станичных правлениях, зимние занятия, смотры и лагеря.

4. Установить полную свободу передвижения казаков.

5. Вменить в обязанность соответствующим органам при народном комиссаре по военным делам по всем перечисленным пунктам представить подробные законопроекты на утверждение Совета Народных Комиссаров. (Антонов-Овсеенко—„Записки о гр. войне“, стр. 40).

К Донской области стягивались советские войска, представлявшие из себя разношерстную армию, в значительной части небоеспособную, однако, положительной чертой этих партизанских отрядов являлась моральная стойкость. В задачу советского командования входило прекращение притока на Дон военного снаряжения и воинских частей, что было выполнено в конце декабря, когда железно-дорожная магистраль от Харькова до Александровска была занята советскими войсками. Вместе с тем, в тот же период происходило создание Красной гвардии на рудниках Донецкого бассейна. К 23 января советское командование предполагало закончить сосредоточение войск и начать наступление на Новочеркасск и Ростов из Донбасса и Воронежского района, а к Батайску—со стороны Тихорецкой и Торговой, где была сосредоточена, так называемая, Юго-Восточная армия, которая к 14 февраля должна была занять Батайск.

7-го февраля предполагалось начать наступление на Екатеринодар из Кавказской и Армавира, чтобы раз'единить Екатеринодар и Ростов.

В середине января против Каледина действовали отряды: Саблина (Зуевка, Чистяковка, Черемухино, Петровенки)—2.200 штыков, 300 сабель, 16 легких и 6 тяжелых орудий и в резерве около 5.000 красногвардейцев; Сиверс (Криничная, Ясиноватая, Ханжонково) — 700 штыков, до 500 сабель, 1.200 красногвардейцев, 20 орудий, в резерве до 4.000 местной Красной гвардии; Петрова (головные части в Чертоково) 2.500 человек, 2 батареи и 20 пулеметов.

„Из Донбасса,—пишет Антонов-Овсеенко,—подошел отряд рудничных партизан (до 300 человек), организованный бесшабашным смельчаком Жлобой“.

Основным ядром Юго-Восточной армии являлись части 39-й дивизии (153, 154, 155 полки), расположенные в Тихорецкой, Кавказской, Гулькевичах, Армавире и Ставрополе, прибывшие на Северный Кавказ с Кавказского фронта в конце декабря 1917 г. и сыгравшие значительную роль в революционной борьбе на Северном Кавказе, как в борьбе за Екатеринодар на Кубани. Из переписки кубанского войскового атамана Филимонова с Калединым видно, что прибытие 39-й дивизии очень беспокоило обоих атаманов. 14 ноября 1917 года Филимонов телеграфировал Каледину: „Получена телеграмма Пржевальского о самовольном движении в Ставропольскую губернию 39-й дивизии, идущей воевать с казаками. Первый эшелон прошел Тифлис 12-го. Необходимо ее задержать, если возможно, разоружить. Прошу дать полк и броневики“ („Пролетарская революция на Дону“, сб. 2-й, стр. 117). На эту телеграмму Каледин, находившийся тогда сам в затруднительном положении, 16 ноября ответил: „Могу в крайнем случае, выслать броневик. Полка дать не могу, в виду всей обстановки“ („Пролетарская революция на Дону“, сб. 2-й, стр. 117). 17-го Филимонов снова просит Каледина о помощи для „ликвидации 39-й дивизии“, как он выразился в телеграмме.

Штаб 39-й дивизии с 2-мя батальонами находился на ст. Тихорецкой, где была провозглашена власть Советов.

Вместе с тем Донским Военно-Революционным Комитетом, переехавшим из Ростова в Царицын, было решено организовать здесь военный центр. Таким образом, в начале января 1918 г. была организована Юго-Восточная армия, в штаб которой вошли т.т. Автономов, Равикович, Бабкин, Меньшиков и от штаба 39-й дивизии: Внуков Коротков и др. Командующим армией назначен был Автономов. Станцию Тихорецкую пытался было занять генерал Бабыч, но при помощи Сорокина (впоследствии главкома 11 армии), Тихорецкую удалось отстоять от белых. Сорокин явился с двумя сотнями казаков и предложил штабу свои услуги для борьбы с белыми.

Наступление на Батайск с Тихорецкой началось лишь 1-го февраля, после агитации среди частей 39-й дивизии, Батайск был занят. Окрестные крестьяне с радостью приветствовали избавителей от белогвардейцев. Приводим две резолюции, характеризующие отношение крестьян к революционным войскам:

„Жители села Александровки, Ростовского округа, шлют своим братьям-солдатам пять возов разных харчей, собранных добровольно. Сбор продолжаем и привезем еще“.

„В виду занятия станции Батайск большевиками, сход села Кагальник единогласно постановил: об'явить всему населению притти на помощь войскам, кто чем может—с'естными продуктами, одеждой,

обувью, табаком, фуражем и пр. Для сбора продуктов назначить об'езд подводами по дворам или сносить продукты в волость. Все принимать, что кто даст и сейчас же отвозить все в Батайск и там сдавать войскам“.

Но опасность грозила Каледину с той стороны, откуда он ее менее всего ожидал—со стороны фронтового казачества. Далеко не все казачество было контр-революционно. Еще в мае 1917 года на Краевом С'езде Кавказской армии казачья группа с'езда по поводу организации „казачьей партии“ в своей резолюции заявила, что „условия жизни старой казачьей вольницы умерли, обособленные интересы современного казачества, общи с интересами крестьян и трудового народа“. (Ладоба. „Очерки гражданской борьбы на Кубани“, стр. 64). Казачья масса дала трещину, отделившую стариков от молодежи и фронтового казачества, и надежды Каледина, Алексеева, Корнилова и прочих руководителей Добровольческой армии на то, что казачество послужит опорой российской контр-революции на первых порах не оправдались. Фронтовое казачество за время войны и революции „освободилось от отцовских традиций, в станице началась борьба „отцов и детей“.

Революционное большевистское ядро существовало на Дону, что видно из выборов в Учредительное Собрание: казачий список получил 640 т. голосов, эсеры—480 т., большевики—205 т. голосов, прочие—86 т. голосов.

Донские казаки стали самовольно сниматься с позиции, отказываясь сражаться с советскими войсками. Фронтовики-кубанцы, 5-й Кубанской дивизии, возвращавшиеся домой, будучи задержаны у Иловайской, стали срывать с офицеров погоны, арестовали генерала Орлова со штабом и увезли с собой заложником. „Слава кубанскому казачеству“,—сообщал об этом по радио Антонов.

Центром революционного казачества явилась станица Каменская. По словам Френкеля А. („Орлы революции“), после занятия Калединым Ростова, несколько членов Военно-Революционного Комитета—Френкель, Сырцов и другие повели работу из Царицына и Воронежа, где было организовано бюро Военно-Революционного Комитета, под лозунгами: „Вон атаманов и офицеров“, „Вся власть казачьим советам“. Из Царицына и Воронежа удалось установить связь с казачьими полками, посланными Калединым на границы Донской области. Революционной обработке подверглись 27, 35, 39 и 44 полки, выдвинутые на станицу Каменскую и Миллерово. Произошло неожиданно для Каледина и Алексеева событие: казаки отказались сражаться. 18-го декабря 39-й Донской казачий полк заявил, что он приступит к военным действиям лишь после переговоров с советскими войскам. 31-го декабря в слободе Михайловской казаки арестовали своего командира, сорвали погоны с офицера и присоединились к образованному Ревкому. 4-го января 2 сотни казаков отказались выступить из Азова в Таганрог. Революционные казачьи полки требовали отставки Каледина. Так, 35 полк, расположенный у станции Миллерово, брался с большевистскими отрядами, стоящими у Чертково и поклялся не допустить гражданской войны, заключив с отрядами договор.

Другие полки 8-й и 5-й дивизий одобрили действия 35 полка. В конце концов 35-й полк покинул фронт и ушел домой в Хоперский округ, что впрочем, входило в план Каледина, который стремился распустить революционно-настроенные полки.

В Царицыне 4-го января и в Воронеже 7-го января были созваны два с'езда. Первый состоял из представителей северных станиц Дон-

ской области и делегатов казачьих частей, а второй—из представителей горнорабочих, крестьян и ростовских большевиков, присутствовали здесь также делегаты от стоявших против советских войск казачьих частей. Первоначально переговора с казачьими частями, стоявшими против советских войск, велись начальником группы Зайцевым у станции Чертково, где было даже заключено перемирие, а затем в станице Каменской состоялся с'езд фронтового казачества, созданный по инициативе 5-й дивизии, прибывшей с фронта в декабре. Этот с'езд, состоявшийся 10—23 января, имеет исключительно важное значение в истории революционной борьбы на Дону, так как он противопоставил революционное казачество Каледину.

На с'езде присутствовали представители 5-й и 8-й дивизий, 2-х гвардейских полков и гвардейской батареи. Каледин запретил устраивать с'езд на Дону, поэтому сначала предполагалось его созвать 7—20 января в Воронеже. Однако, с Дона сюда приехало мало делегатов и воронежский с'езд был превращен в совещание. Участники этого совещания Сырцов, Ермилов, Щаденко и другие специальным поездом отправились в станицу Каменскую. „С'езд уже был открыт,— описывает это совещание Ив. Ермилов („Пролетарская революция на Дону“, сб. 4-й, стр. 98),—и заседал под председательством т. Подтелкова при членах президиума т.т. Кривошлыкове и Ипполите Дорошове.

На с'езде представителем от донбасских рабочих, тов. Щаденко, была нарисована картина отвратительной контр-революционной работы калединских приспешников на рудниках и шахтах, рабочим нарочито не выдавали содержание, владельцы умышленно останавливали и затапливали шахты, надеясь безработицей и голодухой заставить их думать о своем желудке или просто мстили им, как большевикам, вплоть до арестов, избиений и расстрелов. Говорил он много и о белогвардейских отрядах, которые сделались фактическими хозяевами Дона, и толкали казаков на вооруженное столкновение с советскими отрядами.

Чаша терпения казаков переполнилась недовольством калединским правительством, когда от него получилась телеграмма на имя с'езда с объявлением его незаконности и ареста его участников.

Как один человек, со сжатыми от злобы кулаками, застонали, закричали казаки: „Не быть этому“. „С'езд продолжит свою работу. Долой Каледина! Да здравствует революция!“—кричит прапорщик Кривошлыков. С'езд тут же образовал Военно-Революционный Комитет, председателем которого был избран тов. Подтелков, тов. председателя избрали меня, при секретаре Кривошлыкове и тов. секретаря Дорошове. Наши силы были довольно внушительны: около 8-ми полков (тысяч до 10-ти) набралось у нас хороших бойцов, революционно настроенных, а также гвардейские батареи, от которых представителем был т. Подтелков. Надо было дать вполне надежного командира для этих сил. Председателем ВРК был избран тов. Подтелков, как популярный казак, за которым казачество с большой охотой шло. В частности гвардейская батарея слепо ему верила и глубоко его уважала как боевика, так и революционера. По существу же, организационной работой занимались т.т. Сырцов и Френкель, ибо мы—фронтовики могли больше вести казачьи массы на боевое дело, чем вести нам незнакомую организационную работу. Но чтобы массы считали ВРК своими казачьим комитетом, мы держали на первых порах т.т. Сырцова и Френкеля на положении чуть-ли не писарей, чтобы показать, что все действия исходят от представителей казачества и что тут никакого подлога нет со стороны большевиков. Командующим мы выдвинули

надежного человека, сотника Смирнова, который и в боевом отношении рекомендован комитетом 24-го полка“.

Обеспокоенный выступлением казачества, Каледин отправил на с'езд для улажения конфликта члена Войскового Правительства Агеева, Светозарова и др. Агеев предложил отправить в Новочеркасск Каледину делегацию из членов Военно-Революционного Комитета для переговоров. В Новочеркасск отправились Подтелков, Лагутин, Кривошлыков. На совещании Подтелков потребовал, чтобы Войсковое Правительство сложило с себя власть и передало Военно-Революционному Комитету.

В своем ультиматуме Донской Военно-Революционный Казачий Комитет предъявил Войсковому Правительству следующие требования:

1. Вся власть в Области Войска Донского над войсковыми частями в ведении военных операций от сего 10-го января 1918 г. переходит от войскового атамана Донскому Казачьему Военно-Революционному Комитету.

2. Отозвать 15 января сего года все партизанские отряды, которые действуют против революционных войск, и разоружить, как их, так и добровольческие дружины, юнкерские училища и школы прапорщиков, выслать всех участников этих организаций, не живших на Дону, из пределов Донской области в места их жительства.

Примечание: Оружие, снаряжение и обмундирование должны сдать комиссару Военно-Революционного Комитета. Пропуск на выезд из Новочеркасска должны получить от комиссара Военно-Революционного Комитета“ и т. д.

Но во время переговоров Каледин двинул на революционное казачество отряд есаула Чернецова и делегация выехала обратно в станицу Каменскую. Началась борьба.

Что же представляло из себя революционное казачество? Тов. Мандельштам (Одиссей) говорит, что Каменский с'езд „не мог решиться об'явить себя с'ездом советов и вообще будущая форма правления была покрыта большим туманом. Мне казалось, что в голове Подтелкова было большое сомнение, насчет установления Советской власти“. По словам А. Френкеля („Пролетарская революция на Дону“, сб. 4-й. стр. 157) „Казачье большинство Военно-Революционного Комитета после некоторого раздумья признало власть совета рабочих комиссаров и выразило свою солидарность советским властям“.

Признавая Советскую власть, революционное казачество очень осторожно отнеслось к земельному вопросу. В заявлении на имя Совнаркома мы читаем:

„Донской Областной Казачий Военно-Революционный Комитет, на основании постановления фронтового с'езда в ст. Каменской постановил:

1) Признать центральной государственной властью Российской Советской Республики Центральный Исполнительный Комитет С'езда Советов, Казачьих, Крестьянских, Солдатских и Рабочих Депутатов и выделенный им Совет Народных Комиссаров.

2) Создать краевую власть в Донской области из С'езда Советов Казачьих, Крестьянских и Рабочих Депутатов.

Примечание: Земельный вопрос в Донской области разрешается тем же Областным С'ездом.

За председателя прапорщик Кривошлыков.

Секретарь Дорошев“.

По словам Антонова-Овсеенко: „Большинство членов Ревкома, отражая устремления середняцкого казачества, весьма недружелюбно относились к притязаниям „иногородних“ крестьян на общий раздел Донской земли и совсем не собирались кончать с обще-казачьими привилегиями. Конечно, это представители середняцкого казачества были настроены против казачьих верхов, хотели их свержения, но свои непосредственные чаяния стремились осуществить исключительно мирными путями“. (Антонов-Овсеенко — „Записки о гр. войне“, стр. 201).

Советское командование, отнесясь осторожно к казачьему Ревкому, придавая большое значение созданию „органа гражданской войны в недрах конного казачества“. Поддерживая его авторитет и власть в глазах казачества, представлялось важным „добиваться от Ревкома самоопределения в сторону Советской власти“... „Каледицина должна быть удушена руками самих казаков“, вот тактика которой решено было прiderживаться. В свою очередь Донревком писал Антонову-Овсеенко:

„Во избежание излишнего возбуждения среди казачьего населения Донской Военно-Революционный Комитет считает, что высшая власть в войне с Новочеркасском официально принадлежит ему. Фактически же план всей кампании войны должен исходить от командующего советскими и казачьими войсками, которые действуют в неразрывной связи друг с другом. Председатель Подтелков, секретарь Кривошлыков“. (Антонов-Овсеенко, стр. 244).

На извещении о переговорах с казаками, В. И. Ленин телеграфировал Антонову-Овсеенко: „Приветствую присоединение казаков, делегаты от коих уже здесь и вошли в С'езд Советов. Относительно земельного вопроса на Дону, советую иметь в виду текст принятой позавчера (28 января) на С'езде Советов резолюции о федерации советских республик. Эта резолюция должна вполне успокоить казаков“.

Неопределенно-революционна была идеология вождей казачества—Подтелкова и Кривошлыкова. В своих воспоминаниях о Подтелкове Мандельштам приводит следующий факт, характеризующий как Подтелкова, так и живучесть казачьих традиций. После переворота в станице Каменской у Подтелкова и некоторых казаков, по словам Мандельштама, „начались колебания такого рода, как они мне заявили,—„что скажут старики“. Сам Подтелков убеждал Мандельштама, что он „никогда без согласия стариков ничего не делал“. Я его убеждал,—пишет Мандельштам,—что мы не испугались Каледина, не испугались об'явить себя правительством, неужели мы с „отцами и матерями“ не сможем сговориться. Но я плохо знал быт донского казачества“. Приводим характерное описание митинга (со слов того же товарища Мандельштама), созданного Подтелковым: „Около школы, где заседал с'езд, был невиданный первый митинг в станице Каменской. Подтелков просил меня не говорить, боясь, что моя еврейская физиономия не понравится донским казакам. Начался для меня совершенно непонятный митинг. Среди моря мужских, женских и детских голов на телеге встал Подтелков и давай креститься¹⁾ на все четыре стороны. Он начал свою речь с того, что „отцы-станичники, мы сегодня ночью, не спросяь вашего благословения, совершили революцию“. Я долго слушал его очень спутанную речь, довольно трусливую, и чувствовал,

¹⁾ „Пролетарская революция на Дону“, сб. 4-й, стр. 156. Там-же редакция сборника „Пролетарская революция на Дону“ указывает, что ряд товарищей оспаривают этот факт.

что настроение толпы куда переросло речь Подтелкова. Я решился говорить. В начале моей речи, правда, раздавались крики: „Жид, какой станицы—Жидовской и т. д.“, но настроение толпы настолько росло, что в середине моей речи я заметил, что казаки стали сдирать погоны с офицеров. Ясно было сочувствие массы к совершившемуся факту“.

По словам самого Подтелкова (автобиография напечатана А. Френкелем в брошюре „Орлы революции“), Подтелков как до государственного переворота, так и после не вступал ни в одну партийную организацию, при чем гражданская война воспринималась Подтелковым весьма своеобразно. „Гражданскую же войну,—пишет он,—я понимаю только как войну одной части трудового народа с оружием в руках, против другой под влиянием злостной агитации... То же, что происходит сейчас, это по-моему, не гражданская война, а борьба трудящегося народа с теми, кто не желает добровольно расстаться с властью и капиталом, похищенными у трудового народа“. (А. Френкель, „Орлы революции“, стр. 33). По словам А. Френкеля, Подтелков и Кривошлыков не называли себя коммунистами и под конец даже называли себя левыми эсерами. Эта революционная неформальность звучала в ответе Подтелкова Каледину на Новочеркасском совещании, где на вопрос Каледина: „Кто же будет судьей?“ — Подтелков ответил: „Народ“.

Подтелкова и Кривошлыкова описывает А. Френкель: „высокий со скуластым лицом, с узкими вечно бегающими глазками, плечистый и здоровый детина; он был в то же время детски-добродушен в своей среде, а когда было это необходимо, проявлял революционную твердость. Сам казак Усть-Медведовского округа, станицы Усть-Хоперской (уроженец хутора Крутовского), он хорошо знал казачий быт и умел подойти к казачеству“.

„Кривошлыков—это тип энтузиаста, глубоко уверовавшего в революцию, на Каменском Съезде он первый выступил с предложением избрать Военно-Революционный Комитет. Эти два героя революционного казачества впоследствии трагически погибли от руки казачества, которое они пытались вырвать из рук генералов и атаманов“.

Во всяком случае даже наиболее революционно настроенные казаки плохо понимали смысл гражданской войны. Подтелков и Кривошлыков пошли до конца вместе с рабочим классом и были впоследствии повешены своими же казаками. Но войсковой старшина Голубов, гонявшийся за Калединым во времена корниловщины, боровшийся впоследствии в рядах революционного казачества, тотчас же после победы над Калединым, изменил рабоче-крестьянской революции.

По словам Антонова-Овсеенко, „Голубов своим „демократизмом“ стал известен на Дону после первых мартовских дней. Во время корниловщины он стоял против „белого генерала“ и пытался даже исполнить приказ Керенского об аресте Каледина. Казачий Большой Круг едва не лишил его за это казачьего звания.“

Он был одно время арестован Калединым, но вскоре выпущен, очевидно, под какие то неопределенные обязательства с его стороны Войсковому Правительству. Это последнее, во всяком случае, считало Голубова „своим“ и давало еще в конце января указания Чернецову связаться с Голубовым, который как будто уже сформировал свой отряд „против большевиков“. (Антонов-Овсеенко—„Записки о гражд. войне“, стр. 208).

Итак, фронтовое казачество, правда, с весьма существенными оговорками на счет земли, оказалось на стороне Совета Народных Ко-

миссаров, и это на три четверти, во всяком случае, определило исход первого периода гражданской войны на Дону.

„Наши союзники казаки,—пишет Антонов-Овсеенко,—поскольку я к ним присмотрелся, внушали мне столько недоверия, что я предупредил Саблина следующей шифрованной запиской:

„Казакам доверять можно лишь, когда они идут впереди в бой, для атаки. Испытайте их при Персиановке или при другом поручении на виду. Не оставляйте их в тылу у себя, укажите на необходимость демонстрации солидарности, а похода в авангарде казаков“.

(Антонов-Овсеенко—„Записки о гр. войне“, стр. 247).

Об отношении ростовских меньшевиков к Каменскому Ревкому может свидетельствовать резолюция Совета Рабочих Депутатов эпохи Каледина. 13-26 января на заседании Ростовского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов был заслушан доклад большевика Фадеева о Каменском съезде. По словам „Ростовской Речи“, фракцией большевиков было внесено предложение принять резолюцию о признании Каменского Военно-Революционного Комитета. Большинством 41 против 38 голосов решено, доклад принять к сведению и резолюций не выносить“. (№ 13, 1918 г. С.-К. Истпарт). Таким образом, ростовские меньшевики крепче держались за Каледина, чем казачество, которое восстало против него.

К концу января Каледин и Добровольческая армия оказались в железном кольце революционных войск. С северо-запада двигались революционные отряды, под командой Антонова-Овсеенко, с северо-востока—под руководством областного Военно-Революционного Комитета, во главе с Федором Подтелковым и Кривошлыковым, с юга—так называемая, Юго-Восточная армия, под командой Авгомонова.

В тылу у белых 18-31 января восстал Таганрог. „Операция к Ростову была задумана широко,—пишет Антонов-Овсеенко,—еще загодя я отправил в Севастополь с тов. Мокроусовым, затем с рядом других товарищей, настойчивое предписание—снарядить особую морскую экспедицию для действия к Таганрогу, в поддержку наступления Сиверса. Эта экспедиция, по моим расчетам, должна была выступить не позже 25 января и, высадив десант в Таганроге, поддержать условленное мною с тамошними товарищами восстание рабочих“.

(Антонов-Овсеенко—„Записки о гр. войне“, стр. 213).

Восстали рабочие Балтийского завода и после жестоких боев юнкерское училище и 2 офицерские роты отступили 2-го февраля из Таганрога. Власть перешла в руки Военно-Революционного Комитета, во главе с большевиками (Шаблиевский, Глушков и др.). 4 февраля белые были разбиты у Матвеева-Кургана, путь к Таганрогу был очищен.

Перешедший в наступление отряд Чернецова, захвативший 28 и 29 января станции Лихую и Звереву, а 30-го Каменскую, 2-го февраля при наступлении на Глубокую был разбит революционным казачеством и частями 1-й революционной армии Петрова. Чернецов был взят в плен и, при попытке застрелить Подтелкова, был последним зарублен.

Силы белогвардейцев были ничтожны. По словам белогвардейского писателя Б. Волина („Дон и Добровольческая армия“) на северном фронте „оставалось 147 штыков, в руках учащейся молодежи, а помощи от казаков все еще не было“. Таким образом, единственной опорой калединщины являлась Добровольческая армия. 26 января у Каледина состоялось совещание с представителями Добровольческой армии, которые потребовали поддержки казачества. Каледин делает

последнюю попытку в этом направлении. 29 января об'является мобилизация стариков-казаков станиц Ольгинской, Аксайской, Новочеркасской и округов Донецкого и Черкасского. Тогда же сход станицы Кривянской выносит постановление о мобилизации всех казаков от 18-ти до 45 лет, старики-казаки из станицы Гниловской выступают на помощь Войсковому Правительству. Вместе с тем делается попытка усилить Добровольческую армию. 24-го января Каледин отдает распоряжение о призыве всех офицеров в Добровольческую армию, но показательно—26 января офицеры всех полков, стоящих в Ростове, отказались от вступления в Добровольческую армию, согласившись покинуть Донскую область к 1-му февраля.

Общее положение к этому времени обрисовывает генерал Алексеев в своем письме во французскую миссию („Пролетарская революция на Дону“, сб. 4-й, стр. 227-228), где он просит выслать на помощь Добровольческой армии хотя бы одну чехо-словацкую дивизию: „Уже 26-го ноября 1917 года мы принуждены были бросить в бой под Ростовом своих 400 человек, с 12 января этого года, мы бросили в бой все, что подготавливали. Ведем мы эти бои с упорством до настоящей минуты. Так как казаки не хотят сражаться, вся тяжесть защиты Донской области, выполнение главнейших задач легли на плечи, слабых числом, добровольческих войск, и потому мы потеряли возможность развивать формирование и вести боевую подготовку. Мы не можем получить материального снаряжения и патронов, так как все наши сообщения с Румынией и Юго-Западными фронтами отрезаны сильными, по числу, большевистскими отрядами. Мы могли бы уйти на Кубань. Но и кубанское войско выдерживает натиск большевизма, только при помощи добровольческих частей, так как и кубанское казаки нравственно разложились“.

Далее Алексеев пишет: „Через несколько дней вопрос может решиться бесповоротно не в пользу и русских интересов, вообще. Уход добровольческих частей из Донской области ухудшит общее положение и уменьшит шансы борьбы с большевиками и достижение победы“. Но это письмо не дошло по назначению и было перехвачено в Миллерово Донским областным Военно-Революционным Комитетом.

29-го января состоялось заседание Войскового Правительства, на котором присутствовал Каледин. Войсковое Правительство признало положение безнадежным, об'явило приказ войскам не оказывать сопротивление Совету Народных Комиссаров и передало власть Новочеркасскому станичному обществу, городскому самоуправлению и Совету Рабочих Депутатов.

29-го января Каледин застрелился, получив перед этим уведомление от Корнилова о том, что Добровольческая армия покидает Донскую область. Он оставил генералу Алексееву письмо, бросающее свет на взаимоотношения Добровольческой армии с контр-революционным казачеством и на идеологию казачьего вождя—Каледина. „Мне дороги интересы казачества,—пишет Каледин,—я вас прошу щадить их и отказаться от мысли разбить большевиков по всей России. Казачеству необходимы вольность и спокойствие, избавьте тихий Дон от змей, но дальше не видите на бойню моих милых казаков. Я ухожу в вечность и прощаю вам все обиды, нанесенные мне вами с момента вашего появления в нашем кругу“. В лице Алексеева, называвшего Каледина „казачьей слякотью“, кулацко-казачья самостийность столкнулась с широкими планами крупной буржуазии о восстановлении „Единой, неделимой“ помещичье-буржуазной России. Каледин—яркий представитель реакционной казачьей романтики.

После смерти Каледина, войсковым атаманом был избран Новочеркасским станичным управлением Назаров, а походным атаманом— Попов. 5-го февраля был объявлен Малый Круг, признавший себя верховной властью.

11-го февраля был занят Таганрог. 13 февраля—Багайск.

В ночь на 10-23 февраля Добровольческая армия отступила из Ростова.

Назаров предложил перенести заседание Круга в ст. Константиновскую и сосредоточить силы к северу от Новочеркасска для удара по красным, но Попов, планы которого разделяло Донское правительство, ушел в Сальские степи с отрядом в количестве 2500 человек, 50 орудий, 40 пулеметов.

23 февраля Антонов-Овсеенко получил следующую телеграмму: „Экстренно Антонову. Сегодня во что бы то ни стало взять Ростов. Ленин“. (Антонов-Овсеенко—„Записки о гр. войне“, стр. 260).

23 февраля части Сиверса вступили в предместья Ростова.

Еще при белых на Темернике большевиками и левыми эсерами был организован нелегальный Военно-Революционный Комитет. На экстренном объединенном собрании Совета Рабочих Депутатов и фабрично-заводских комитетов подавляющим большинством была принята резолюция, приветствующая революционные войска и советскую власть. В Военно-Революционный Комитет были избраны: Жук, Равикович, Дунаевский, Власов, Антонов, Орлов, Колонтаенко, Векин, Сидин, Чесноков, Бердичевский, Савельев, Скороспешник, Горбонов и Степанов. Меньшевики в выборах не участвовали и своих представителей не дали. („Изв. Рост.-Нах. В.-Р. К-та“, № 1 и 3, 1918 г., Материал С.-К. Истпарт).

24-го февраля, после упорного сопротивления, красные части прочно заняли город.

25-го февраля войсковой старшина Голубов занял Новочеркасск— центр Донской контр-революции.

„Весь Круг, дрожа, встает на властный окрик Голубова, неожиданно ворвавшегося на заседание“,—описывает этот момент Антонов-Овсеенко. Круг был разогнан, а руководители его, во главе с Назаровым, арестованы.

Первый период гражданской войны закончился поражением контр-революции. Предпосылкой победы революционных войск явился раскол казачества. Основное ядро контр-революции—Добровольческая армия проскочила с Дона на Кубань, по словам Антонова-Овсеенко, благодаря оплошности 112 полка, не выполнившего приказа о взятии Ольгинской, где добровольцы переправились через Дон.

Вскоре в Ростов переехал Донской Областной Военно-Революционный Комитет, состоявший в большинстве из казаков, во главе с Подтелковым и Кривошлыковым.

В Екатеринодаре, по получении известия об Октябрьском перевороте, Войсковое Правительство 8 ноября ввело военное положение. Вместе с тем Войсковое Правительство постановило „впредь до восстановления власти Временного Правительства и порядка в России, принять на себя осуществление государственной власти в Кубанской области“.

Меньшевистско-эсеровская городская дума в свою очередь вынесла резолюцию о борьбе с „анархическо-большевистским“ восстанием. В то время, как социал-соглашатели на Дону выносили все же резолюции против военного положения, екатеринодарские меньшевики и эсеры, которые пользовались значительным влиянием, наоборот, своим по-

становлением санкционировали введенное Войсковым Правительством военное положение.

Вот эта предательская резолюция, вынесенная Екатеринодарской городской думой, городским головой, которым был меньшевик Адамович, 10 ноября:

1) Городская дума считает выступления анархистско-большевистских групп в Петрограде, возглавляемых Лениным, актом измены и государственным преступлением.

2) Городская дума призывает население объединиться вокруг городской управы, напрячь все силы для восстановления власти Временного Правительства, постановленного волею революционного народа для решительной борьбы с анархистско-большевистским восстанием.

3) Городская дума поддерживает все мероприятия, направленные к этой цели.

4) Городская дума считает, что военное положение, введенное в Кубанской области, должно быть снято немедленно по миновании непосредственной надобности в нем в связи с восстанием большевиков, так как созданные им ограничения свободы собраний и печати чрезвычайно затрудняют нормальный ход предвыборной кампании (в Учредительное Собрание)".

Между прочим, позднее 7—20 февраля городская дума постановила ассигновать Добровольческой армии 50.000 рублей.

Так оформился единый контр-революционный фронт, к которому потом примкнула черносотенная Добровольческая армия, формирование которой началось в Екатеринодаре к концу ноября. Во главе Добровольческой армии вначале стоял Эрдели, а затем штабс-капитан Покровский. По словам члена Рады А. Федеренко („Путь Коммунизма“, стр. 91 и далее, 1922 г.) для Рады было неожиданностью формирование на Кубани добровольческих отрядов, в задачи которых Кубанская Рада в целом не была посвящена. Взаимоотношения Добровольческой армии с Кубанской с первых же дней были враждебны. В разговоре с членом Рады Л. Федеренко (там-же, стр. 93) Покровский заявил: „Для нас Кубанская Рада, судя по ее действиям, почти большевистская организация, с которой нам впоследствии придется бороться“. Интересы кулацкого казачества с его идеологией „собственной хаты“ здесь более остро столкнулись с планами реставрации „Единой, Неделимой“ помещицкой России.

Эти разногласия между кубанским казачеством и Добровольческой армией проходят красной нитью через всю историю гражданской войны на Северном Кавказе.

Войсковое Правительство заранее стянуло к Екатеринодару части „Туземной дивизии“, и, под начальством Филимонова, казачьи части.

У екатеринодарской организации было недостаточно сил. Рабочие были безоружны и неорганизованы. Единственной реальной опорой екатеринодарских большевиков служил артиллерийский дивизион, расположенный в Екатеринодаре.

Войсковое Правительство и комиссар Временного Правительства Бардиж тотчас же перешли в наступление и в ночь на 13-е ноября казачьи части без всякого сопротивления разоружили артиллерийский дивизион, при чем одновременно были арестованы члены Исполкома Совета большевики Елена Полуян и Марочкин.

В ответ на это Исполнительный Комитет Совета постановил объявить забастовку и организовать 2—15 ноября митинг протеста, с требованием освобождения арестованных и возврата оружия артиллерийскому дивизиону. На Сенной площади, куда стали прибывать ра-

бочие, солдаты и члены Съезда иногородных, состоявшегося в то время, юнкера и казаки открыли по толпе огонь. В результате было ранено пять солдат и трое рабочих и убито 4 человека. Митинг все же состоялся и потребовал от Войскового Правительства предать суду виновников расстрела митинга и возвращения оружия артиллерийскому дивизиону.

Заседавший в это время Областной Съезд иногородных, созданный Областным Исполнительным Комитетом, которым руководили эсеры, хотя и избрал комиссию для выяснения событий, но не осмелился даже вынести протеста против расстрела, а принял по поводу ареста Елены Полуян и Марочкина трусливое постановление „в спешном порядке выяснить вопрос о правильности полномочий Елены Полуян и Марочкина, как делегатов съезда и по выяснении этого вопроса принять экстренные меры к охране их личной неприкосновенности“.

Однако, в конце концов Марочкин и Елена Полуян были освобождены, но оружие артиллерийскому дивизиону так и не было возвращено.

Большевикам пришлось уйти в подполье. Организация повела работу по подготовке восстания. Несколько товарищей были отправлены для связей в разные концы: Волик и Дриц — в Ставрополь, Ян Полуян — в Новороссийск, Вишнякова — в Ростов. Надо заметить, что Краевой Совет Рабочих и Солдатских Депутатов находился в Тифлисе. В самом Екатеринодаре, с помощью железнодорожников удалось вооружить рабочий район — Дубинку.

Во время описанных выше событий в Екатеринодаре с 14-го ноября заседал Областной Съезд иногородного населения. По отношению к казачеству этот съезд, которым руководили социал-соглашатели, занял фрондирующую позицию, что видно из воззвания Областного Исполнительного Комитета: „В течение всего времени своего существования,—сетует Областной Исполнительный Комитет,—начиная с мая месяца и до последнего времени Областной Исполнительный Комитет напрягал все и принимал все меры к тому, чтобы все население области было объединено едиными для всего населения органами самоуправления. Но, к сожалению, все его попытки, все его усилия ввести на Кубани демократическое бессловное управление разбивалось об упорное сопротивление некоторых групп казачества и его представителей. В настоящее время Краевая Рада...самочинно провозгласила федерацию с управлением, основанным исключительно на представительстве „коренного населения“, лишив этим вопреки существующим законам, полуторамиллионную массу иногородного населения неотъемлемого права представительства в органах управления. Областной Исполнительный Комитет...считает своим нравственным долгом созвать Областной Съезд иногородного населения области, дабы оно могло выразить свою волю и отношение к постановлениям Рады“.

Большевикам все же удалось провести на съезд двух товарищей от Совета Рабочих и военных депутатов — Полуяна и Карякина. На съезде произошел раскол. По текущему моменту были предложены две резолюции.

Резолюция левой части, отвергая соглашение с буржуазными элементами, выдвигала требования социалистического министерства из всех социалистических партий, ответственного перед Советом Рабочих, Солдатских, Крестьянских и Казачьих Депутатов. „Созданная, таким образом, власть, говорится в резолюции,—должна в первую очередь провести следующие меры:

1) немедленная передача земли в ведение земельных комитетов, 2) осуществление народного контроля над производством и распределением, 3) отмена смертной казни, 4) немедленно приступить к мирным переговорам, 5) созыв Учредительного Собрания в назначенный срок" (Листовка, С.-К. Истпарт).

Большевики, левые эсеры, меньшевики-интернационалисты и анархисты заключили блок и 6—19 ноября совершенно неожиданно для всех большинством 267 голосов против 68 прошла резолюция левой части с'езда. Принятие резолюции левого блока было в равной степени неожиданно как для социал-соглашателей, так и для левых. На с'езде произошло замешательство. От имени комиссии по установлению связи с Войсковой Радой М. П. Покровский заявил:

„Вы создали соглашательскую комиссию,—говорит он,—которой поручили договориться с Радой, чтобы краевое управление и самоуправление были созданы на демократических началах. Мы думали, что мы, не взирая на междоусобицу, достигнем намеченной цели и заведем на Кубани демократическое управление и самоуправление.

Теперь же вы приняли большевистскую резолюцию, последовали за девизом: кто палку взял, тот и победит. Вы хотите захвата власти. Мы не разделяем таких стремлений, а потому слагаем свои полномочия“.

На другой день с'езд принял резолюцию правого блока: „Принимая во внимание: 1) что насильственный переворот, произведенный большевизмом, привел страну к распаду и стал источником кровавых междоусобий, 2) что благодаря перевороту не может состояться в назначенное время созыв Учредительного Собрания, без утверждения которого не могут быть приняты ни земельные реформы, ни другие важнейшие законы, с'езд полагает, что в переживаемый момент страна может признать только такое правительство, которое объединит в себе широкие слои социалистической демократии и поставит своей задачей: а) безотлагательно созвать Учредительное Собрание, б) подготовить заключение международного мира, на демократических началах, в) отменить смертную казнь, г) передать земли в ведение земельных комитетов, д) установить государственный контроль над производством“. (Постановления и резолюции 1-го Областного С'езда иногородного населения Кубанской области, стр. 32, 1917 года, Донархбюро Мат. С.-К. Истпарта).

Эта трещина скоро превратилась в раскол.

Позиция Областного С'езда иногородных ничем существенным не отличалась от позиции, занятой иногородным населением Донской области. Мелко-буржуазные демократы хотели очень мало, но даже удовлетворение этих невинных требований угрожало подорвать власть казачества. С'езд протестовал против военного положения, вынес резолюцию о том, чтобы на Кубани в ближайшее время было введено земское положение, действующее в России и признал постановление Краевой Рады для населения необязательным и исполнению не подлежащим на том основании, что Войсковая Рада не выражает волю всего населения, что способ избрания Рады недемократичен, что от самоуправления устранена половина населения и, наконец, что положение о федеративном управлении Кубанской области может быть разрешено только Учредительным Собранием. С'езд даже постановил созвать Областной союз из неказачьего населения Кубанской, Донской и Терской областей и решил оживить Гражданский Исполнительный Комитет.

25 ноября—8 декабря комиссар Временного Правительства объявил, что постановление Временного Правительства от 21-го апреля 1917 г. об учреждении земельных комитетов и все инструкции, циркуляры и распоряжения главного земельного комитета на Кубанскую область не распространяются. Иногородные еще раз услышали, что землю они не получат: „на основании постановления Войсковой Кубанской Рады,—гласит циркуляр,—все земли кубанского казачьего войска, леса, рыболовные воды как лежащие внутри Кубанской области, так и морей, омывающих берега ее со всеми недрами, как историческое достояние Кубанской области составляют неотъемлемую неприкосновенность. Всем этим кубанское войско распоряжается самостоятельно и независимо. Все частновладельческие земли, выделенные из территории кубанского казачьего войска, путем высочайших наград, а также земли монастырские, причтовые и церковные, расположенные в районе кубанского края, должны быть возвращены кубанскому войску. Земли крестьянские и мелких собственников остаются за владельцами“ („Вольная Кубань“, № 94, 1917 года. Мат. Сев.-Кав. Истпарта).

Перед лицом надвигавшейся революции избранная Краевой Радой Законодательная Рада пыталась войти в соглашение с иногородными по тем же мотивам, по которым пошел на соглашение с иногородными Каледин. Была избрана даже согласительная комиссия, состоящая из представителей от Съезда иногородных и Законодательной Рады. По проекту комиссии должно было быть введено всеобщее избирательное право, при чем, однако, устанавливался ценз оседлости, равный новому году. Органы Краевого Правительства, до создания Об'единенного Правительства, должны были контролироваться Областным исполнительным комитетом. Однако, Законодательная Рада увеличила ценз оседлости до 3-х лет и взамен контроля Областного исполнительного комитета постановила внести в состав Краевого Правительства трех представителей от Съезда иногородных: „Настойчиво и последовательно стремясь к уничтожению розни между казачьей и неказачьей частью населения области и к созданию единой кубанской демократии,—гласит постановление,—принять предложение Законодательной Рады войти в состав Краевого Правительства, избрав для этого трех своих представителей“. (Постановление и резолюции 1-го съезда иногородного населения Кубанской области с 1 по 13 ноября 1917 г., стр. 36. Материал С.-К. Истпарта). Но соглашения не достигнуто, в виду отклонения Законодательной Радой персональных кандидатур представителей Съезда иногородных.

Открывшаяся 28 ноября—11 декабря чрезвычайная сессия Законодательной Рады постановила для борьбы с анархией созвать на 9 декабря ст. ст. Краевую Радую и на 12 декабря ст. ст. Областной Съезд иногородных для совместной работы с Радой. Однако, Областной исполнительный комитет постановил обратиться циркулярно к казачьему населению области с распоряжением не принимать участия в Краевой Раде, созываемой 9-го декабря. Созвать на 9-е декабря областной совет иногородных. (Материал Куб. Истпарта Прот. Исп. от 28-XI—1917 г.; дело № 57).

9-го декабря собралась Краевая Рада и Вторая Сессия Съезда иногородных. Оба эти съезды раскололись. В зимнем театре заседала казачья Рада с небольшим количеством делегатов иногородных, шедших за старым эсеровским областным исполнительным комитетом: в помещении театра „Мон-Плезир“ заседало революционное большинство иногородных и часть революционно-настроенных представителей каза-

чества. Там на смену сословному делению на казаков и иногородных пришло классовое. По словам участника (г. Гуменный) большинство революционных казаков составляли „линейцы“, жители захудалых и бедных станиц. В среде казачества происходил сдвиг. Казаки станиц Славянской, Петровской и Полтавской 21 ноября—4 декабря в своем приговоре требуют исключения из списка кандидатов в Учредительное Собрание „земельных собственников, как например, К. Л. Бардижа и его сына“. Далее казаки пишут: „Мы просим Законодательную Раду исключить из списков не только обоих Бардижей, которых мы определенно знаем как земельных собственников, но всех тех, кто имеет собственную землю...“

„Братья казаки всех станиц, если вы согласны с нами, что помещик-казак не может быть защитником земельных интересов трудового казачества, то подтвердите свое согласие приговором...“ (Листовка, С.-К. Истпарт).

На Кубани, точно так же, как и на Дону, казачество постепенно отделяло свои интересы от помещичьих.

Казачья Рада с частью иногородных, назвавшая себя Вторым Обще-Областным Съездом представителей казаков, иногородных и горцев заседала с 26-го декабря по 3-е января. В основу объединения правой части казачества и иногородных легла резолюция о непризнании Власти Советов Народных Комиссаров и лозунг Учредительного Собрания. Припертое к стене казачество бросило кость иногородному населению, заключив соглашение на следующих условиях: избираемая Съездом Законодательная Рада состоит из равного количества иногородных и казаков—по 46 человек и 8-ми представителей горцев. Краевое Правительство состоит из пяти казаков, пяти иногородных и одного горца. На местах власть конструируется следующим образом: там, где иногородные представляют меньшинство, выборы производятся пропорционально, там же, где иногородных большинство, сборы составляются из равного количества казаков и иногородных, при чем станичный атаман избирается из казаков. Таким образом, фактическая власть оставалась в руках казачества, при чем, благодаря двухлетнему цензу проживания в области, от выборов в органы местного самоуправления устранилась огромная масса населения. Вместе с тем съезд постановил ввести земельные комитеты и с 14-го января 1918 г. отменить „посаженную плату“.

Заседавшей одновременно со Съездом иногородных, Радой был избран атаманом Филимонов и, взамен Войскового Правительства, было образовано, так называемое, Краевое Правительство из 10 членов, во главе с Бычем, в составе: Трифонова, Трусковского, Сверчкова, Юшко и других.

Краевая Рада по вопросу о власти вынесла следующее постановление:

„1. Объявить во всеобщее сведение, что большевистская власть, установленная в Петрограде путем преступного насилия над Временным Правительством не признается Кубанской Краевой Радой, стоящей на страже завоеваний революции.

2. Что всякие распоряжения, приказы и декреты, издаваемые так называемым Советом Народных Комиссаров и его ставленниками, а равно и договоры, заключенные этим Советом, лишенным обязательной для кого бы то ни было силы и заявления“ и т. д.

Последний пункт этого постановления совершенно точно определил позицию Кубанского Краевого Правительства:

„5. Вменить в обязанность войсковому атаману и Кубанскому Крае-

вому Правительству организовать в единении с правительством Юго-Восточного Союза, военную защиту территории Кубанского края и всех союзных областей от возможных нападений со стороны большевистских войск и вооруженных банд“.

Юго-Восточный Союз, однако, обнаруживал весьма слабые признаки жизни хотя при нем, впрочем, был образован Экономический Совет.

Принятая ноябрьским съездом иногородных резолюция о признании Совета Народных Комиссаров значительным большинством голосов (256 против 153), хотя и была аннулирована на другой день, тем не менее она свидетельствовала о настроении иногородных, не дождавшихся даже уничтожения посаженной платы. В декабре казачество спешит исправить ошибку и принимает меры к тому, чтобы обезопасить себя со стороны иногородных и развязать руки для „оздоровления России“. Между казачеством и иногородным стоял земельный вопрос. На Съезде иногородных председатель исполнительного комитета А. Белоусов плакался на Раду: „Мы, иногородные,—говорит он,—остались пасынками и в период революции... Наше положение теперь даже хуже, чем раньше... Мы, проявившие за все семь с половиною месяцев терпение, умеренность, обойдены, оскорблены, забыты... Мы каждый год платили 6 миллионов рублей казачеству аренду за землю, а теперь нам, после десятков лет труда, не хотят сдавать эту землю на условиях, бывших до революции... Наши солдаты на фронте принесли огромные жертвы. За родину пало их больше, чем казаков... Нельзя третиговать нас и ставить на одну доску с помешанными и глухонемыми, как это делает Рада... Я подчеркиваю: Рада, а не казачество, ибо трудовому казачеству не нужно и не выгодно угнетение трудового крестьянства“.

Иногородное население получило призрачное участие во власти, между тем, основной вопрос в казачьих областях—земельный—был разрешен в интересах казачества. Статья вторая казачье-горской программы по земельному вопросу, утвержденной Краевой Радой в декабре 1917 года, гласит:

„Все земли Кубанского казачьего войска, леса, рыболовные воды, как лежащие внутри Кубанской области, так и морей, омывающих берега ее на семиверстном расстоянии и проч. угодья, со всеми недрами, как историческое достояние кубанского войска, составляют неотъемлемую и неприкосновенную собственность кубанского казачьего войска, Кубанское казачье войско владеет, пользуется и распоряжается своими землями, лесами, водами и недрами самостоятельно и независимо. Все частновладельческие земли, выделенные из территории кубанского казачьего войска путем высочайших пожалований, наград и проч., а также земли казенные и монастырские, расположенные на территории Кубанского края, бесплатно отчуждаются на основаниях, устанавливаемых законодательными органами Края, и поступают в особый фонд Края. Земли церковные, причтовые, монастырские и офицерские, выделенные из юртов станиц, бесплатно возвращаются тем же станицам обратно.

Земли крестьянские, наделные земли крестьянских товариществ и мелких собственников в пределах Кубанской области должны остаться за их владельцами в размере земельной нормы, имеющей быть установленной для Кубанской области. Земли горских народов Кубанской области, леса и прочие угодья со всеми недрами составляют их неотъемлемую и неприкосновенную собственность, которой они пользуются и распоряжаются самостоятельно и независимо“.

(И. Гольдентул „Земельные отношения на Кубани“, стр. 43).

Эта программа закрепляла существовавшее на Кубани положение,

оставляя за иногородными и горцами лишь их земли. Так казачество пыталось застраховать себя от посползновения иногородных на казачьи земли. Само собой разумеется, главную массу иногородного населения такое решение земельного вопроса не могло удовлетворить по той простой причине, что оно оставляло их попрежнему без земли, в качестве батраков или арендаторов.

Но мир казачьих верхов с кулацкой частью иногородных не оставил борьбы в станице, которая не только не заглохла, но, наоборот, обострялась.

В то время как казачьи верхи стоваривались с кулацкой частью иногородных, отколовшаяся часть Съезда иногородных вступила на путь революционной борьбы. Съезд признал Совет Народных Комиссаров законной властью и в своей резолюции передал на Кубани власть Рабочим, Казачьим, Солдатским и Крестьянским Депутатам.

Вот выдержка из резолюции съезда по вопросу об организации власти, принятой 14—27 декабря: „В данное время вся Россия разделилась на два враждебных лагеря—помещиков-капиталистов и трудового народа. Интересы этих двух классов по самой своей природе настолько противоположны, что о примирении их не может быть и речи; речь может идти лишь о победе одного класса над другим. Исходя из этих соображений и принимая во внимание, что интересы трудящихся (рабочих, крестьян и трудового казачества) могут быть в данное время наиболее полно осуществлены органами, созданными из самих трудящихся, Съезд иногородных считает необходимым и на Кубани передать всю полноту власти в руки Рабочих, Солдатских, Крестьянских и Казачьих Депутатов... Советы должны быть избраны на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования. Советская власть совершенно самостоятельно создаст органы, необходимые в целях проведения в жизнь воли трудового народа. Созданная, таким образом, Советская власть, должна в первую очередь организовать земельные комитеты, в ведение которых должны перейти без выкупа все казенные, кабинетские, монастырские и частновладельческие земли, вместе с живым и мертвым инвентарем, впредь до разрешения земельного вопроса в Учредительном Собрании.

Примечание: Паевые наделы трудового казачества и крестьянства остаются в распоряжении их владельцев.
(Материалы С.-К. Истпарта).

В своем воззвании к казакам левое течение писало: „разве вы сами не страдаете от бедности, гнета и земельной тесноты. Сколько есть казаков, у которых не больше 4-х и 5-ти десятин на двор, а рядом с ним казаки-помещики, у которых сотни десятин своей земли и которые сверх того прибирают к рукам войсковые земли и уголья. По новому советскому закону земли казаков-помещиков должны без всякой платы перейти в руки казаков тружеников, казачьей бедноты“.

Боясь за создание Советской власти, съезд не скрывает того, что эта борьба встретит много препятствий и завершится победой только в том случае, если на путь борьбы за Советскую власть станут сплоченные трудящиеся массы“. (Материалы С.-К. Истпарта).

По вопросу о союзном договоре Юго-Восточного Союза съезд большинством 305 против 9 голосов постановил:

„1. Считать основание Юго-Восточного Союза положенным лишь верхами казачества и верхами горских племен, но не революционным трудовым казачеством и свободными сыновьями гор, и цели его—явно контр-революционными.

2. Оказывать Совету Народных Комиссаров самую энергичную поддержку в борьбе с союзом и противодействовать целям союза всеми возможными мерами и средствами“ (Резолюция Куб. обл. с'езда иногородных, 17 г. Мат. С.-К. Истпарта).

18—31 декабря с'езд избрал Кубанский Областной Совет Народных Депутатов, которому было поручено созвать в Екатеринодаре 20-го января 1918 года первый С'езд Советов Кубанской области. Областной Совет Народных Депутатов состоял из 16 человек, председателем его был избран большевик Янковский, товарищем председателя—левый эсер Выгриянов и левый эсер Скворцов, казначеем—большевик Седин, а секретарем—анархист Рондо.

Еще ранее, 17—30 декабря большевики, совместно с левыми эсерами и анархистами, постановили начать вооруженную борьбу с Краевым Правительством и избрали военным комиссаром анархиста Тимофеева. Началась организация революционных сил. Совет Народных Депутатов, признав, что Краевое Правительство не допустит с'езда в Екатеринодаре, решил обратиться за помощью к расположенной в Тихорецкой 39-й дивизии и к новороссийским рабочим. Со своей стороны Краевое Правительство перешло в наступление. 10-го января Краевое Правительство арестовало председателя Совета Народных Депутатов Янковского, тов. председателя Совета Народных Депутатов Скворцова и Выгриянова, тов. Фрадкина, большевиков Карякина, Лиманского и других. Зверски были убиты большевик Седин, левый с-р. Стрелько. Тем не менее большевики даже издавали нелегально „Прикубанскую Правду“, которая, однако, провалилась. Одновременно были разгромлены профессиональные союзы. Особенно беспокоила казачество 39-я дивизия, что мы уже видели из переписи кубанского войскового атамана с Калединым. Но двинутые в декабре против Тихорецкой, где были расположены части 39 дивизии, казаки отказались сражаться.

Положение Краевого Правительства было далеко не блестяще: возвращавшиеся с фронта казачьи части расходились по домам, несмотря на то, что члены Рады вели по станицам усиленную агитацию,—казачество относилось к Раде и Краевому Правительству или равнодушно или враждебно. 14-го декабря в Новороссийске власть переходит в руки Совета. 6—19 января в Армавире был организован из представителей казаков, солдат и рабочих Военно-Революционный Комитет и в ночь на 7—20 были заняты революционными войсками все учреждения. 9—22 января произошел переворот в Майкопе.

Не даром Каледин не задерживал на Дону эшелоны кубанских казаков, их настроение один из работников того времени характеризует так: „Домой—пахать землю“. Для характеристики именно этого настроения казачества очень типично приводимое ниже воззвание принятое 6 марта на сходе казаков и иногородных ст. Медведовской по текущему моменту. В резолюции мы читаем: „установлено, что слухи о преследовании казаков со стороны большевиков—ложны и поэтому сход подчиняется распоряжениям начальника Черноморской силой Бардижа и принял нейтральную позицию как по отношению большевиков, так и по отношению Краевого Правительства, так и со стороны большевиков сход казачьего и иногородного населения постановил защищаться обоюдно“.

Для организации обороны станицы сход выделил комиссию, а также был выделен целый ряд делегатов в соседние станицы и в штаб большевиков и Краевого Правительства для выяснения положе-

ния (Фонд канцелярии совета Куб. Краевого Правительства, № 51, св. 3).

Но были и другие настроения среди казачества. В станице Варенниковской собрание казаков в количестве 286 человек вынесло следующую резолюцию:

„1. Не признавать власть Кубанского Краевого Правительства.

2. Признать власть Совета Рабочих, Солдатских, Крестьянских и Казачьих Депутатов и Совет Народных Комиссаров.

3. Требовать скорейшего созыва Всероссийского Учредительного Собрания и рабочего контроля над ним.

4. Признать избранным в Учредительное Собрание от рабочего казачества правомочными только тех, которые будут защищать интересы трудового народа.

5. Установить связь Кубани со всеми областями и губерниями Российской республики, а также с Черноморским и Балтийским флотами и совместно со всеми стоять против контр-революционеров, грозящих завоеваниям трудового народа.

6. Требовать демократического мира на основе самоопределения народов без аннексий и контрибуций.

7. Требовать немедленного разоружения и удаления „дикой дивизии“ из гор. Екатеринодара“. („Изв. Новорос. Сов. раб. и солд. деп.“, № 43, 18 г. Мат. С.-К. Истпарта).

В станице Старо-Леушковской собрание иногородных вынесло следующее постановление, характерное именно для иногородных:

„1. Не признавать федерации Кубанского войскового правительства, так как вопрос этот может быть разрешен только Учредительным Собранием.

2. Признать законной власть Совета Народных Комиссаров и Советов Рабочих, Солдатских, Крестьянских и Казачьих Депутатов.

3. Восстановить земельные комитеты, на которые иногородное население могло бы опереться до Учредительного Собрания.

4. Не признавать Кубанской Краевой Рады и Кубанского Краевого Правительства, как не отвечающих запросам трудового класса.“ („Изв. Новорос. Сов. Раб. и Солд. Деп.“, № 32, 18 г. Мат. С.-К. Истпарта).

4—17 февраля в станице Полтавской, выступавшей против казаков-помещиков, на съезде представителей казачьего сословия Таманского отдела была принята резолюция по отношению к большевикам казаков и иногородных следующего содержания:

„Из приговоров станиц выяснилось, что казаки большевиков не признают, так как большевизм в первую голову губит казачество. Та социализация, которую большевики проводят немедленно и которая в первую голову должна смести казачество, такая немедленная социализация вслед за казачеством сметет и достояние тех иногородных, у которых что-либо имеется, а так как то казачество надеется на то, что вместе с ним пойдут и те иногородные, которые что-либо имеют, а если же и не имеют, то они все же думают жить тем, что сами нажили своим трудом, а не тем жить, что им достанется при такой социализации, которую проводят на практике большевики“. (Вольная Кубань“, № 30, 11 февраля. Мат. С.-К. Истпарта).

Итак, в ноябре—против помещиков-казаков, в феврале—против большевиков, солидаризируясь с теми иногородными, у которых „что-либо имеется.“ Эта солидарность казачьего и иногородного кулачества выражена в резолюции достаточно ясно.

Если на Дону фронтовое казачество было в значительной части активно революционно, то на Кубани оно было, так сказать, „пас-

сивно революционно". Оно просто отказалось защищать правительство Бардижа-Филимонова, не участвуя активно в его свержении.

Кубанские большевики были предоставлены в борьбе с Бардижем исключительно собственной инициативе. Единственная вооруженная сила — артиллерийский дивизион, была разоружена Туземной дивизией.

17—30-го января в станице Крымской членами местного Совета Народных Депутатов, членами Екатеринодарского Совета Народных Депутатов и организацией РСДРП (большевиков) был созван Съезд представителей революционных станиц и воинских частей, на котором был избран Кубанский Областной Военно-Революционный Комитет, во главе с председателем Яном Полуянном. На Съезде присутствовали представители 39-й дивизии тов. Будко и тов. Грушко, с которыми было решено начать наступление на Екатеринодар по линии железных дорог Тихорецкая и Кавказская, а со стороны Новороссийска — силами Военно-Революционного Комитета. Предполагалось занять Екатеринодар к 25 января, чтобы защищать штыками назначенный на этот день Съезд Советов.

19-го января—1-го февраля Рондо сделал доклад Центральному Исполнительному Комитету Новороссийского Совета, который, получив известие о том, что части войскового правительства заняли станцию Энем, решил перейти в наступление.

В распоряжении Военно-Революционного Комитета находились красногвардейские части, численностью не более пятисот человек, при четырех горных орудиях и нескольких пулеметах. Командовал отрядом Яковлев. Об условиях, в каких ковалась стихийно победа, свидетельствуют следующие факты, приведенные в воспоминаниях командующего Новороссийским фронтом товарища Бушко-Жук.

По словам Бушко-Жук, первое выступление — бой под Энемом — было горячим и быстрым. Отряды были недостаточно организованы, связь между ними не была обеспечена, не говоря уже о том, что само выступление было преждевременно, так как части 39-й дивизии, которые должны были наступать на Екатеринодар с востока, с выступлением запоздали. Утром 2—15 февраля революционные отряды, тем не менее, заняли станцию Энем. Численность белогвардейских войск, действовавших под командой капитана Галаева, была равна приблизительно численности наступавших революционных частей, однако, на стороне белых было то преимущество, что они были лучше организованы и вооружены. Во время боя был убит командующий отрядом тов. Яковлев и тов. Перов. К тому же командующий артиллерией поручик Баранов изменил во время боя. Из Энема революционный отряд тов. Алексанкина вынужден был отступить в станицу Афипскую, куда для подкрепления прибыл отряд во главе с тов. Серадзе. 6-го февраля (24 января) произошел бой у Афипской, закончившийся поражением революционных войск. Во время боя был ранен командовавший отрядом тов. Серадзе, который и остался в руках белых (впоследствии умер в больнице в Екатеринодаре). И здесь причиной поражения была горячность. По словам Бушко-Жук на все его возражения, что разбить белые части не пустяковое дело, одни ему отвечали: „Революционеры не отступают“, другие: „В три счета расшибем“ (Серадзе и Алексанкин). Новороссийские рабочие героически боролись под Афипской, но вынуждены были отступить, правда, с незначительными потерями.

К этому времени восстановилась связь со Ставрополем, Армавиrom и Темрюком. Со всех сторон стала прибывать новороссийцам подмога.

В это время, 2—15 февраля в Армавире состоялся 1-й Областной Съезд Советов. История 1-го Областного Съезда Кубани такова. В конце декабря делегаты предгорных селений Кубани, ехавшие в Екатеринодар на Съезд Народных Депутатов (более 20 человек), узнав, что правительство Филимонова арестовывает депутатов, решили созвать съезд на ст. Гулькевичи, где стоял штаб 39-й дивизии. Село Гулькевичи было настроено большевистски, но во главе местной власти стоял комиссар Никитенко, который встретил обратившихся к нему за содействием депутатов не особенно дружелюбно. „Власть приехали создавать,—кричал он,—за чужую спину будете прятаться, за власть надо воевать“ и т. д. Тем не менее был собран митинг, избраны депутаты, отпечатаны воззвания и через несколько дней собралось на съезд около 100 делегатов. Призыв съезда к борьбе возымел свое действие: „Именем съезда захватывались земли, изгонялись помещики... именем съезда арестовывали активно выступавших контр-революционеров для расправы их отправляли на съезд в Гулькевичи... (Восп. Борисенко. Рукопись, С.-К. Истпарт), Никитенко (о котором речь будет еще ниже) пытался использовать съезд для укрепления „своей“ власти, поэтому съезд решил переехать в Армавир. Здесь влились в состав съезда делегаты от Армавира. От съезда в ст. Крымской (см. выше) приехал в качестве делегата Ян Полуян. Съезд избрал Исполнительный Комитет в составе 25 человек, в который вошли: от большевиков—Полуян, Гайчинец, Козлов, Гречулин, Ткаченко, Замота, Долгополов, Шерба, Борисенко, Клименко, Майборода, Руденко, Левитин, Тащиев, Пузырев, Белоусов, Яковлева, Макеенко, Лифарев, Глебов, Копылов, Михайлов, Ткачев, Черный, Бугрый, Романовский, Калашников, Васильев, Быков. От левых социал-революционеров—Макеев, Никитенко, Курочкин, Кича, Шеляп, Горобец, и др. (Протокол № 3, Дело Куб. Истпарта № 58, стр. 7, мат. С.-К. Истпарта). Большинство составляли казаки фронтовики, меньшинство—иногородные.

По словам тов. Борисенко, „никто не знал толком, чем же надо заняться, какие же работы нужно проводить, как их проводить, на кого опереться в своей работе“.

Исполком организовал красногвардейские части (отряд Балахоннова) и был связан со штабом Автономова в Тихорецкой. Одним из методов агитации за Советскую власть являлись своеобразные смотрины. Их описывает в своих воспоминаниях т. Борисенко (Восп. Борисенко, Рукопись С. Л. Истпарт.):

Целыми неделями и месяцами, митинговали ежедневно, станичники. Отчаянно боролось старое казачество за свою атаманскую казачью власть, но силы были неравны: сторонников Советской власти было больше, с каждым днем они все больше и больше наступали на грудь, на горло старого казачества, требуя введения Советской власти. Верхи казачества пугали население тем, что это неизвестная власть, что надо узнать какая она есть, и после многочисленных митингов, бесконечных споров, ругани и драки, выбирались делегации и посылались посмотреть Советскую власть в Армавире и тех селах и станицах, где она уже организовалась.

Президиум 1-го Исполнительного Комитета, видя, что Советской власти устраиваются смотрины и понимая, чем это вызывается, решил не ударить лицом в грязь.

Когда приезжали делегаты, в определенное время, собиралось заседание исполкома. Старики—члены исполкома, с большими седыми бородами, сажались на видном месте, казаки были одеты в казачьи формы. Президиум занимал свои места за столом президиума.

Вводилась делегация. Ее сажали, спрашивали зачем она приехала, выслушивали и начинали пояснять сколько казаков и сколько мужиков в исполкоме. Сколько молодых фронтовиков и сколько стариков. Указывалось, что в составе исполкома есть студенты, офицеры, казаки, солдаты, урядники, гвардейцы, женщины и проч. Рассказывалось делегации, почему, вместо атаманской власти, нужно организовать Советскую власть.

Иногда беседы длились целыми часами. Было видно, как торжествовали свою победу фронтовики. Власть то оказалась не такая какой пугали в станицах, а самая что ни на есть хорошая, народная власть. Старики-казаки иногда выпрашивали, выщупывали со всех сторон, до мельчайших подробностей и в большинстве случаев, делегация уезжала домой в таком состоянии, когда фронтовики и молодое казачество бесповоротно решили сейчас же организовать Советскую власть, а старик-казак, ехавший с целью найти массу отрицательных сторон, разводил руками говоря: „поди-ж ты“. Обыкновенно возвращения делегаций на места несли с собой организацию Советской власти.

Не мало было и казусов во время бесед. Так—какой нибудь старик казак, глубоко уверенный, что Советская власть —поганная власть, услышав, что в исполкоме больше казаков, есть урядники, офицеры—удивленно спрашивал: „а как же они очутились в этой власти?“

Но не этот съезд, как мы видели, стал во главе вооруженной борьбы за Советскую власть на Кубани.

Главный штаб революционных войск находился в станице Крымской. Новороссийские рабочие, по словам т. Бушко-Жук, чуть-ли не в течение двух суток создали два броневика: „Борец за свободу“ и „Большевик“.

10 марта в Военно-Революционный Комитет были избраны новороссийские работники: Дегтярев, Бобрук Алексей, Родомцев, Зайцев и Отреблянко. („Черноморская Мысль“ № 25, 1—14 марта, 1918 г., Материал С.-К. Истпарт).

Не рассчитывая на свои силы, Новороссийск командировал в Трапезунд товарища Яковлева за поддержкой к солдатам Кавказского фронта. Значительную помощь в этой борьбе оказал прибывший из Трапезунда 22 Варнавинский полк.

Гражданская война выдвинула своих руководителей. Один из них штабс-капитан Марин, командир мортирного дивизиона, сыгравший крупную роль в победе над белыми в качестве начальника штаба красных войск, говорил: „я по убеждениям только кадет, у вас, у большевиков ничего не выйдет, но раз мортирный дивизион пошел, а я люблю своих солдат,—я буду с ними и буду честен“.

К тому времени вся Кубань, за исключением Екатеринодара, была советской.

Наступление на Екатеринодар велось со стороны Тихорецкой, где была расположена, так называемая, Юго-Восточная армия, командующим которой был назначен Антоновым-Овсеенко—Автономов, и со стороны Новороссийска—во главе с командующим Южной армии Бушко-Жук.

Что происходило в это время в Екатеринодаре, оказавшемся в железном кольце революционных войск? На Дону Каледин опирался на Добровольческую армию, во главе с Алексеевым и Корниловым, здесь, на Кубани, единственной опорой контр-революции точно также оказалась Добровольческая армия во главе с капитаном Покровским, превратившимся после победы над красными войсками под Энемом в

„спасителя“ Кубани и произведенного, по предложению атамана Филимонова, в чин полковника. Формирование отрядов Добровольческой армии было разрешено официально. Все попытки Краевого Правительства привлечь на свою сторону казачество кончились крахом. 15—28 февраля была созвана Рада из представителей казачества Черноморья в станице Тимошевской, вынесшая постановление бороться с большевиками, но это постановление повисло в воздухе, так как казачество не желало бороться. И здесь развернулась борьба отцов и детей, домовитого казачества с фронтовой молодежью, и перевес был пока на стороне фронтовиков.

Между тем со стороны Тихорецкой на Екатеринодар наступал отряд под командой Сорокина, численностью до 4000 человек.

Лишенная поддержки казачества, Рада 13—26 марта утром решила оставить Екатеринодар. Численность отряда белых, отступившего из Екатеринодара под командой Покровского, была немного более 3-х тысяч человек. Рядовые члены Рады раз'ехались по домам.

В своих воспоминаниях бывший член Рады Л. Федоренко рассказывает: „Помню в одном месте пожилая простая казачка, обращаясь к своему мужу, депутату Рады, простому казаку ст. Медведовской, говорила: „Ну на якого бисова батька тобі треба кадетив, який ты кадет, побув три, або чотири тыжни членом Рады и думаешь, что ты уже пан. Дивись, тут уси паны в погонах и лампасах, а ты подывься на себя“.

Отступившие с отрядом Покровского члены Рады попали в довольно глупое положение. По словам того же Л. Федоренко, на протесты членов Рады против тех или иных военных мероприятий они получали ответ: „Вы смотрите там,—раз вас спасли от большевиков, так уж, пожалуйста, не мешайтесь не в свое дело. Мало в Екатеринодаре болтали, так не болтайте хоть здесь“.

Отступая из Екатеринодара, отряд Покровского захватил с собой заложников, в числе которых находились большевики: Лиманский, Асаульченко, Янковский и Карякин. Между прочим, вместе с Радой ушел из Екатеринодара и городской голова меньшевик Адамович.

Еще до прихода красных войск в городе была организована Красная гвардия, в штаб которой входили Ивницкий, Сухинин, Асаульченко. Город был разбит на 12 участков, красногвардейцы организованы по десяткам, назначены командиры и т. д.

Среди добровольцев перед уходом царил полная растерянность. Захваченный белогвардейцами тов. Асаульченко так рисует это отступление: „Это было не отступление, а форменное бегство. Все пьяные, в панике, налегке, на легковых извозчиках, кричали, суетились, бранились, угрожали каждого застрелить. На железном мосту получился затор. В городе поднялась стрельба. Это красногвардейцы провожали бегущих белых. Всю ночь двигались и к утру дошли до аула Шенджий. Отступало очень много, но войска 2500 пехоты и 1500 сабель при 44 орудиях. Из города был захвачен банк, все золото и серебро“.

Один из организаторов екатеринодарской белогвардейщины комиссар Временного Правительства Бардиж пытался скрыться по направлению Архипо-Осиповской, но был захвачен, вместе с сыновьями, и расстрелян в Туапсе.

1—14 марта в Екатеринодар вступили советские войска,—первым вступил Сорокин. По занятию Екатеринодара советскими войсками был создан Военно-Революционный Комитет из представителя Екатеринодарского Ревкома, Юго-Восточной армии и Крымского Ревкома.

Председателем был избран Автономов, товарищем председателя Кравченко и Ивницкий, секретарями Бакулин и Старцев.

Мобилизация контр-революционных сил на Тереке, как впрочем, и в других областях Северного Кавказа, произошла до Октябрьской революции. Тотчас же после Октябрьской революции „союз папахи и черкески“ был закреплен образованием Терско-Дагестанского Правительства, входившего в свою очередь в Юго-Восточный союз. Терско-Дагестанское Правительство было создано Центральным Комитетом Союза Горских Народов и Терским Войсковым Правительством в составе: князя Капланова, чеченского миллионера Тапы Чермоева, Коцева, Джабагиева и других, при чем командующим войсками был назначен генерал Голощапов, убитый в 1918 году. В этот же союз вошла и буржуазия: 14-го ноября Съезд городов решил войти в Терско-Дагестанский союз.

Терско-Дагестанское Правительство опиралось на части Туземной дивизии, предусмотрительно вызванной в августе Горским комитетом и расположенной в пролетарских центрах—Грозном, Владикавказе и Пятигорске, под командой генерала Половцева, и волгские казачьи полки, вызванные с фронта Казачьим Кругом и расположенные в районе Минеральных Вод.

Между тем революционные силы того времени далеко не были собраны. Во Владикавказе вплоть до Октябрьской революции существовал объединенный комитет с.-д., куда входили и меньшевики и большевики (главные деятели—Сергей Киров, Орахелашвили и Ной Вуачидзе) и большевизация совета здесь произошла лишь к концу декабря 1917 года. В Пятигорске лишь в начале марта 1918 года большевики, вместе с левыми эсерами, составили Совет Рабочих и Солдатских Депутатов, способный взять власть. До этого времени существовал соглашательский Совет, поддерживавший гражданский комитет и городскую думу. Лишь в Грозном, пролетарской цитадели Терека, к октябрю 1917 года, при третьих перевыборах Совета, большевики получили преобладание, и первый удар контр-революции был направлен в сторону грозненского пролетариата и гарнизона.

Среди горцев не только не существовало большевистских организаций, но даже отдельных большевиков можно было перечесать по пальцам: 2—3 человека было в Осетии (Мамсуров и другие), несколько человек в Дагестане (Махач Догадаев, Коркмасов). В Осетии существовала осетинская революционно-демократическая партия „Кермен“.

К ноябрю 1917 года на Тереке создалась чрезвычайно сложная и при том совершенно своеобразная обстановка. Образовав Терско-Дагестанское Правительство и втянув горских полуфеодалов и буржуазию в Юго-Восточный Союз, казачество пыталось застраховать себя, с одной стороны, от иногородных, с другой—от безземельных горцев. Однако, этот союз горских и казачьих верхов против горской бедноты и иногородного населения лишь туго затягивал узел земельных и национальных отношений. Спор между станицей и аулом близится к концу, и Терек представлял из себя кипящий котел, с клокочущей национальной ненавистью, подогретой религиозным фанатизмом.

Национальный вопрос заслонял здесь остальные вопросы и знаменательно—это отразилось как на способе возникновения „власти Совнаркома“, так и на первоначальной форме организации ее. Даже среди терских большевиков наметилось два течения. Первое из них, выдвигало на первый план национальный вопрос, и центр тяжести работы переносило в организацию горцев, а второе, во главе с тов.

Анджиевским, сосредоточило свое внимание на создание боевых штабов—пролетарской революции—Советов Рабочих и Солдатских Депутатов, на организацию рабочих и солдатских масс. Оба эти течения не понимали друг друга, и в условиях того времени дело порой доходило до острых столкновений.

В отличие от Дона и Кубани, где основная линия борьбы за землю проходила между казачеством и иногородними, на Тереке эта линия намечалась между казачеством и горцами. Но известие об Октябрьской революции существенно изменило намечавшуюся ситуацию, хотя и не надолго. И казачьи верхи и горские полуфеодалы были в равной мере заинтересованы в том, чтобы отвести от себя ненависть горской бедноты в сторону пролетарского города и иногородних. Терско-Дагестанскому Правительству действительно удалось использовать в начале горскую темную массу для разгрома пролетариата и дезорганизовать массы, подменяя классовую борьбу национальную рознью.

Именно о такой постановке вопроса говорил на Народном Съезде в Пятигорске, о котором речь будет ниже, чеченский коммунист Асланбек Шерипов: „Когда после февральского переворота,—сказал защитник угнетенного чеченского народа,—приехали сюда члены четвертой государственной думы Караулов и Паша (очевидно Тапа) Чермоев и сообщили, что там, в центрах, произошла революция, здесь не все это поняли и почувствовали. Казачество поддерживалось монархическим кулаком и когда он пал, оно лишилось, таким образом, поддержки. А казаки знали, что те, кто лишь терпел и страдал от империализма, кто был загнан в пустынные горы силою завоевателей,—потребуют землю и не только в резолюциях, а на деле и казачеству придется потесниться. И казаки, коим это было невыгодно, находили себе союзников среди тех горцев, которые и 60 лет тому назад боролись против нашей свободы. Этот союз об'единенных горцев Терско-Дагестанского Правительства. Те тогда старались направить стремления горцев в другую сторону.

Мы тогда боролись, чтобы направить горскую массу по тому пути, по которому она теперь и идет. Погромы со стороны масс солдат, шедших с фронта и погромы в городах, имевшие тогда место, провоцировались. Наше духовенство и помещики старались направить народное негодование именно против бессознательных людей. Но я укажу и еще обстоятельство.

Те полковники и казачьи офицеры, кои предлагали выгнать всех пришлых и разделить с горцами их земли, те толкали горожан в наступление на Чечню, обещая помощь, а потом в грозненской станице вывесили белый флаг и об'явили себя нейтральными. (А. Костерин. „В горах Кавказа“, Госиздат, Владикавказ, 1921 г., стр. 8-9).

Если на первых порах горско-казачьей контр-революции не стоило большого труда дезорганизовать и парализовать революционное движение, то в дальнейшем по Тереку пронеслась, катившаяся с кавказского фронта, солдатская волна, пробивавшая с боем дорогу среди враждебно-настроенного тюркского населения (например, события в Елизаветполе в начале января 1918 г.).

О положении солдат Кавказской армии, сыгравших столь важную роль на Тереке, свидетельствует следующая резолюция, принятая 10-го декабря 1918 года на 2-м съезде Кавказской армии в Тифлисе: „Закавказская власть,—значится в резолюции,—в лице комиссариата... прилагала все усилия к тому, чтобы отвлечь самосознание трудового народа от классовой борьбы в сторону узко-шовинистической поли-

тики, которая ведется к торжеству национальной буржуазии. Мало того, эта власть красноречиво молчала, не желая, очевидно, ссориться со своими дружескими соседями (Карауловым, Филимоновым и друг. контр-революционерами), когда отсюда целыми вагонами отправлялось снаряжение и патроны—г.г. Карауловым, Филимоновым для расстреливания солдат, рабочих и населения (казаков и горских племен). Она допускала расформирование и разоружение частей верных революции и тем самым прикрывала контр-революционные действия штаба. Все это привело к прекращению подвоза продуктов первой необходимости для армии и жителей Закавказья... Такой власти мы признать не можем и настаиваем на создании Советской власти на Кавказе, которая должна связаться... с центральной Советской властью России"... (Цит. по ст. А. Попова: „Из истории революции восточного Закавказья“, „Пролетарская революция“, № 8—9, 1924 г.).

Массовый отход солдат с фронта начался 19-го ноября, а в январе и военно-административный центр таявшей Кавказской армии, переместился в Баку. Отходившие с кавказского фронта войска оказали огромное влияние на развертывание революционной борьбы в Терской области: рабочие Терека нашли в солдатской массе своего естественного союзника.

Благодаря оторванности от центра, Терек вначале не имел правильного представления о событиях в Питере и Москве. Буржуазная печать Терека была наполнена вздорными слухами. Так 31-го газеты печатают телеграммы с румынского фронта, что Петроград взят войсками Керенского, Московская почтово-телеграфная организация сообщает, что большевики сдают оружие без боя и т. п. Эта ложь помогала контр-революционерам Терека держать массы некоторое время в заблуждении. Терский Областной исполнительный комитет опубликовал воззвание с призывом: „крепко и нерушимо держать клятву правительству, которому... присягали в мартовские дни“. Воззвание содержит обращение к „единому и бодрому своим духом казачеству послужить родине, как служили их деды в смутное время 1612 года, когда спасли Москву... раздираемому смутами“. Во Владикавказе казаки заняли в городе все важнейшие пункты и учреждения и дело чуть не дошло до стычки с революционно-настроенными солдатами.

И на Тереке, как и в других казачьих областях, Октябрьская революция послужила сигналом к объединению контр-революционных сил. Когда 9-го ноября была опубликована в Пятигорске телеграмма, что Москва „в руках большевиков“, то Пятигорская городская дума, во главе с эсером Л. Орловым выразила „решительный протест против новых насильников“. На 12-е ноября во Владикавказе был созван Съезд представителей городов по вопросу „о создании твердой власти в Крае“. Эта тоска буржуазии по твердой власти была удовлетворена состоявшимся во Владикавказе с 12 по 22-е ноября Войсковым Кругом, на котором председательствовал Караулов. Съезд вынес постановление о непризнании большевиков и заключенного ими сепаратного мира с Германией. Этот Круг отражал лишь мнение казачьих верхов, о чем свидетельствует предложение на Круге не указывать чинов, а называть только фамилии. На Октябрьскую революцию казачьи верхи Терека ответили введением военного положения и смертной казни. (Приказ Караулова от 15-го ноября, 1918 года).

В отличие от Дона и Кубани, где казачьим верхам так или иначе приходилось сталкиваться или во всяком случае считаться с городской буржуазией и кулацкой частью иногородних, здесь на Тереке казачество, как мы видели, пыталось опе-

реться в борьбе с надвигающейся революцией, на горскую знать. В этом союзе феодалов „демократии“ не нашлось места и она сочла себя обиженной. Эту обиду высказала Пятигорская дума на чрезвычайном заседании 19-го ноября. Признавая необходимым создание краевой власти, „способной оградить Край от анархии, широко разливающейся по всему государству и губящей родину, предательски лишенную законной центральной власти, считая трудовое казачество, являющееся частью демократии, реальной на месте силой, могущей в единении со всем населением Края выполнить эту задачу, выражает готовность идти вместе с ним по этому пути“. Дума „убеждена в том, что задача эта может быть выполнена лишь при непременном условии участия в деле создания краевой власти, наравне с казачеством и всех остальных живых общественных сил Края, и потому считает неправильным вручение Войсковым Кругом исключительных полномочий войсковому атаману и введения в Крае военного положения со всеми его последствиями без согласия на то демократических городских самоуправлений и иногородного крестьянства“. Буржуазия и плетущаяся за ней мелкая буржуазия заявили, что считает недопустимым введение смертной казни и „не видит основания“ для отмены конституционных гарантий. Выразив протест на коленах, дума отклонила обсуждение конкретных шагов, решив создать лишь Комитет Общественной Безопасности.

Каково было в ноябре настроение масс,—об этом дают представление результаты выборов в Учредительное Собрание, происходившие к тому времени на Тереке и в Дагестане. На выборах большевики выступали с самостоятельным списком № 7. В Пятигорске большевистский список получил больше половины всех поданных голосов, во Владикавказе почти половину, в Грозном же большевистский список получил относительное большинство. Рабочие и гарнизон, III-й пехотный запасный полк и 252-я самарская дружина в Грозном и 113-й зап. пех. полк в Пятигорске и Георгиевске были настроены большевистски, но против них стояли горские и казачьи верхи, которые вели за собой казачью станицу и темную горскую массу. „Горские казачьи заправила,—пишет Хейр Хайев,—породили в уме темного горца мысль о большевике, как о настоящем звере. Голодный рабочий, пьяный и разнузданный солдат—оба бездомные, напившись кровью „лучших русских людей“, все сжигая и разрушая, издеваясь над мужчинами, оскорбляя женщин и избивая детей, стремятся на Кавказ, главным образом, чтобы покончить с ингушами. Вот тот образ большевика, которого создал язык Караулова, Чермоевых и других“. Это подтверждается и другими источниками.

(„Горский Вестник“ № 2, Владикавказ, 1924 г. „Этапы революции в Ингушетии“, стр. 46—47).

Провокация, толкавшая солдат на эксцессы, как будто подтверждала это представление о большевиках, вбитое в голову темного горца горскими князьями и казачьим дворянством.

Несмотря на разногласия на словах, в разоружении революции согласованно действовал единый фронт от миллионера Чермоева и атамана Караулова до известного на Тереке эсера Леонида Орлова и меньшевистских вождей. Конец 1917 года проходил на Тереке под знаком разоружения революции. Караулов издает приказ о формировании особой войсковой части из офицеров и казаков для борьбы с анархией.

Первый удар контр-революция нанесла пролетарскому Грозному, где большевики получили преобладание в Совете в конце октября и

после победы в Москве организовали демонстрацию под лозунгом: „Вся власть Советам“. Рабочие были целиком на стороне Советов, и на общих собраниях промысловых рабочих выносились резолюции о поддержке Советов. Однако, когда грозненский Совет вынес постановление о переходе власти в руки Совета благодаря провокационным избиениям и убийствам чеченцев в городе, чеченцы покинули Грозный, а вместе с ними ушли и части Дикой дивизии, под командой русских офицеров.

23-го ноября от имени, якобы, всей Чечни, собравшись в ауле Старо-Сунженском, они пред'явили Грозненскому Совету ультиматум о выводе из Грозного воинских частей и разоружения рабочих. Рабочие массы вооружались, рыли окопы, готовясь к обороне, но не хватало патронов, а Пятигорск, к которому обратились грозненские рабочие, был не в силах помочь. Решено было выполнить требование: III полк и 252-я Самарская дружина покинули Грозный, а с войсками уехали также ряд товарищей. В Грозный вошла Туземная дивизия, терроризовавшая рабочих. Запылала Ново-Грозненские промысла.

Дальнейший ход событий излагает в своих воспоминаниях Ионисиани, один из работников Грозного того времени: „И уход III полка, и сожжение промыслов и разгул контр-революции в городе парализовали деятельность Совета, который пришедши в отчаяние постановляет: распустить себя и всем рабочим эвакуироваться из Грозного. Совет рассматривал как протест контр-революции, так средство борьбы с ней. Но потом и теперь, оценивая это постановление, приходится отметить историческую ошибку, как нашей организации, так и Совета. В результате массового ухода рабочих с промыслов, выезда из Грозного пролетариата. Грозный ослаб на много, появилась у него апатия и сомнение в своих силах, не говоря уже о том, что выехавшие рабочие (свыше 2-х тысяч) с семьями попали в трудные условия. С этого времени оставшиеся в Грозном товарищи перешли на нелегальное положение, организацию сохранили и даже при этих условиях продолжали работать. При чем, учтя ошибку, вели кампанию против выезда из Грозного рабочих“. („Советский Юг“, 1923 г., № 57).

После разгрома Грозного чеченцы приступили к разоружению гарнизона Гудермесса, Воздвиженки и крепости Ведено.

В Пятигорске настроение рабочих и солдатских масс хотя и было на стороне большевиков, как показывают выборы в Учредительное Собрание, но в Совете Рабочих и Солдатских Депутатов преобладали эсеры и меньшевики, во главе с прис. пов. Луниным и Л. Орловым. Существовала и небольшая группа с.-д. интернационалистов, во главе с д-ром Гурари.

Солдаты 113-го пех. зап. полка, из рядов которого вышел т. Анджи-евский, один из зачинателей пролетарской революции на Тереке, шли за большевиками. Однако, несмотря на эсеровско-меньшевистское засилие в Совете, и здесь намечался перелом в сторону большевиков. 22-го ноября по вопросу об отношении к Комитету Общественной Безопасности Пятигорский Совет Рабочих и Солдатских Депутатов 45-ю голосами при 2-х воздержавшихся принял следующую резолюцию, предложенную фракцией большевиков: „обсудив вопрос об организации городской думой Комитета Общественной Безопасности, Совет Рабочих и Солдатских Депутатов заявляет, что городская дума, состоящая из большинства врагов рабочей и крестьянской революции, кадетов и идущих за ними мелко-буржуазных партий-трудовиков, народ-

ных социалистов и правых социалистов-революционеров, решил создать Комитет для борьбы с большевизмом, т. е. рабоче-крестьянской революцией. Протестуя против создания такого Комитета, Совет заявляет, что он не допустит создания такого Комитета, как начала гражданской войны со стороны контр-революции“.

Тогда же по поводу об организации власти была вынесена предложенная большевиками резолюция, в которой говорится, что только Съездом Рабочих, Солдатских, Крестьянских и Казачьих Депутатов может быть создана власть, которая „может опереться на всю демократию области“. Совет вынес постановление просить центр о присылке войсковых частей в распоряжение вновь организованной власти, а резолюция меньшевиков и эсеров о создании власти с участием „демократических“ организаций, в том числе и городских самоуправлений, была отвергнута.

Непосредственная угроза со стороны горцев не только препятствовала расколу казачества, но спаивала его в единое целое перед лицом надвигавшейся с гор опасности, хотя и здесь намечался раскол между фронтовиками и стариками. В этой борьбе за землю иногородное население, находившееся под влиянием эсеров, колебалось между пролетарской революцией и казачеством, выступая с казачеством против горцев, точно также претендовавших на казачьи земли. (Попыткой оформления этого союза явился в 1918 г. так называемый „Моздокский Казаче-Крестьянский Совет“, во главе с эсерами Л. Орловым и Бичераховым).

Пролетариат Терека, лишенный опоры в станице, в лице иногородного населения, без союза с горцами, был обречен на поражение.

О неустойчивости настроения масс свидетельствует совещание, созванное 29-го ноября Пятигорским Советом Рабочих и Солдатских Депутатов с представителями социалистических партий профсоюзов воинских частей (в том числе „Дикой“ дивизии и 2-го Волгского полка) и казачьей секции, на котором председательствовал большевик Анджиевский. На этом совещании лишь несколько человек (Анджиевский, Левитин и др.) высказались за передачу власти Советам, но подавляющее большинство—за поддержку Учредительного Собрания. В дальнейшем Пятигорская городская дума, имея рядом с собой соглашательский совет, в котором преобладали эсеры и меньшевики, чтобы обезопасить себя от революционного взрыва распустила большевистский 113-й полк по домам.

Во Владикавказе же положение по материалам Горского Истпарта („Советский Юг“, № 57, 1923 г., „Горская республика“) было с приходом Туземной дивизии таково: что там, „не могли господствовать не только большевики и меньшевики, но и сам Горский Национальный Комитет“. Но 30 декабря Владикавказский Совет принял резолюцию о признании Советской власти, отряд осетин во главе с офицерами напал на Совет, разогнал заседание, арестовав президиум, в том числе Буачидзе и разгромил ред. „Красного Знамени“ (Мат. С.-К. Истпарта).

Завершением этого периода борьбы является убийство терского войскового атамана Караулова, провокационная роль которого в разгорающейся национальной бойне не укрылась от масс. Он был убит 13-26 декабря на станции Прохладной, где скопилось много беженцев из Грозного, солдатами Уфимской дружины.

Для усиления событий на Тереке, необходимо остановиться на событиях в Закавказье. Если казачество было превращено в орудие сначала Германии, а затем „союзников“, если на Дону, на Кубани и

на Тереке, под лозунгом „Великой, Единой и Неделимой“, генералом Алексеевым при помощи союзников формировалась Добровольческая армия, то мусульманск. народы Кавказа стали орудием турецко-германского империализма. В декабре 1917 года Закавказский Комиссариат, не признавший Советской власти, заключил перемирие с Турцией, которое, впрочем, не остановило турецкого наступления. В первых числах декабря генералом Пржевальским был отдан приказ о демобилизации Кавказской армии, тогда же началась организация национальных полков, разоружение армий и обострение национальной вражды между русскими и народами Закавказья.

По словам С. Т. Аркомед, с наступлением 1918 года создалась благоприятная обстановка для проведения планов турецко-германского империализма: „за время перемирия особенно развилась деятельность турецкого агентства и шпионаж. Турецкие эмиссары, наводнявшие преимущественно территорию с мусульманским населением, делали свободно свое дело. Турецкая пропаганда и агитация велась в таких формах и размерах, чего раньше никогда не было и не могло быть. Да никто об этом не мог раньше и думать. В этом очень много содействовало Турции местное мусульманское феодальное сословие. Смело можно сказать: не будь подобного содействия Турции, турки не были бы в состоянии с такой легкостью вторгнуться и завоевать нашу страну, как это мы видели весной и летом 1918 года.

Партия мусульманского феодального класса—класса беков и ханов, известная под именем „Муссават“, находившаяся в тесных сношениях с правительством Энвера Таллаат-Пашей, заняла позицию, враждебную целостности и единству Кавказа и благоприятную туркам.

Благодаря провокационной деятельности муссаватистов и турецких агентов, татарские бессознательные и темные вооруженные массы, под руководством тех и других, начали разорять страну, грабить и резать, громить железнодорожные пути, поезда и мосты... Столкновения с армянскими вооруженными отрядами еще больше ухудшили положение, превращали целые районы в развалины и гекатомбы (С. Т. Аркомед „Материалы по истории отпадения Закавказья от России“, Тифлис, 1923 г.).

Ту же картину мы наблюдаем и на Северном Кавказе. Один из членов Терско-Дагестанского правительства—Чермоев, сыграв впоследствии роль прямого агента турецкого империализма, представляя в первой половине мая на Батумской мирной конференции от Северного Кавказа, как от „независимого государства“, при чем был признан турецкой и германской делегацией. Еще ранее в горах Дагестана и Чечни, появились шейхи Н. Гоцинский, избранный имамом на съезде в Анди, и Узун Хаджи, организовавший впоследствии в Чечне „шариатскую монархию“ под протекторатом Халифа мусульманского мира „его величества оттоманского императора“.

В декабре на Тереке развиваются события, которые в конечном счете привели к развалу Терско-Дагестанского Правительства. Здесь запылал пожар национальной вражды, поводов для которого было более чем достаточно. Основная линия борьбы наметилась между казачеством, с одной стороны, чеченцами и ингушами—с другой. В этой борьбе горские полуфеодалы ориентировались на феодальную Турцию, казаки же верхи пытались сколотить против горцев единый русский фронт. На долю терских большевиков выпала весьма сложная задача,—вырвать горские массы и русское трудовое население Терека из раскаленной атмосферы национальной вражды и вывести их через Советскую власть к разрешению земельного и национального

вопроса. На Тереке были препятствия, которых не существовало в других областях Северного Кавказа.

После разоружения Грозного, взаимоотношения между русскими и чеченцами снова обострились. Части Туземной дивизии еще до этого покинули Грозный, точно так же, как и Чеченский Национальный Совет. Казачество и буржуазия пытались создать новую власть, заключив соглашение с чеченской буржуазией. Но 26 декабря 1917 г., после переговоров в станице Червленной, был убит приехавший по приглашению для переговоров известный в Чечне шейх Дени Арсанов с 20—25 чеченцами. Убийство шейха послужило искрой, из которой разгорелась чеченско-казачья война. В этой войне между ст. Грозный и ст. Беслан было разрушено несколько раз'ездов, железнодорожное сообщение в районе Грозного почти прекратилось. Казаки станицы Кохановской разрушили артиллерийский Гудермесский аул, а позднее чеченцы сожгли станицу Кохановскую.

15 декабря начались стычки горцев с казачеством в районе Моздока. Горцы подступали к гор. Моздоку, сожгли несколько хуторов, станицы Ново-Осетинская, Павлодольская и друг. были окружены горцами, тогда-же был разгромлен хутор Нижне-Бекович. Созванный экстренно в Моздоке Казачий Круг постановил пред'явить чеченцам ультиматум о сдаче награбленного имущества и выдаче грабителей, но эти переговоры не привели ни к каким результатам.

В декабре 1917 г. разгорелась война между казачеством и ингушами, поводом к которой послужило убийство пяти ингушей, ехавших из города Владикавказа. Вся Ингушетия встала против казачества, „как один человек“. Во время этой войны 2—15 января был разграблен город Владикавказ.

3—16 января на защиту города от ингушей выступили казачьи отряды станиц Ардонской и Архонской, которые совместно с осетинами заняли предместье города.

„Растерявшаяся власть,—пишет Хейр-Хаев,—призвала на помощь мулл для подавления грабежей, но ничто не могло вывести свору грабителей из города и тем избавить несчастных горожан от грабежей и насилия. Шатавшиеся по городу грабители причину своего пребывания в нем объясняли тем, что охраняют правительство, и действительно, все видные грабители-главари были кунаками членов правительства, а подчас и их родственниками. Находясь неотлучно при их высоких особах, они давали указания своим шайкам, где и как и кого грабить. К этому времени подоспели в город и осетинские грабители, которые оперировали за Тереком. Горожане дошли до того, что бросали на произвол грабителей все свое имущество и бежали, спасаясь от смерти. Да и власти нескладно было в то время. Толпы ограбленных граждан, сменяя одна другую, с утра до ночи осаждали гостиницу „Париж“—место пребывания власти. Плач, крик, проклятья и угрозы оглушали воздух. Ежедневно правительство заверяло, что к вечеру выведут грабителей из города, и что будет восстановлен порядок. На короткий миг успокоенные граждане уходили по домам, где их ожидали новые насилия, и новые издевательства, а власть окончательно растерявшаяся и убеждавшаяся в своем бессилии, думала лишь о том, как спасти себя от могущего произойти самосуда граждан. С этой целью она и держала возле себя надежную охрану, в лице главарей-грабителей. После того, как город был окончательно ограблен, грабителям нечего было делать в нем и они возвращались домой, сопровождаемые проклятьями горожан. В то время, как ингуши, ограбив правую часть города, уходили к себе, за Тереком по левой

стороне, осетины и казаки только приступили к основательному грабежу" („Горский Вестник“ № 2, Владикавказ, 1924 г., стр. 42—43. Хейр-Хаев. „Этапы революции в Ингушетии“. См. С. Такоев, „К ист. рев. дв. на Тереке“).

10—25 января Владикавказ оказался в руках казачества, которое, таким образом, отделило горную Ингушетию от плоскостной. Война между казачеством и ингушами еще более ожесточилась. Ингушские войска находились под командой мулл, подчинявшихся в свою очередь, окружному кадью. Штаб войск, во главе которых стоял полковник Гойгов, помещался на станции Назрань. В этой войне, на протяжении 20 верст была разрушена железнодорожная линия, мосты и ж. д. сооружения.

Взрыв национальных войн взорвал и Терско-Дагестанское Правительство, власть которого, по словам Казбека Бугаева („Борьба горцев за революцию“, стр. 11) к январю 1918 г. „распространялась только на Александровский проспект и Московскую улицу Владикавказа“.

9—22 января 1918 г. остатки Терско-Дагестанского Правительства бежали из Владикавказа в Ингушетию (с. Базорино).

С убийством Караулова казачьи верхи растерялись. 20 января—1 февраля Терское войсковое правительство постановило сложить с себя полномочия, сохранить за собою лишь общее руководство войсковыми делами до ближайшего Войскового Круга, созываемого 25 января в ст. Марьинской. Но Круг не собрался. („Ростовская Речь“, № 17, 18 г., Мат. Сев.-Кав. Истпарта).

Во главе горских областей стояли Национальные Советы: в Чечне—во главе с Ахмед-Хан-Мутушевым, именовавшим себя „Ахмет-Хан I, правитель всей Чечни Большой и Малой“; в Ингушетии—во главе с Васан-Гирей Джабагиевым; в Кабарде—власть была в руках знати—Коцова, Чижокова, Наурузова, Атажукина. В Национальном Совете Осетии шла борьба между левыми социалистами (Гадиев, Мамсуров) и правыми группировками.

Горцы Северного Кавказа были вовлечены в орбиту германотурецкого империализма. В начале декабря Зак. Комиссариат, не признавший Советской власти (а Тифлис был центром для Терека), заключил перемирие с Турцией, тогда же была демобилизована Кавказская армия и начались национальные формирования. Турки продолжали наступление, опираясь на мусульманское духовенство и феодалов, и при их помощи проводили политику отторжения Кавказа от России. Турецкие агенты наводнили Кавказ и Закавказье. На Северном Кавказе мусульманское население, далеко еще не изверившееся в своих муллах (Н. Гоцинский, Узун. Хаджи), сводило старые счеты с немусульманами. Что было и в Закавказье, то было и на Северном Кавказе. Роль Караулова была сыграна, он вместе с Терско-Дагестанским Правительством был сметен событиями. Горские феодалы открыто встали на сторону Турции, казачьи верхи, за которыми шла казачья масса, пыталась сколотить единый национальный фронт и готовы были ориентироваться даже на Советскую Россию, чтобы не быть раздавленными. Районы Грозного, Моздока, Владикавказа были охвачены пожаром национальных войн.

Терек распался на части, при чем чеченцы и ингуши находились в состоянии войны не только с казачеством, но с русским населением вообще,—об этом говорит поход Грозного на Чечню, в котором участвовало все население: казаки и иногородные. По словам одного работника того времени „русские ничуть не уступали тем чеченцам, которые в свое время приезжали грабить Грозный“.

После развала Терско-Дагестанского Правительства казачество пытается использовать для борьбы с чеченцами и ингушами иногородних и остальное русское население точно так же, как раньше пыталось использовать горцев для борьбы с иногородними, рабочими и фронтовиками. По вопросу о борьбе с чеченцами в Моздоке был создан Казачий Круг, казачество обращалось за помощью к Пятигорскому Совету и расположенному там 113-му запасному полку.

В хаотический ход событий на Тереке пытались вмешаться и грузинские меньшевики, предлагая свои услуги в деле установления мира. 16-го января во Владикавказе состоялось соединенное заседание осетинского и ингушского Национальных Советов, совместно с делегацией грузинского Национального Совета и представителями казачьих станиц, на котором председатель грузинского Национального Совета заявил: „Нам поручено, совместно с Национальным Советом и Временным Правительством, разобрать взаимоотношения на местах и привести их к соглашению. У нас, в Закавказье, национальные вопросы разрешаются путем соглашений мирно. У вас, к великому сожалению, решают силой оружия. Международональный съезд— это правильно способ разрешения этих вопросов, и мы уверены, что путем соглашения придем к мирному разрешению спора. Игнущи не дают жить казакам, казаки ингушам. При таком положении мирной жизни между вами не будет. Нужны уступки... Здесь есть правительство, но оно не пользуются доверием. Поэтому мы обратимся к Исп. Советам: выбирайте орган власти, но подчиняйтесь ему. Обвинять нацию, как нацию, никто не в праве. Есть грабители—элемент, которому нужен беспорядок. Не создавайте этого беспорядка. Сокращайте своих преступников. Мы пользуемся всеми свободами, но мы пользуемся ими слишком плохо. Грузинская делегация предлагает свои услуги в деле установления мира.

...На Северном Кавказе нет определенной политической программы,—говорил представитель Грузии,—нет правительства, нет политического курса. В программу съезда необходимо поставить вопрос о власти. У вас здесь три правительства, но ни одного нет налицо. С определенными резолюциями, вынесенными национальными съездами нужно приступить к организации власти. Если не будет власти, а ее у вас нет, все наши пожелания останутся невыполненными“. И далее: „я предлагаю комиссии из представителей Национальных Советов и Войскового Правительства дать полномочия на организацию временной власти“ („Из газ. „Возрождение“, № 21, 27-1—18 г., Мат. С.-К. Истпарта“).

В этот период, когда национальная вражда захлестывала Терек, по инициативе большевиков на Тереке стали возникать Военно-Революционные Комитеты, организованные в Грозном, Моздоке, Кизляре и Пятигорске (Ревштаб). Эти Военно-Революционные Комитеты, правда, не без труда выбивали инициативу из рук казачества, направляя события по пути развития классово-борьбы. Однако, клокотавшая вокруг национальная ненависть порой захлестывала и Военно-Революционные Комитеты.

В Грозном Военно-Революционный Комитет был создан 31-го декабря 1917 года, после убийства шейха Арсанова, когда Грозный ждал нападения чеченцев.

Об организации Грозненского Военно-Революционного Комитета и его значении один из работников того времени тов. Ионисиани пишет: „Наша партия и в этот тревожный момент проявила инициативу—по ее почину было создано собрание представителей Гроз-

ненской и других партийных и профессиональных организаций. По ее предложению был организован 31-го декабря 1927 года ст. ст. Военно-Революционный Совет, к которому перешла вся власть в городе, по станицам Сунженской линии и Кизлярского Отдела. От нашей партии вошел в Совет тов. Ионисиани, который сперва (в январе) был секретарем, а потом был избран председателем Совета“.

С большим трудом удалось избежать национальной войны, которой усиленно добивались мещанские и казачьи массы. Военно-Революционный Совет подготовил почву для диктатуры пролетариата—Совета Рабочих и Солдатских Депутатов и организовал первые революционные вооруженные части.

Вначале, однако, когда во главе Военно-Революционного Комитета стоял казак Елисеев, отрядом Военно-Революционного Комитета были разгромлены чеченские аулы Старо-Сунженской и Старо-Юртовский, при чем большевикам стоило не малых трудов уговорить грозненскую мелкую буржуазию и казачество вернуться обратно.

В Пятигорске точно также с января 1918 года был созван, так называемый, Ревштаб, при непосредственном участии Анджиевского, во главе с Нижевясовым, который был впоследствии расстрелян, как изменник. С января по март 1918 года Нижевясов создал штаб революционных войск, который после демобилизации 113-го запасного полка являлся оплотом Пятигорской организации большевиков и помог в марте Пятигорскому Совету захватить власть. В феврале Ревштаб в своем воззвании к казачеству предложил ему разоружиться или вступить в ряды революционных войск. По отношению к контр-революционному казачеству Ревштаб занял непримиримую позицию и станица Горячеводская была разоружена при помощи артиллерии.

Поворотным пунктом истории революционной борьбы на Тереке является, так называемый, Моздокский с'езд, открывшийся 25 января 1918 г. в гор. Моздоке.

Инициатива созыва этого с'езда принадлежит Моздокскому Военно-Революционному Комитету, во главе которого стоял полковник Рымарь, и первоначальной целью этого с'езда являлось создание единого фронта всех народностей Терека против ингушей и чеченцев, „как восставших против трудового народа“ и превращения отдельных стычек между казачеством, с одной стороны, ингушами и чеченцами,—с другой, в организованную войну.

По словам С. Такоева, Моздокский В.-Р. Комитет был организован фронтовиками-казаками, искавшими спасения в мирном разрешении национального вопроса, но его пытались использовать казачьи верхи и казаки-старики с целью наступления. (С. Такоев. „К ист. рев. дв. на Тереке“. Изв. Осет. Инст. Краевед., в. 2, стр. 346 и далее).

Тов. Богданов—т. предс. Моздокского с'езда (потом комиссар финансов) говорит: „Те, кто созывал Моздокский с'езд, ставили перед с'ездом одну задачу—об'явить и организовать войну против Чечни и Ингушетии. И в воззвании, которое выпустил Моздокский Р. К. перед с'ездом так и говорилось, что чеченцы и ингуши являются антигосударственными элементами... что никаких разумных доводов за то, что с'езд созывается не для войны, как это хотят сделать оставшиеся в живых участники созыва этого с'езда сделать ни тогда, ни теперь нельзя“...

На с'езде присутствовало 257 делегатов—представителей казачества, иногородных, от Балкарии, части Осетии, Кабарды и избранные

не через Народные Советы, а непосредственно аулами. По словам Б. Калмыкова („Революционное движение в Кабарде“ Нальчик, 1921 г., стр. 11), „Контр-революционная власть рассылала из Нальчика по аулам грозные приказы не посылать делегатов, в противном случае и делегаты и аулы подвергнутся наказанию“... По словам того-же Калмыкова, была попытка сгравить кабардинцев с казаками на реке Малке, чтобы не допустить представительство Кабарде на с'езде. Чеченцы, ингуши приглашены казачеством на с'езд не были. На повестке с'езда стояли вопросы: признание на Тереке власти Центрального Российского Совета Народных Комиссаров, санкция общего наступления на непокорных горцев, разоружение чеченцев и ингушей. На с'езде первыми выступили полковник Рымарь и б. пристав Пятирублев, сделавшие следующее заявление:

„Моздокский Революционный Комитет отдал распоряжение по всему отделу и надтеречной линии об общем наступлении на чеченцев и ингушей. С'езд должен присоединиться... немедленно. А если этот момент будет упущен, то события пойдут помимо с'езда и Народный С'езд останется в стороне. А в случае если-б с'езд высказался бы против отданного распоряжения, то он взял бы на себя всю ответственность за те неудачи, которые могли бы от этого произойти“.

Какова была на этом с'езде позиция большевиков? Это была позиция изоляции воинствующего казачества. Большевики, эсеры, горские демократы, керменисты и большевики об'единились под руководством большевиков в социалистический блок, за которым пошли кабардинцы, осетины, иногородные и даже часть казачества. У нас нет данных о соотношении сил на с'езде, но есть некоторые указания на то, что без об'единения всех даже не „социалистических“ сил, а просто не шовинистических, вопрос о войне не удался бы провалить. В своих воспоминаниях т. Богданов пишет, что когда Рымарь и Пятирублев доложили с'езду о том, что отдано распоряжение о наступлении на чеченцев и ингушей, „С'езд, правда, незначительным большинством принял предложение социалистического блока и, таким образом, атака МРК была отбита. Как только приказ был отменен, социалистический блок немедленно поставил вопрос о закрытии с'езда. Представители социалистического блока заявили, что на с'езде представлены не все народы Терского края, задачи же перед с'ездом стоят колоссальной важности, а посему этот с'езд должен быть распущен, а через две недели собран другой с'езд, на котором должны быть приглашены все народы Терека, в том числе ингуши и чеченцы. В противовес этому предложению социалистического блока казаками был поставлен вопрос о немедленном разоружении и горцев, но и это предложение социалистический блок, правда, с большим напряжением, также провалил“. О такой обстановке говорит и С. Такоев в ст. „К истории рев. дв. на Тереке“. („Изв. Осет. Инст. краевед.“. Вып. 2, стр. 347-8).

Большевики и с.-р. отказались от агитации за Учредительное Собрание, большевики—от агитации за немедленное об'явление Советской власти. Вопрос о признании Советской власти не мог быть поставлен еще потому, что главной задачей был созыв с'езда и апелляция к массам, потому что не были представлены Чечня и Ингушетия, с которыми происходила война. Воинствующее казачество стремилось использовать Советскую власть против горцев и надо было вырвать инициативу из рук казачьих вождей. „Казачий большевизм“ в условиях терской действительности был своего рода маневром и для привлечения на сторону казачества иногородных, фронтовиков и рабо-

чих, которых казачество хотело использовать (и частью использовал до этого—Грозный) для борьбы с чеченцами и ингушами. Опираясь на воинствующее контр-революционное казачество, которое задавало тон в Моздоке, Советская власть не могла, это привело бы к еще большей путанице, чем „социалистический блок“.

С'езд принял следующую резолюцию:

„Обсудив вопрос в заседании 28-го января о текущем политическом моменте в Терской области, с'езд демократии находит, что создавшееся в Терской области положение определенным образом угрожает революции и является весьма благоприятным для сосредоточения контр-революционных сил, которые не упустят возможности начавшейся гражданской войны, сделают все к тому, чтобы углубить ее и расширить. Поэтому перед революционной демократией Терской области стоит чрезвычайная задача организации всех революционных сил, могущих противостоять надвигающейся опасности и, главным образом, в организацию сельского населения без различия национальностей. Вместе с тем, безотлагательно необходимо, чтобы революционные органы, действующие в пределах края, сошлись на мысли о том, что переживаемый революционный момент категорически диктует необходимость выявления на деле своего революционного поведения, объединения всех элементов страны, борющихся за республику рабочих, солдат, крестьян, казаков и горцев, ибо только в борьбе за эту республику можно успешно побеждать контр-революцию, выступающую со всех сторон.

В ряде практических задач, диктуемых моментов революционной демократии, необходимо, прежде всего, создать орган власти, способный объединить демократию Терской области и явиться авторитетным в низах масс населения без различия сословий и национальностей. Такая власть может быть создана только на обще-областном демократическом С'езде Рабочих, Солдатских, Крестьянских и Казачьих Депутатов, а также представителей народностей, населяющих Терский край“. (Материалы С.-К. Истпарта).

Вопрос о признании Советской власти на Тереке и организации Советской власти стоял сложнее, чем в другом месте, с русским населением. Признание Терека частью Всероссийской Советской власти было бы пустой фразой, может быть и революционной, ибо Терской области не существовало, как единого целого, она распалась на отдельные народы, на части, которые надо было соединить, но уже на новых основах. В Моздоке, где не были представлены все народности этого нельзя было сделать. Но путь был намечен и вполне правильно. В телеграмме Областного С'езда мы читаем:

„Происходивший в Моздоке с 25 января по 1 февраля обще-областной с'езд казаков, солдат, крестьян, кабардинцев, осетин, балкарцев объединил все трудовое население. Для ликвидации начавшейся гражданской войны и спасения Края от разрастающейся анархии, с'езд постановил создать объединяющий все трудовые слои населения без различия национальностей областной орган народной власти—Терский Народный Совет. В состав совета вошли на пропорциональных началах представители всех национальностей. Чеченцам и ингушам, с которыми происходят кровавые столкновения в Народном Совете, представлено соответствующее количество мест. Войсковое Правительство Терского Казачьего Войска лижало свои полномочия.

С'ездом была принята декларация, в которой изложена программа разрешения главнейших вопросов: земельного, национального рабочего в духе программы С'езда Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских

Депутатов". (Богданов. Воспоминания. Разослана со ст. Мин. Воды 3-15 февраля Маг. С.-К. Истпарта).

Таким образом, программа была дана, а также намечены основные принципы организации не Советской власти, а власти „советского типа“.

Характерно, что значительная часть казачества на этом съезде примкнула к большевикам. Но этот „казачий большевизм“ в своеобразных условиях терской действительности был своего рода маневром для привлечения на свою сторону иногородного населения, фронтовиков и рабочих, которых казачество хотело использовать для борьбы с горцами. На съезде казак Пятирублев, бывший пристав, выступил со следующим заявлением: „Нам, казакам, угнетенным иногородными нужна Советская власть, как утопающим соломинка“. На это большевик Разумов ответил: „Советской власти утопленники не нужны. Пусть себе тонут“. (Ануктин „История революции на Тереке“. Рукопись).

На съезде был избран Терский Областной Народный Совет, под председательством левого эсера Пашковского (расстреленного в августе 1918 года полковником Кибириным в ст. Змейской). В совет вошли иногородные, казаки, кабардинцы, балкарцы и осетины.

Надо заметить, что на съезде в Моздоке представитель Кавказского армейского съезда тов. Павлавидашвили заявил, что пролетариат и армия России не допустят поголовного избиения народов. Съезд выступил воззвание к народам Терека с призывом к миру.

Совету было поручено созвать вторую сессию через 15 дней в Пятигорске, где атмосфера была иная, чем в казачьем Моздоке, причем на этот съезд были приглашены представители Чечни и Ингушетии.

В период от первой сессии до второй, состоявшейся 15—28 февраля в Пятигорске, борьба казачества с чеченцами и ингушами не прекращалась. Деятельность Народного Совета сводилась, во-первых, к ликвидации военных столкновений, во-вторых, к восстановлению транспорта и охране железных дорог.

На второй сессии съезда трудовых народов Терской области в Пятигорске присутствовали делегаты Чечни—Асланбек Шерипов и Ингушетии—Ахриев и друг. Правда, и на этом съезде казаки пытались было, в лице казака Хитрова и других, призывать делегатов „встать всем с оружием в руках и побить Чечню, выгнать ее в горы“, но голос казачества, призывавшего к уничтожению чеченцев и ингушей звучал здесь слабее, чем в Моздоке.

В начале 1918 года перед большевиками на Тереке стояла задача доделать буржуазную революцию и сделать ряд подготовительных шагов к пролетарской. Остатков феодализма на Тереке было значительно больше, чем в остальной России как среди казачества, так и у горцев.

Относительно России Ленин писал: „Победившая пролетарская революция означала конец колебания, означала полное разрушение монархии и помещичьего землевладения—до Октябрьской революции оно не было разрушено. Буржуазная революция была нами доведена до конца. Крестьянство шло за нами в целом. Его антагонизм к социалистическому пролетариату не мог обнаружиться в один момент. Советы объединяли крестьянство вообще. Классовое деление внутри крестьянства еще не назрело, еще невылилось наружу.

Этот процесс развился летом и осенью 1918 года... Беднейшее крестьянство не из книг, не из газет, а из жизни училось непримиримости своих интересов с интересами кулаков, богатеев, деревенской буржуазии“.

Существовали ли предпосылки для пролетарской революции в Ингушетии, Чечне, Кабарде и у других горских народов, а также в станице к февралю 1918 года? Существовал ли союз пролетариата с пролетариями и полупролетариями угнетенных народов? Была ли доведена до конца буржуазная революция? Сломлено ли было недоверие горских масс к русским вообще и к русскому пролетариату, в частности? Этих предпосылок не было.

Стратегия пролетарской революции учит не только наступать, но также выжидать, когда это нужно. Там же Ленин пишет: „если бы большевистский пролетариат попробовал сразу в октябре—ноябре 1917 года, не сумев подготовить и провести его, попробовал „декретировать“ гражданскую войну или „введение социализма“ в деревне, попробовав обойтись без временного блока (союза) с крестьянством вообще, без ряда уступок среднему крестьянину и т. п., тогда это было бы бланкистским искажением марксизма, тогда это было бы попыткой меньшинства навязать свою волю большинству, тогда это было бы теоретической нелепостью, непониманием того, что общекрестьянская революция есть еще революция буржуазная, и что без ряда переходов, переходных ступеней сделать ее социалистической в отсталой стране нельзя“.

На Тереке пришлось идти на уступки горскому крестьянину, а также и по отношению к горским мелко-буржуазным националистам—революционерам и демократически настроенному духовенству, за которым шло крестьянство. Надо было выждать, пока произойдет у горцев классовая дифференциация. Точно также в этот период Советская власть в центре очень осторожно относилась к казачеству, значительная часть которого играла революционную роль. Это относится и к земельному вопросу в казачьих областях. Так, договор советского командования с Каменским Ревкомом на Дону предоставлял решение земельного вопроса съезду, не предвещая его. Осторожно подошли к этому вопросу и терские большевики.

Терский Народный Совет и Совнарком пришли на смену союзу феодалов и туземной буржуазии, но эпохи буржуазной демократии Терек не переживал, в силу этого, пришлось не только доделывать буржуазную революцию, но кое где начинать революцию сначала. Так обстояло дело у ингушей и даже в казачьих областях, где иногородные не везде пользовались правом голоса.

В полемике с Каутским Ленин формулирует сущность двух стадий революции следующим образом: „сначала вместе со „всеми“ крестьянством против монархии, против помещиков, против средневековья (и постольку революция остается буржуазной, буржуазно-демократической). Затем вместе с беднейшим крестьянством, вместе с полупролетариатом, вместе со всеми эксплуатируемыми против капитализма, в том числе против деревенских богатеев, кулаков, спекулянтов, и постольку революция становится социалистической“.

2-й Съезд Народов Терека открывает переходную эпоху от буржуазно-демократической к социалистической революции.

Если в России классовое деление среди крестьянства назрело лишь летом и осенью 1918 г., как утверждает Ленин, то совершенно ясно, что на Тереке в феврале 1918 года и среди горского, и среди русского населения этот процесс лишь начинался. Даже антагонизм между иногородным населением и казачеством смягчался общей опасностью, угрожавшей казачьим землям со стороны горского крестьянства, на которые претендовало и иногородное население.

Депутатов". (Богданов. Воспоминания. Разослана со ст. Мин. Воды 3-15 февраля Маг. С.-К. Истпарта).

Таким образом, программа была дана, а также намечены основные принципы организации не Советской власти, а власти „советского типа“.

Характерно, что значительная часть казачества на этом съезде примкнула к большевикам. Но этот „казачий большевизм“ в своеобразных условиях терской действительности был своего рода маневром для привлечения на свою сторону иногородного населения, фронтовиков и рабочих, которых казачество хотело использовать для борьбы с горцами. На съезде казак Пятирублев, бывший пристав, выступил со следующим заявлением: „Нам, казакам, угнетенным иногородными нужна Советская власть, как утопающим соломинка“. На это большевик Разумов ответил: „Советской власти утопленники не нужны. Пусть себе тонут“. (Апухтин „История революции на Тереке“. Рукопись).

На съезде был избран Терский Областной Народный Совет, под председательством левого эсера Пашковского (расстреленного в августе 1918 года полковником Кибировым в ст. Змейской). В совет вошли иногородные, казаки, кабардинцы, балкарцы и осетины.

Надо заметить, что на съезде в Моздоке представитель Кавказского армейского съезда тов. Павлавидашвили заявил, что пролетариат и армия России не допустят поголовного избиения народов. Съезд выпустил воззвание к народам Терека с призывом к миру.

Совету было поручено созвать вторую сессию через 15 дней в Пятигорске, где атмосфера была иная, чем в казачьем Моздоке, при чем на этот съезд были приглашены представители Чечни и Ингушетии.

В период от первой сессии до второй, состоявшейся 15—28 февраля в Пятигорске, борьба казачества с чеченцами и ингушами не прекращалась. Деятельность Народного Совета сводилась, во-первых, к ликвидации военных столкновений, во-вторых, к восстановлению транспорта и охране железных дорог.

На второй сессии съезда трудовых народов Терской области в Пятигорске присутствовали делегаты Чечни—Асланбек Шерипов и Ингушетии—Ахриев и друг. Правда, и на этом съезде казаки пытались было, в лице казака Хитрова и других, призывать делегатов „встать всем с оружием в руках и побить Чечню, выгнать ее в горы“, но голос казачества, призывавшего к уничтожению чеченцев и ингушей звучал здесь слабее, чем в Моздоке.

В начале 1918 года перед большевиками на Тереке стояла задача доделать буржуазную революцию и сделать ряд подготовительных шагов к пролетарской. Остатков феодализма на Тереке было значительно больше, чем в остальной России как среди казачества, так и у горцев.

Относительно России Ленин писал: „Победившая пролетарская революция означала конец колебания, означала полное разрушение монархии и помещичьего землевладения—до Октябрьской революции оно не было разрушено. Буржуазная революция была нами доведена до конца. Крестьянство шло за нами в целом. Его антагонизм к социалистическому пролетариату не мог обнаружиться в один момент. Советы об'единяли крестьянство вообще. Классовое деление внутри крестьянства еще не назрело, еще невылилось наружу.“

Этот процесс развился летом и осенью 1918 года... Беднейшее крестьянство не из книг, не из газет, а из жизни училось непримиримости своих интересов с интересами кулаков, богатеев, деревенской буржуазии“.

Существовали ли предпосылки для пролетарской революции в Ингушетии, Чечне, Кабарде и у других горских народов, а также в станице к февралю 1918 года? Существовал ли союз пролетариата с пролетариями и полупролетариями угнетенных народов? Была ли доведена до конца буржуазная революция? Сломлено ли было недоверие горских масс к русским вообще и к русскому пролетариату, в частности? Этих предпосылок не было.

Стратегия пролетарской революции учит не только наступать, но также выжидать, когда это нужно. Там же Ленин пишет: „если бы большевистский пролетариат попробовал сразу в октябре—ноябре 1917 года, не сумев подготовить и провести его, попробовал „декретировать“ гражданскую войну или „введение социализма“ в деревне, попробовав обойтись без временного блока (союза) с крестьянством вообще, без ряда уступок среднему крестьянину и т. п., тогда это было бы бланкистским искажением марксизма, тогда это было бы попыткой меньшинства навязать свою волю большинству, тогда это было бы теоретической нелепостью, непониманием того, что общекрестьянская революция есть еще революция буржуазная, и что без ряда переходов, переходных ступеней сделать ее социалистической в отсталой стране нельзя“.

На Тереке пришлось идти на уступки горскому крестьянину, а также и по отношению к горским мелко-буржуазным националистам—революционерам и демократически настроенному духовенству, за которым шло крестьянство. Надо было выждать, пока произойдет у горцев классовая дифференциация. Точно также в этот период Советская власть в центре очень осторожно относилась к казачеству, значительная часть которого играла революционную роль. Это относится и к земельному вопросу в казачьих областях. Так, договор советского командования с Каменским Ревкомом на Дону предоставлял решение земельного вопроса съезду, не предрешая его. Осторожно подошли к этому вопросу и терские большевики.

Терский Народный Совет и Совнарком пришли на смену союзу феодалов и туземной буржуазии, но эпохи буржуазной демократии Терек не переживал, в силу этого, пришлось не только доделывать буржуазную революцию, но кое где начинать революцию сначала. Так обстояло дело у ингушей и даже в казачьих областях, где иногородные не везде пользовались правом голоса.

В полемике с Каутским Ленин формулирует сущность двух стадий революции следующим образом: „сначала вместе со „всеми“ крестьянством против монархии, против помещиков, против средневековья (и постольку революция остается буржуазной, буржуазно-демократической). Затем вместе с беднейшим крестьянством, вместе с полупролетариатом, вместе со всеми эксплуатируемыми против капитализма, в том числе против деревенских богатеев, кулаков, спекулянтов, и постольку революция становится социалистической“.

2-й Съезд Народов Терека открывает переходную эпоху от буржуазно-демократической к социалистической революции.

Если в России классовое деление среди крестьянства назрело лишь летом и осенью 1918 г., как утверждает Ленин, то совершенно ясно, что на Тереке в феврале 1918 года и среди горского, и среди русского населения этот процесс лишь начинался. Даже антагонизм между иногородным населением и казачеством смягчался общей опасностью, угрожавшей казачьим землям со стороны горского крестьянства, на которые претендовало и иногородное население.

По текущему моменту съезд принял следующую резолюцию: „2-я сессия Терского Народного Съезда, заслушав доклад о текущем моменте в Терской области, находит: чрезвычайная угроза революции, исходящая от империалистического запада, не замедлит отразиться и на жизни Терской области. Революция в России вообще, и в Терской области, в частности, находится в опасности и отсюда встают чрезвычайные задачи перед Терской демократией, объединенной на съезде. Задачи эти усугубляются особенно тем, что Терская область не перестает пребывать в состоянии анархии, общей разрухи и гражданской войны. Единственным выходом из создавшегося у нас в Терской области положения является путь, указанный на Моздокском съезде, т. е. объединение всей революционной демократии без различия национальностей вокруг лозунга борьбы за республику рабочих, солдат, крестьян, трудовых казаков и горцев.

Это положение должно быть руководящим при дальнейших шагах революционной демократии, как-то: при организации местной власти и при создании ответственных органов в области“.

Эта резолюция определяет целиком настроение съезда: он пошел за большевиками.

Знаменательно, что при обсуждении национального вопроса и вопроса об организации власти неизбежно наталкивались на земельный вопрос. Не даром съезд отложил разрешение вопроса об организации власти до решения земельного вопроса, от которого уклонилось казачество.

По основным вопросам съезд принял следующие резолюции.

По национальному вопросу: „Терская область является составной частью Российской Федерации и является союзом народов и племен, политическое участие которых в управлении областью выражается пропорциональным представительством в составе единого органа областной власти“.

По земельному вопросу был принят, подавляющим большинством, закон о социализации земли, принятый 2-м Всероссийским Съездом Советов. После этого часть казаков покинула съезд с заявлением, что земельный вопрос правомочен разрешить только „хозяин земли русской“—Учредительное Собрание“.

И, наконец, большинством 220 против 22-х, при 44-х воздержавшихся, 17-го марта в 11 час. 35 мин. была признана власть Совета Народных Комиссаров.

От Кабарды о признании Советской власти заявил Ахохов, от Балкарии тов. Энеев, от Осетии тов. Борукаев, от Ингушетии тов. Гапур Ахриев, а от Чечни—Асланбек Шерипов.

Вопрос о признании Советской власти привел к развалу социалистического блока: социал-соглашатели, вроде эсера Мамулова, выступавшие в защиту Учредительного Собрания, оказались в ничтожном меньшинстве. Правые эсеры и меньшевики покинули блок, некоторые меньшевики заняли выжидательную позицию, меньшевики-интернационалисты (Бутырин и другие), а также левые эсеры (Пашковский, Сахаров и другие) пошли за большевиками и вошли в Народный Совет.

Меньшевики „сложили с себя ответственность“.

В отчете о съезде мы читаем: „Оглашается следующее внеочередное заявление фракции соц.-демократов:

„Фракция социал-демократов, включающая представителей гор. Грозного, Старогрозненских промыслов, Владикавказа, Георгиевска, Пятигорска, Кисловодска, колонии Каррас, станицы Ново-Осетинской

заявляет, что в списке кандидатов в Народный Совет от иногородных нет ответственных представителей РСДРП, в чем фракция усматривает нарушение Моздокского соглашения, согласно которого, для создания единого революционного фронта, в Народном Совете должны быть представители всех социалистических партий от н.-с. до большевиков включительно. Невключение ответственных представителей фракции в список кандидатов от иногородных насильственно лишает голоса целое течение в среде организованного пролетариата. Отдельные социал-демократы, которые включены в список кандидатов от иногородных в Народный Совет, вошли туда индивидуально, поэтому фракция с.д. слагает с себя ответственность за их деятельность, о чем доводят до сведения как областного с'езда, так и центрального комитета партии.

Внеочередное заявление фракции соц.-демократов принимается к сведению.

Фигатнер. Будет-ли фракция меньшевиков поддерживать работу Народного Совета или она и впредь будет себя вести как вела эти два дня?

Маршак от фракции меньшевиков. Если фракция входит в какую либо законодательную организацию, то берет на себя ответственность, но если нет, и заранее этого предпринимать нельзя "... („Вторая Сессия Терского Областного Народного С'езда в гор. Пятигорске“. Стеногр. отчет стр. 145).

На Терекке, как мы видели, пестрота национальностей, социально-экономических укладов, с преобладанием патриархально-родового у горцев, революционная роль мелко-буржуазн. националистов угнетенных народов,—все это обязывало к уступкам, к отказу от „декретирования“ сверху гражданской войны.

Одновременно с Пятигорским с'ездом во Владикавказе заседал Терский Войсковой Казачий Круг, которому, по предложению казачьей фракции, была послана телеграмма о том, чтобы делегаты разошлись по домам.

Однако, Войсковой Круг 7-го созыва все-же заседал во Владикавказе с 26-го марта по 6-е апреля 1918 г. (под председательством Фальчикова), но был переименован в с'езд. На этом с'езде казачество приветствовало Терский Народный Совет, как единую в области власть и постановило создать при нем Хозяйственный Совет из 8-ми человек. Что касается земельного вопроса, то первый казачий с'езд, вынес резолюцию, в которой признал принципиально приемлемым декрет о социализации земли, но нашел, что „население недостаточно подготовлено к нему“ и предложил отложить вопрос до созыва Отдельских Казачьих С'ездов. Казачьи верхи пытались оттянуть решение земельного вопроса.

Состав Терского Народного Совета был установлен следующий: от кабардинцев вошло 7, осетин—8, казаков—10, балкарцев—2, иногородных—14, чеченцев—14, ингушей—8, кумыков—1, железнодорожников—2, почтово-телеграф.—1. К группе иногородных при выборах присоединен социалистический блок.

18-го марта с'езд постановил переехать из Пятигорска во Владикавказ. Организовавшиеся во Владикавказе офицерские сотни, во главе с Беликовым и Кибировым, пытаясь возродить Терско-Дагестанское Правительство, заняли вокзал, предполагая врасплох напасть на С'езд. Однако, рабочие Курской слободки гор. Владикавказа после суточного боя разгромили офицерство и с'езд благополучно переселился во Владикавказ. Остатки Терско-Дагестанского „прави-

тельства" (кн. Алхазов-министр внутренних дел) в своей декларации заявили о сложении с себя власти и передачи ее Национальным Советам. Впрочем эта авантюра не перешагнула через себя.

В Кабарде 21-го марта открылся первый Народный Съезд представителей трудящихся Кабарды и Балкарии. В Нальчике были разоружены все белогвардейские офицерские отряды.

Что касается Ингушетии и Чечни, то здесь народные массы лишь начали пробуждаться, но и среди них Советская власть нашла впоследствии многих „мюридов революции“, и первым из них был чеченец-большевик Асланбек Шерипов.

В революционном центре Осетии с. Христиановском руководство переходит к керменистам, организуется народная милиция, а впоследствии Совет Обороны, в который входит С. А. Такоев, Гостиев, Уруймагов и М. К. Гарданов.

Октябрь не скоро докатился до горской бедноты, слишком много препятствий стояло на пути русского пролетариата к союзу с горским пастухом и земледельцем.

В то время, как Терский Народный Совет переехал во Владикавказ, где скрещивались интересы горских национальностей, в Пятигорске, под охраной Ревштаба, организуется первый большевистский совет, к которому переходит власть. С 1-го по 6-е марта 1918 г., создав предварительно вооруженную силу, пятигорские большевики, во главе с Анджиевским, вели агитацию за перевыборы Совета. 6-го марта на первом заседании Совета Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов, исполком на две трети оказался большевистским и председателем был избран Анджиевский.

Горские националисты не пожелали признать себя банкротом. Бежав в Дагестан, Горское Правительство впоследствии служило помехом и туркам, и англичанам.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	<i>Стр.</i>
Колонизация Сев.-Кав. Края и экономическая характеристика	3
Аграрный вопрос и казачество	17
Положение иногородного населения	39
Национальный вопрос	52
Генеральная репетиция	72
Февральская революция	109
Октябрьская революция	140

СЕВЕРО-КАВКАЗСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
„СЕВКАВКНИГА“

ПРАВЛЕНИЕ — Ростов н-Д., ул. Энгельса, № 98.

Сборники материалов
по вопросам борьбы оппозиции
с партией.

Вып. I (в продаже).

СОДЕРЖАНИЕ:

Стабилизация капитализма и военная опасность.
Вопросы китайской революции и оппозиция.
Англо-русский комитет и оппозиция.
Вопросы партстроительства.

268 стр., ц. 1 р. 10 к.

Вып. II (в продаже).

СОДЕРЖАНИЕ:

Строительство социализма в одной стране.
Хозяйственное строительство и оппозиция.
Советское строительство и оппозиция.

244 стр., ц. 1 р.

Вып. III (в печати).

СОДЕРЖАНИЕ:

Рабочий вопрос и оппозиция.

Выйдет из печати в середине ноября.

Следующие выпуски IV и V выйдут из печати в ноябре.

ОТДЕЛЕНИЯ:

Краснодар, Новороссийск, Майкоп, Ейск, Новочеркасск, Миллерово, Нахичевань, Туапсе, Геленджик и др.

СЕВЕРО-КАВКАЗСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
„СЕВКАВКНИГА“

ПРАВЛЕНИЕ — Ростов н-Д., ул. Энгельса, № 98.

Литература
к 10-й годовщине Октября.

БОРЬЯН —

В борьбе за Октябрь 15 к.

ДЕЛЛЕРТ —

Дон в огне 15 к.

ДОБРОВОЛЬСКИЙ —

Куды вела Кубаньска Рада казаків . . . 40 к.

ЛИМАНСКИЙ —

Заложники у белых 15 к.

ЯКОВЛЕВ —

Так было 15 к.

ЯНЧЕВСКИЙ —

Гражданская борьба на Северном Кавказе,
т. I и II —

ОТДЕЛЕНИЯ:

Краснодар, Новороссийск, Майкоп, Ейск, Новочеркасск, Миллерово, Нахичевань, Туапсе, Геленджик и др.

Цена 2 руб.

СКЛАД ИЗДАНИЯ
Ростов-Дон, ул. Ф. Энгельса, № 90.